

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений
НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

ВЫПУСК 2

Саратов
Издательство Саратовского университета
2010

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред.
И90 А.В. Гладышева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. – Вып. 2. – 272 с.
ISSN 2218-5488

Во втором выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах представлены вопросы конструирования исторической памяти, взаимодействия властных практик и массового сознания, исследования мест памяти, конкретных проблем истории повседневности, категорий времени в университетской культуре, образов исторических событий в художественной литературе, живописи, кинематографе, а также биографики. Публикуются письма Н.К. Пиксанова к С.Ф. Платонову.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук,
проф. *Е.А. Вишленкова*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
канд. ист. наук, доц. *Д.Е. Луконин* (зам. отв. редактора), канд. ист. наук,
доц. *В.А. Соломонов* (отв. секретарь), д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов*

Рецензент

Доктор исторических наук, профессор А.Н. Донин

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

История, власть и массовое сознание	
<i>Шистеров М.В.</i> (Екатеринбург, Россия). Россия и Урал на ментальных картах Наполеона	5
<i>Гладышев А.В.</i> (Саратов, Россия) Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция.....	30
<i>Стародубова О.Ю.</i> (Магнитогорск, Россия). Образ русских генералов, участников Брусиловского прорыва: к вопросу деформации исторической памяти	61
<i>Цихорацкий П.</i> (Вроцлав, Польша) Легенда Юзефа Пилсудского в польском обществе межвоенного периода (1918–1939 годы) (пер. с польск. И.К. Кима)	87
<i>Касович А.А.</i> (Саратов) Символика Грюнвальдских мечей в исторической памяти польского народа (К 600-летию сражения)	99
От политики забвения к политике памяти	
<i>Васильченко М.А., Галямичев А.Н.</i> (Саратов, Россия) Преодолевая столетия (Воинские традиции гуситов в Чехо-Словацком корпусе)	103
<i>Вишленкова Е.А.</i> (Москва, Россия) «Всё здесь делается намеренно медленно...»: категории времени в университетской культуре XIX века.....	109
<i>Тотфалушин В.П.</i> (Саратов, Россия) Саратов в воспоминаниях военнопленных 1812 года.....	133
<i>Маркс Б.П.</i> (Лодзь, Польша). Места памяти советских солдат погибших в годы Второй мировой войны на территории Лодзи и её окрестностей (пер. с польск. И.К. Кима)	148
<i>Шаталова О.Ф.</i> (Минск, Беларусь). «Непреодолённое прошлое»: войны и катастрофы как «места памяти» белорусских крестьян	162

Майорова А.С. (Саратов, Россия) Память и забвение:
изменение восприятия «сильных мира сего»
в ближайшем поколении 176

**Образы исторических событий в художественной литературе,
живописи, кинематографе.**

Ожегова О.А., Посадский А.В. (Саратов, Россия). Киносимволы
Гражданской войны: море любви и пески ненависти 196

Биографика

Арутюнян А.Ж. (Ереван, Армения). Историческая память
и языческие божества в творчестве Мовсеса Хоренаци..... 206

Луконин Д.Е. (Саратов, Россия) Повседневная жизнь беляевского
кружка в первой половине 90-х годов XIX века (по воспоминаниям
участников) 214

Публикации

Соломонов В.А. (Саратов, Россия). Письма Н.К. Пиксанова
С.Ф. Платонову 1908–1927 годов 235

Обзоры и рецензии

Троицкий Н.А. (Саратов) «Он пёр как танк» (о книге
Алексея Щербакова «Наполеон») 261

Сведения об авторах 267

Список аббревиатур и сокращений 269

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 94(47)072.5+929Наполеон

РОССИЯ И УРАЛ НА МЕНТАЛЬНЫХ КАРТАХ НАПОЛЕОНА

М.В. Шистеров

Уральский государственный педагогический университет,
кафедра всеобщей истории
E-mail: mshisterov@rambler.ru

В предлагаемой работе Отечественная война 1812 г. рассматривается сквозь призму геостратегических планов Наполеона. Автор делает попытку прояснить место России и Уральского региона на «ментальных картах» императора французов, выявить характерные ожидания и представления французов, проследить процесс трансформации образов России под влиянием военного поражения «Великой Армии» в 1812 году.

Ключевые слова: Наполеон, Русская кампания, геостратегия, ментальные карты, геополитика, «индийские проекты», Урал, географический образ, фронтирное пространство.

RUSSIA AND URAL ON NAPOLEON'S MENTAL MAPS

M.V. Shisterov

This article contains the analysis of the Russian Patriotic war of 1812. Much prominence is given by this work to geostrategic plans. The author tries to detect a Russia's place and Ural's place on Napoleon's mental maps. Also the author makes attempt to investigate process of transformation of an image of Russia under influence of military defeat of the Napoleon's Grand Army in 1812.

Key words: Napoleon, Russian Patriotic war of 1812, grand-strategy, mental maps, geopolitics, Napoleon's Indian projects, Ural, geographical image, frontier space.

Обращение в отечественной исторической науке к тематике «ментальных карт» («mental map») пока не находит широкого применения. Несмотря на то, что методологические основы нового направления, за-

ложенные Э. Саидом и Л. Вульфom¹, встретили позитивный отклик среди историков и подтверждаются заметными достижениями в области современной гуманитарной географии², они по-прежнему находят слабое отражение в глубоких собственно исторических исследованиях. Между тем, как показывает пример украинского историка-«наполеоноведа» В. Ададурова³, успешное соединение перспективной, открывающей новые аспекты исторического познания методологии с основательной документальной базой, способно дать значительный результат. Весьма своевременное появление фундаментальной работы В. Ададурова не только подтверждает плодотворность использования моделей и методов «воображаемой географии» в конкретно-историческом исследовании, но также указывает направление дальнейших научных поисков тех проблем отечественного «наполеоноведения», которые в рамках традиционной методологии уже в достаточной степени изучены или, напротив, не могут быть изучены в принципе. Исследование целей, задач и планов «Русской кампании» Наполеона, а также проектов «послевоенного» переустройства Восточной Европы в настоящее время вряд ли может быть плодотворным без обращения к «воображению» великого императора. Еще более остро необходимость новой методологии ощущается при исследовании проблем восприятия и трансформации образа России в представлении Наполеона (в том числе под влиянием военного поражения 1812 г.), а также в рамках общих «культурных представлений» западноевропейцев начала XIX века.

Эпоха Просвещения в Европе была временем интеллектуального поиска и философского «изобретательства», результатом чего стала, в частности, культурная концепция «Восточной Европы»⁴. Образно-географическая карта Европы была переформатирована таким образом, чтобы соответствовать предъявляемым потребностям и задачам «нового типа философствования»⁵, детерминированного в свою очередь определенным уровнем развития экономи-

¹ См.: *Said, E.W. Orientalism. N.Y., 1979* (Рус. пер.: Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока, пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2006); *Wolff, L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994* (Рус. пер.: Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения, пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003).

² См. напр.: *Замятин, Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.*

³ *Ададуров, В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007.*

⁴ См. об этом: *Вульф, Л. Указ. соч.*

⁵ См.: *Фуко, М. Что такое Просвещение // Вестн. МГУ. 1999. Сер. 9. № 2. С. 45.*

ческих и политических отношений в Западной Европе. Однако в соответствии с принципом бинарной оппозиции для успешной самоидентификации необходим «конституирующий Другой», в роли которого для Европы устойчиво выступала «Азия» (Восток)⁶. Новая, предложенная просветителями модель взаимодействия с «Другим» состояла в том, чтобы через взаимодействие в определённой сфере, включить чужие культурные ареалы в свой культурный кругозор, адаптировать «чужое» к «своему»⁷. Заменяя культурологический язык образно-географическим, можно сказать, что происходил процесс «вписывания» образа чужой культуры (в том числе географического) в систему собственных геокультурных, геоэкономических и геополитических представлений, а также поиска подходящего места для такого образа в рамках «своей» воображаемой карты. Объектом подобного «интеллектуального изобретательства» со стороны западноевропейцев была, безусловно, и Россия, которая начиная с XVIII в. стала важным структурным элементом создаваемого концепта Восточной Европы⁸. С этого времени отличительными чертами геополитического и геокультурного образа России становятся выраженная фронтирность и амбивалентность⁹. Россия оказывается на периферии ментальной карты Европы (в некоторых интерпретациях вовсе выпадает из неё), закрепив за собой роль «пограничной» (фронтирной) империи, окраины «цивилизованного мира»¹⁰. Амбивалентность геокультурного образа России проявилась в виде

⁶ Л. Вульф, ориентируясь на Э. Саида, сделал вывод о «недо-ориентализации» концепта Восточной Европы, «изобретению концепции «Востока», только в более мягкой форме» (см.: *Вульф, Л.* Указ. соч. С. 39).

⁷ *Шайдрова, А.В.* Постигание другой культуры европейским Просвещением XVIII века: Россия и Китай: автореф. дис... канд. культурологии. Саранск, 2006. С. 5.

⁸ Точка зрения Л. Вульфа о переориентировании вектора «воображаемой географии» Европы с оппозиции «Юг–Север» на оппозицию «Запад–Восток» в XVIII в., под влиянием идей Просвещения, выглядит обоснованной, но, возможно, более обоснован взгляд на вторую половину XVIII – первую половину XIX в. как на «переходный этап» в процессе смещения образно-географической оси Европы (*Миллер, А.* Предисловие // *Вульф, Л.* Указ. соч. С. 6–7). Во всяком случае, для интеллектуалов первой половины XIX в. противопоставление «Юг–Север» оставалось, безусловно, значимым (*Мильчина, В.* Жермена де Сталь и ее «философическая география» // *Сталь Ж.,* де. Десять лет в изгнании: пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2003. С. 23, примеч. 1).

⁹ Подр. см.: *Замятин, Д.Н.* Стратегии интерпретации историко-географических образов России // *ОЗ.* 2002. № 6.

¹⁰ Показательно, что Д.Н. Замятин, говоря о восприятии России как «фронтирной страны Европы», указывает на схожесть образов России и Испании: «Очень важно отметить, что Россия воспринималась и воспринимается во многом как маргинальная, пограничная, фронтирная страна Европы, во многом схожая, например, с Испанией – прежде всего, конечно, на историко-культурных основаниях» (Там же).

своеобразного «двуликого Януса»: одновременное существование в ментальном пространстве западноевропейцев России-как-Азии и России-как-Европы. Иными словами, Россия стала восприниматься как место на карте, где Европа и Азия (Запад и Восток) сходятся и накладываются друг на друга. В этом контексте вторжение «Великой Армии» Наполеона в Россию в 1812 г. может быть истолковано как попытка «освоения» новых политико-географических и культурно-исторических границ Европы. Война с Россией должна была не только способствовать расширению политического и культурного влияния «объединенной» Наполеоном Западной Европы, но отражала также стремление к расширению и наполнению самого понятия «Европы» новыми политическими, культурными и географическими смыслами. Вероятно, прав американский историк и культуролог Л. Вульф, когда он делает вывод о том, что «изобретая Восточную Европу», эпоха Просвещения создавала «культурный контекст для амбициозных проектов» проникновения в Восточную Европу и овладения ею¹¹. Собственно с геополитической точки зрения поход Наполеона в Россию и был попыткой такого «овладения».

Ключевой вопрос о том, какие цели и задачи военно-стратегического и политического плана ставил Наполеон в войне с Россией, изучается уже очень давно (едва ли не с 1812 года), но до сих пор не имеет однозначного ответа. Главной причиной этого, на наш взгляд, является проблема самой личности Наполеона (импульсивной, творческой, увлекающейся, склонной к инсайдам и «гениальным прозрениям», а потому непоследовательной и противоречивой) и его особого положения Императора-Полководца, которое позволяло Наполеону все важнейшие решения принимать самостоятельно, без «консультаций» с окружением и необходимости фиксировать принятые решения на бумаге. Справедливой выглядит точка зрения известного отечественного историка В.М. Безотосного: «Каждый раз, начиная военные действия, Наполеон не связывал руководство войсками с заранее распланированным в мелочах планом, основанным на географических математических расчетах <...> Операционный план действий фактически оформлялся в последний момент и легко менялся в зависимости от обстоятельств»¹². Значит ли это, что конкретный план верстался под определенные политические, либо геополитические задачи?

Отсутствие соответствующих документов заставляет историков искать иные пути реконструкции предвоенных замыслов Наполео-

¹¹ Вульф, Л. Указ. соч. С. 524.

¹² Безотосный, В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 72.

на. Однако попытка решить эту задачу, исходя из предвоенной дислокации «Великой Армии» и опираясь на данные штабной переписки, плодотворна лишь при выяснении тактических задумок Наполеона, но не в состоянии ответить на вопрос о стратегических целях Русской кампании. Распространенной является точка зрения, что Наполеон не преследовал в ходе Русской кампании иных целей, кроме «сугубо политических»: «целью Наполеона было принудить Александра I строго соблюдать условия Континентальной блокады. В зависимости от масштабов своей победы и от результатов переговоров находились судьбы Польши и Литвы. Наполеон мог отторгнуть у России некоторые земли бывшей Речи Посполитой, но завоевывать всю огромную территорию Российской империи или посягать на православную веру он, конечно, не собирался»¹³. Вместе с тем, в исторической литературе неоднократно высказывались обоснованные сомнения относительно того, что стратегический план Русской кампании Наполеона был столь беден «геополитическими смыслами». Тем более что сам император, по свидетельствам современников, много и охотно говорил о смелых перспективах похода в Россию.

Наиболее рельефно выступает геостратегический замысел Русской кампании как нанесения «непрямого удара» по позициям Великобритании. Общие очертания этот замысел приобрел уже в марте 1810 г. в секретном докладе, представленном Наполеону министром иностранных дел Ж.-Б. Шампаньи, где Россия рассматривалась как «естественный союзник Англии» и главный противник Франции «на Севере и Востоке Европы»¹⁴. Вывод из этих соображений напрашивался вполне определенный: война с Россией неизбежна; вопрос лишь в том, когда и какой конфигурации она начнется. Несмотря на то, что сам Шампаньи вскоре будет отправлен в отставку, общие соображения геополитического свойства, выраженные в его докладе, соответствовали представлениям и образу мыслей Наполеона. Летом 1811 г., когда подготовка к войне с Россией уже шла, в беседе с бывшим французским послом в С.-Петербурге А.О.Л. Коленкуром император достаточно четко и ёмко сформулировал ключевую стратегическую задачу: «Для того чтобы мир был возможным и прочным, нужно, чтобы Англия убедилась, что она не найдет больше пособников на континенте. Нужно, следовательно, чтобы русский колосс и его орды не могли больше угрожать югу вторжением»¹⁵. Цель войны, в передаче Коленкура, определялась

¹³ Попов, А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 46.

¹⁴ Шильдер, Н.К. Император Александр I: в 4 т. СПб., 1897. Т. 3. С. 472, 474–475.

¹⁵ Коленкур, А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию: пер. с фр. М., 2002. С. 69.

Наполеоном следующим образом: «Необходимо нанести удар Англии в лице единственной решающей державы, еще остающейся на континенте и могущей причинить беспокойство, присоединившись к Англии»; «...будет полезно отстранить русских от европейских дел и создать в центре государство, которое было бы барьером против нашествий северной державы...»¹⁶. Таким образом, цели, которые ставились французским императором перед походом в Россию, отнюдь не ограничивались насущными «сугубо политическими» проблемами, но лежали в плоскости геополитической («непрямой удар» по Англии, создание на границе Европы «буферного» государства или государств). Развивая свою мысль, Наполеон 16 августа 1811 г. в беседе с новым министром иностранных дел Ю.Б. Маре высказался в том смысле, что возможное усиление России подготовило бы такой «порядок вещей, который поставил бы под угрозу все господство Юга, и о котором вся Европа с ужасом всегда думала, и который, быть может, установится на глазах подрастающего поколения»¹⁷. В этом пассаже интересно то, что геополитические цели здесь смыкаются с геокультурными задачами «вытеснения» России за границы Европы, и это «вытеснение» на ментальной карте Наполеона уже произошло («...вся Европа с ужасом всегда думала...»). Та же мысль – о недопустимости влияния России на европейские дела в силу (гео)культурной (сегодня многие сказали бы – цивилизационной) чуждости русских Европе – читается в переданных Коленкуром «предвоенных» словах Наполеона, высказывающего возмущение тем фактом, что у России есть какая-то своя позиция в отношении «европейских дел»: «Какое дело до них России, находящейся на краю света?»; и добавляет, что сам он (с позиции правителя Европы) не мешает «ему» (Александру I, как правителю не-Европы) «округлять свои владения в Азии»¹⁸. Много позже, в ссылке на острове Св. Елены, Наполеон разовьет тему «русского варварства», как явления культурно глубоко чуждого цивилизованной Европе, противостоящего ей.

Показательно, что уже первые попытки французского императора осмыслить (в санях с Коленкуром) причины катастрофически закончившейся кампании 1812 г. указывали вектор его дальнейших поисков. Много в ходе Русской кампании представлялось ему тогда

¹⁶ Коленкур, А. Указ. соч. С. 85.

¹⁷ Вандаль, А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи: в 4 т. Ростов н/Д, 1995. Т. 4. С. 221. Здесь важно обратить внимание на то, что на «ментальной карте» французского императора еще нет «Восточной Европы», а оппозиции «цивилизация – варварство» соответствует ось «Юг–Север».

¹⁸ Коленкур, А. Указ. соч. С. 76.

нелогичным: «Сожжение русских городов <...> в том числе пожар Москвы – это бессмыслица. Зачем было поджигать, если он (Александр I. – М.Ш.) возлагал столько надежд на зиму. Есть армия и есть солдаты для того, чтобы драться. Нелепо расходовать столько денег и не пользоваться ими. Не следует -с самого начала причинять себе больше зла, чем мог бы причинить вам неприятель, если бы он вас побил. Отступление Кутузова – это верх бездарности. Нас убила зима. Мы – жертвы климата. Хорошая погода меня обманула. Если бы я выступил из Москвы на две недели раньше, то моя армия была бы в Витебске и я смеялся бы над русскими и над вашим пророком Александром, а он жалел бы о том, что не вступил в переговоры. Все наши бедствия объясняются этими двумя неделями... Если бы хотели завлечь нас внутрь страны, то надо было начинать с отступления и не подвергать риску корпус Багратиона... Не надо было тратить столько денег на постройку картонных домиков на Двине. Не надо было сосредотачивать столько складов. Русские жили изо дня в день, без определенных планов. Они ни разу не сумели дать сражения вовремя...»¹⁹. Наполеон видит причины проигранной кампании либо во вмешательстве стихийных факторов («Хорошая погода меня обманула», «Нас убила зима»), либо в собственных ошибках («Если бы я выступил из Москвы на две недели раньше...»), либо в неудачном стечении обстоятельств («Все способствовало моим неудачам»), но не в действиях русских, которые, по его мнению, все делали неправильно («бессмысленное» сожжение городов; «нелепая» трата денег на содержание армии, которая не используется; «нерациональное» ведение войны, с большим ущербом для страны, чем может причинить неприятель; «бездарные» действия командования; «отсутствие» планов ведения боевых действий и т. д.). Система комплектования русских войск и их готовность к войне в 1812 г. также были оценены Наполеоном крайне низко: «Расстояния, привычки, оппозиция дворянства против рекрутских наборов, хищения плохо оплачиваемых начальников, которые прикарманивают солдатское жалованье и пайки <...> все препятствует укомплектованию русской армии. В течение трех лет шла безостановочная работа над ее укомплектованием, а в результате всего этого под ружьем оказалось наполовину меньше людей, чем думали до боев»²⁰. Даже похвалу Наполеона в адрес казаков в данном контексте, по-видимому, следует рассматриваться как подчеркивание специфического (неевропейского) характера русской «варваризованной» армии и способа

¹⁹ Коленкур, А. Указ. соч. С. 425–426.

²⁰ Там же. С. 428.

ведения войны: «Надо отдать справедливость казакам: именно им обязаны русские своими успехами в этой кампании»²¹. Таким образом, Наполеон не только оправдывал свои действия (в общем и целом правильные), но и явно указывал на «варварский» характер противника (которого он бил «во всех сражениях, даже при переходе через Березину»²²), заключающийся в «нецивилизованных» способах организации и ведения войны. Судя по всему, Наполеон намеревался вести войну с неевропейской («варварской») державой, на ее неевропейской («варварской») территории, по европейским («цивилизованным») правилам и потому оказался совершенно не готов к тому, что русские начнут эти правила нарушать. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что до войны и в ходе войны образ России и русских в представлении Наполеона характеризовался амбивалентностью, где «цивилизованность» и «варварство» были как бы двумя сторонами одной медали, парадоксальным образом сочетаясь в нечто нерасчленимое («До сих пор, если не считать того, что Александр сжигает свои города, чтобы мы не жили в них, мы вели друг против друга довольно добросовестную войну»²³), когда в зависимости от ситуации он мог свободно выбирать считать ли русских варварами, либо представителями европейской цивилизации. Амбивалентность представлений Наполеона о России прослеживается даже в его суждениях о российском климате, который еще в Москве казался императору французов почти таким же «как во Франции» («в Москве осень лучше и даже теплее, чем в Фонтенбло»), однако затем «внезапно наступили чрезмерные холода» («Погода меня обманула»)²⁴. Но уже в 1813–1814 гг. (надо думать, под влиянием «не по правилам» проигранной кампании) образ русских в воображении императора заметно «варваризируется». В феврале 1813 г. выступая перед Законодательным корпусом, Наполеон призвал сплотиться вокруг общеевропейского дела – борьбы с вторжением «татар»²⁵. Эту мысль император впоследствии развил в прокламации к армии от 13 мая 1813 г.: «В ходе прежней кампании [1812 г. – М.Ш.] враг не считал нужным в борьбе против наших армий отказаться от тех диких методов, которые использовали его предки: армии татар сжигали своих же товарищей, свои города, саму Святую Москву. Сегодня они идут в наши страны, прежде всего в Германию, Францию и Италию

²¹ Коленкур, А. Указ. соч. С. 428.

²² Там же. С. 473.

²³ Там же. С. 286.

²⁴ Там же. С. 246.

²⁵ *Napoléon, I. Oeuvres de Napoléon. P., 1827. T. 5. P. 90–91.*

<...> чтобы проповедовать мятеж, анархию, гражданскую войну, убийство; они выступают апостолами всяческих преступлений». Завершалась прокламация похвалой в адрес солдат «общевропейского дела»: «Мы отбросили этих татар в их ужасный климат, из которого они не смогут выбраться. Пусть они остаются в своих ледовых пустынях, останутся в рабстве, в варварстве и коррупции, где человек низводится до животного! Вы заслужили похвалу цивилизованной Европы. Солдаты! Италия, Франция, Германия воздают должное вашим действиям»²⁶. Таким образом, уже в 1813 г. в представлении Наполеона конфликт с Россией перерастает из войны «с сугубо политическими целями» в бескомпромиссную борьбу «цивилизации» с «варварством»; борьбу «свободной» Европы с культурно чуждой ей азиатской структурой («рабство», «варварство», «коррупция»); почти эсхатологическую борьбу добра («цивилизованной Европы») со злом («апостолами всяческих преступлений»).

Окончательно концепция «общевропейской» войны с Россией в 1812 г. была «доработана» Наполеоном на острове Святой Елены. Теперь у опального императора уже не было никаких сомнений в «варварской» природе русских, которые «не имеют чувства родины», ибо не следует смешивать простое предпочтение природных условий, в которых рожден человек (характерно для «русских-варваров»), с осознанием преимущества своего образа жизни и общественной организации (характерно для «просвещенного европейца»), что, по мнению Наполеона, и есть основа подлинной любви к отечеству²⁷. Указывая на «нищету» русских, Наполеон отмечает этот факт как условие, создающее для России «необходимость завоеваний, продвижения вперед»²⁸. Этот тезис не только успешно «объясняет» «естественную агрессивность» России, но и в известном смысле снимает с самого Наполеона обвинения в развязывании войны в 1812 г., так как придает его действиям характер «превентивного удара». Для большей убедительности Наполеон предлагает собственную геополитическую концепцию, согласно которой все народы делятся на «океанические» и «восточные»; причем, если западноевропейцы (французы, англичане, итальянцы и др.) относятся к народам «океаническим»²⁹, то русские (в силу «слабо цивилизованного пространства» и «варварского населения») – к народам

²⁶ Correspondance de Napoléon I. P., 1868. T. 25. P. 262–263.

²⁷ O'Méara. Napoléon dans l'exil // Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène. P., 1823. T. 2. P. 639.

²⁸ Ibid.

²⁹ Las Cases, A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène. P., 1823. T. 2. P. 257.

«восточной фамилии»³⁰. Попытка Петра Великого «цивилизовать» русских окончилась неудачей, им так и не удалось «войти в европейское общество»³¹. В апреле 1816 г., возвращаясь к событиям Русской кампании, Наполеон говорил будущему автору знаменитого «Мемориала» О.-Э.-Д.-М. Лас Казу: «Я шел на Россию во главе всей остальной Европы. Начинание было популярным, дело было европейским. Это было последнее усилие, которое Франции оставалось сделать; предназначением этого усилия была новая европейская система, которая стала бы концом борьбы. Россия была последним ресурсом Англии. Всеобщий мир был в России и успех, без сомнения, был обеспечен»³². Эти слова Наполеона, пожалуй, наиболее рельефно подчеркивают стратегические цели Русской кампании: геополитические («Россия была последним ресурсом Англии») и геокультурные («новая европейская система»). Интересно, что опальный император не упомянул здесь о геоэкономических целях кампании (восстановление Континентальной блокады). В августе 1816 г. Наполеон утверждал, что успешное завершение войны с Россией стало бы «концом опасностей и началом безопасности», открыло бы «новый горизонт», «время полного благополучия и процветания всех»³³. Основой такого процветания должен был стать созданный Наполеоном европейский союз. Рассуждая о несостоявшемся объединении Европы, Наполеон в октябре 1816 г. вновь возвращается к Русской кампании: «В результате многих предшествующих событий, эта война из войн новейших времен была наиболее популярной: это была война здравого смысла и подлинных интересов, война ради покоя и безопасности всех; она была исключительно ради мира и сохранения достигнутого – все было ради европейскости и континентализма. Ее успех был бы использован ради создания баланса [интересов], новых комбинаций, которые бы уничтожили опасности того времени, дабы сменить их будущим спокойствием...»³⁴. В завершение этой тирады несостоявшийся создатель «объединенной Европы» рассказывает о планах объединения религий, искусств, коммерции и создания общеевропейских средств коммуникации³⁵. Однако удивительнее всего то, что, по словам На-

³⁰ *Las Cases, A.-E.-D.-M. Op. cit. T. 2. P. 165.*

³¹ *Ibid. P. 141.*

³² *Ibid. P. 472.*

³³ *Ibid. P. 144.*

³⁴ *Ibid. P. 339.*

³⁵ *Ibid. P. 145.* Между тем вопреки известному мнению (См. напр.: Тюлар, Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М., 1997. С. 170–171) со схожими идеями Наполеон выступал и ранее. Например, в 1811 г. в беседе с Ж. Фуше он говорил:

полеона, успех его проекта «объединенной Европы», означал бы «процветание» и для побежденной России³⁶. Последнее утверждение опального императора, по замечанию В.Н. Земцова, «выглядит несколько странным», так как, во-первых, оно «выбивается» из общих рассуждений Наполеона о России, и, во-вторых, «сам ход событий говорил явно об обратном: Россия должна была быть исключена из европейской системы, возникавшей под эгидой Франции»³⁷. Действительно, выглядит крайне сомнительным вариант, при котором Россия могла бы стать элементом создаваемой (или планируемой) Наполеоном геополитической и геокультурной конструкции «объединенной Европы», даже на правах «младшего партнера». Впрочем, не исключено, что император имел в виду не прямое «включение» России в «европейскую систему», но лишь «цивилизующее» влияние «объединенной Европы» на русское «слабо цивилизованное пространство». Таким образом, в окончательном варианте концепция войны с Россией предполагала наличие двух основных моментов, которые ранее нами были условно обозначены как «геополитический» и «геокультурный» аспекты стратегического планирования. Суть их вкратце сводилась к тому, чтобы нанести скользящий удар по Англии, лишив ее последнего «континентального ресурса», и подготовить условия для реализации проекта создания «объединенной Европы» вокруг Франции. Цели эти были в «сыром» виде поставлены Наполеоном накануне похода в Россию и в значительной степени определили характер кампании, ее оперативный и тактический рисунок. Сомнительно, чтобы одна из этих целей выделялась в качестве приоритетной, хотя бы потому, что их практическая реализация достигалась одними и теми же средствами – через военный разгром России. Впрочем, стратегическое планирование Наполеона на этом не заканчивалось: второй фазой общей геополитической задачи нанесения «смертельного» удара по

«Нам нужно единое европейское законодательство, единая кассационная палата Европы, единая монета, одинаковые меры веса и длины, одни и те же законы» (Цит. по: *Молок, А.И.* Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Учен. зап. ЛГУ. 1938. Т. 4. № 19. С. 60).

³⁶ *Las Cases, A.-E.-D.-M.* Op. cit. Т. 2. Р. 145.

³⁷ *Земцов, В.Н.* Наполеон о войне с Россией в 1812 году // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. III: сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. М., 2004. С. 306; *Он же.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 139–140. О проектах создания «европейской конфедерации» и планах обустройства Восточной Европы см.: *Ададуров, В.* Указ. соч. С. 280–291.

позициям Великобритании в мире после «выведения из игры» России должно было стать завоевание Индии.

«Индийские проекты» Наполеона недостаточно исследованы в отечественной историографии³⁸. Между тем их наличие в планах императора не вызывает сомнений и, безусловно, придает стратегии Наполеона не только «размах» и «восточный колорит», но и выраженное геополитическое измерение. Завоевание Британской Индии (окончательно потерянной французами по итогам Семилетней войны) в корне изменило бы геополитический расклад сил в мире, что прекрасно осознавалось императором французов. Однако практическое осуществление «индийского похода» неизбежно наталкивалось на ряд трудностей (едва ли в полной мере преодолимых), среди которых назовем хотя бы отсутствие удовлетворительных карт и разведанных путей, слабое «дипломатическое прикрытие»³⁹ и слабое знание местности, а также отсутствие опыта взаимодействия с коренным населением территорий, через которые следовало пройти. Вряд ли серьезность всех этих (и многих других) конкретных препятствий полностью осознавалась Наполеоном, тем более что возможность военной экспедиции в Индию через территории Турции, Ирана и Средней Азии не исключалась даже и в английских политических кругах, где планы императора французов вызвали серьезную озабоченность и беспокойство⁴⁰.

Между тем большое значение при разработке вариантов «индийского проекта» Наполеон придавал позиции России. Еще, будучи первым консулом, Бонапарт активно пропагандировал российскому императору Павлу I идею совместного франко-русского похода в Индию, результатом чего стала известная экспедиция казаков войска Донского, в 1801 г. выступивших из района Оренбурга на завоевание Средней Азии. План «индийского похода», переправленный через генерала Ж.К. Дюрока первым консулом российскому императору и получивший одобрение Павла I, предполагал создание на паритетных началах союзного франко-русского корпуса численностью в 70 тыс. человек (включая 10 тыс. казаков), перед которым ставилась задача за 120–130 дней достичь берегов Инда. План содержал на сей счет вполне конкретные предложения: «Планировалось, что французские части собе-

³⁸ См., напр.: *Безотосный, В.М.* Индийский проект Наполеона // Император. 2001. № 2. С. 2–8.

³⁹ В 1807 г. в Финкенштейне между Францией и Персией был подписан договор, согласно которому иранский шах соглашался на проход экспедиционного французского корпуса в Индию (*Безотосный, В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году... С. 81).

⁴⁰ Там же. С. 84.

рутся на Дунае, русский флот перебросит их в Таганрог, а оттуда по Дону они придут к Царицыну. Затем по Волге – в Астрахань, где к ним присоединятся русские войска. На это отводилось 80 дней. После чего объединённый экспедиционный корпус через Каспийское море должен попасть в персидский город Астрабад, двигаясь из которого он благополучно достигнет правого берега реки Инд. И на все эти действия давалось лишь 50 дней!»⁴¹. Однако скорая смерть российского императора в результате дворцового переворота поставила на первом варианте «индийского проекта» Наполеона крест. Между тем от своей цели он не отказался. В 1805 г. по агентурным каналам в Россию стекались сведения о замыслах французского императора «с помощью толпы своих агентов, козней и самых сильных средств добраться до английских колоний в Великой Индии. Это единственный способ поразить эту державу в самом источнике ее кредита и богатства и ударить на нее, так сказать с тылу»⁴². Очевидно, что в своей бескомпромиссной борьбе с Англией Наполеон все более склонялся к геополитической стратегии «непрямых ударов», искусно дополняя ее геоэкономическим подтекстом («поразить <...> в самом источнике ее кредита и богатства»). Предпринятые им в этом направлении действия (разведывательные миссии Ромье и Жобера, посольство в Иран генерала Ж.-М. Гардана) имели тем не менее ограниченный эффект. Это заставило Наполеона после Тильзита вновь прибегнуть к помощи России. В письме императору Александру I от 2 февраля 1808 г. он предлагает следующий план: «Если бы войско из 50 тыс. человек русских, французов, пожалуй, даже немного австрийцев, направилось через Константинополь в Азию и появилось бы на Евфрате, то оно заставило бы трепетать Англию и повергло бы ее к ногам материка»⁴³. Впрочем, «материковая» стратегия Наполеона не нашла поддержки у нового российского самодержца.

Постепенное ухудшение отношений с Россией, явно наметившееся уже в 1810 г., потребовало «корректировки» геостратегии Наполеона, что в свою очередь привело к реанимированию «индийского проекта», но в новой редакции: теперь его реализация ставилась в зависимость от успешного исхода войны с Россией. В беседе со своим генерал-адъютантом графом Л. Нарбонном, состоявшейся в апреле 1812 г., император обрисовал свои дальнейшие планы: «...чтобы добраться до Англии, нужно зайти в тыл Азии с одной из сторон Европы... Представьте себе, что Москва взята, Россия

⁴¹ Безотосный, В.М. Через Москву в Индию // ИГ. 2002. № 8.

⁴² Он же. Разведка и планы сторон в 1812 году... С. 80.

⁴³ Там же. С. 81.

сломлена, с царём заключён мир или же он пал жертвой дворцового заговора... и скажите мне, разве есть средство закрыть путь отправленной из Тифлиса великой французской армии и союзным войскам к Гангу; разве недостаточно прикосновения французской шпаги, чтобы во всей Индии обрушились подмостки торгашеского величия»⁴⁴. С этими словами Наполеона коррелирует должностная записка руководителя французской разведки в Герцогстве Варшавском Э. Биньона на имя министра иностранных дел Франции Маре от 14 апреля 1812 г. Ее автор был убежден в том, что огромные силы, собираемые для войны с Россией, предназначены для более масштабной цели, и что простое «ослабление России, ограничение этой державы границами старой Московии не станет достаточным вознаграждением за убытки чрезмерного передвижения». Сокрушив Россию, Наполеон, по мнению Биньона, сделает из русских сателлитов, а русская армия превратится в «послушный инструмент» и будет использована как «вспомогательная сила» для похода в Индию⁴⁵. Таким образом, стратегическая цель Русской кампании заключалась в том, чтобы в результате разгрома последнего «континентального ресурса» Англии подготовить почву для «индийского похода», к которому Россия «присоединится или добровольно, или вследствие законов победы» и, таким образом, «будет привлечена к великому движению, которое должно изменить лицо мира»⁴⁶. Особенностью стратегического планирования Наполеона, как видно, была не только склонность императора к геополитической «упаковке» стратегических планов (что в перспективе стало заслонять от него оперативную и тактическую составляющие, выработало пренебрежение к деталям), но и стремление «вписывать» самостоятельные (зачастую, очень масштабные) задачи в общую геополитическую «рамку», что заставляло искать «спасительное решение» в каком-нибудь «одном месте». В 1812 г. таким «местом» стала Россия. В зависимость от успеха Русской кампании напрямую были поставлены не только планы реализации «индийского проекта», а следовательно, и исход борьбы с Англией, но и судьба наполеоновской «объединенной Европы». На ментальной карте Наполеона образы России, Англии и Индии оказались тесно связанными единым геополитическим замыслом. Обратной стороной этого процесса неизбежно становилось то, что на планирование конкретной войны с Россией начали оказывать влияние (возможно, определяющее)

⁴⁴ *Безотосный, В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году... С. 81.

⁴⁵ Там же. С. 81–82.

⁴⁶ Там же. С. 82.

факторы, не имеющие к ней непосредственного отношения (произошло «раздвоение» оперативной мысли Полководца-Императора, преследующего расходящиеся цели). В конечном итоге не будет преувеличением сказать, что именно это стало одной из главных причин катастрофического провала Русской кампании.

Безусловно, политические факторы (нестабильная внутривнутриполитическая обстановка во Франции, незавершенная война в Испании, ненадежность Австрии и Пруссии, враждебность Англии), равно как и необходимость лично руководить войсками в России, требовали от Наполеона проведения «скоротечной войны». Быстрый успех снимал и ряд других трудностей чисто военного характера (прежде всего, решал проблему длительного обеспечения войск на обширной и малоизвестной территории с враждебно настроенным населением в условиях непривычного и непредсказуемого климата). Затягивание же Русской кампании, не подкрепленное убедительными результатами, серьезно осложняло положение французского императора, чего он не мог не понимать. Между тем характер кампании (необходимость вести войну на широком фронте с ограниченными ресурсами⁴⁷), как и особенности противника (представление о котором император имел вполне сносное), требовали от Наполеона учитывать вероятность «затяжной войны». То, что война с Россией не будет легкой, Наполеон понимал достаточно отчетливо. В марте 1812 г., когда вопрос о войне уже был окончательно решен, в беседе с архиканцлером Ж.-Р. Камбасересом, Наполеон признал, что задуманное «предприятие» потребует от него лично всех сил и военного таланта, чтобы рассчитывать на успех, который, вероятно, будет «по крайней мере делом двух кампаний». Он заявил, что отнюдь не собирается сразу «погрузиться в дикие равнины, которые, вероятно, еще и разорены», но в первую кампанию будет готовить плацдарм на линии Двина-Днепр, для того чтобы на второй-третий год войны нанести России «смертельный удар»⁴⁸. Схожий план (в несколько модифицированном варианте) Наполеон изложил в мае 1812 г. во время встречи в Дрездене австрийскому министру иностранных дел К. Меттерниху: «Победа достанется наиболее терпеливому. Я открою кампанию переходом через Неман. Я закончу ее в Смоленске и Минске. Там я остановлюсь. Я укреплю эти два пункта, сам же перезимую в Вильне, где будет размещена главная

⁴⁷ В. Ададулов указывает на это как на важнейший фактор, побудивший Наполеона отказаться от проектов М. Сокольниковского (см.: *Ададулов, В.* Указ. соч. С. 310).

⁴⁸ *Thiers, A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. T. 13. P. 458-460.

квартира; займусь реорганизацией Литвы, которая сгорает от нетерпения избавиться от российского ярма». Основные задачи на этом этапе виделись Наполеону в том, чтобы создать «естественный барьер» против России (линию укреплений, за которой будут расположены зимние квартиры «Великой Армии») и реорганизовать польскую армию. Ключевой вопрос обеспечения войск Наполеон рассчитывал разрешить за счет захваченных территорий. Если же русские не пойдут на мир сразу, то второй фазой войны должно было, по мысли французского императора, стать наступление «до центра [Российской] империи», которое будет «оплачено польской кровью» и вынудит царя подписать мир⁴⁹. Впрочем, в последние месяцы перед войной Наполеон изменил свою точку зрения, резко сократив сроки кампании. Так, в беседе с французским посланником в Варшаве аббатом Д. Прадтом он изложил также план однолетней кампании, заявив, что закончит войну «в одно или в два сражения»⁵⁰, а в письме к своей жене Марии-Луизе от 1 июня 1812 г. утверждал, что «через 3 месяца все будет закончено»⁵¹. Сложно сказать, что именно подвигло великого императора на то, чтобы в последний момент «ужать» войну, которая, как ему казалось еще совсем недавно, не может быть выиграна в одну кампанию. Вероятно, свою роль сыграли как причины политического характера, так и уверенность в собственных силах: ударная мощь «Великой Армии» действительно была колоссальной, но как опытный полководец Наполеон понимал, что со временем она будет неизменно снижаться. Сосредоточение «избыточных» сил для войны с Россией наводит на мысль, что Наполеон так до последнего момента и не решился окончательно, какой вариант военных действий выбрать, пытаясь действовать по плану «с несколькими вариантами». Последующие действия «Великой Армии» в значительной степени вытекали из складывающейся в конкретный момент оперативной обстановки и отражают скорее стремление Наполеона не растерять преимущества, чем последовательно реализовать какой-либо план.

Между тем отсутствие разработанного плана войны не означает, что Наполеон закрывал глаза на объективные трудности ведения войны в России, напротив, он тщательно к ней готовился. В 1980-е гг. Безотосным была предпринята попытка на основе французской лите-

⁴⁹ *Metternich. Mémoires, documents et écrits divers. P., 1880. T. 1. P. 121–122; Pradt, D. Histoire de l'ambassade dans le Grand duché de Varsovie en 1812. P., 1815. P. 153.*

⁵⁰ *Pradt, D. Op. cit. P. 57.*

⁵¹ Цит. по: *Безотосный, В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году... С. 79.*

ратуры и трофейных документов «Великой Армии», отложившихся в отечественных архивах, исследовать деятельность наполеоновской разведки в России накануне войны 1812 г. Им был сделан вывод о высокой степени активности французских осведомителей, сумевших собрать и обработать для политического и военного руководства Франции значительный объем информации (не всегда однако отличающейся высокой степенью достоверности) о военных возможностях России и состоянии дел в ее, преимущественно, западных губерниях⁵². Вместе с тем, шел сбор информации и более широкого плана, что, по мнению Безотосного, было связано с «индийским проектом» Наполеона. В частности, в 1811 г. в России действовала группа французских агентов (полковник А. Платтер, майор Пикорнель и топограф Крестковский), которые «под видом отставных офицеров» посетили Москву, а также девять центральных российских губерний, где собирали различные сведения стратегического характера. Впоследствии двое из них (Платтер и Пикорнель) продолжили путешествие, рассчитывая оказаться на Южном Урале (в Оренбурге), где, по мнению Безотосного, должны были разведать возможные пути в Индию⁵³. В 1813 г. на Южном Урале побывал еще один агент Наполеона А. Моретти, в вещах которого были обнаружены инструменты для съемки местности и план Оренбурга «с расположением полков»⁵⁴. Эти факты убедительно свидетельствуют, что Урал (прежде всего – Южный), где активно действовала французская стратегическая разведка, не был для Наполеона и политического руководства Первой империи совершенно неизвестным «пятном на карте».

Следует отметить, что во второй половине XVIII – начале XIX вв. географический образ Урала в представлении западноевропейцев претерпевает существенные изменения: он постепенно конституируется заново как «фронтирное пространство», как новая граница между Европой и Азией. До начала XVIII в. роль такой «границы» играла сама старая «Московия» (еще в 1716 г. французский «*Almanach Royal*» в списке европейских монархий называл Польшу, но не Россию / Московию, а уже на следующий год Россия / Московия была в этом списке), однако после преобразований Петра Великого географический образ России стал трансформироваться, приобретая выражено амбивалентный, «двуликий» характер. Россия теперь как бы сочетала в себе черты «европейскости» и «азиатскости», а значит граница Европы (и в куль-

⁵² *Безотосный, В.М.* Разведка Наполеона в России перед 1812 г. // *ВИ.* 1982. № 10. С. 86–94; *Он же.* Разведка и планы сторон в 1812 году... С. 72–85.

⁵³ *Он же.* Разведка и планы сторон в 1812 году... С. 80.

⁵⁴ Там же.

турном, и в географическом отношении) перемещалась «куда-то на восток». Исследователь истории формирования в европейской культуре образа Сибири М. Бассин, не без основания, считал, что новый культурно-географический образ Урала как «пограничья» между Европой и Азией (цивилизацией и варварством) был культурным механизмом, с помощью которого России искусственно был придан статус «настоящей» европейской державы с метрополией в Европе и с владениями в Азии⁵⁵. Причем этот процесс был обоюдосторонним, так как позволял западноевропейцам «вписать» Россию в «цивилизованный мир» на правах «дикой окраины Европы» (и избавиться тем самым от экзистенциального страха перед «варварским нашествием»), но в то же время соответствовал претензиям российского самодержавия на роль «просвещенной европейской монархии», отчетливо проявившимся в правление Екатерины II. Пытаясь оспорить тезис Бассина, Е. Рабинович указывает на то, что «Сибирь действительно начинается за Уралом. <...> Сибирь при Петре (и позже) не была Россией, там и законы были иные – например, там не было поместного землевладения, а значит, не было и крепостного права, так что процветшие при Петре стараниями все того же Татищева уральские заводы с их относительно высокой технологией, зато и с крепостными работниками оказались подлинным фронтиром новой европейской империи. Границей Сибири Урал был по крайней мере со времени завоевания Сибири, разделяя вполне реальную “метрополию” и столь же реальные “владения”, где имелось всё, чему положено быть в колониях: золотые прииски, каторга и ссылка, экзотические язычники, специфические законы и простор для личной инициативы вкупе с надеждой на обогащение – просто туда можно было добраться не только посуху (из Лиссабона в Гоа тоже можно добраться посуху), но и не пересекая при этом государственных границ, что никак не упраздняет реальности рубежа между метрополией и колонией»⁵⁶. Однако даже если принять не бесспорные доводы автора, возражения Рабинович относительно того, что Урал был вовсе не «искусственно сконструированной» европейцами границей, а вполне реальным фронтиром между европейской и азиатской Россией, сути дела, на наш взгляд, все равно не меняет. Именно с момента, когда в европейском сознании Уралу была приписана его новая культурная роль (роль «барьера цивилизации»), он «прорисовыва-

⁵⁵ Bassin, M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geography // *Slavic Review*. Spring, 1991. Vol. 50, № 1. P. 6; *Idem*. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 26. № 3, P. 767–769.

⁵⁶ Рабинович, Е. От Атлантики до Урала (к предыстории вопроса) // *НЛО*. 2001. № 52. С. 71–72.

ется» на европейских картах и «запечатлевается» в сознании (т. е. находит свое место на ментальной карте западноевропейца). Показательны в этом смысле слова шведского географа Ф.И. фон Страленберга: «Вот что следует отметить касательно границы между Европой и Азией: хотя на некоторых новейших картах, из-за неуверенности, где же ее провести, эта граница была вовсе опущена, я на своей карте показал ее столь ясно, что она теперь определена навсегда»⁵⁷. И действительно, несмотря на то, что далеко не все исследователи приняли «границу по Уралу» и пытались предлагать альтернативы, культурная функция Урала как будто бы была «определена навсегда».

Какое место занимал Урал на ментальных картах Наполеона и были ли он вообще на них отмечен? Ответить на эти вопросы крайне трудно, так как в обширном письменном и «устном» наследии французского императора не удается обнаружить даже упоминания об Урале. Этот факт, сам по себе достаточно красноречивый, свидетельствует о том, что привыкший рассуждать «геополитическими категориями» Наполеон не придавал в своих планах Уралу слишком серьезного значения, а его географический образ не был «нагружен» значимыми для императора «геополитическими смыслами». Нет никаких оснований полагать, что Наполеон рассматривал Урал как границу своей будущей «объединенной Европы». Так далеко его планы не заходили.

Вместе с тем, деятельность французской стратегической разведки на Урале показывает, что этот регион рассматривался Наполеоном как стратегически важный, а материалы, собранные здесь, использовались во время планирования войны с Россией (возможно, собирались также «на перспективу»). Среди трофейной французской документации, захваченной во время Отечественной войны 1812 г. и отложившейся в российских архивах, наряду с бумагами военного и административного делопроизводства и огромным массивом писем, содержатся бумаги, свидетельствующие о пристальном внимании французской стратегической разведки к самым разным сторонам российской жизни (маршруты и списки населенных мест России, «реестры» основных исторических событий русской истории, выписки из русских газет, касавшиеся в том числе и настроений в глубинке, и т. д.). Сам Наполеон перед войной усиленно занимался изучением будущего противника, аккумулировал всю доступную ему информацию о России, используя ради этого, в том числе и ресурсы своих союзников (прежде всего, Польши)⁵⁸. Сбор сведений осуществлялся по различным каналам. Импера-

⁵⁷ Цит. по: Вульф, Л. Указ. соч. С. 238.

⁵⁸ Роль Польши была огромной, так как на ее плечи ложилась не только значительная часть «черновой работы» по сбору разведывательной информа-

торский библиотекарь А.-А. Барбье, например, курировал сбор общих и специальных сведений о России, опубликованных за последнее время на европейских языках (перевод осуществляло специальное бюро во главе с г-ном Мунье). Сбором картографического материала занимался специальный отдел Генерального штаба под руководством Л.-А. Бакле д'Альба, которому удалось собрать свыше 70 топографических карт Европейской России⁵⁹. Вместе с тем, качество французских карт было невысоким, поэтому разведке предписывалось предпринять самые серьезные усилия, чтобы получить русские официальные карты⁶⁰. Накануне войны французскому послу в России Ж.-А.-Б. Лористону удалось достать и переправить во Францию новую большую карту России (так называемую «столистовую» карту), однако к началу военных действий транскрибировать и размножить карту не успели (работа над картой была завершена лишь к концу июля 1812 г., когда потребность в ней значительно снизилась)⁶¹. Наконец, сбор разведывательной информации и агентурных сведений возлагался на созданное в 1810 г. бюро Э. Лелорня д'Идевиля, подготовившее десятки «Статистических описаний» России. Материал для этих «описаний» брали, как правило, из уже опубликованных работ, в основном немецких авторов, таких как Г.Ф. Шторх (в 1800 г. опубликовал работу под названием «Историко-статистический обзор России конца XVIII в.»), Ф. Гемпель (в 1803 г. издал «Опись всех народов, пребывающих под властью российского императора Александра I»), И.Г. Георги (в 1798 г. издал работу – «Статистика России»)⁶². Особенно интересовался французский император Литвой, а также войнами на территории России (19 декабря 1811 г. он потребовал от Барбье все, касавшееся кампании Карла XII в Польше и России)⁶³. Некоторые представленные ему работы Наполеон даже посчитал нужным захватить с собой в Россию, так как они «будут ему полезны в походе» (переведенные труды о русской армии Р. Вильсона и К. Плото)⁶⁴. Своеобразным «справочником по России» была созданная специально для русского похода Наполеона (вероятно, в бюро Лелорня д'Идевиля) масштабная (243 листа, заполненных текстом с обеих сторон) работа под названием «Статистический очерк Российской импе-

ции, но, что более важно, Польша выполняла функцию «переводчика» культурных кодов между Западом и Востоком.

⁵⁹ Ададуров, В. Указ. соч. С. 69.

⁶⁰ Margueron. Campagne de Russie. P., 1906. Т. 4. P. 225–541.

⁶¹ Письмо графа Реалья герцогу де Бассано от 25 июня (н. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 290. Л. 2.

⁶² Ададуров, В. Указ. соч. С. 71.

⁶³ Correspondance de Napoléon I. P., 1868. Т. 23. P. 95.

⁶⁴ Ibid. P. 162, 398–399.

рии» (*Essai de statistique de l'Empire de Russie*), содержащая весьма разносторонние сведения о России⁶⁵. «Очерк» носил компилятивный характер и включал сведения, взятые, главным образом, из трех источников: работ по российской статистике Хасселя (Hassel) и Шторха (Storch), а также из уже упоминавшейся работы по «военному состоянию» России прусского офицера Плото (Plotho). Вероятно, в «Очерк» были включены и уже обработанные перед войной данные разведки. В структурном отношении работа делится на четыре неравные части.

Первая часть содержит материал общего характера. Здесь излагаются начальные сведения о России, ее истории и географии, уточняются некоторые специфические понятия (например, «верста»). Затем дается обзор территориального деления страны, где перечисляются 45 российских губерний, а также вновь присоединенные территории, такие как, например, «Шведская Финляндия»⁶⁶. При характеристике каждой губернии указываются ее пространственные и территориальные особенности (в том числе площадь), а также ключевые города. Резюмируя свой обзор, авторы «Очерка» сравнивают Россию с величайшей империей Запада и в духе новоевропейских античных аллюзий приходят к выводу о том, что «Рим в период своей самой блестящей эпохи не имел и четвертой части подобного пространства»⁶⁷. После этого излагаются сведения физико-географического, геологического и демографического характера: описание гор и полезных ископаемых, места расселения разных народов; затем гидрологические сведения: о морях, реках, портах и условиях навигации. Осуществляется достаточно квалифицированный обзор климатических условий с выделением отдельных регионов и их характеристикой⁶⁸.

Вторая часть посвящена преимущественно демографическим вопросам. Здесь дается характеристика населения России, начиная от динамики его роста в течение XVIII в.; приводится численность жителей всех губерний, а также общий «срез» социальной структуры российского общества, осуществленный весьма грамотно, на большом материале, но в европейской терминологии⁶⁹. В некоторых случаях авторы «Очерка» осуществляют сопоставление тех или иных сведений о России с данными по Европе, например, приводя численность населения Московской губернии (по сведениям на 1794 г. – 1199000 жителей), с данными по Моравии (1137000 человек)

⁶⁵ *Essai de statistique de l'Empire de Russie* // ОР РНБ. Ф. 961. Франция. FIV. № 160.

⁶⁶ *Ibid.* Л. 7.

⁶⁷ *Ibid.* Л. 25.

⁶⁸ *Ibid.* Л. 99.

⁶⁹ *Ibid.* Л. 116–120.

и Дании (1125000 человек). Здесь же приводятся сравнительные данные по соотношению демографического потенциала России и Европы, который авторы определили в пропорции 1 к 4,5; при том что соотношение между Россией и Францией оценивается как 1,33 к 1 в пользу России⁷⁰. В «Очерке» проанализирован также половозрастной состав населения, динамика смертности и рождаемости⁷¹. Подробно и достаточно квалифицированно (однако вновь с «привязкой» к европейским реалиям) проанализирован сословный строй империи. В сословной структуре России авторы «Очерка» выделили следующие «сословные группы»: «дворянство» (*noblesse*), «буржуазию» (*bourgeoisie*), «крестьянство» (*peasants*), за вычетом крепостных, но с включением «служилых инородцев», а также «рабов» (*serfs*), под которыми подразумеваются крепостные крестьяне. Каждая из этих сословных групп подробно охарактеризована, как правило, с выделением «подгрупп» (например, «родовое дворянство», «служилое дворянство», «дворяне-иноземцы» и т. д.) и указанием численности их представителей по материалам переписи 1783 года⁷².

В третьей части представлен обзор финансово-экономического развития страны, сопровождающийся значительными статистическими выкладками⁷³. Здесь же приводится характеристика государственного строя Российской империи; представлена структура органов управления и их основные функции: помимо Сената, Синода и министерств упоминается, в том числе и учрежденный 1 января 1810 г. Государственный Совет⁷⁴.

Заключительная четвертая часть (не менее сотни страниц) посвящена армии и военно-морскому флоту. Обзор содержит сведения военно-исторического характера, сведения о системе организации русской армии и системе управления вооруженными силами, и при этом начинен различными цифровыми данными, вплоть до жалованья офицерам различных родов войск; здесь же содержалась краткая и весьма неполная поименная характеристика командного состава российской армии, с указанием чинов, должностей, наград. Характеризуя русского солдата, авторы «Очерка» отмечают такие его сильные качества, как большая выносливость, хорошее физическое состояние, храбрость⁷⁵.

⁷⁰ *Essai de statistique de l'Empire de Russie...* Л. 122–124.

⁷¹ *Ibid.* Л. 150–151.

⁷² *Ibid.* Л. 169–179.

⁷³ *Ibid.* Л. 296–339.

⁷⁴ *Ibid.* Л. 350.

⁷⁵ *Ibid.* Л. 434–439.

По всем этим частям, главам, параграфам и разделам оказались рассредоточенными достаточно многочисленными и разнообразными сведения об Урале. Так, в общем обзоре авторы «Очерка» отметили, что «русское правительство расценивает Уральские горы в качестве естественной границы между Европой и Азией»⁷⁶. Поэтому в политико-географическом смысле авторы делят Россию на европейскую и азиатскую. Губернии азиатской России перечисляются отдельно: Пермская, Оренбургская, Тобольская, Томская и Иркутская, «которые носят общее название Сибирь», включая и некоторые другие территории. При характеристике Пермской губернии, например, указывалось, что она составляет 5954 квадратных мили, или 16541 лье, и подразделяется на 12 уездов – Пермский, Кунгурский (Kounghour), Красноуфимский, Осский, Оханский, Соликамский, Чердынский, Екатеринбургский (Iékaterinbourg), Камышловский (Kanichlov), Шадринский, Ирбитский, Верхотурский (в качестве 13-го уезда к этому списку был по не вполне понятной причине добавлен Киргизанский (Kirghichanskaïa))⁷⁷.

Отдельно следует остановиться на описании Уральских гор (les Mounts Oural), «которые образуют естественную границу Европы и Азии, разрезают Россию по всей ее ширине и протягиваются на более чем 300 миль или 500 лье». Авторы «Очерка» приводят даже этимологию самого топонима: «Урал, на языке башкир и татар, означает центр земли <...> Русские также <...> называют его еще Каменный и Земной Пояс (Kamennoi et Srmnoi-Poïas)». Далее следует почти «художественное» описание: «Основная часть этой огромной цепи, начинающейся между Каспийским морем, Аральским озером, расстилающаяся от Оренбурга до Перми, между Тобольском и Архангельском до Карского (Karich) залива, образуя Ледовитое море Павла (?), и разветвляясь разными образами на Восток и на Запад, замечательна». Приводятся также многочисленные данные об Урале геологического и гидрографического характера: «Плато сформировано в основном гранитом, на склонах есть <...> кварцы, и разные минералы, свойственные основным горным породам. Основная состоит из гравия, глины и из песка, но этот порядок не обязательно в точности такой. Возвышаются некоторые вершины. Павдинская (Pavdinskoé) имеет 6397 футов или 1060 туазов над уровнем Каспийского моря. Из всех гор России, эти горы Урала наиболее богаты. Они изобилуют прекрасными породами гранита или порфира <...> красивым кварцем, отборной нефтью, щебнем, точильным

⁷⁶ Essai de statistique de l'Empire de Russie... Л. 8.

⁷⁷ Ibid. Л. 22.

камнем, кремнем <...> калцедоном, большими кристаллами горного хрусталя, топазами, прекрасными аметистами, хризолитами; в земле имеются залежи фарфора, жирной глины, железного шпата <...> змеевика <...> слюды, асбеста, изящного мрамора <...> гипса, плавленого шпата, минеральных масел, каменного угля <...>. Они богаты рудным золотом, серебром, медью, железом, которые прекрасно разрабатываются. В скалах имеются многочисленные пещеры, находящиеся на склонах. Сами горы покрыты лесом. Сверх того замечательны в этой цепи многочисленные водоемы, полные рыбой, и очень чистые. Главные водоемы и реки, которые там протекают, – Сосьва, Исеть (l'Isset), Уй (l'Ouï), Тобол, Эмба (l'Emba), Урал или Яик, Белая, Чусовая, Кама, Печора, Большая (?! – la Volchaïa)»⁷⁸. В тексте также содержатся неполные и не во всем точные сведения о Северном Урале, «который занимает территорию от Ледовитого моря до реки Тавды», и к которому авторы отнесли также «цепь Новой земли». Видимо, с целью придания этнического колорита имеется указание на то, что «Урал – это страна башкир (Bachire)»⁷⁹. Наконец, отмечая культурное значение Урала авторы вновь подчеркивают: «Урал помимо прочего сегодня является демаркационной линией между европейской цивилизацией и грубостью дикаря (l'homme sauvage)»⁸⁰.

Таким образом, несмотря на ряд неточностей, сведения, помещенные об Урале в этом «Статистическом очерке», давали возможность Наполеону и его окружению составить достаточно цельное и не слишком искаженное представление о далеком уральском крае⁸¹. Специально отметим неоднократное подчеркивание авторами «Очерка» функции Урала как культурной границы, «разделительной линии» между «европейской цивилизацией» и «варварством» («грубостью дикаря»).

Подводя общие итоги, необходимо подчеркнуть, что образ Урала на ментальных картах Наполеона, разумеется, не был ключевым и не занимал значительного положения. Более того, он даже не всегда был четко «прорисован», а диагностировать его присутствие не так просто. И все же полагаем, что такое не явное присутствие вовсе не означает, что этот образ не был значимым. Его значение было велико хотя бы потому, что образ Урала являлся конституирующим элементом для образа России как европейской (пусть и окраинной) державы. Нако-

⁷⁸ Essai de statistique de l'Empire de Russie... Л. 30–32.

⁷⁹ Ibid. Л. 33.

⁸⁰ Ibid. Л. 185.

⁸¹ Надо полагать, сведения об Урале, приводящиеся в «Очерке», восходят в конечном итоге к известным в германоязычном ученом мире работам И.Г. Гмелина, П.С. Палласа и И.П. Фалька.

нец, он был значим как образ «естественной» границы Европы; границы далекой и малоизвестной, но выполняющей важнейшую геокультурную функцию. Таким образом, опосредованно, но образ Урала оказался чрезвычайно важен в геополитических построениях великого императора, хотя на его личной ментальной карте он и пребывал в тени. Ни разу не упомянув об Урале в своем огромном письменном и «устном» наследии, Наполеон в некоторой степени «открыл» Урал для западноевропейцев: когда авторы «Мемуаров сержанта Гийемара» Ж. Лардье и Ш. Барбару издали в 1826 г. (одновременно в Париже и Лондоне) свою занимательную работу⁸², выяснилось, что бравый сержант 9-го линейного полка армии Наполеона, обошедший всю Европу, гостил и на восточной ее окраине, на Урале.

⁸² Mémoires de Robert Guillemard, Sergent en retraite: suivis de documents historiques, la plupart inédits, de 1805 à 1823. P., 1826. T. 1-2; Adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823. Written by Himself. L., 1826. В том же году вышло и американское издание: Adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823. Written by Himself. Philadelphia, 1826. Через год появилось немецкое издание: Memoiren Robert Guillemard's verabschiedeten Serjanten. Leipzig, 1827. Bd. 1-2. Впоследствии «мемуары» Гийемара неоднократно переиздавались.

УДК 33 (931)

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: Gladav2002@mail.ru

На примере французских учебников по истории для начальной и средней школы второй половины XX – начала XXI вв. рассматривается политика государства в области образования и воспитания, формирование исторической памяти путем создания того или иного образа революционной Франции.

Ключевые слова: историческая память, школьные учебники, Франция, изучение истории, Французская революция.

THE CREATION OF HISTORICAL MEMORY: SCHOOLBOOKS AND THE FRENCH REVOLUTION

A.V. Gladishev

On an example of the French history textbooks for initial and high school of the second half XX – the beginnings of XXI centuries the policy of the state in the sphere of education, formation of historical memory by creation of various images of revolutionary France is considered.

Key words: Historical memory, school textbooks, France, history studying, the French revolution.

Обучение истории занимало и занимает во французском менталитете совершенно особое место.

Если при Старом Порядке история еще не рассматривалась как обязательная и необходимая дисциплина¹, то в 1795 г. революционе-

¹ Р. Козеллек указывает, что до 1780 г. слово «история» вообще употреблялось во множественном числе, в связи с какими-то вполне конкретными объектами; «при этом имелись в виду многочисленные истории, которые могли использоваться в ка-

ры включили историю в программы Центральных школ², а к середине XIX в. наступает «золотой возраст» исторического образования во Франции. В годы Второй Республики изучение истории становится обязательным и обязательным в том числе становится изучение истории Революции, всегда игравшей в памяти французов первостепенную роль. Власти тщательно контролировали эту сферу образования, правительства менялись, но, пользуясь оружием своих предшественников, никто не пренебрегал контролем за идеологической составляющей образования. Битва идей вокруг содержания исторического образования стала явлением перманентным, а историческая память... Не случайно же бойцы французского Сопротивления называли свои батальоны «Карманьола», «Вальми» или «Свобода».

Объектом пристального внимания учебная литература по истории являлась очень давно. Этим занимались соответствующие государственные органы, за этим следила общественность. Со стороны историков изучению подверглась в первую очередь политика государства в области образования и воспитания, но со временем учебники по истории попали в центр внимания в связи с развитием исследований по механизмам формирования социальной или национальной идентичности, функционирования коллективной памяти, феноменологии «своего» и «чужого». Первопроходцем здесь был англичанин Герберт Баттерфилд, опубликовавший еще в 1944 г. книгу «Англичанин и его история». Новый импульс в историографии это направление получило на рубеже XX–XXI вв. Зарубежные историки подошли к проблеме изучения учебников по истории через осмысление «методологического релятивизма», проблему социальной ответственности историка, или проблему сплетения истории и памяти³.

Что касается Франции, то история исторического образования здесь имеет свою достаточно богатую историографию. Общую канву

честве подходящих примеров в нравоучительных рассуждениях, в богословии, юриспруденции, философии <...> Лишь начиная примерно с 1780 года появляется «история в общем смысле», «история сама по себе», «просто история»: с помощью различных пояснений это новое, самостоятельное понятие отделялось от привычных «историй» <...> История как действительность и история как рефлексия по поводу этой истории-действительности были подведены под общее понятие истории как таковой» (См.: *Козеллек, Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // ОЗ. 2004. № 5.

² По истории школы в годы Революции см., напр.: *Ozouf, M.* L'École de la France, Essai sur la Révolution, l'utopie et sur l'enseignement. P., 1984.

³ См.: *Todorov, T.* Les Abus de la Mémoire. P., 1995; *Martin, J.-C.* Histoire, mémoire et oubli pour d' un autre régime d' historicité // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2000. № 4.

повествования в этом направлении наметил сначала Поль Жебро⁴, которого, впрочем, как и его последователей на этом пути⁵, интересовала тогда главным образом фактологическая сторона вопроса. За прошедшие более чем полвека это направление в историографии обогатилось многочисленными новыми исследованиями и отмечено порой весьма оживленными и резкими дебатами. Составлен полный перечень учебников и различных учебных книг по истории, изданных с середины XVII в. до 60-х гг. XX в. во Франции⁶. О повышенном интересе к этой тематике свидетельствует очередное недавнее переиздание ставшей уже классикой жанра работы М. Ферро⁷.

Накоплена значительная литература, посвященная общему критическому анализу французских учебников по истории для школы⁸. Коллективное исследование под общим руководством Алена Шопена о школьных учебниках с 1789 по 1989 гг. издал Национальный институт педагогических исследований Франции⁹. По истории начального об-

⁴ Gerbod, P. La place de l'histoire dans l'enseignement secondaire de 1802 à 1880 // L'information historique. 1965. № 3. К основоположникам этого направления можно отнести и Ж. Озуф: Ozouf, J. L'École, l'Eglise et la République: 1871-1914. P., 1963; Ibidem. Nous les maîtres d'école. P., 1967.

⁵ См., напр.: Freyssinet-Domingon, J. Les Manuels d'histoire de l'école libre, 1882-1959, de la loi Ferry à la loi Debré. P., 1969.

⁶ Amaïvi, C. Répertoire des auteurs de manuels scolaires et de livres de vulgarisation historique de langue française: de 1660 à 1960. P., 2001. См. также: EMMANUELLE: banque de données informatisées sur les manuels scolaires français de la Révolution à nos jours / Ministère de l'éducation nationale, Institut national de recherche pédagogique, Service d'histoire de l'éducation. P., 1982.

⁷ Ferro, M. Comment on raconte l'histoire aux enfants à travers le monde. P., 2004. См. также: Idem. L'Histoire sous surveillance. P., 1985.

⁸ Это работы Поля Кюрела, Сюзанны Цитрон, Адена Шопена и многих, многих других. См., напр.: Qureel, P. Au feu, les manuels: l'idéologie dans les manuels de lecture à l'école élémentaire. P., 1982; Citron, S. Comment enseigner l'histoire aujourd'hui? P., 1984; Idem. Le Mété national. L'histoire de France en question. P., 1987; Mougnotte, A. Les débuts de l'instruction civique en France. Lyon, 1991; Choppin, A. Les manuels scolaires: histoire et actualité. P., 1992; Lelièvre, C. Les rois de France: enfants chéris de la République. P., 1999; Le manuel scolaire, la littérature de jeunesse: journées d'études n 1. Reims, 2000; Lukas, N. Enseigner l'histoire dans le secondaire: manuels et enseignement depuis 1902. Rennes, 2001; Cavanna, F. Sur les murs de la classe. P., 2004; Manuels scolaires, regards croisés / direction, Éric Bruillard. Caen, 2005; Cabanel, P. Le tour de la nation par des enfants: romans scolaires et espaces nationaux, XIXe-XXe siècles. P., 2007; Albanes, R. Corneille à l'école républicaine: du mythe héroïque à l'imaginaire politique en France, 1800-1950. P., 2008.

⁹ Manuels scolaires, États et sociétés: XIXe - XXe siècles / sous la dir. d'Alain Choppin. P., 1993. Это исследование было продолжено: Les manuels scolaires en France de 1789 à nos jours. 7, Bilan des études et recherches / réd. par Choppin A., Pinhède B. P., 1995. Работой в этом направлении занимается и университет Поля Валери: Manuels et apprentissages au fil des siècles. Montpellier, 1997.

разования во Франции XIX в. можно посмотреть четырехсотстраничную работу А. Жерара¹⁰; четырехсотстраничная монография Жана Ледюка посвящена исключительно изучению истории во французских лицах начала XIX века¹¹. В последние годы по этой проблематике во Франции продолжал много писать профессор из университета Монпелье Христиан Амальви¹².

Получили подробное освещение отдельные периоды из истории Франции¹³, увидели свет исследования о представительстве в книгах по истории женщин¹⁴, о презентации в учебниках ев-

¹⁰ Gerard, A. L'Enseignement supérieur de l'histoire en France de 1800 à 1914. P., 2005.

¹¹ Leduc, J. L'École des hussards noirs et la République des professeurs d'histoire. P., 2005.

¹² Amalvi, Chr. Gout du moyen age. P., 1996; *Idem*. De l'art et la manière d'accommoder les héros de l'histoire de France: De Vercingétorix à la Révolution. P., 1998; *Idem*. Les héros de l'histoire de France. Toulouse, 2001; *Idem*. Répertoire des auteurs de manuels scolaires et de livres de vulgarisation historique de langue française de 1660 à 1960. P., 2001. URL: <http://www.bhédition.com/e22.htm>; *Idem*. Des Bibliothèques édifiantes aux collections laïques: l'évolution politique et religieuse des biographies en usage à l'école et au foyer familial, 1814–1914. Annecy; P., 2002; *Idem*. De Vercingétorix à Astérix ou «nos ancêtres les Gaulois» racontés à l'école et au foyer familial de l'époque romantique à la Cinquième République // Nous voulons lire! Bordeaux. 2004. № 157. P. 17–29; *Idem*. Légendes scolaires du Moyen Âge au XIXe siècle // La Fabrique du Moyen Age au XIXe siècle. Représentation du Moyen Age dans la culture et la littérature française du XIXe siècle. P., 2006. В сентябре 2007 г. на истфаке МГУ Центром украинистики и белорусистики МГУ была организована небольшая дискуссия, которую предваряло выступление Хр. Амальви «Манипуляция исторической памятью и национализм во Франции в XIX–XX вв.»

¹³ См. работы Доминика Мэнгено, Христиана Амальви, докторскую диссертацию Ивелин Фюма: Maingueneau, D. Les livres d'école de la République. 1870–1914. P., 1979; Amalvi, Ch. Les guerres des manuels autour de l'école primaire en France (1899–1914) // Revue historique. 1979. № 532; *Idem*. De l'art et la manière d'accommoder les héros de l'histoire de France: de Vercingétorix à la Révolution. P., 1988; Fumat, Y. L'idéologie des manuels d'éducation civique de la III République. P., 1984. Перечень можно было бы значительно расширить за счет работ по общей истории образования во Франции, равно как за счет таких историко-публицистических и историко-философских публикаций по Французской революции, какую представил в свое время Ф. Фюре. Furet, F. Penser la Révolution. P., 1978.

¹⁴ Terneu-Evrard, J., Edvard, B. L'Image de la femme dans le contexte de l'enseignement: rapport final et annexes. Luxembourg, 1984; Les Femmes dans les livres scolaires / Brigitte Crabbe, Marie-Luce Delfosse, Lucia Gaiardo, Ghislaine Verlaeck... Bruxelles, 1985; Hohmann, J.S. Frauen und Mädchen in faschistischen Lesebüchern und Fibeln. Frankfurt am Main; Bern; Paris, 1991; Guillaume, D. Le destin des femmes et l'école: manuels d'histoire et société. P., 1999; Schärer, Fr. Père, mère, roi et sorcière: la représentation des deux sexes et de la catégorie du genre dans les manuels scolaires de l'école primaire de la Suisse alémanique et de la Suisse romande. Bern, 2008; Bruegilles, C., Cromer, S. Analyser les représentations du masculin et du féminin dans les manuels scolaires. P., 2005.

реев¹⁵, арабов¹⁶, об образах ислама¹⁷, образах Библии¹⁸, образах войны вообще¹⁹ и франко-прусской войны в частности²⁰, о националистических тенденциях в учебниках разных стран²¹, о взгляде на американцев сквозь призму школьных учебников различных стран мира²² и об образе американца в учебниках истории отдельно взятого франкоязычного Квебека²³. Пьер Нора подчеркивает вклад Лависса в дело формирования исторической памяти²⁴, Д. Менгено изучает школьный дискурс, описывающий историю колонизации²⁵, а кто-то образ Османской империи в Болгарских учебниках в частности или идеологическую составляющую учебников Конго в принципе... Не остались в стороне ни общественные организации, ни церковь²⁶. Увидели свет своеобразные хрестоматии – подборки текстов и иллюстраций из различных учебников по тому или иному вопросу, например, –

¹⁵ *Schatzker, Ch.* Die Juden in den deutschen Geschichtsbüchern Schulbuchanalyse zur Darstellung der Juden, des Judentums und des Staates Israel. Bonn, 1981. По материалам коллоквиума, организованного 14 мая 2006 г. под эгидой Колледжа еврейских исследований Всеобщего альянса израэлитов, подготовлено, издание: *L'image des Juifs dans l'enseignement scolaire / sous la direction de Barbara Lefebvre & Shmuel Trigano.* P., 2008.

¹⁶ *Marlène, N.* Les Arabes et l'Islam vus par les manuels scolaires français: 1986 et 1997. P., 2001.

¹⁷ *Foehrlé, R.* L'Islam pour les profs: recherches pédagogiques. P., 1992.

¹⁸ *Sion-Charvet, G.* Bible et Coran à l'école laïque. P., 2009.

¹⁹ *Sohier, A., Sohier, M.* Tu seras soldat: l'enfant et la guerre à l'école primaire, 1871-1918. Saint-Nicolas-du-Pélem, 2008.

²⁰ *Voisin, A.-R.* L'école des Poilus: l'enseignement de la guerre dans les écoles primaires de 1870 à 1914. S.l., 2007.

²¹ *Sigurdson, R., Kjølberg, H.* Det nasjonale i norske, tyske og franske skolebøker 1860-1905: to sammenlignende studier. Oslo, 1998.

²² La «découverte» de l'Amérique?: les regards sur l'autre à travers les manuels scolaires du monde / sous la coordination de Siller J.P. P.; Brunswick, 1995.

²³ *Vincent, S., Arcand, B.* L'Image de l'Amérindien dans les manuels scolaires du Québec ou Comment les Québécois ne sont pas des sauvages. Ville LaSalle, 1979.

²⁴ *Nora, P.* Lavisser, instituteur national // *Les Lieux de mémoire.* P., 1984. T. 1.

²⁵ *Менгено, Д.* Школьный дискурс Третьей республики о языке и колонизации // *Логос.* 2003. № 4-5.

²⁶ Ассоциация друзей Венгерского института в Париже проводит коллоквиум «Образ Венгрии во Франции: школьные и университетские учебники». См.: *L'image de la Hongrie en France. 1, Manuels scolaires et universitaires: actes du 1er Colloque international du 13 au 15 juin 1994.* P., 1995. Организация «Католический ренессанс» выпустила во Франции небольшую книжицу с утверждающим названием: «Школьные учебники, истина». См.: *Les manuels scolaires, la vérité.* Issy-les-Moulineaux, 1993.

вопросу, например, – «Через поля: деревня в школе»²⁷, подготовленная Музеем сельской школы Бретани. Национальный музей воспитания подготовил аналогичного характера издание «Колонии в школьных учебниках III Республики»²⁸ и т. д.

Естественно, что при таком сюжетном разнообразии исследователи просто не могли не обратить внимание на отражение в школьных учебниках столь знакового для французов исторического события, как Французская революция²⁹. Эта тематика затрагивалась на коллоквиумах, посвященных общим вопросам отражения истории в школьных учебниках³⁰. 200-летие Революции отмечено в том числе и коллоквиумом «Школьные учебники и Французская революция»³¹. Пусть и небольшое, но отдельное исследование посвящено образу Робеспьера в школьных учебниках различных стран мира и, естественно, самой Франции³².

Советские авторы предпочитали долгое время смотреть на изучение истории во французских школах с чисто идеологических и классовых позиций³³. При этом они вполне ясно понимали значе-

²⁷ À travers champs: la campagne à l'école. Trévargan, 2009. Или: La gloire du certif: les trésors des livres d'école: 1850–1950. P., 1997.

²⁸ Les Colonies dans les manuels scolaires de la IIIe République: documents. Rouen, 1982.

²⁹ См., напр.: *Soboul, A.* Remarques sur l'enseignement de l'histoire de la Révolution française // *Annales historiques de la Révolution française*. 1980. № 241; *Ben Soussan, C.* La Révolution française dans les manuels scolaires de l'école primaire de 1867–1914 // *Annales historiques de la Révolution française*. 1981. № 245; *Gaulupeau, Y.* L'Histoire en images à l'école primaire. Un exemple: La Révolution française dans les manuels élémentaires (1870–1970) // *Revue Histoire de l'éducation*. 1986. № 30. P. 29–52; *Humbert, R.* Il était une fois la Révolution: les manuels scolaires rencontent: 1789–1799. P., 1989. *Casin, R.* Napoléon 1er: et les bicentennaires des grandes institutions de la République. Montsûrs, 2002; *Casin, R.* Napoléon et les manuels d'histoire. P., 2008. Причем не только во французских учебниках, но и в учебниках других стран. См., например: *La Révolution française expliquée aux petits Anglais: dans leurs manuels scolaires d'histoire*. Epinal, 1989.

³⁰ Выступающие, в частности, отметили принципиальный вклад школьных учебников в формирование исторической памяти общества. См., например: *Lecuir, J.* Manuels scolaires et mémoire historique: réflexion autour d'un sondage // *Colloque Manuels d'histoire et mémoire collective. Enseigner l'histoire: des manuels à la mémoire*. Berne, 1984.

³¹ *Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne*, 1989.

³² *L'Image de Robespierre dans les manuels scolaires d'Europe et du monde: Arras... 3 décembre 1989, colloque international. Lille*, 1989.

³³ См.: *Иоанисиани, Ал.* Преподавание истории в капиталистических странах. История в школах Франции // *Борьба классов*. 1934. № 5–6. С. 84–91; *Лив-*

ние истории для воспитания: только советская система, с их точки зрения, воспитывала «патриотов», а империалистическая система – «националистов»³⁴. О внимании современных отечественных исследователей к учебникам по истории свидетельствуют многочисленные публикации на страницах журнала «Преподавание истории в школе»³⁵. В 2004 г. был проведен специальный Международный общественный форум «Старые и новые образы в современных учебниках истории»³⁶. Но вот что касается изучения образов конкретно Французской революции и Наполеоновской империи в учебной литературе, то здесь достижения наших соотечественников гораздо более скромны³⁷. Лишь 200-летний юбилей Революции вызвал на свет публикацию В.С. Посконина в «Новой и новейшей истории»³⁸. Автор, по собственным его заверениям, просмотрел около трех десятков учебников конца 60-х – первой половины 80-х гг. и пришел к выводу, что это под впечатлением от мая 1968г. идеологи школьной реформы во Франции призывали «очистить историческую память французов» и порвать с «республиканской мифологией»³⁹. Результатом реформы 1969 г. стало «резкое сокращение» в учебниках объема материала по истории Французской революции. Ту же тенденцию обнаруживает В.С. Посконин в учебниках «среднего курса» и в учебниках для лицеев.

В данном повествовании⁴⁰ я остановлюсь на некоторых интеллектуальных и идеологических аспектах изучения Французской ре-

шиц, Е. История в школе. Преподавание истории во французской школе // ИЖ. 1939. № 6. С. 92-99 и др.

³⁴ Напр.: «...национализм является господствующей идеей и во всем школьном образовании. Школа не меньше чем другие учреждения служит распространению этой идеи, и руководящая роль в этом принадлежит истории» (См.: *Иоанисиани, Ал.* Указ. соч. С. 85.

³⁵ См., напр.: *Майер, Р.* Роль учебников на уроках истории в сегодняшней Европе // Преподавание истории в школе. 2000. № 8; *Наве, А.* О преподавании истории в Израиле // Там же. 2004. № 3; *Кани, А.С.* Преподавание истории в гимназиях современной Норвегии // Там же. 2005. № 8-9.

³⁶ См.: Преподавание истории в школе. 2004. № 1.

³⁷ *Никифоров, Д.Н.* «История Франции» – учебники для французских школьников (курс элементарный и средний) // Там же. 1958. № 3.

³⁸ *Посконин В.С.* Французская революция в учебниках школ Франции // НиНИ. 1989. № 3.

³⁹ *Billard, C., Gibbert P.* Histoire mythologique des Francais. P., 1976. P. 290, 291. Цит по: *Посконин, В.С.* Указ. соч.

⁴⁰ См. также: *Гладышев, А.В.* Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // Европа. Междунар. альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 46-51.

волюции по учебникам (выборочно) начальной и средней школы⁴¹. В мое поле зрения попали следующие издания: «Первые картинки по истории Франции»⁴² С. и М. Шоланж, «История Франции»⁴³ А. Бонифацио и П. Марешаля, «Новая книга по истории Франции»⁴⁴ М. Балло, «Наша история»⁴⁵ Ж. Грассе, Р. Коле и Р. Вадье, учебники, написанные как совместно, так и отдельно Г. Дорель-Ферре и В. Шаньи⁴⁶, Ж.-Л. Нембрини, Ж. Бордом и П. Поливка⁴⁷,

⁴¹ Во Франции ребенок в шесть лет поступает в начальную школу, где учится пять лет: сначала в подготовительном классе, затем в двух начальных классах, а после – в двух «средних». В начальной школе Франции история изучается, как правило, в совокупности с географией. «Элементарный курс» рассчитан на 10–9 классы, т. е. на детей 6–8 лет. На протяжении всего последующего школьного обучения французы обращаются к истории еще три раза: в 8–7-х, в 6–4-х и 3–1-х классах... В 11 лет француз переходит в коллеж, где учится четыре года. Классы в коллеже считаются в обратном порядке: ученик поступает в шестой класс, а через четыре года заканчивает третий. Обучение в коллежах разбито на три цикла. Во время первого, «адаптационного» цикла, который длится год, ребенок привыкает к новым формам обучения и новым предметам – математике, французскому, истории и пр. В пятом и четвертом классах в рамках «центрального цикла» к изучаемым предметам добавляются физика, химия, латынь и второй иностранный язык. Третий класс французского коллежа называется «циклом ориентации». На этом этапе приходится выбирать себе специализацию, по которой предстоит продолжить обучение в лицее и университете (См.: *Федянин, Н. Уроки французского // Обучение за рубежом. 2000. № 12–1(13). URL: <http://www.infrance.ru/education/art-educ/5-educ/5-educ.html>*). При этом оговоримся, что периоды Революция и Империи предпочтительнее было бы рассматривать вместе, поскольку они теснейшим образом взаимосвязаны и часто в учебниках составляют самостоятельный раздел. Тем более что эти два периода в истории Франции неразрывно связаны между собой, тем более что Французская революция и империя Наполеона – лед и пламя, с помощью которых куется патриотизм молодого француза.

⁴² *Chaulanges, S., Chaulanges, M. Premieres images d'histoire de France. P.: Delagrave: 1958.*

⁴³ *Bonifacio, A., Maréchal, P. Histoire de France. Cours moyen 1er année. P.: Hachette, 1964.*

⁴⁴ *Ballot, M. Nouveau livre d'histoire de France. P.: Colin, 1967.*

⁴⁵ *Grasser, J., Colet, R., Wadier, R. Notre histoire: Cycle moyen. P., 1981. См. также: Grasser, J. Autour de nous, l'Histoire et la Géographie. Hachette, 1983.*

⁴⁶ *Dorel-Ferré, G., Chagny, V. Histoire-géographie: cours élémentaire 1. P.: A. Colin, 1985; Dorel-Ferré, G., Chagny V. Histoire-géographie: cours élémentaire 2. P.: A. Colin, 1985; См. также: Dorel-Ferré, G. Histoire, cours moyen. P.: Armand Colin, 1985; Chagny, V. A la découverte de l'homme, son milieu, son passé. P.: A. Colin, 1983; Idem. Histoire-géographie. CE 2. P.: A. Colin, 1987.*

⁴⁷ *Nembrini, J.-L., Bordes, J., Polivka, P. Histoire CM. P.: Hachette, 1985. См. также: Nembrini, J.L. Histoire-Géographie. Pour connaître la France. Hachette, 1987; Nembrini, J.-L. (sous la dir. de), Bordes, J., Polivka, P. Histoire CM. P.: Hachette, 1991.*

Ж.П. и М. Друэ, И. Мартинесом и Р. Хеем⁴⁸, «История. География. Средний курс»⁴⁹ И. Жильбера, М. Керводу и М. Деврана, «История, география, гражданское воспитание. Начальный курс»⁵⁰ О. Бельбеош, «История Франции»⁵¹ А. Бенджеббара, «История. География. Начальный курс»⁵² Моник Бенуа и Ж.-М. Шарля, «История. Средний курс»⁵³ Моник Бенуа, Жизель Шовен, Мари-Клод Дезер и Жаклин Лалуэт, «История, география, гражданское воспитание. Начальный курс»⁵⁴ под редакцией Ж. Комба, «История. Средний курс»⁵⁵ Ф. Бона, Х. Лакост, М. Лассера и О. Бальбеош. Учебники, изданные в 1990-е гг.: «История. Углубленный цикл»⁵⁶, «История, география, гражданское воспитание. Начальный курс»⁵⁷, «История, география, гражданское воспитание»⁵⁸. Из учебников, изданных уже в XXI в. – «История-география»⁵⁹ М. Кларю и Г. Дерманжяна и учебник по истории для начальной школы Жана Немо и Филиппа Монерона⁶⁰.

Речь не пойдет об официальных тиражах или фактических масштабах использования учебников на практике, ни тем более о степени усвоения учениками предлагаемого учебниками материала. Реальное влияние того или иного учебника на формирование представлений о

2 vol.; Nembrini, J.-L., Polioka, P., Bordes, J. Histoire: CE 2, livre du maître. P.: Hachette, 1987; Nembrini, J.-L., Polioka, P., Bordes, J. Histoire: CE 2. P.: Hachette, 1987.

⁴⁸ Drouet, J.P., Drouet, M., Martinez, Y., Hay, R. Histoire. CM 1 – CM 2. P.: Magnard, 1985. См. также: Drouet, J.P., Martinez, Y. Histoire-Geographie. CE 1. Magnard, 1985.

⁴⁹ Gilber,t Y., Kerveadou, M., Devrand, M. Histoire, géographie. CE. P.: Hachette 1985.

⁵⁰ Belbeoch, O. Histoire, géographie, éducation civique. CE. P.: Belin, 1986.

⁵¹ Bendjebbar, A. Histoire de la France. P.: Hachette, 1986.

⁵² Benoît, M., Charles, J.-M. Histoire, géographie: au cycle élémentaire. P.: Hatier, 1987.

⁵³ Benoît, M., Chauvin, G., Des Déserts, M.-C., Lalouette, J. Images et mémoires des français. Histoire. CM. P.: Hatier, 1985.

⁵⁴ Combes, J. (sous la dir. de). Histoire, géographie, éducation civique. Cours élémentaire. P.: F. Nathan, 1987. См. также: Combes, J., Mercier, A., Brillaud, A., Suire, L. Histoire-Géographie, cycle moyen: travaux dirigés, pour la maîtrise de l'espace et du temps. P.: F. Nathan, 1980.

⁵⁵ Bon, F., Lacoste, H., Lassere, M., Belbeoch, O. Histoire CM. P.: Belin. 1987.

⁵⁶ Bastien, L. (sous la dir. de). Histoire, cycle d'approfondissement 2e et 3e année. CM. Une terre, des homes. P.: Magnard, 1991.

⁵⁷ Baillat, G., Boulmer-Nguyen, J., Chevalier, J.-P., Chossenot, M., Demotier, A., Field, M., Gerard, R., Rouffignac, J., Szwarc, E., Thibault, J. Histoire. Geographie. Education civique. CE 2. P.: Nathan, 1995.

⁵⁸ Fournier, C., Mauras, A. Histoire-géographie-éducation civique. P.: Bordas, 1997.

⁵⁹ Clary, M., Dermanjian, G. Histoire-géographie. P.: Hachette, 2006.

⁶⁰ Nemo, J., Monneron, Ph. Manuel d'histoire de France. Cycle 3. P., 2007. См. также: URL: <http://www.lalibrairiedesecoles.com/medias/flipbooks/4/HISCE%20PAGEFLIP/index.html>.

прошлом остается за кадром нашего внимания. Мы можем оценить лишь инвективы («задумки», «посылы», «сигналы») авторов учебников, да и то – не углубляясь в толкование и интерпретацию их идеологических установок, а ограничиваясь анализом их дискурса.

Методика, предложенная в свое время и рабочими группами (комиссиями) по изучению школьных учебников разных уровней во Франции⁶¹, проста: каждый учебник анализируется, начиная с обложки, а затем страницы, посвященные Революции и Империи. Устанавливается общий объем, отводимый авторами на изучение этих периодов французской истории. Выбираются из текста имена собственные, термины, хронологические указания. Картинки и документы классифицируются по темам. Устанавливаются основные тематические приоритеты. Затем уже выясняется идеология авторов учебника: здесь важно даже не столько о ком идет речь в учебнике (а о ком умалчивается), а как говорится о том или ином персонаже, о том или ином событии, здесь важны интонации.

Обложка важна – это собирательный или «ответственный за всю историю» образ (образы) прошлого Франции. Обложки встречаются многосоставные (композиционные): серия картинок по самым разным периодам и сюжетам. Есть и обложки, на которых отражена одна тема, один главный символ страны. Хотя не исключено, что авторы при подборе обложки руководствовались не идеологически, а чисто эстетическими соображениями⁶².

Что касается места (в чисто физическом смысле), которое занимает Революция в учебниках, то здесь не все так однозначно и просто, как это представлял В.С. Посконин, пугая марксистско-ленинских обыва-

⁶¹ См.: *Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne, 1989.*

⁶² По данным же В.С. Поскоина, из тридцати учебников, изданных во Франции для начальной школы с конца 60-х до середины 80-х гг. на обложках лишь двух из них встречаются революционные символы. См.: *Посконин, В.С. Указ. соч. С. 201. Это учебники: Francois, D., Francois, J., Haurez, R. L'époque contemporaine. P.; Bruxelles; Montreal, 1971; Boniffacio, A., Michaud, J. 1789-1940. L'époque contemporaine. P., 1971. Группа под руководством Ж.-М. Балднера и Ж.-П. Фейе, сосредоточившаяся исключительно на учебниках для начальных классов, установила, что обложки трех из 11 рассмотренных ими учебников целиком посвящены Французской революции: на одном изображен праздник Федерации (акцентируется идея единства Франции), на другом – взятие Бастилии (акцентируется основополагающее в борьбе за свободу событие), на третьем – Руже де Лилль, поющий «Марсельезу» (акцентируется идея родины, патриотизма). Не менее показательны, что ни на одной обложке нет символов, связанных непосредственно с наполеоновской империей. См.: *Baldner, J.-M., Feuillet, J.-P. A l'école primaire // Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne. 1989.**

телей страны Советов «резким» сокращением с 1969 г. объема материала по Французской революции в новых «буржуазных» учебниках. В 50–60-е гг. количество уроков, посвященных Французской революции, составляло в среднем до 8,5% от общего объема уроков⁶³. С 1969 г. постарались отойти от «линейно-хронологической истории-рассказа» в пользу «проблемной истории»⁶⁴. Но...

Во-первых, оказалось, что французов не так то легко отлучить от их любимых патриотических мест! В учебнике 1969 г. М. и С. Шоланж 5 из 63 – уроки по Французской революции, т. е. 7,9%. Но уже в 1974 г. в их учебнике революции было посвящено 11,6% уроков⁶⁵. Эти показатели колеблются от четырех страниц (2,5% общего объема) в учебнике издательства «Colin» 1985 г. до восемнадцати страниц (12,4% общего объема) в учебнике издательства «Belin» 1987 года. Во-вторых, в учебниках для средней школы цикла «история-география» Французской революции отводится от 15 до 22%. При этом авторского текста только 1/3, остальное – иллюстрации и источники, а акцент делается на первый этап революции: 1789–1792 гг. В-третьих, необходимо заметить, что объем не зависит от оценки. В указанном учебнике издательства «Colin» Революция занимает всего 2,5%, а описание событий вполне благожелательное. В учебнике издательства «Belin» Революция занимает 12,5%, а отношение к ней более враждебно⁶⁶. В-четвертых, тенденция к сокращению объема материала, посвященного Французской революции и наполеоновской империи, пропорционально общему объему учебника в большей степени затронула учебники для колледжей и лицеев. Связано это, как представляется, вовсе не с забвением французами своего революционного или имперского прошлого, а с изменением общей концепции таких учебников, включением в них антропологически ориентированного материала.

Из 25 персонажей, упоминаемых в текстах учебников для начальных классов в связи с Революцией, преобладают (по частоте упомина-

⁶³ См., напр.: *Audrin, E., Dechappe, M. et L. Notre France, son histoire. Cours élémentaire des école primaires. P.; Limoge; Nancy, 1958; Grimal, H., Voreau, L. Histoire de France. Cours élémentaire. P., 1965; Pradel, E., Vincent, M. Histoire de France. Cours élémentaire. P., 1967.*

⁶⁴ *Mariel, A., Legrand, J., Cruchet, M. Guide pédagogique pour l'enseignement élémentaire. Le manuel de l'école d'aujourd'hui. P., 1971. P. 74. Цит. по: Поконин, В.С. Указ. соч. С. 202.*

⁶⁵ *Chaulanges, M., Chaulanges, S. Premiers images d'histoire de France. Cour élémentaire. P., 1969; Chaulanges, M., Chaulanges, S. Images et récit d'histoire de France. Cour élémentaire. P., 1974.*

⁶⁶ *Mollier, J.-Y. Rapport introductive. Les manuels scolaires et la Révolution française (1789–1989) // Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Creteil 7 juin 1989. Val de Marne, 1989. P. 25.*

ний) два прямо противоположных – Робеспьер и Людовик XVI. Чаще всех упоминается Людовик XVI, Робеспьер идет за ним с большим отрывом (его имя встречается в 6 раз реже, чем короля), но при этом Людовик называется собственно по имени в 2,2 раза реже, чем просто «король». Вслед за Робеспьером идут Дантон⁶⁷, Бонапарт, Марат и Сен-Жюст. Редко, но все же встречаются Байи, Карно, Шаретт, Демулен, Дрё-Брезе, Гош, Журдан, Келлерман, Клебер, Лафайет, Ларошежаклен, Марсо, Мирабо, Моро, Руже де Лилль, Сийес⁶⁸. Мы видим, как акцентирование на нескольких ключевых персонажах помогает создать образ Революции, в котором политический выбор индивидов и стратегии власти преобладают над социальным движением (особенно в первые годы революции, когда речь заходит о королевских решениях).

Из институтов времен Революции наиболее часто упоминаются Генеральные Штаты, Учредительное собрание и Конвент. За ними идут Законодательное собрание, Комитеты общественного спасения и общественной безопасности и Директория. Из социальных и политических групп названы: духовенство, дворянство, третье сословие, буржуазия, народ, нация, эмигранты, шуаны, вандейцы, неприсягнувшие священники, жирондисты, монтаньяры, санкюлоты, якобинцы, кордельеры, бешеные, снисходительные. Основные понятия, упоминаемые в учебниках: привилегии, феодально-сеньориальные права, свобода, равенство, декларация прав, конституция, родина, террор, республика, демократия⁶⁹. Хронология революции. Авторы предпочитают самые капитальные даты, манера же в целом близка журналистской стилистике. Выделяются (по частоте упоминаний) 1789, 1792 и 1794 годы. Другие либо забыты (в 8 учебниках годы Директории вообще опущены), либо упомянуты только один раз. 1790 – как год праздника Федерации, 1791 –

⁶⁷ Вот отрывок из небольшой книжицы для начального курса «История-География» Виктора Шаню: «Дантон пропагандировал очень суровые меры против врагов Революции и голосовал за казнь короля, который будет гильотинирован 21 января 1793 г. Но его обвинили в желании свергнуть Робеспьера. Он будет гильотинирован по приказу Робеспьера и его друзей. Поднявшись на эшафот, он скажет знаменитые слова: «Палач, ты покажешь мою голову народу. Она это заслужила!» (См.: *Chagny V. Histoire-géographie: cours élémentaire. P., 1985*).

⁶⁸ *Baldner, J.-M., Feuillet, J.-P. A l'école primaire // Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne, 1989.* В учебниках для средних классов картина примерно такая же. Только «призовые места» с Людовиком XVI и Робеспьером разделит Бонапарт.

⁶⁹ *Ibid.*

как год измены короля, 1793 – как год смерти Людовика XVI, 1799 – как год государственного переворота Бонапарта⁷⁰.

Подобная картина Революции, в которой Робеспьер едва виден за спиной Людовика XVI, а Дантон вообще в глазах школьников выглядит как вполне справедливо наказанный за то, что «обижал» короля, в свое время вызвала у взрослых поклонников революции охи и ахи. Утверждалось, что «коллективной памяти нации нанесен чувствительный урон»⁷¹. Но следует иметь в виду, что в данном случае речь все же должна идти не о всей нации, а лишь о ее «демократической» части. Эволюция же оценок событий конца XVIII – начала XIX вв. в этих учебниках связана с общими установками на общеевропейское видение («евроучебники»), плюрализм и демистификацию истории.

Отвести одинаковое количество строк под описания всех сторон и событий революции невозможно, поэтому авторы то стараются хоть как-то прописать историческое полотно, то ограничиваются пунктирами. С событийно-хронологической точки зрения тематически материал учебников позволяет выделить следующие основные сюжеты: «Франция в 1789 году», «Террор», «Пришествие Бонапарта к власти»⁷².

Франция 1789... Рисуеться образ страны в тяжелом кризисе, особенно акцентируется внимание на финансовой системе – «несправедливой» или «неспособной к улучшению» – а также на привилегиях. Упоминания о борьбе буржуазии за власть или крестьян против феодальных порядков выглядит чем-то случайным, маргинальным для общей интонации учебников.

Вот несколько примеров.

«В 1789, чтобы голосовать за новые налоги король Людовик XVI созывает “Генеральные штаты”: объединение (reunion) представителей духовенства, дворянства и третьего сословия (des bourgeois et des paysans)». Среди избранных от третьего сословия находится Мирабо. Это мелкий дворянин из Прованса «внешность грандиозная и сверкающая», «его жизнь усеяна скандалами и изрешечена непоплаченными долгами». Так как дворяне не хотели его видеть

⁷⁰ Великие события 1789 – 5 мая, 20 июня, 14 июля, 4 августа и более редко – 26 августа и 5–6 октября; 1790 – 14 июля; 1791 – 20–21 июля; 1792 – 20 апреля, 10 августа, 20 и 22 сентября; 1793 – 21 января; 1794 – 26 июня, 27–28 июля; 1799 – 9–10 ноября (См.: *Baldner, J.-M., Feuillet, J.-P. A l'école primaire // Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne, 1989. P. 87*).

⁷¹ *Dumas, J. Le cas Danton // Ecole et Nation. 1983. № 336. P. 45.*

⁷² Оставляю здесь без внимания проблемный (сквозной) сюжет «Женщины и Революция» или мотив «Завоевания Революции», почти нигде не выделяемый в самостоятельный сюжет, а «размытый» по нескольким параграфам.

среди депутатов, он был представлен с членами третьего сословия. Это они вызвались проэкзаменовать финансовую ситуацию в стране и, прежде всего, рассмотреть вопрос о конституции, ограничивающей власть короля в этом вопросе. Король и его друзья не ожидали такого поворота. Когда маркиз Дрё-Брезе по приказу короля поставил вопрос перед членами Генеральных Штатов о прекращении деятельности Собрания, Мирабо вскричал: «Идите и скажите вашему хозяину, что мы здесь по воле народа и что нас выведет отсюда только сила штыков». Король, подчиняясь воле обстоятельств, все же тайно искал поддержки у европейских монархов против революции. Он даже пытался сбежать и прибегнуть к вторжению иностранных армий для восстановления своего трона. Но его план потерпел крах, его лишили всех прав и заключили в тюрьму Тампль. 11 июля 1792 г. Собрание объявило родину «в опасности» и депутат Дантон активно участвовал в поднятии масс. Внешне он был некрасив, но обладал талантом блестящего оратора. В одной из своих речей он воскликнул: «для победы нужна отвага, еще раз отвага и опять отвага, тогда Франция спасется». Победа при Вальми позволила отбросить иностранные армии за пределы Франции⁷³.

География: Прованс, Тампль, Вальми. События: Созыв Генеральных Штатов, Вареннский кризис, объявление «отечества в опасности», победа при Вальми. Третье сословие опять определяется с помощью термина «буржуа», из деятелей революции только четыре фигуры: Людовик XVI, Мирабо, Дантон и довольно неожиданно – Дрё-Брезе. Последний – явно фигура второстепенная – упомянут словно лишь для того, чтобы уравновесить количество присутствующих в тексте сторонников углубления революции и ее противников. Вероятно, именно желанием показать революционеров не как памятников, а «как живых» можно объяснить некую противоречивость их образов: Мирабо – грандиозный, но скандальный, Дантон – некрасивый, но красноречивый. Мораль же в том числе и такова: можно иметь долги, плохую репутацию, быть некрасивым, но войти при этом в историю из-за своей любви к родине и свободе. Помимо того, что революция началась в 1789 г., школьники должны знать лишь одну дату 11 июля 1792 г., когда их родина была объявлена «в опасности». В. Шаню уже расставляет для

⁷³ Chagny, V. Histoire-géographie: cours élémentaire 1. P.: A. Colin, 1985. См. также: Histoire, géographie: cours élémentaire 1: guide pédagogique / Victor Chagny, Gracia Dorel-Ferré, Claude et Françoise Picot. P.: A. Colin-Bourrelier, 1987; Dorel-Ferré, G., Chagny, V. Histoire-géographie: cours élémentaire 2 / Victor Chagny, Gracia Dorel-Ferré. P.: A. Colin, 1985.

памятливых юных французов вехи национальной гордости: «Вальми» – «отважные французы» – «победа над иностранцами».

«Революция 1789 положила конец абсолютной власти короля во Франции. 14 июля 1789 парижане взяли Бастилию и провозгласили свободу и равенство всех людей. Король Людовик XVI не мог больше принимать решения без согласия представителей народа. Людовик XVI не принял Революцию. В 1791 он попытался покинуть Францию, но был арестован в Варенне близ немецкой границы. Он был заключен в тюрьму. Республика провозглашена в сентябре 1792. Король Людовик XVI гильотинирован⁷⁴, Республика была под угрозой и революционеры ее спасли»⁷⁵.

География: Бастилия, Варен. События: взятие Бастилии, бегство короля, провозглашение республики, казнь короля. Понятие «абсолютная власть» не раскрывается, но чуть ниже дается уточнение «абсолютизма» методом «от обратного»: принятие решения без согласия представителей народа». Утверждаются высшие политические ценности – «республиканская форма правления». Революционеры дали людям «свободу и равенство», власть короля ограничили. Не вдаваясь в детали и не пытаясь придерживаться исторической правды, констатируется, что «король революцию не принял», пытался бежать, но был пойман «у немецкой границы»...

«После редакции наказов избранные представители французов в мае 1789 встретились в Версале. Но король Людовик XVI и дворянство противились просьбам третьего сословия. В течение лета 1789 крестьяне восстали против своих сеньоров. В Париже народ атаковал и взял Бастилию⁷⁶. Депутаты, объединенные в Национальное собрание, решили упразднить привилегии и приняли Декларацию прав человека и гражданина. Эта декларация провозглашала, что “люди рождаются и остаются свободными и равными в своих правах”. Санкюлоты были прежде всего ремесленниками, которые жили в народных кварталах больших городов. С фригийским колпаком – символом свободы – на голове они активно участвовали в революции»⁷⁷.

География памятных мест: Версаль и Бастилия. События, которые надо запомнить: собрание депутатов, взятие Бастилии, приня-

⁷⁴ При этом нигде не объясняется, что такое «гильотинировать»!

⁷⁵ *Combes, J.* (sous la dir. de). *Histoire, géographie, éducation civique. Cours élémentaire.* P.: F. Nathan, 1987. См. также: *Combes, J., Mercier, A., Brillaud, A., Suire, L.* *Histoire-Géographie, cycle moyen: travaux dirigés, pour la maîtrise de l'espace et du temps.* P.: F. Nathan, 1980.

⁷⁶ Также нигде не объясняется ни что это такое, ни зачем ее надо было «брать».

⁷⁷ *Fournier, C., Mauras, A.* *Histoire-géographie-éducation civique.* P.: Bordas, 1997.

тие Декларации. Не уточняется какие такие «привилегии» были упразднены, кто такие «фригийцы», но с социальной точки зрения объясняется термин «санкюлот» – ремесленник. Так выстраивается смысловой ряд: революция против привилегий и за свободу, а ее главная движущая сила – население «народных кварталов». Символ свободы – «фригийский колпак».

Примеры из учебников для средних классов.

«В XVII–XVIII вв. общество состояло из трех сословий: духовенства, дворянства и третьего сословия (буржуа и крестьян). Третье сословие одно несло всю тяжесть налогов. По запросу короля каждое из трех сословий составило “наказы”. 5 мая 1789 избранные депутаты отнесли их в собрание Генеральных Штатов»⁷⁸. Королевская власть в данном отрывке даже не персонифицирована: имя Людовика не называется. «Третье сословие» определяется с помощью термина «буржуа», семантика которого с научной точки зрения не столь уж и очевидна, но французскому школьнику начала 1990-х гг., вероятно, должна быть понятна.

«Франция в 1789 процветала, но общество было глубоко неравноправно. Оно было разделено на три сословия: духовенство, дворянство, третье сословие. Духовенство и дворянство обладали привилегиями и почти не платили налогов. Третье сословие одно несло тяжести фискальных повинностей (талья, габель). Абсолютная власть короля стала невыносима обществу, открытому новым философским идеям. Все желали реформ. Людовик XVI в поисках денег и идеи как выйти из кризиса решил собрать Генеральные Штаты и составить по всему королевству указы депутатам»⁷⁹. Кризис Старого Порядка представлен, прежде всего, как кризис финансовый: страна процветает, а денег у государства нет. Описание Старого Порядка в предреволюционной Франции акцентировано на несправедливости общественного уклада. Начало революции описано так, чтобы учащимся привить инициативность, решительность, смелость в принятии решений: «Депутаты третьего сословия взяли дело в свои руки и провозгласили себя Национальным собранием». Далее в довольно сжатой форме перечисляются основные решения, события и (одновременно) символы революции. «Этим же летом 1789 восставший народ Парижа разрушил Бастилию, символ королевского самоуправства. Позднее, 14 июля 1790 Франция с энтузиазмом отпраздновала день Федерации. Но появились трудности: король хотел бежать, разразилась война с Европой. Вторжение врагов остано-

⁷⁸ См.: Bastien, L. (sous la dir. de). Histoire, cycle d'approfondissement 2e et 3e année. SM. Une terre, des homes. P.: Magnard, 1991.

⁷⁹ Bon, F., Lacoste, H., Lassere, M. Histoire. SM. P.: Belin, 1987.

но при Вальми. <...> Народ захватил Тюильри (10 августа 1792) и король был казнен. Провозглашена Республика (сентябрь 1792)»⁸⁰.

Иллюстративный ряд (собран из разных учебников). Чаще всего – взятие Бастилии. Но есть также и «взятие Тюильри», карикатуры, изображающие задавленное положение третьего сословия, вариации на тему «санкюлоты» (от репродукций полотен известных художников, до стилизации под детские рисунки).

За исключением одного учебника, который останавливает свое повествование о Революции январем 1793, ни один из учебников не смог обойти тему террора. Одни учебники (меньшая часть) откровенно враждебны террору, другие (большинство) предпочитают описывать его как явление неотвратимое, вписывать его в общий контекст Революции: террор не прощается, но ему придается смысл⁸¹. Но точных данных не приводится, экономические причины упоминаются редко.

Вот, например, как описываются времена Террора и Робеспьера в учебнике «среднего курса» Жака Грассе, Роже Коле и Роже Вадье «Наша история», выпущенного издательством «Hachette» в 1981 г.: «Тем временем война продолжалась: десять европейских государств создали против Франции коалицию, тогда как вандейские крестьяне подняли восстание против Республики. В виду таких опасностей были приняты исключительные меры: при поддержке парижского народа – “санкюлотов” – сформировано временное правительство

⁸⁰ Ibid. Для сравнения – учебник «Наша история». События: Вареннский кризис, объявление войны, «отечество в опасности», восстание в августе 1792 г., победа при Вальми, провозглашение республики, казнь короля. Подчеркивается значимость событий во Франции для всей Европы: Революция дала надежду «всей Европе», но поворотным моментом было бегство короля. «Сообщничество» короля (термин с уголовным подтекстом) с иностранными суверенами – врагами революции внушило некоторым депутатам мысль о «полезности войны». Декретирование «отечества в опасности» вызвало «всеобщее воодушевление». О неудачах на фронтах – ни слова, лишь ниже неожиданно выяснится, что победа при Вальми «остановила вторжение». В этом учебнике вообще ни одного имени-фамилии, кроме Людовика XVI, революционеры спрятаны за «народом» или «восставшими»: «Французский народ обвинил Людовика XVI в измене: 10 августа 1792 королевский дворец Тюильри был атакован и взят. Король и его семья заключены в тюрьму». Это восстание 10 августа 1792 описывается едва ли не подробнее, чем взятие Бастилии, буквально по часам и квалифицировано как «вторая революция». Но дальнейшие события изложены опять весьма «пунктирно»: всеобщее избирательное право, Национальный Конвент, провозглашение Республики, казнь короля (См.: *Grasser, J., Colet, R., Wadier, R. Notre histoire: Cycle moyen. P.: Hachette, 1981*).

⁸¹ *Baldner, J.-M., Feuillet, J.-P. A l'école primaire // Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne. 1989. P. 92.*

из молодых депутатов – Робеспьера, Дантона, Сен-Жюста и др. Правительство решило “поднять массы”, мобилизовать всех французов, чтобы поправить военное положение. Но Конституция более не применялась: свободы приостановлены, цены и зарплата стали контролироваться, закрываются церкви. Юстиция находится в руках революционеров, которые устанавливают режим террора. Были гильотинированы тысячи подозрительных. Революционеры из-за того страха, который они внушали, вызывали к себе ненависть. В 1794 Робеспьер и его друзья были арестованы и казнены. Вторая революция закончилась. В течение пяти лет буржуазия находилась у власти и пыталась поддержать Республику, но она не смогла противостоять роялистам, внешним врагам и финансовым трудностям»⁸².

В целом с большей симпатией по отношению к Робеспьеру преподносит детям эпоху террора В. Шаню: «Адвокат из Арраса, избранный депутатом от третьего сословия в Генеральные Штаты, Робеспьер быстро проявил себя как один из самых здравомыслящих революционеров, но одновременно и как один из самых непримиримых. В 1792 г. Франция стала Республикой. Робеспьер со своими друзьями отныне является членом Комитета общественного спасения и истинным хозяином страны. Чтобы уменьшить число врагов Нации он устанавливает Террор. В это время Робеспьеру 35 лет. Так как он одевался всегда элегантно и с особой тщательностью, пудрил волосы, враги прозвали его “Господин”. Эти враги считали его тираном, в то время как он мечтал о стране, где не будет ни бедных, ни богатых, а только равноправные граждане, подчиняющиеся законам и заботящиеся об общественном благе. Сам он был человеком честным и добропорядочным, за что получил прозвище неподкупного. Его враги, те которых он беспокоил или которым он угрожал, ожидали момента, чтобы свергнуть его. Когда революционные армии одержали решительную победу над войсками австрийского императора при Флерюсе, исчезла угроза вторжения, Робеспьер был арестован и гильотинирован. Его младший брат, Сен-Жюст и еще некоторые товарищи приняли смерть вместе с этим человеком, чьим идеалом было защищать народ свободный, равный и братский»⁸³. Эпитеты, применяемые к Робеспьеру, формируют чисто позитивный образ: «здравомыслящий», «непримиримый», «элегантный», «честный», «доб-

⁸² Grasser, J., Colet, R., Wadier, R. Notre histoire: Cycle moyen. 1-re année. P.: Hachette, 1981.

⁸³ Histoire-géographie: cours élémentaire 1 / Sous la dir. de Victor Chagny. P.: A. Colin, 1985. См. также: Histoire, géographie: cours élémentaire 1: guide pédagogique / Victor Chagny, Gracia Dorel-Ferré, Claude et Françoise Picot. P.: A. Colin-Bourrelhier, 1987; Dorel-Ferré, G., Chagny, V. Histoire-géographie: cours élémentaire 2 / Victor Chagny, Gracia Dorel-Ferré. P.: A. Colin, 1985.

ропорядочный». Для детей эмоционально важно, что Робеспьера окружали не просто «сторонники» или «соратники», а «друзья» и «младший брат». Он боролся не с кем-нибудь, а с «врагами нации». И только коварные и неблагодарные «враги нации» (обезличенные, деперсонифицированные) могли гильотинировать этого борца за интересы народа. Сама триединая формула Революции – «свобода, равенство и братство» – ассоциируется с именем Робеспьера.

Иллюстративный ряд, который сопровождает главы о временах Террора: Дантон, Робеспьер, Мирабо, утопление в Луаре противников Революции, «дерево Свободы», марш марсельцев с нотами «Марсельезы», карта Франции на 1793 – «ужасный год» – на которой показаны зоны контрреволюционных восстаний и направления «атак иностранцев» и, конечно, Гильотина. Гильотина – главная героиня Террора. «Это неотъемлемая часть ментального пейзажа французов, когда речь заходит о Революции»⁸⁴.

Что касается учебников «среднего курса», то здесь изменения связаны в первую очередь с отказом от гегемонии учебника Э. Лависса с его ярко выраженным республиканским духом и энциклопедизмом⁸⁵. Содержание учебников было «облегчено», а оценки революционных событий смягчены. В учебниках для средней школы цикла «история-география» в описании революции в целом преобладает история политическая и институциональная (особенно в цитируемых источниках и литературе). При этом попытка удержать идеологическое равновесие приводит к чисто механическому балансу: две страницы – санкюлотам, две страницы – вандейцам. Молчанием обходят культурную и научную историю (в лучшем случае упоминается Давид). В некоторых учебниках представлены и социально-экономические сюжеты: досье о санкюлотах и т. п. Очень мало места отводится крестьянству. После упоминания о «великом страхе» и «ночи чудес» крестьянский мир со страниц учебников исчезает. Что касается времен Террора, то описание робеспьеристской политики ограничивается часто лишь ее репрессивным аспектом. При этом ответа на вопрос, каковы были истинные намерения Робеспьера, ученикам не дается.

Между учебниками для средней школы цикла «История» отличий еще больше. Это связано с изменениями в Программе по истории (по

⁸⁴ Baldner, J.-M., Feuillet, J.-P. A l'école primaire // *Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne. 1989. P. 93.*

⁸⁵ Последнее его издание – 1959 год. См.: *Lavisse, E. Histoire de France. Cours moyen. P., 1959.* Но традиции Лависса поддержаны в учебнике Э. Праделя и М. Винсана. См.: *Pradel, E., Vincent, M. Histoire de France. Cours moyen. P., 1965.*

сравнению с программой по «истории-географии»): Французская революция из раздела «наследие европейской цивилизации» перекочевала в самостоятельный раздел. Поэтому в учебнике «Hachette» 1985 г. Революции посвящено 5 страниц, а в учебнике 1987 г. – уже 53 страницы⁸⁶. Увеличение объема имеет следствием и более явные различия в изложении и интерпретации событий. Это касается и общего объема текста, и объема иллюстративного материала, и количества упоминаемых исторических деятелей, которые могут отличаться от учебника к учебнику в разы. Некоторые учебники отдают предпочтение тематическим досье, а некоторые – авторским текстам. Поскольку ученики уже более «просвещенные», авторы этих учебников имеют возможность углубить знания школьников по некоторым прежним темам, а также раскрыть новые темы, которые отсутствовали на уровне «История-география». Новые темы – это: историография, Революция и Европа, буржуазия и крестьянство. Но по-прежнему очень бегло описаны Директория, участие женщин в революции, культурная и научная жизнь, колониальный вопрос. Следует отметить стремление авторов учебников занять идеологически нейтральные позиции (насколько это возможно). Как следствие, упрощенное видение республиканской или контрреволюционной традиций исчезло из учебников, авторы учебников стремятся представить больше источников и иллюстраций, что затрудняет восприятие текста учеником, но дает преподавателю возможности для сравнения и комментирования.

На вторую половину истории Революции в учебниках подробной карты не дается, только «кроки». На термидорианский период и период Директории отводится очень мало места⁸⁷. Многие учебники рассматривают 1794–1799 гг. как бы в скобках, как небольшое отступление в повествовании между мантаньярским Конвентом и диктатурой Бонапарта. (Ради справедливости заметим, что так же поступают авторы учебников и с другими историческими периодами, например, царствованием Людовика XV или Веймарской республикой). Но даже там, где уделяется какое-то место периоду Директории, фактически речь ведется больше о генерале Бонапарте. Авторы учебников довольно скупо, как бы неохотно или мимохо-

⁸⁶ Mesnard, E. Dans le secondaire // Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne. 1989. P. 103.

⁸⁷ Например, в учебнике издательства «Hatier» – 18 строчек в главке «Невозможная стабилизация», за которой следует глава уже о наполеоновском правлении «Восстановленная стабильность». Подр. см.: Mesnard, E. Dans le secondaire // Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne. 1989. P. 99.

дом, штрихами набрасывают картину развития Революции в период Директории: их перо оживает, а красноречие просыпается лишь при упоминании Бонапарта⁸⁸. Поэтому в качестве отдельного сюжета в учебниках имеет смысл выделить «Пришествие Бонапарта к власти» или «конец Революции».

«Новая книга по истории Франции» Мишеля Балло так рисует события: «По Конституции III года законы принимались двумя Ассамблеями. Эти ассамблеи выбирали пять Директоров. Отсюда пошло название режима – Директория. Директория оказалась в трудной ситуации. Страна разрушена. Развитие индустрии и торговли очень замедлилось. Многие поля не обрабатываются. Банды грабителей нападают на дома. Французы отказываются платить налоги. Ассигнаты (бумажные деньги, предназначенные для выкупа конфискованных Учредительным собранием земель духовенства и дворянства) больше почти ничего не стоят. Директория не имеет денег. Продолжается война с роялистами, которые вновь поднимают оружие в Венде, а также с Англией, Австрией и их итальянскими союзниками, так и не подписавшими мир. Погрязшая в беспорядках, страна искала себе избавителя (*sauveur*). Его нашли в лице Бонапарта»⁸⁹.

Отметив, что банды грабителей и неуплата налогов стоят рядом в перечне французских «беспорядков», которые должны вызвать сочувствие и негодование у юных республиканцев поколения 1960-х, сосредоточимся на главном: Бонапарт – избавитель. Естественно, далее следует краткое объяснение, откуда взялся этот избавитель: «Бонапарт одержал великие победы. Этот корсиканец из захудалого дворянства, которому в 1789 году было 20 лет, уже отличился во времена Конвента при взятии Тулона, захваченного англичанами. Став генералом, он назначен командующим армией в Италии. Итальянская компания. Директория, чтобы достичь Вены, атаковала австрийцев в Италии и Германии. В то время как французские армии под командованием Журдана и Моро были вынуждены снова вернуться за Рейн, Бонапарт везде побеждает. <...> Он разбил австрийцев при Арколе и Риволи и двинулся на Вену. Победенные австрийцы подписали Кампо-Формийский договор, по которому Франции отошли Нидерланды, а французская граница была снова установлена по Рейну. Компания в Египте. В состоянии войны с Францией осталась одна Англия, но Бонапарт отказался атаковать ее прямо. Чтобы перекрыть дорогу в Индию, откуда англичане по-

⁸⁸ Показательно, что иллюстрации практически отсутствуют: в лучшем случае школьник мог увидеть портрет Барраса.

⁸⁹ *Ballot, M. Nouveau livre d'histoire de France. P.: Colin, 1967.*

лучали большую часть своих богатств, он посредством победы в битве при Пирамидах стал хозяином Египта. К несчастью в порту Абукир французский флот был разбит, а Бонапарт узнал, что Франции угрожает новая война с Австрией, Пруссией и Россией. Бонапарт положил конец Революции. Бонапарт незамедлительно возвращается в Париж, где его приняли как избавителя (*sauveur*)»⁹⁰. Повторение – мать учения: избавитель!

Для сравнения приведем отрывок из учебника того же времени: «Депутаты Конвента к концу 1795 года выделили комитет из пяти членов, который именовался Директорией и управлял страной. Депутаты же образовали два совета, призванные вотировать налоги. Режим Директории продлится до конца 1799 года. В течение этих четырех лет во Франции было много бед. С одной стороны в оппозиции находились еще довольно многочисленные роялисты, с другой – бывшие члены Конвента, желавшие восстановить террор. После 1795 продолжалась война с Англией и Австрией. Директория главой армии назначила молодого генерала Наполеона Бонапарта. Бонапарт родился в 1769 в городе Аяччо на Корсике. До революции был офицером королевской армии. Его прославила в 1796 война, которую он вел в Италии против австрийцев. Он разбил австрийцев при Лоди и вошел в Милан. Он также одержал победы при Арколе и при Риволи. Побежденные австрийцы запросили мира. Затем Бонапарт предпринял экспедицию в Египет, направленную против Англии. Он победил египтян в битве при Пирамидах. Но англичане разрушили наш флот, и эта победа оказалась бесполезной. Бонапарт вернулся во Францию»⁹¹. Мы видим, что информации еще меньше, а при описании последнего периода в истории Революции целый ряд понятий повторяется: пять директоров, налоги, беды, роялисты, Англия и Австрия. Что касается Бонапарта, то география (сводная по двум учебникам) такова: Корсика, Аяччо, Тулон, Вена, Рейн, Италия, Лоди, Милан, Арколь, Риволи, Кампо-Формио, Нидерланды, Англия, Индия, Египет, Пирамиды, Абукир, Австрия, Пруссия, Россия, Париж. Совпадают: Корсика, битвы при Арколе, Риволи и Пирамидах.

Поколение французских школьников второй половины 1980-х должно было усвоить следующее: «С 1795 по 1799 годы новый режим Директории заменил режим Конвента. Депутаты Директории ненавидели (*haïssent*) и роялистов, и санкюлотов. Они наносили

⁹⁰ *Ballot, M. Nouveau livre d'histoire de France. P.: Colin, 1967.*

⁹¹ *Bonifacio, A., Maréchal, P. Histoire de France. Cours moyen. 1-ère année. P.: Hachette, 1964.*

удары то вправо, то влево. Общественная жизнь дезорганизована, государственная казна пуста, а Франция постоянно в состоянии войны. Наши армии завоевали левый берег Рейна, Бельгию, часть Голландии. Наши солдаты могли набрать полны руки добра из иностранных сундуков, и война кормила нацию. В 1796 году Директория доверила армию в Италии генералу Бонапарту. Но разве это армия, когда солдаты в лохмотьях, без хлеба, без мяса, без пушек? Эта армия бродяг прошла по Италии и доставила себе штыками все, чего ей не хватало. Французские знамена развивались над Миланом, Венецией, Корфу. Корсиканский победитель диктовал свои законы в Италии, австрийскому императору, римскому Папе. Он отправил в Париж прекрасных бронзовых коней с венецианской базилики, а министру финансов – тридцать миллионов. Победоносный генерал вернулся в Париж в 1797 под шум возгласов одобрения. Но ему нет еще и тридцати, а мечта о славе – бесконечна. Он хочет видеть Каир, Нил, пирамиды и, как Александр Великий, мчаться среди песков пустыни. В мае 1798 он с тремя сотнями кораблей и тридцатью тысячами человек отправляется завоевывать Египет. Его кавалерия рассеялась по пустыни и исчезла как мираж. В 1799 он возвращается в Париж со шпагой в руке и готовый на все»⁹².

В более кратком и менее поэтическом варианте начальный этап биографии Бонапарта может выглядеть так: «Второй ребенок в одной многодетной семье, Наполеон Бонапарт родился в 1769 году в Аяччо. Обучался он вдалеке от родного острова, в колледже Бриенна, затем в военной школе. Он стал лейтенантом. Назначенный генералом в 24 года, он становится популярным после своих побед в Италии, самой знаменитой из которых была атака Аркольского моста (1796)»⁹³.

Иногда отдельным пунктом выделяется сюжет, который можно озаглавить «пришествие Наполеона к власти». И для начальных и для средних классов здесь установки схожи. В ходе обоих учебных циклов формируется образ «Бонапарта-избавителя».

«Франция тогда переживала очень трудный период, и правительство было неспособно восстановить порядок. Наполеон Бонапарт взял власть в свои руки»⁹⁴. Или: «Во времена Революции Франция вела войну с соседними странами, которые боялись ее революционных идей. Благодаря своему уму, своей способности увле-

⁹² Bendjebbar, A. Histoire de la France. P.: Hachette, 1986.

⁹³ Belbeoch, O. Histoire, géographie, éducation civique. CE. P.: Belin, 1986.

⁹⁴ Ibid.

кать за собой армию в сражение и многочисленным одержанным им победам заставил обратить на себя внимание молодой двадцатисемилетний генерал Наполеон Бонапарт. Революция уже достаточно разочаровала французов, они полагали, что этот молодой генерал сумеет лучше организовать страну»⁹⁵. «Ему понадобилось несколько недель, чтобы свергнуть правительство Директории в ходе переворота 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799). Он восстановил режим личной власти (*le pouvoir personnel*). Так закончилась Революция. Она длилась десять лет. В 1799 власть вновь находилась в руках одного человека, как и перед 1789 годом. Франция жаждала порядка, безопасности, мира; она рассчитывала, что Наполеон Бонапарт их ей обеспечит. Впрочем, она не отказалась и от своих решающих завоеваний, перевернувших народы: свободы и равенства»⁹⁶. Бонапарт изображается как молодой, умный и победоносный полководец. Переворот объясняется не личными амбициями генерала, а тем, что это «французы» рассчитывали на его таланты не только как военного, но и как государственного деятеля. Порядок, безопасность и мир противопоставляется беспорядку, войнам и упадку («трудностям» или даже «бедствиям»). Смысл Революции раскрывается через абстракции «свободы» и «равенства», которые, в свою очередь, противопоставляются «режиму личной власти».

В другом месте тот же Друэ так изображает пришествие Наполеона: «Во Франции все были в восхищении от молодого корсиканца, который разбил австрийцев в Италии и вынудил их запросить мира. После завоевания Египта Бонапарт, используя свою популярность и при поддержке своих солдат, захватил силой власть, разогнав депутатов. Это был государственный переворот 18 брюмера (ноябрь 1799 года). Так закончилась Революция, которая длилась 10 лет. Как и перед 1789 власть принадлежала отныне только одному человеку»⁹⁷.

«Наполеон Бонапарт – персонаж исключительный (*exceptionnel*): он стал генералом в 27 лет. Он принадлежал той группе многочисленных офицеров, что были сформированы в ходе революционных войн. Это те, кто (будучи часто по происхождению «из простых»), откликнулись на призыв «Отечество в опасности». Убежденные в молодости в республиканских идеях, они одержимы энтузиазмом и необыкновен-

⁹⁵ Drouet, J.P., Drouet, M., Martinez, Y., Hay, R. Histoire. CM 1 – CM 2. P.: Magnard, 1985. См. также: Drouet, J.P., Martinez, Y. Histoire-Geographie. CE 1. Magnard, 1985; Gilbert, Y., Kerveadou, M., Devrand, M. Histoire, géographie. CE. P.: Hachette, 1985; Ibidem. Pour connaître la France. P.: Hachette, 1994.

⁹⁶ Ballot, M. Nouveau livre d'histoire de France. P.: Colin, 1967.

⁹⁷ Drouet, J.P., Drouet, M., Martinez, Y., Hay, R. Histoire. CM 1 – CM 2. P.: Magnard, 1985.

ной стойкостью: в 1797 войска прошли за 4 дня 110 км, в течение которых приняли участие в трех сражениях!⁹⁸

«В 1796 революционные французские армии вели войну против Австрии. Один молодой генерал, Наполеон Бонапарт, вел войну на территории Италии и Австрии. В ходе этой кампании он одержал многочисленные победы; одна из самых знаменитых – на Аркольском мосту. Он предпринял завоевание Египта, чтобы одолеть здесь могущество англичан. После серии побед его флот был разбит. Он вернулся во Францию, где был принят триумфально. Опираясь на свою популярность в армии, Бонапарт в ноябре 1799 захватил власть путем государственного переворота. Он заключил мир с Австрией и Англией. Став Первым Консулом Республики он, усилил свою власть»⁹⁹.

В начале 1980-х гг. учебники «среднего курса» пережили ряд экспериментов¹⁰⁰, но Наполеон по-прежнему представлен в них как человек, который сумел положить конец «беспорядкам, царившим в стране»¹⁰¹, как «истинный спаситель» Франции¹⁰².

Нехитрое сведение в одном предложении даты присоединения Корсики и рождения Наполеона создает впечатление, что это сама Судьба подарила Франции спасителя: «В эти времена превратностей и переворотов щуплая фигура с желтым цветом лица и грязью под ногтями воспользовалась выпавшим ей шансом. Корсика стала французской в 1768 г., а 15 августа следующего года в Аяччо родился Наполеон Бонапарт. Он стал лейтенантом благодаря Людовику XVI, генералом – благодаря Робеспьеру, командующим армией – благодаря убийцам Робеспьера. Этот человек с трудно расчесываемыми длинными волосами – гений войны. Со своими пушками он мог делать все. В 1793 г. он отвоевал у англичан Тулон, а в 1795 г. раздавил роялистский мятеж на улицах Парижа»¹⁰³. «Победоносный генерал захватил власть. Наполеон Бонапарт родился в Аяччо в 1769 г. Офицер во времена Революции, он принял участие в войнах между Францией и королевствами Евро-

⁹⁸ *Grasser, J., Colet, R., Wadier, R. Notre histoire: Cycle moyen. P., 1981.*

⁹⁹ *Baillat, G., Boulmer-Nguyen, J., Chevalier, J.-P., Chossenot, M., Demotier, A., Field, M., Gerard, R., Rouffignac, J., Szwarc, E., Thibault, J. Histoire. Geographie. Education civique. CE 2. P.: Nathan, 1995.*

¹⁰⁰ То ретроспективное изучение материала, то акцентирование в текстах учебника первичных источников, то справочно-информационная композиция (См.: *Grasset, J., Colet, R., Wadier, R. Notre Histoire. Cycle moyen. P., 1981; Wirth, P. Histoire de France. Cycle moyen. P., 1981; Bégué, S., Clias, R., Meuleau, M. La France et les Français autrefois. Activités historiques d'éveil. Cycle moyen. P., 1981).*

¹⁰¹ *Wirth, P. Op. cit. P. 102.*

¹⁰² *Chaulanges, M., Chaulanges, S. Histoire de France. Cour moyen. P., 1966. Та же концепция сохранилась и в издании этого учебника 1974 года.*

¹⁰³ *Bendjebbar, A. Histoire de la France. P.: Hachette, 1986.*

пы. В 24 года он был генералом. Победы сделали его очень популярным. В 1799 г. вместе со своей армией он захватил власть»¹⁰⁴.

Эти рассуждения и констатации сопровождаются соответствующими иллюстрациями: Бонапарт в Бриеннской школе, Бонапарт на Аркольском мосту, Бонапарту вручают ключи от Александрии...

Нашел в школьных учебниках отражение и период Консульства, который так же как и период Директории (по факту) связан в первую очередь с именем Бонапарта.

«Наполеон Бонапарт стал Первым Консулом. После государственного переворота 18 брюмера Конституция VIII года дала Франции правительство из трех консулов (людей, которые имели наиболее высокий авторитет в государстве). Они должны были исполнять законы, подготавливаемые и принимаемые Ассамблеями. В действительности же Бонапарт, названный первым консулом, обладал всей полнотой власти: постепенно он овладел почти всеми правами абсолютного монарха»¹⁰⁵. «Наполеон Бонапарт взял власть в 1799 г. и управлял в авторитарной манере, требуя верности и послушания во всем: это диктатор. Под надзор попали газеты, полиция контролировала все. Чтобы отблагодарить тех, кто ему верно служил, он создал Почетный легион. После революционных беспорядков он постарался примирить французов и консолидировать Францию. Он создал Банк Франции и ввел стабильную денежную единицу: франк. Он заставил открыть первые лицеи, поощрял строительство дорог, каналов и мостов, приветствовал развитие сельского хозяйства (например, разведение сахарной свеклы для производства сахара)»¹⁰⁶. Так французские сладкоежки узнали своего героя.

«18 и 19 брюмера VIII года (9 и 10 ноября 1799) Бонапарт стал хозяином Франции под именем Первого Консула. Консульство сме-

¹⁰⁴ См.: *Nembrini, J.-L., Polivka, P., Bordes, J. Histoire: CE 2. P.: Hachette, 1987; Nembrini, J.-L., Polivka, P., Bordes, J. Histoire: CE 2, livre du maître. P.: Hachette, 1987.* Или у тех же авторов, но в учебнике для средних классов: «С 1792 по 1799 Франция вела войну с королями Европы. Генерал Бонапарт одержал в Италии блистательные победы над австрийским императором, принципиальным врагом революционной Франции. Военные заслуги Бонапарта в Италии сделали его знаменитым. Внутри страны революция закончилась, но правительство не смогло восстановить порядок. Роялисты хотели вернуть Старый Порядок, а некоторые революционеры, напротив, жаждали всеобщего равенства между индивидами. Но <...> буржуа хотели восстановления порядка. Они думали, что только Бонапарт и армия могли бы прекратить беспорядки. В ноябре 1799 путем государственного переворота Бонапарт захватил власть. В 1804 он короновался императором» (*Nembrini, J.-L., Bordes, J., Polivka, P. Histoire CM. P.: Hachette, 1985*).

¹⁰⁵ *Ballot, M. Nouveau livre d'histoire de France. P.: Colin, 1967.*

¹⁰⁶ *Bon, F., Lacoste, H., Lassere, M. Histoire CM. P.: Belin, 1987.*

нило Директорию, Бонапарт закончил войну с Англией, подписав Амьенский мир в 1802 г. Он стал пожизненным Консулом»¹⁰⁷.

«Франция была в состоянии войны с 1792 г. Армии Республики отбросили врагов Революции. Солдаты II года несли принципы 1789 г. в Бельгию, Голландию, Италию. Англия, которая жила торговлей с континентом, не стерпела преобладания французов в Европе. Австрия, Пруссия, Россия не поддерживали существование Республики, угрожающей европейским монархам. Для них Наполеон был «Робеспьером на лошади». Эти державы объединились тогда в союз с Англией, чтобы свалить Революцию и Наполеона»¹⁰⁸.

Иллюстрации на тему «Бонапарт – Первый консул» или «Переворот 18 брюмера» представлены парадными полотнами или гравюрами известных художников, но встречаются и более назидательные: «Проводы рекрута в армию», «Бонапарт посещает мануфактуры», «Бонапарт в Египте» или опять-таки на Аркольском мосту (те учебники, что воздержались проиллюстрировать события из жизни Бонапарта до 1799 в связи с переворотом 18 брюмера теперь торопятся это сделать).

Агрегативным методом мы выяснили, как основные периоды революции освещаются в различных учебниках. Теперь, несколько сменив ракурс, посмотрим, как в одном отдельно взятом учебнике освещается вся революция целиком.

Созданный в 2007 г. издательский дом «Либрэр дез Эколь» выпустил учебник по истории для начальной школы Жана Немо и Филиппа Монерона с предисловием Э. Леруа-Ладюри¹⁰⁹. Почти 170 страниц, 19 глав и приложение «Французские династии». Хронология: от древних кельтов до Второй мировой войны. Отдельная глава – «Французская революция» и отдельная – «Наполеон Бонапарт».

Собственно Французской революции посвящены два параграфа, два урока. Первый урок носит нетрадиционное название – «Конец королевства», вместо ожидаемого – «Начало революции». Как если бы авторы испытывали смутное чувство неловкости перед малышами за всех взрослых, которые все дискусируют и не могут прийти к однозначному между собой мнению по, казалось бы, очевидному вопросу – «Когда началась революция?» Но все же без «начала» в описании процесса не обойтись и выясняется, что это «соб-

¹⁰⁷ Bonifacio, A., Maréchal, P. Histoire de France, CM-FE. Hachette, 1964.

¹⁰⁸ Nembrini, J.-L., Polivka, P., Bordes, J. Histoire: CE 2. P.: Hachette, 1987; Nembrini, J.-L., Bordes, J., Polivka, P. Histoire: CE 2, livre du maître. P.: Hachette, 1987; Idem. Histoire CM. P.: Hachette, 1985.

¹⁰⁹ Nemo, J., Monneron, Ph. Manuel d'histoire de France. Cycle 3. P., 2007. См. также: URL: <http://www.lalibrairiedesecoles.com/medias/flipbooks/4/HISCE%20PAGEFLIP/index.html>

рание Генеральных Штатов в 5 мая 1789 отметило начало революции¹¹⁰. Детям объясняется, что «революцией называют внезапное изменение способа управления страной и организации общества». Данная же революция «длилась почти 10 лет». Но и прежние места памяти, национальные праздники настойчиво требуют от авторов учебника доказательств своей легитимности. Поэтому юным французам тут же рекомендуется запомнить и взятие Бастилии – «королевской тюрьмы» в ходе мятежа (*émeute*) 14 июля 1789. Единственная иллюстрация все та же – «Взятие Бастилии». По всей видимости, на вопрос к параграфу «Когда началась Французская революция?» учитель будет удовлетворен ответом: «в 1789 году», не требуя уточнений, когда именно (едва ли в начальных классах будет уместна «свобода выбора» и историческая аргументация).

Следующий урок назван «Республика и Террор». Иллюстрация одна – «Жертвы гражданской войны в Вандее». Упоминаемые события: Вареннский кризис, восстание 10 августа 1792, сражение при Вальми, созыв Конвента, провозглашение республики, казнь короля, вторжение вражеских войск, восстание в Вандее и Бретани, террор Робеспьера, его арест и казнь, подписание мира с Пруссией, Голландией и Испанией.

Но здесь (при всем «минимализме» форм) важны интонации: король «боялся возможных отклонений Революции» и попытался «воссоединиться с семьей Марии-Антуанетты». Это некие «революционеры» убедили парижан, что король жаждет победы врага, чтобы положить конец Революции. Тюильри был атакован, королевская семья заключена под стражу. Войска Пруссии угрожают Парижу, им противостоят «молодые и неопытные» французские солдаты. «К счастью» при Вальми победили. Конвент, «избранный очень небольшим числом французов», заменил монархию республикой («правление единоличное и наследственное» сменилось «коллективным и обновляемым»). Король казнен, «несмотря на протест многих депутатов». Враги вторглись «со всех сторон». Впрочем, и сами французы «не приняли правительство Конвента и хотели возвращения монархии», отсюда – «восстания» (*révoltes*) шуанов. Гражданская война принесла «сотни тысяч жертв». «Глава Конвента Робеспьер тогда решил избавиться от всех врагов Революции», подозрительные осуждены и казнены, «даже когда они были женщинами и детьми». Робеспьер сам казнен «в конечном итоге».

¹¹⁰ Для сравнения: с открытия Генеральных штатов начинается изложение событий 1789 г. и в «Истории Французской революции» Ж. Сориа. См.: *Soria G. Grande Histoire de la Révolution française. T. 1. L'embrassement. P., 1987.*

Параграф завершает очерк о введении метрической системы и карта с указанием Парижа, Варена, Вальми, Вандеи и направлений вторжения во Францию войск антифранцузской коалиции.

Так, для описания взятия Бастилии не нашлось ничего лучше, чем «*émeute*», а для характеристики движения шуанов подошло «*révoltes*».

Следующая глава называется уже «Наполеон Бонапарт». И, если мы хотим узнать, куда подевались еще пять лет из обещанных ранее «10 лет революции», то читаем первый урок из этой главы «Бонапарт, первый консул». Иллюстрация – переворот 18 брюмера. События: Директория, Итальянский и Египетский походы Бонапарта, переворот 18 брюмера, Амьенский мир. «После смерти Робеспьера Конвент управлял Францией еще в течение года, затем был установлен новый режим Директории, названный так потому, что правительство состояло из пяти «директоров»¹¹¹. Бонапарт опять назван «спасителем ситуации». Он силой принудил правительство передать ему власть (что и называется «государственным переворотом»).

Мы видим, что, как и во многих других учебниках, период Директории, вся это так называемая «нисходящая линия развития революции, полностью теряется на фоне «восходящего Бонапарта». Бонапарт не просто «дальний родственник» и формальный «наследник» (и одновременно «терминатор») Революции, он «дитя Революции», его судьба органически вплетена в повествование о ней.

Наконец, последний сюжет, который следует выделить в учебниках в связи с изучением Революции – результаты, историческая оценка произошедшего. В тех учебниках, которые затрагивают этот вопрос (учебники, рассчитанные на средние классы) период Революции и период Империи рассматриваются слитно. Так, в учебнике под редакцией Л. Бастейна раздел «великие изменения» посвящен 1789–1815 гг.: «С 1789 по 1815 комплекс принятых мер направлен на общую модификацию страны. Следы этих мер еще по большей части сохранилась в нашем обществе конца XX века. Одним из первых решений Французской революции было унифицировать систему мер и весов, перейдя на метрическую систему: упразднено от 700 до 800 различных мер, используемых в отдельных провинциях. <...> Революция отделила религию от политической жизни, отныне общество управляется сводом законов, называемым Гражданский Кодекс, который сохранился с 1804 по 1981 без больших изменений»¹¹².

¹¹¹ *Nemo, J., Monneron, Ph.* Manuel d'histoire de France. Cycle 3. P., 2007. P. 106.

¹¹² *Bastien, L.* (sous la dir. de). Histoire, cycle d'approfondissement 2e et 3e année. CM. Une terre, des homes. P.: Magnard, 1991.

«Новая организация территории. В результате двадцатилетних потрясений создана новая карта Франции. Революционеры хотели уничтожить путаность прежней административной системы, были созданы департаменты, которым даны географические имена. Наполеон поставил во главе их назначаемых префектов. Прежние церковные приходы стали коммунами, управляемыми мэром или выбираемым муниципальным советником. Церковь больше не руководила гражданским обществом, это дело доверено мэрам. Декларация прав человека утвердила принцип суверенитета народа. Этот суверенитет выражался путем голосования, в котором, правда, принимали участие только богатые. Чтобы заменить устаревшие нравы и законы, Наполеон ввел для всех французов Гражданский кодекс, который пытался распространить на все страны Европы, которые завоевал. Система налогов упрощена и стала более справедливой. Отныне налоги платились всеми в зависимости от количества имущества. Во всех коммунах составлена карта земельных имуществ: кадастр». Опять упоминается удобство метрической системы. «Франция, вышедшая из Революции и империи, была Францией разрушенной войнами, но сплоченной новыми принципами. Все французы были равны перед законом. Введены более простые системы: административная, метрическая, юридическая. Однако, несмотря на эти улучшения, рабочие и бедняки были забыты новым обществом»¹¹³.

«Революция создала новую Францию. Никто больше не платил церковную десятину. Даже сеньор больше не имел своей доли с дохода крестьян. Отныне все собственники коммуны шли в контору сборщика налогов, чтобы внести соответствующие платы. Платили теперь не в ливрах, а во франках, эта новая монета родилась на следующий день после Революции»¹¹⁴.

В качестве иллюстраций приводятся то карты департаментов Франции, то изображение безымянного префекта времен империи, то сцены заключения гражданского (республиканского) брака, фотография издания Гражданского кодекса или картинки на тему «новая система мер, новые деньги».

Во Франции, кажется, не только историки, но и общество в целом, и власти отдают себе отчет в том, что историческое сознание является несущей конструкцией менталитета общества, определяет его ориентацию, что именно история воспитывает в молодежи чувство патриотизма, прививает уважение и любовь к своей родине. И

¹¹³ Bon, F., Lacoste, H., Lassere, M., Belbeoch, O. Histoire CM. P.: Belin, 1987.

¹¹⁴ Nembrini, J.-L., Bordes, J., Polivka, P. Histoire CM. P.: Hachette, 1985.

сегодня во Франции жарко спорят о содержании школьных программ по истории: ведь по большому счету это «война за сердца».

Принятие новой программы по истории для шестого-третьего классов школы ¹¹⁵ вызвало во Франции бурную дискуссию, вышедшую в сеть Facebook, где создана инициативная группа «Наша история – наше будущее», разместившая соответствующее обращение к министру образования Франции, собравшее за два месяца более 8000 подписей. Начавший эту дискуссию Д. Казали выступил с критикой новой школьной программы, в которой он обнаружил настоящую «деконструкцию истории» Франции, в то время как «народ забывший свою историю – потерянный народ». Его вывод-призыв: нужно сделать все, чтобы вдохнуть новую жизнь в изучение истории. Нужно использовать возможности мультимедийных средств обучения, новых компьютерных технологий и остановить попытки предложить молодому поколению «купированное прошлое». Нужно отдавать себе отчет, что «история нашей страны – одна из наиболее завидных и прекрасных в мире»¹¹⁶.

Коснулась эта дискуссия и изучения Французской революции. В полемике даже хронологические рамки революции подверглись пересмотру. Так, Лоран Вирт, генеральный инспектор системы общественного образования, член рабочей группы «История – география», которая и занимается разработкой школьной программы истории, отвечая на критику Д. Казали, заявил: «Относительно Наполеона процитирую вам программу, которая будет действовать со следующего года для четвертых классов¹¹⁷. Там есть раздел под названием “Основные периоды Революции”, и в этом разделе (курсив мой/ – А.Г.) есть глава “1799–1804. От консулата к империи”. И в колонке рядом говорится о великих деятелях этого времени, среди которых, конечно, Бонапарт...»¹¹⁸. Французы не перестают нас удивлять новой хронологией своей Революции, а вот Альфонсу Олару было бы приятно...

¹¹⁵ Programme d'enseignement d'histoire-géographie-éducation civique pour les classes de sixième, de cinquième, de quatrième et de troisième du du collège (URL: <http://www.education.gouv.fr/cid22116/mene0817481a.html>; дата обращения: 21.09.2010).

¹¹⁶ URL: <http://www.ericbrunet.fr/?p=179> (дата обращения: 21.09.2010).

¹¹⁷ Во Франции в пятом классе учатся дети 12–13 лет, а в четвертом – дети 13–14 лет.

¹¹⁸ Алисова, Е. Битва Наполеона и Людовика XIV за место в учебниках («Radio France Internationale», Франция). [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/09/07/19092930.html> (дата обращения: 21.09.2010).

ОБРАЗ РУССКИХ ГЕНЕРАЛОВ, УЧАСТНИКОВ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА: К ВОПРОСУ ДЕФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

О.Ю. Стародубова

Магнитогорский государственный университет,

кафедра истории России

E-mail: rushist@masu.ru

В начале Великой Отечественной войны особую актуальность приобрела тема Брусиловского прорыва, который подавался пропагандой как событие мирового значения, сорвавшее планы центральных империалистических держав. Осуществление данной военной операции было невозможно без согласованных действий военного командования. Поскольку в их числе оказались бывшие политические и военные противники советской власти, то посредством художественной литературы пришлось деформировать историческую память о них и закрепить образы русских генералов в общественном сознании.

Ключевые слова: Брусиловский прорыв, историческая память, художественная литература, русские генералы, художественный образ.

IMAGE OF RUSSIAN GENERALS, MEMBERS OF BRUSILOV OFFENSIVE: ON THE QUESTION OF THE DEFORMATION OF HISTORICAL MEMORY

O.Y. Starodubova

At the beginning of World War II has acquired a special urgency the theme of Brusilovsky breakthrough, which was fed propaganda as an event of global significance, thwart the plans of the central imperialist powers. Implementation of this military operation was impossible without agreed actions of the military command. There were former political and military opponents of Soviet power among them and that's why the literature had to distort the historical memory about them and to fix the images of Russian generals in the public consciousness.

Key words: The Brusilov breakthrough, historical memory, the soviet belletristics, russian generals, image.

В начале Великой Отечественной войны власть посчитала необходимым напомнить советскому народу о прошлых победах над германской армией. Особую актуальность приобрела тема Брусиловского прорыва, который подавался пропагандой как событие мирового значения, сорвавшее планы центральных империалистических держав. Данная военная операция удачно вписалась в рамки внешнеполитического курса: с одной стороны, она демонстрировала героизм русской армии, а с другой – раскрывала личность «автора» прорыва генерала А.А. Брусилова. Однако осуществление данной военной операции было невозможно без согласованных действий военного командования. Поскольку в их числе оказались бывшие политические и военные противники советской власти, то посредством художественной литературы пришлось деформировать историческую память о них.

Первыми к теме Брусиловского прорыва приступили драматурги И.Л. Сельвинский, И.В. Бахтерев и А.В. Разумовский. В рамках государственного заказа Сельвинский создал свое первое произведение в прозе – пьесу «Генерал Брусилов». Драма была окончена в конце 1942 г. В этом же году работу над пьесой «Русский генерал» начали драматурги И. Бахтерев и А. Разумовский. Параллельно с драматургами работу начали писатели-прозаики. Результатом проработки темы стал роман С.Н. Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв», который на всем протяжении войны пользовался популярностью на фронте и в тылу. Успех романа подтолкнул писателя к созданию пьесы о А. Брусилове. Осенью 1942 г. в редакцию журнала «Знамя» была прислана рукопись романа А.Н. Степанова «Бои под Луцком». К личности Брусилова обратился писатель Ю.Л. Слезкин. После успешного романа «Багратион» писатель С.Н. Голубов начал работу над романом «Генерал Брусилов», а к концу войны задумал эпопею «Сотворение века», второй том которой затрагивал события наступления Юго-Западного фронта летом 1916 г¹. Замысел Брусиловского прорыва отразил в своем романе «1916 год» Л. Успенский.

Центральной фигурой произведений был автор знаменитого наступления генерал от кавалерии А.А. Брусилов. Фигура генерала демонстрировала неиссякаемый потенциал военной мысли и героическую воинскую традицию². Несмотря на то, что советская пропа-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 211. Л. 31–32.

² См.: Корочкова (Стародубова), О.Ю. Брусиловский прорыв в советской драматургии 1940-х годов // Историк и художник. 2006. № 3(9). С. 155–164; Стародубова, О.Ю. Художественная литература как исторический источник: к вопросу формирования образа А.А. Брусилова в советской художественной литературе 1940-х годов // Проблемы российской истории. 2010. Вып. 10. С. 193–203.

ганда возвела командующего Юго-Западным фронтом в ранг чуть ли не единственного героя прорыва, все же для осуществления наступления необходимы были согласованные действия всего военного командования, участвующего в военной операции. Так, в произведениях о Брусиловском прорыве в поле зрения писателей находились: Верховный главнокомандующий, его начальник штаба, командующие фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

В августе 1915 г. после череды военных неудач русской армии во главе вооруженных сил страны встал не обладавший талантом военачальника российский император Николай II. Вследствие его некомпетентности в вопросах военного руководства фактическое командование армией сосредоточилось в руках его начальника штаба генерала М.в. Алексеева. Верховный главнокомандующий ежедневно получал обстоятельные доклады о ходе военных действий и крайне редко вмешивался в решения признанного военного стратега Алексеева.

В произведениях писатели по-разному показали равнодушие Верховного главнокомандующего к военному делу. Персонаж *Николая II* впервые появился в драме Сельвинского и фигурировал в четвертой картине, отражающей ход апрельского совещания по вопросам дальнейшей стратегии ведения войны. Посредственный в военном деле самодержец лишь выслушивал мнения командующих фронтами, ограничиваясь дилетантскими репликами вроде «*Как вы думаете господа? Можно ли говорить, что у нас нет фронта?*»³ или «*А нас, вы говорите, тоже взять невозможно?*»⁴. Совершенно не осведомленный о реальном положении дел на фронте *Николай II* выстраивал свои представления о нем на основании докладов командующих фронтами. После убедительной речи *Брусилова* на апрельском совещании в Ставке Верховный главнокомандующий дал согласие на осуществление наступательных действий, мотивируя это тем, что «*Ну, раз они хотят, я думаю, нужно разрешить*»⁵. В пьесе «Русский генерал» Бахтерев и Разумовский⁶, чтобы избежать возможных повторов с драмой Сельвинского, более реалистично показали степень участия Верховного главнокомандующего в решении военно-стратегических вопросов. Он не принимает скоропалительных решений и по каждому спорному вопросу советуется с начальником штаба Алексеевым, чье мнение для него авторитетно и непоколебимо.

Специфика романа дала возможность Сергееву-Ценскому детально прорисовать образ Верховного главнокомандующего. Испы-

³ *Сельвинский, И.* Генерал Брусилов. М., 1947. С. 343.

⁴ Там же. С. 345.

⁵ Там же.

⁶ *Бахтерев, И., Разумовский, А.* Русский генерал. М., 1944.

тывающий личную неприязнь к российскому самодержцу, Сергеев-Ценский дал уничижительную характеристику его персонажу. Писатель наградил *Николая II* отталкивающей внешностью и неряшливыми манерами. Над «свинцовыми глазками» императора нависали «длинные рыжие брови»⁷. Лицо низкорослого Верховного главнокомандующего украшали «толстый и короткий нос-коротышка»⁸ и длинные рыжие «толстые усы, которые он совсем по-унтерски утюжил»⁹. Равнодушие *Николая II* к военному делу всецело проявлялось и во время посещения войск. На традиционных военных смотрах он «тупо смотрел на ряды солдат, запаздывая поздороваться с ними»¹⁰. Будучи далеким от военного дела, император *Николай II* не проявлял ни малейшего интереса к готовящемуся наступлению. В апреле 1916 г. на совещании в Ставке при обсуждении вопросов наступательного плана Верховный главнокомандующий откровенно зевал, причем «это был не короткий, прячущийся зевок, а очень длительный, самозабвенный, раздражающий челюсти и вызывающий на глазах слезы»¹¹. Не скрывал он и своего равнодушия ко всему происходящему на фронте: «когда он услышал, наконец, как *Алексеев*, дойдя до последней страницы доклада, глухим отнюдь не от усталости голосом и со слезами, наворачившимися на старые серые глаза, стал перечислять потери, понесенные теми или другими частями пехотных войск, ведших атаки, он улыбнулся милостиво и взял в обе руки юмористический журнал»¹². Следует отметить, что художественный образ Верховного главнокомандующего русской армией был всецело одобрен партийной цензурой. В рецензии на роман, напечатанной в журнале «Большевик» весной 1943 г., раздавалось явное восхищение: «Превосходно изображена ставка. В центре её царь. Сам по себе человек ничтожный, неумный, слабовольный, он стал точкой приложения всех реакционных сил»¹³.

Ознакомившись с данной оценкой, Слезкин, в свою очередь, решил углубить образ, преодолев односторонний тенденциозный (негативный) показ личности *Николая II*. Чтобы составить более полное представление о самодержце, писатель кропотливо изучал его переписку с царицей, дневники членов императорской семьи и штудировал эмигрантские источники. Исходя из опыта «сотрудничества» с цензурой, Слезкин постарался тактично, без особых выпадов выписать

⁷ Сергеев-Ценский, С.Н. Брусиловский прорыв. М., 1944. С. 29.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² Там же. С. 80.

¹³ Заславский, Д. Брусиловский прорыв // Большевик. 1944. № 3. С. 57.

образ Верховного главнокомандующего. Своенравный неразговорчивый *Николай II* проявлял форменное равнодушие к решению военных вопросов: «Ведь у царя теперь в голове не больше того, что отражается в его глазах – окно, небо, галки в небе»¹⁴. На военных совещаниях он, как правило, был не разговорчив и «зевал от скуки»¹⁵. Признавая свою некомпетентность в руководстве армией, решение стратегических вопросов Верховный главнокомандующий полностью доверял своему начальнику штаба Алексееву. Данный вариант подачи удовлетворил взыскательных политредакторов. Подтверждением этому служит отсутствие замечаний партийной и литературной критики в адрес «номинального»¹⁶ Верховного главнокомандующего.

Традиционным персонажем для произведений Сельвинского, Сергеева-Ценского, Слезкина, Бахтерева и Разумовского, Успенского стал начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев. Лишь писатель Степанов отказался от изображения ключевой военной фигуры периода Первой мировой войны, так как сосредоточился исключительно на роли 102-й дивизии в Брусиловском прорыве.

Персонаж *Алексеева* дебютировал в драме Сельвинского и получил негативную окраску. Следует отметить, что перед Великой Отечественной войной доминировала отрицательная оценка военной деятельности Алексеева. Историки-пропагандисты из Коммунистической академии рассматривали его сугубо как руководителя белогвардейского движения на Дону. По идеологическим соображениям его военные заслуги в период Первой мировой войны умышленно замалчивались. Об этом Сельвинский был прекрасно осведомлен, так как сам окончил марксистско-ленинский факультет Коммунистической академии. Во время работы над пьесой автор столкнулся с отсутствием в армейской библиотеке источников и военно-исторической литературы на данную тематику. Ограниченный во времени и источниках¹⁷, он пошел по пути наименьшего сопротивления и довольствовался чисто пропагандистскими оценками Алексеева. В результате в драме «Генерал Брусилов» *Алексеев* подается автором как инертный и некомпетентный военачальник. Он предстает ведущим апрельского совещания в Ставке, который поочередно предоставляет слово командующим для характеристики состояния своего фронта. Начальник штаба Верховного главнокомандующего не ориентируется в обстановке и не имеет собст-

¹⁴ Сергеев-Ценский, С.Н. Указ. соч. С. 172.

¹⁵ Слезкин, Ю. Брусилов. М., 1947. С. 166.

¹⁶ Ленобль, Г. Юрий Слезкин. «Брусилов» // Знамя. 1947. № 10. С. 198.

¹⁷ С началом Великой Отечественной войны Сельвинский в должности политработника находился на Крымском, а затем на Северо-Кавказском фронте. Автор работал над пьесой в разгар тяжелых боев.

венного мнения и плана действий, озвучивая лишь решения Николая II¹⁸. Прослеживается абсолютное равнодушие Алексеева к дальнейшей стратегии ведения войны. Предложенная Брусиловым идея наступления не вызвала со стороны Алексеева особых возражений. Согласие на прорыв – желание начальника штаба усмирить «выскачку» Брусилова. Он отказал ему в резервах и при первом же поражении пригрозил его отставить¹⁹.

Противоположный образ Алексеева создали Сергеев-Ценский, Слезкин, Успенский, Бахтерев и Разумовский. Писатели, находящиеся в тылу, оказались в более выгодном положении, нежели Сельвинский. Они имели возможность работы с архивными источниками и военно-исторической литературой, посвященной Брусиловскому прорыву. Данное обстоятельство дало возможность более объективно прорисовать образ Алексеева как начальника штаба Верховного главнокомандующего. В их произведениях Алексей всецело поддержал идею наступления, он по возможности содействует Брусилову и искренне переживает, когда армии Юго-Западного фронта постигают неудачи.

Несмотря на общую тенденцию в прорисовке образа Алексеева, с каждым разом он приобретал особые черты. Во многом это объясняется разницей в источниковом материале. Находясь в эвакуации, Сергеев-Ценский максимально использовал ресурсы местных библиотек. Взяв главный тезис Брусилова о слабых характеристиках Алексеева, писатель дополнил его свидетельствами М. Лемке и характеристиками его военно-стратегических талантов В.Н. Клембовским и А.М. Зайончковским. В результате в романе Сергеева-Ценского начштаба олицетворяет собою «мозг русских сил, раскинувшихся от моря до моря»²⁰. Работая над образом, Сергеев-Ценский попытался дать объективную оценку действиям данного персонажа. «Можно было по-разному относиться к этому седому высоколобому генералу, среднего роста с простым русским лицом, но никто не отказывал ему в больших военных

¹⁸ На самом деле все обстояло с точностью до наоборот. По свидетельству А.И. Деникина на совещании Верховный главнокомандующий не высказывал собственного мнения, а лишь утверждал предложения Алексеева (См.: Деникин, А. Путь русского офицера. М., 2003. С. 138).

¹⁹ Алексей как автор наступательного плана не мог своевольно оставить успешно наступающие армии Юго-Западного фронта без поддержки. Даже В.Н. Клембовский в своем труде «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» подчеркивал, что начальник штаба Верховного главнокомандующего следовал принципу «развития успеха в наибольшей степени там, где он есть, и за оставление без резервов тех армий, которые не могут продвинуться» (Нелипович, С.Н. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006. С. 6).

²⁰ Сергеев-Ценский, С.Н. Указ. соч. С. 49.

способностях»²¹. Начальник штаба Верховного главнокомандующего был солидарен с Брусиловым по вопросу необходимости наступления русский войск. Однако в романе Алексеев, занимая такой высокий пост, продолжал испытывать с времен Русско-японской войны «старое подчиненное отношение»²² к Куропаткину и Эверту. Во время общения с ними он был «преувеличенно любезен, чуть ли даже не низкопоклонничал перед ними»²³. Данное обстоятельство заставляло Алексеева идти у них на поводу. Во время осуществления прорыва безволие и слабых характерность начальника штаба помешали оказать ему надлежащую помощь Брусилову.

Проба положительного изображения генерала, сделанная Сергеевым-Ценским, не вызвала нареканий со стороны идеологических инстанций. Влиятельный партийный критик Д. Заславский отметил образ начальника штаба Ставки как несомненную удачу писателя, тем самым выразив официальный взгляд на деятельность Алексеева в годы Первой мировой войны. «Он предан родине и исполнен благих стратегических намерений, – констатировал Заславский. – Однако из этих намерений ничего не выходит. Алексеев не может сломить рутину придворных нравов и кастовую иерархию. К тому же Алексеев “манчжурец”, как и Куропаткин и Эверт. Алексеев боится нарушить покой царя, боится посягнуть на авторитет старых генералов, боится новизны в своем деле»²⁴.

Летом 1944 г. Бахтерев и Разумовский представили свой образ фактического руководителя всей русской армии согласно вектору, указанному партийными инстанциями. Специфика пьесы позволила драматургам сосредоточиться на характеристике деятельности *Алексеева* по организации летнего наступления. В отличие от образа, показанного Сельвинским, персонаж получился динамичным и волевым. Начальник штаба *Алексеев* целеустремленный, настойчивый и в то же время деликатный. Он последовательно путем продолжительных бесед убеждает Верховного главнокомандующего Николая II в необходимости принятия наступательной стратегии боевых действий русской армии. На апрельском совещании в Ставке Алексеев поддержал Брусилова, категорично опровергая доводы Эверта о невозможности одолеть противника. Он находил командующего Юго-Западным фронтом единственным, кто способен привести русскую армию к победе и довести войну до победного конца. «Логика

²¹ Сергеев-Ценский, С.Н. Указ. соч. С. 50.

²² Там же. С. 100.

²³ Там же. С. 101.

²⁴ Заславский, Д. Указ. соч. С. 57.

ца. «Логика и правда на стороне Брусилова»²⁵, – заключал начальник штаба, таким образом благословляя предстоящий прорыв вражеского фронта.

Вслед за Сергеевым-Ценским, Бахтеревым и Разумовским, Слезкин углубил образ будущего организатора белого движения на Юге России. В марте 1943 г. писатель опубликовал фрагмент будущего произведения. Он был посвящен беседе Алексеева и Брусилова по вопросам организации наступления. В отрывке, характеризуя персонаж начальника штаба Верховного главнокомандующего, Слезкин вторил Сергееву-Ценскому. Однако после выхода статьи Заславского поспешил модернизировать образ. Писатель расширил круг используемых источников за счет архивных материалов военно-исторического архива²⁶. В записках писателя содержится детальный портрет Алексеева, который «пишет бисерным подчерком. Имеет орден белого орла – он не носит его. Он убежден, что к весне 1916 г., когда дела должны поправиться, его отстранят. Он ест скоро, мало спит и целыми днями в рабочем кабинете. Выслушивает доклады внимательно. Большая память, простота мысли, ясность и отсутствие заносчивости. Идет быстро, но всегда приветливо улыбается встречному»²⁷. Данный портрет лег в основу образа начштаба Ставки. В трактовке образа начштаба Слезкин не довольствуется категоричными суждениями «за» или «против», а пытается объяснить противоречивость характера генерала, половинчатость и непоследовательность его действий. Работая над романом, писатель по доступным архивным материалам «собирал» портрет «генерала от семинарии». Алексеева как и Брусилова недолгоблывали при дворе: не могли простить генералу его «плебейское» прошлое и собственную, часто отличную от общепринятой точку зрения. В романе у Алексеева с Брусиловым изначально сложились особые отношения. Будучи еще командующим 8-й армией, Брусилов понял, что «трусость» начштаба Ставки – отголосок его карьеризма. С другой стороны, Алексеев – сторонник войны до победного конца, считавший Брусилова единственным из русских генералов, способного наступать и побеждать. Например, он убеждает императора сместить Иванова с поста главнокомандующего Юго-Западным фронтом и назначить на его место Брусилова. Начштаба Ставки дал Брусилову шанс, искренне надеясь на успех наступления, но в душе понимая, что при царивших при дворе настроениях окончательно одержать победу в войне невозможно.

²⁵ Бахтерев, И., Разумовский, А. Указ. соч. С. 36.

²⁶ Слезкин работал с документами фонда Штаба Верховного главнокомандующего и штаба Юго-Западного фронта (ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 33).

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Д. 57. Л. 3 об.

Так как Слезкин закончил роман после Великой Отечественной войны, то в унисон сменившейся конъюнктуре критики стали более придирчивы к образу Алексеева. При первой вычитке романа в декабре 1945 г. политредактор Л. Субоцкий обвинил Слезкина в излишней увлеченности «голым психологизированием» личности Алексеева²⁸ и возвращал его к предыдущей трактовке лидера белогвардейцев. «Изображение Алексеева в романе требует уточнения, – заявлял цензор. – Образ двойится. Известно по историческим материалам, что этот “генерал от семинарии” был лукавым царедворцем, рабом своей карьеры, служби-стом. Зачем же наделять его чертами страдающего патриота, не могущего перебороть слабость своего характера?»²⁹. Но Слезкин, так кропотливо работавший над образом, отказался что-либо менять. К тому же вышло очередное переиздание мемуаров Брусилова и положительная оценка военной деятельности Алексеева в период Брусиловского наступления вновь получила право на существование. При повторной вычитке романа в 1946 г. критик и литературовед Н. Замошкин признал образ «честного труса» Алексеева вполне удачным. «Пожалуй, только непонятна та мягкость, – резюмировал критик, – с которой относится суровый Брусилов такому человеку»³⁰. Более объективно к оценке персонажа подошел влиятельный литературный критик Г. Ленобль. Совершенно не осторожничая, он заявил, что Слезкину удалось «свести воедино противоречивые, казалось бы, черты характера этого военного и политического деятеля»³¹.

Параллельно со Слезкиным над романом «1916 год» работал Успенский. Ознакомившись с работами коллег по цеху, он посчитал, что ничего нового в изображение Алексеева уже не принесет, поэтому представил образ информационно. В романе писателя о начальнике штаба Ставки становится известно со слов Брусилова. «Ведь это же почти гений, – восхищался Брусилов. – Пол – армии математически было в петле...а ведь он выволлок! Не спал неделями, поседел...Посоветоваться не с кем, спросить не у кого <...> кроме как у Саровского Серафима – а выволлок!»³². На совещании в Ставке Алексей одобрил наступательный план главнокомандующего Юго-Западным фронтом и обещал оказать содействие. Дальнейшее развитие данный образ не получил.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Д. 230. Л. 5.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 13.

³¹ Ленобль, Г. Указ. соч. С. 195.

³² ЦГАЛИ СПб. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 143.

В целом художественный образ Алексеева в годы Великой Отечественной войны не вызвал особых нареканий со стороны идеологических инстанций. Очевидно, «пропустив» положительный персонаж лидера белого движения, власть продемонстрировала умение чтить героев прошедшей войны, а именно представителей высшего военного руководства. Будучи начальником штаба Верховного главнокомандующего, Алексейев был приверженцем наступательной стратегии ведения войны и прилагал максимальные усилия для её реализации. Видимо, данное обстоятельство позволило советской власти частично признать его заслуги.

Для реализации наступательных действий необходимы согласованные действия участвующих фронтов. Однако в произведениях о Брусиловском прорыве не все командующие фронтами разделяли желание Ставки летом 1916 г. осуществить наступательные действия. Командующий Северным фронтом А.Н. Куропаткин, командующий Западным фронтом А.Е. Эверт и бывший командующий Юго-Западным фронтом Н.И. Иванов образовали так называемую группу противников наступления.

Первым противником Иванов наступательных действий был старый, уставший от войны генерал, с длинной седой бородой и сильно запавшими глазами, образ которого впервые появился в драме Сельвинского «Генерал Брусилов». Сторонник стратегии «лучше бездействовать, нежели совершить ошибку»³³, осознавая шаткость своего положения на посту командующего Юго-Западным фронтом, пытался уговорить Николая II отказаться от наступательной стратегии, предложенной Брусиловым. К тому же удачный исход будущего наступления явился бы для Иванова «последним гвоздем в крышку его гроба»³⁴ как военачальника, обнажив при этом его некомпетентность и просчеты стратегического и оперативного характера. Таким образом, действиями Иванова двигало исключительно стремление сохранить свою репутацию. Однако аргументы противника наступления показались Верховному главнокомандующему неубедительными. Старания Иванова оказались безрезультатными.

Вслед за Сельвинским специфика романа позволила Сергееву-Ценскому расширить образ Иванова. В романе безрезультатность прямых уговоров императора вынуждает Иванова сменить тактику, взяв на себя роль эдакого старца-предсказателя, который бродил по Ставке и каждому встречному «пророчески-таинственным, пониженным голосом» предсказывал полный крах наступления. «Это безумная затея окончится

³³ Сельвинский, И. Указ. соч. С. 346.

³⁴ Сергеев-Ценский, С.Н. Указ. соч. С. 152.

катастрофой, да, да, прошу мне верить! – восклицал Иванов, не приводя при этом никаких доказательств своей точки зрения. – Она окончится такой стра-те-гической трагедией, размеров которой никто пока даже представить не в состоянии. Прошу мне верить»³⁵. Неаргументированная позиция Иванова служила очередным (скрытым) доказательством его бездарности как военачальника, занимающего ответственный пост. В произведении Сергеева-Ценского Верховный главнокомандующий и его начальник штаба проявили солидарность в решении дальнейшей судьбы командующего Юго-Западным фронтом и отстранили его от занимаемой должности. Критика оценила старания писателя. Образ «развалины в генеральском мундире» очень порадовал Заславского³⁶.

В затруднительном положении оказались Бахтерев и Разумовский. В условиях, когда пьеса Сельвинского с успехом шла по советскому тылу, а роман Сергеева-Ценского получил похвальные отклики, драматурги решили создать отличительный образ Иванова. В пьесе Бахтерева и Разумовского «Русский генерал» Иванов, осознав бесполезность своей увещательной деятельности, на апрельском совещании в Ставке раскаялся в попытках отговорить Верховного главнокомандующего от одобрения наступательных действий и поддержал план Брусилова: «Месяцы тяжких заблуждений, месяцы горьких и пустых иллюзий, – восклицал бывший командующий Юго-Западным фронтом. – Но сейчас я нахожу мужество сказать: да, я ошибался. Жестоко и непростительно... Нет путей к победе, кроме Вашего пути, родной Алексей Алексеевич. Бить их негодных, бить пока живая кровь бьется в сердце. Для всех для них места хватить в адовом пекле»³⁷.

В отличие от драматургов успех коллег не испугал Слезкина. Он решил акцентировать внимание на происках персонажа. В его романе «бестолковые» действия Иванова на фронте трактовались не только как отсутствие военного гения. Слезкин сделал амбициозного *Иванова* немецким агентом, который своими «ошибочными» действиями намеренно способствовал победам немецкой армии. В произведении, будучи еще командующим Юго-Западным фронтом, Иванов оказывал содействие германскому шпионажу, не предпринимая никаких мер по обезвреживанию разведывательной агенту-

³⁵ Сергеев-Ценский, С.Н. Указ. соч. С. 152.

³⁶ Заславский, Д. Указ. соч. С. 58.

³⁷ Бахтерев, И., Разумовский, А. Указ. соч. С. 36. Однако, по свидетельству генерала А.И. Деникина, после окончания военного совета бывший командующий Юго-Западным фронтом Иванов слезно умолял Верховного главнокомандующего отменить решение о наступлении Брусилова, аргументируя это тем, что «войска переутомлены и все закончится катастрофой». В свою очередь, Николай II счел вопрос решенным (Деникин, А. Указ. соч. С. 138).

ры противника, о деятельности которой был неоднократно поставлен в известность офицерами своего фронта. Будучи уже членом Государственного совета и советником при Особе Его Величества *Иванов* продолжал вести предательскую деятельность, направленную на срыв начавшегося Брусиловского прорыва. Через функционирующий в правительственных верхах шпионский центр он проводил идею так называемой реорганизации контрразведки, что на деле означало «*все нити немецкого шпионажа свести к одному центру – в недрах жандармских и охранных отделений [...] и тогда двойных агентов не придется расстреливать, таковых не окажется*»³⁸. Таким образом, показ действий *Иванова*, препятствующих удачному исходу наступления *Брусилова*, позволил писателю довести стремление бывшего командующего Юго-Западным фронтом не допустить победы над германской армией до логического конца. Литературный критик *Замошкин*, осуществляющий конечную правку романа, был удовлетворен раскрытием «*презренной личности старого царского царедворца*»³⁹.

Наступательный план ставки не находил поддержки и у «*одного из самых непопулярных генералов русской армии*»⁴⁰ командующего Северным фронтом *Куропаткина*. Свое яркое воплощение образ «*как всегда под "шефэ"» Куропаткина* получил в драме *Сельвинского*. Драматург награждает персонаж командующего Северным фронтом свойственным пьянице характеристиками: повышенной возбудимостью, громкой речью, усиленной жестикуляцией, поверхностностью суждений. «*За последние годы я его трезвым не помню*»⁴¹, – делился с *Алексеевым* на апрельском совещании в Ставке император *Николай II*. Свое высокое положение *Куропаткин* – «*как эмблема отсталости, некультурности, азиатчины и варварства России*» занял благодаря своему происхождению и связям при дворе⁴². С точки зрения профес-

³⁸ *Слезкин, Ю.* Указ. соч. С. 159.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Д. 230. Л. 14.

⁴⁰ *Сельвинский, И.* Указ. соч. С. 335.

⁴¹ Там же. С. 343.

⁴² На самом деле отношение высшего военного руководства к бывшему военному министру было кардинально противоположное. С началом Первой мировой войны член Государственного совета *Куропаткин* подал прошение об отправке на фронт, но Верховный главнокомандующий князь *Николай Николаевич* по причине неприязни проигнорировал его просьбу. Лишь в сентябре 1915 г. по протекции своего бывшего ученика, начальника штаба Ставки *М.В. Алексеева*, он был назначен командиром *Гренадерского корпуса*. В связи с болезнью *Н.В. Рузского* в феврале 1916 г. принял командование Северным фронтом. Получившему второй шанс *Куропаткину* так и не удалось реабилитировать себя ни в глазах военного командования, ни в глазах общественности. В результате предпринимаемые им военные действия оканчивались неудачно. Фронт нес большие потери.

сионализма он был признан бездарным военачальником, потерявшим авторитет в глазах общественности.

В апреле 1916 г. в Ставке командующий Северным фронтом⁴³ не в состоянии дать адекватное объяснение военных неудач своих армий. По его мнению, главная причина кроется исключительно в отсутствии поддержки тыла. *Куропаткин* убежден, что армии его фронта идеально подготовлены для активных действий, но нехватка боеприпасов и сапог делает предполагаемое наступление практически невозможным. Однако аргументы Брусилова на время совещания заставили Куропаткина поменять прежнюю точку зрения, и он поддержал предложенный план наступления: «Я, Куропаткин, считаю, что Брусилов прав и наступать нужно. Тыл, конечно, у нас не тово, но если его высокопревосходительство так уверен, надо рискнуть. И план его мне нравится. Интересный план. Талантливый. Словом, я за прорыв»⁴⁴. Однако это была очередная смена настроений, свойственная алкоголику. Спустя некоторое время Куропаткина одолевают сомнения по поводу правильности принятого решения: «С одной стороны – немца надо бить! С другой – если побить, Брусилов станет главковерхом! – терзался командующий Северным фронтом. – Изволь – выбирай!»⁴⁵. Окончательное решение за него принимает Эверт, когда в телефонном разговоре с Алексеевым сообщает от имени Куропаткина о переносе даты наступления по причине временной неготовности Северного фронта осуществить наступление. Неуверенный в себе, мнительный пьяница Куропаткин оказался втянутым в борьбу против Брусилова. «А я ведь был когда-то патриотом, – всхлипывал командующий Северным фронтом, – воспитателем офицерства»⁴⁶.

Не так категоричны при изображении образа Куропаткина оказались остальные писатели. В своем романе Сергеев-Ценский представил командующего Северным фронтом антиподом Брусилова, «ходячей развалиной, лишенной души и воли»⁴⁷. Осторожный *Куропаткин* боится навредить своей карьере. К тому же он не верит в мужество русского

⁴³ В драме Сельвинского генерал Куропаткин осуществлял командование Северо-Западным фронтом, что не соответствовало исторической действительности. Еще в августе 1915 г. Северо-Западный фронт был разделен на Северный под командованием Н.В. Рузского и Западный под командованием М.В. Алексева. В феврале 1916 г., будучи командиром Гренадерского корпуса, Куропаткин получил приказ принять от заболевшего Рузского командование армиями Северного фронта.

⁴⁴ *Сельвинский, И.* Указ. соч. С. 349.

⁴⁵ Там же. С. 354.

⁴⁶ Там же. С. 361.

⁴⁷ *Заславский, Д.* Указ. соч. С. 58.

солдата и считает, что при существующем соотношении тяжелой артиллерии наступление обречено на неудачу. Образ очередной «развалины в генеральском мундире»⁴⁸ удовлетворил партийную критику.

Не найдя новых красок в изображении Куропаткина, Слезкин, Бахтерев и Разумовский представили образ информационным. В их произведениях от имени других персонажей лишь озвучивается позиция (сходная с образом Сергеева-Ценского) командующего Северным фронтом против идеи наступления. Авторы лишь художественно воспроизвели краткое содержание речи Куропаткина на совещании в Ставке, воспроизведенной Брусиловым в своих воспоминаниях⁴⁹.

Еще одним ярким противником наступления Юго-Западного фронта был «германский патриот»⁵⁰ Эверт. При работе над образом главным источником для писателей служили воспоминания Брусилова, где автор отзывался об Эверте скупно, но весьма корректно. Он лишь констатировал действия Эверта, связанные с многократным переносом даты наступления Западного фронта, которые «повредили бесповоротно»⁵¹ русской армии. Сдержанная позиция автора мемуаров несколько удивляет, так как в самый разгар прорыва между двумя командующими разразился конфликт, связанный с переносом дат наступления войск Западного фронта. Свидетельством этому была обильная переписка между комфронтами, где Брусилов отнюдь не стеснялся в своих выражениях и обвинял Эверта в измене. Возможно, спустя десятилетие, Брусилов переоценил действия командующего Западным фронтом и решил отказаться от прежних обвинений. Если следовать историческим фактам, то за все время наступления Эверт передал на Юго-Западный фронт 20 пехотных и 8 кавалерийских дивизий, что отнюдь не свидетельствовало об отсутствии с его стороны какой-либо помощи⁵². Однако, отказавшись от собственных обвинений в предательстве Брусилов привел мнение бывшего подчиненного Эверта командующего 4-й армией генерала А.Ф. Рагозы. Последний расценивал нерешительность Эверта как боязнь в случае неуспешных действий скомпрометировать себя в глазах общественности и нежелание «работать во славу Брусилова»⁵³. Автор воспоминаний счел это утверждение сомнительным, признав лишь вред от бездействия командующего для русской армии.

⁴⁸ Заславский, Д. Указ. соч. С. 58.

⁴⁹ Брусилов, А.А. Мои воспоминания. М., 2003. С. 215.

⁵⁰ Сельвинский, И. Указ. соч. С. 336.

⁵¹ Брусилов, А.А. Указ. соч. С. 238.

⁵² Нелипович, С.Н. Указ. соч. С. 23.

⁵³ Брусилов, А.А. Указ. соч. С. 238.

Впервые образ *Эверта* дебютировал в драме «Генерал Брусилов» Сельвинского. Писатель, ориентируясь на воспоминания Брусилова, решил раскрыть карьеризм командующего Западным фронтом. На совещании по вопросам дальнейших планов ведения войны он отстаивал мнение, что при существующем соотношении технических средств наступление обречено на неудачу. Однако аргументированная позиция *Эверта* не нашла поддержки у присутствующих. Хитрый, расчетливый «ангел-хранитель» германской армии, не желая воевать во славу *Брусилова*, решил обеспечить провал наступления, склонив на свою сторону колеблющегося *Куропаткина*: «*Брусилов ведет войну с немцами, а мы с Брусиловым. Это подлость, но иначе нельзя. О патриотизме и русской армии поговорим тогда, когда Брусилов вышвырнет нас в отставку*»⁵⁴. Причинами предательства *Эверта* являлись: во-первых, карьеризм; во-вторых, сочувствие германской нации, принадлежность к которой он неоднократно с очевидной гордостью подчеркивал. Доказательством последнего служит характеристика командующего Западным фронтом, данная начальником штаба Восточного фронта германской армии *Людendorфом*. «*Вот имя, которое ласкает мой слух нежнее голубинового воркования. Эверт...Генерал Эверт [...]. Во всяком случае ручаюсь, что немец Эверт, германский патриот Эверт, наступать не будет*»⁵⁵. Германский генерал оказался прав. Командующий Западным фронтом своим бездействием отказал *Брусилову* в помощи при дальнейшем развитии прорыва.

Более объективно к раскрытию образа подошел Сергеев-Ценский. В своем романе он главной причиной «бездействия» командующего Западным фронтом обозначил его чрезмерное упрямство. Безоговорочно следуя стратегии «не переломим» (противника]. – О. С.) *Эверт* меняет согласованный в Ставке план наступления своих армий, тем самым оставляя армии *Брусилова* без поддержки. Последний, в свою очередь, расценивает его действия как предательство и непреднамеренное пособничество немцам. Однако автор не приводит в романе никаких доказательств словам *Брусилова*, предоставляя читателю возможность самому решать трактовать ли действия *Эверта* как измену или нет. Образ *Эверта*, созданный Сергеевым-Ценским, был положительно оценен Заславским. Признавая, что «измена *Эверта* не доказана», он все же усмотрел в его действиях «явный саботаж наступления»⁵⁶. По мнению Заславского, через образ *Эверта* писатель показал механизм немецкого влияния на военные круги Рос-

⁵⁴ Сельвинский, И. Указ. соч. С. 348.

⁵⁵ Там же. С. 336.

⁵⁶ Заславский, Д. Указ. соч. С. 58.

сии. «Всюду на командных постах умело были расставлены люди не только с немецкими именами и немецкими дворянскими званиями, – утверждал Заславский, – но и с прямыми заданиями сорвать все военные действия, которые шли бы против Германии»⁵⁷.

Заданный Заславским тон в изображении командующего Западным фронтом подхватил Слезкин. В романе «Брусилов» он попытался углубить образ «германского патриота», сделав его явным агентом немецкого шпионажа. Генерал высокого роста был плечист и грузен. Его «монументальная фигура»⁵⁸ порой нагнетала страх на подчиненных. Шагал Эверт тяжело и размеренно. При общении смотрел «сурово и решительно»⁵⁹, при этом речь была отрывистая и убедительная. Когда же требовалось склонить на свою сторону, «добродушно урчал своим баском»⁶⁰ и одаривал собеседника обезоруживающей улыбкой. Несменным атрибутом внешности Эверта были густые усы и борода.

Шпионский центр, функционирующий в верхах российского правительства, возлагал на командующего Западным фронтом большие надежды. «Ушел Иванов – есть Эверт. – заключал руководитель центра, влиятельный банкир Монусевич-Мануйлов. – Этот умнее»⁶¹. После смены Иванова генерал Эверт принял от него обязанности «своего человека на фронте», деятельность которого сводилась к затягиванию наступления своего фронта, тем самым оставляя соседний Юго-Западный без поддержки. Ловко манипулируя Алексеевым, генерал получал официальные отсрочки, которые служили аргументом для разъяренного Брусилова. Действия Эверта возымели результат. Прорыв, так блестяще организованный Брусиловым, не получил своего развития и окончательного успеха в разгроме германской армии не имел. Такая трактовка образа командующего Западным фронтом позволила писателю показать могущество врага и объяснить причины неудач наступления.

Необходимо заметить, что не все авторы расценивали действия Эверта как происки карьериста или немецкого шпиона. В пьесе «Русский генерал» персонаж Эверта, убежденный в абсолютной неодолимости германской армии, ограничивается лишь демонстративными действиями своего фронта (к тому же в необозначенном направлении). Также отказавшись следовать официальной трактовке и не умаляя заслуг авторитетного генерала писатель, Успенский создал рискованный

⁵⁷ Заславский, Д. Указ. соч. С. 58.

⁵⁸ Слезкин, Ю. Указ. соч. С. 357.

⁵⁹ Там же. С. 355.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 150.

для того времени художественный образ командующего Западным фронтом. Знакомый с воспоминаниями Брусилова, автор при работе над образом руководствовался военно-исторической литературой и свидетельствами своих родственников, служивших на фронтах Первой мировой войны. Так, в романе на апрельском совещании в Ставке под нажимом веских доказательств Брусилова о необходимости скорейшего наступления всеми фронтами «недоумевающий или смущенный Эверт развел руками», спустя минуту искренно добавил «Поддержим»⁶². Однако дальнейшего развития образ не получил, так как Успенский закончил свое произведение упомянутым выше совещанием.

Работая над образами противников наступления, писатели понимали, что необходимо внедрить в произведения персонажи армейского, корпусного и дивизионного командования Юго-Западного фронта, усилиями которых в действительности и состоялся прорыв обороны противника. Следует отметить, что драматурги отказались вводить в канву произведений персонажей реально существовавших генералов. Вероятно, они посчитали, что наличие других героев способно распылить (размыть) полководческий талант *Брусилова* в организации и осуществлении наступления. Следует оговориться, что Сельвинский, дабы оттенить полководческий гений *Брусилова*, ввел в пьесу персонаж начальника штаба Юго-Западного фронта – «честного труженика»⁶³ генерала *В.Н. Клембовского*. С пиететом относившийся к своему начальнику *Клембовский* скептически воспринял идею наступления. К тому же дисциплинированный генерал отказался нарушать приказ Ставки, требовавший приостановить наступление.

Свободнее в этом плане оказались Сергеев-Ценский и Слезкин, четко очертя круг соратников Брусилова за счет персонажей фронтового командования. Для осуществления стратегической задачи, возложенной на Юго-Западный фронт, необходимы были согласованные действия армейского и корпусного командования. Их обеспечение входило в компетенцию начальника штаба Юго-Западного фронта *В.Н. Клембовского*. Для создания образа фактического разработчика (руководителя) операций фронта писателям было вполне достаточно важного факта, упомянутого Брусиловым. В воспоминаниях автор говорил, что после назначения его на новую должность он просил Ставку назначить командующим 8-й армией именно *Клембовского*⁶⁴. Это явилось свидетельством доверия к генералу и

⁶² Писатель закончил свое произведения апрельским совещанием в Ставке.

⁶³ *Сельвинский, И.* Указ. соч. С. 372.

⁶⁴ На сторону советской власти *Клембовский* перешел в 1918 г. и стал работать в Военно-исторической комиссии по изучению опыта мировой войны. В

признания его профессиональных качеств. Кстати, в апреле 1920 г. именно Клембовский, будучи членом Военно-исторической комиссии по изучению опыта мировой войны, поспособствовал включению в её состав Брусилова. В романах Сергеева-Ценского и Слезкина энергичный, трудолюбивый, честный генерал обладал блестящими тактическими способностями. При разработке планов действий фронта «дельный, знающий генерал, честный человек, серьезный работник»⁶⁵ учитывал все замечания и пожелания Брусилова. В результате совместной работы Брусилов стал для Клембовского своеобразным эталоном воплощения стратегических талантов, упорства и целеустремленности. Чтобы придать персонажу Брусилова еще большую значимость, Успенский в своем романе гипертрофировал профессиональные симпатии «умницы» Клембовского к командующему Юго-Западным фронтом. Открытое восхищение начальника штаба вызывало у Брусилова откровенное недовольство: «Боевой же генерал, а влюблен как девочка! Срам!»⁶⁶

Чтобы представить масштаб наступления и оттенить полководческий талант Брусилова, Сергеев-Ценский и Слезкин включили в произведения персонажей командующих армиями Юго-Западного фронта. В подчинении главнокомандующего Юго-Западным фронтом находились: командующий 8-й армией «суций дурак»⁶⁷ генерал А.М. Каледин, 11-й армией – генерал В.В. Сахаров⁶⁸ («этот, если понял, что надо ударить, ударит больно, насмерть»), «пожалуй самый умный из них...двуликий, баловень счастья и неудачник» командующий 7-й армией генерал Д.Г. Щербачев⁶⁹, 9-й армией – генерал П.А. Лечицкий. В

1920 г. он стал членом Особого совещания при Главнокомандующем РККА и параллельно занимался преподавательской деятельностью. Осенью 1921 г. после роспуска Особого совещания был арестован и умер в тюрьме после 14-дневной голодовки. Следует отметить, что Брусилов принимал активное участие в судьбе своего бывшего начальника штаба, которому после октября 1917 г. был многим обязан. Он даже ходатайствовал за него, но тщетно.

⁶⁵ Слезкин, Ю. Указ. соч. С. 131.

⁶⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 132.

⁶⁷ Сергеев-Ценский, С.Н. Указ. соч. С. 119.

⁶⁸ После Октябрьской революции перешел в стан белогвардейцев. В 1920 г. в Крыму был схвачен и расстрелян «зелеными».

⁶⁹ Во время октябрьских событий находился на румынском фронте, где держался до капитуляции Германии. Осенью 1918 г. добился от союзников оказания помощи белым войскам, вследствие чего был назначен военным представителем русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании. Вскоре Щербачев создал представительство, занимающееся снабжением белых армий, а также попытался формировать добровольческие

последнем Брусилов видел «чудесного запорожского дида, настоящего боевого генерала и ясного человека»⁷⁰. При создании образов генералов командующих 7-й, 9-й, 11-й армиями писатели руководствовались исключительно воспоминаниями Брусилова, в которых автор давал вполне лояльную характеристику их военным талантам и заслугам, даже несмотря на то, что Сахаров и Щербачев во время Гражданской войны примкнули к белым. В произведениях перечисленные генералы видели в Брусилове военачальника, способного осуществить задуманный план и привести армию к победе. Признав стратегический талант Брусилова и «почувяв на себе крепкую руку»⁷¹, командующие армиями подчинялись его приказам и выполняли стоящие перед ними боевые задачи. Однако после окончания Великой Отечественной войны политредактор Л. Субоцкий посчитал неправомерным идеалистическое изображение Слезкиным «известных каждому читателю матерых белогвардейцев»⁷². В ответ на это писатель не согласился с данным обвинением и настоял на смене рецензента. Новым политредактором Замошкиным никаких замечаний в адрес персонажей командующих армиями Юго-Западного фронта высказано не было.

Яркое воплощение в произведениях получил образ А.М. Каледина. Советская историография рассматривала его как организатора контрреволюционного мятежа в Донской области в октябре 1917 – феврале 1918 гг., получившего название «калединщина». В советской стране имя генерала, снискавшего во время Первой мировой войны своими боевыми подвигами всероссийскую славу, стало прочно ассоциироваться с данным понятием. Игнорирование боевых заслуг и военного таланта Каледина, проявленного во время Брусиловского прорыва, в тогдашних условиях было очевидным. К тому же негативному восприятию Каледина способствовала оценка его личности и военной деятельности, данная Брусиловым. В своих мемуарах он заявил о совершенной неспособности Каледина к командованию крупными соединениями, выражавшейся в нерешительности и колебаниях последнего. По словам Брусилова, командующий 8-й армией по неизвестным ему причинам «все время плакался»⁷³, ходил угрюмый, мрачный и редко появлялся в войсках. В результате чего армейцы «его не любили и ему не доверяли». Однако в авторских положениях имеются явные

отряды из русских военнопленных. В августе 1920 г. был смещен с поста и уехал на постоянное место жительства во Францию.

⁷⁰ Данный персонаж присутствует только в романе Слезкина (См.: Слезкин, Ю. Указ. соч.)

⁷¹ Там же. С. 198.

⁷² РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Д. 230. Л. 10.

⁷³ Брусилов, А.А. Указ. соч. С. 240.

противоречия. Дав Каледину нелюбезную характеристику, Брусилов тут же указывает на успешность действий его армии в отведенных ей направлениях. Имеющиеся в распоряжении историков документы дают ясное представление о больших заслугах Каледина в наступлении армий Юго-Западного фронта⁷⁴. Вероятно, причиной умаления заслуг Каледина стали трения из-за резкого характера последнего. О разногласиях генералов свидетельствуют и эмигрантские источники, заявляя, что Каледин в 1917 г. оставил фронт «из-за Брусилова, который, по его мнению, чересчур отпустил поводья армии»⁷⁵. Возможно, Брусилов попросту ревновал свою бывшую героическую 8-ю армию. Таким образом, негативная оценка личности и заслуг Каледина дала возможность Брусилову самоутвердиться, расправиться с «конкурентом» и переложить часть неудач наступления на плечи «мрачного» генерала. Данную оценку поспешили воплотить в своих произведениях романисты.

Образ *Каледина* впервые появился в романе Сергеева-Ценского. Командующий 8-й армией, на которую в ходе прорыва было возложено осуществление главного удара на Луцк, был «*суций дурак*», к тому же, «*усы висят, как у покойника, и глаза мутные*»⁷⁶. В результате страха перед мощью противника он потерял способность здраво мыслить и принимать правильные решения. Данную тенденцию изображения поддержал и Слезкин. Падший духом *Каледин* «*явно оробел перед немцами*»⁷⁷. Страх генерала, прежде всего, выдавала его внешность: «*Он осунулся, синеватые тени легли на его лицо. Нервный тик поддегивал его левую щеку, красивые глаза одичали*»⁷⁸. Персонаж *Каледина* своими необдуманно действиями, сопряженными со страхом перед мощью противника, ставил под угрозу осуществление и развитие прорыва. За поступками неадекватного *Каледина* ко-

⁷⁴ Армия под его командованием в первые дни наступления (22–25 мая) прорвала австрийские позиции под Луцком, уничтожив центр 4-й австро-венгерской армии и нанеся сокрушительное поражение правофланговому сводному корпусу генерала А. Шумрая. Взяв Луцк, Каледин не развил достигнутого успеха, так как 26 мая получил приказ от Брусилова придержать корпус на Луцком направлении и подрывать по ним армию. В конце мая армия выступила на новом Ковельском направлении. Здесь, несмотря на значительно укрепленные вражеские позиции, армия Каледина вела боевые действия довольно успешно, отбросив австрийские войска на исходные позиции. Лишь августовское наступление на Владимир-Вольнский окончилось для 8-й армии неудачно. Усиленные войска противника нанесли поражение войскам Каледина, вследствие чего операция была остановлена.

⁷⁵ Белое движение: Исторические портреты. М., 2006. С. 94.

⁷⁶ Сергеев-Ценский, С.Н. Указ. соч. С. 119.

⁷⁷ Слезкин, Ю. Указ. соч. С. 382.

⁷⁸ Там же.

мандующий Юго-Западным фронтом установил строгий контроль. Например, к Каледину Слезкин приставил доверенное лицо Брусилова адъютанта Игоря Смолича (вымышленный персонаж), а Сергеев-Ценский – начальника штаба 8-й армии генерал-майора С.А. Сухомлина – человека «ясного ума, крепкого здоровья», внушавшего командующему фронту уверенность в том, «что даже раздерганного Каледина он все-таки сумеет предохранить от опасных для дела шагов»⁷⁹.

В произведениях писателей страх перед противником по-разному влиял на действия командующего 8-й армией. Персонаж Каледина в романе Сергеева-Ценского трепет перед врагом заставляет игнорировать приказы высшего начальства и своими «геройскими» действиями ставить под угрозу разгрома вверенную ему армию: «Ему (Брусилову. – О.С.) отчетливо представлялось, что Каледин, точно глаза у него завязаны, сам лезет в расставляемый перед ним немцами мешок»⁸⁰. У Слезкина боязнь противника парализует деятельность генерала. Он не способен трезво оценить ситуацию и предпринять соответствующие действия. Перед началом наступления Брусилов методично наставлял «задыхающегося от волнения» Каледина, который обыкновенно «находился в великом смятении» и бесконечно сомневался в правильности своих действий⁸¹. Успешно организованное наблюдение позволяло Брусилову предотвращать необдуманные действия генерала. «Отрезвляющие» встречи Каледина с командующим Юго-Западным фронтом гарантировали удачный исход боевых действий 8-й армии на Луцком направлении.

Очередной непривлекательный образ командующего 8-й армией создал в романе «Boи под Луцком» писатель Степанов. Он отвел Каледину небольшой эпизод, в очередной раз подтверждающий его боязнь противника. «Главное при наступлении действовать осмотрительно и позабыть про исконно русское авось! – наставлял Каледин перед боем солдат. – Поменьше ухарства и побольше осторожности»⁸². Генерал высокого роста «тяжело переступал на ходу»⁸³. При общении «мрачного вида генерал»⁸⁴ смотрел на собеседника угрюмо, говорил тихо и невнятно. «Посмотришь на такого генерала, что к нам приезжал, Калединов что ли ему фамилия, – сокрушался солдат 102-й пехотной дивизии, – и от одного его вида мутно на душе становится. С таким генералом никакой солдат воевать не

⁷⁹ Сергеев-Ценский, С.Н. Указ. соч. С. 169.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 12. Д. 71. Л. 11.

⁸³ Там же. Л. 10.

⁸⁴ Там же.

захочет, нету к нему веры»⁸⁵. Однако вскоре от своего замысла Степанов отказался, собственноручно вычеркнув в рукописи эпизоды с *Калединым*. Очевидно, писатель решил не отступать от исторической действительности, так как летом 1916 г. он сам участвовал в боях на Юго-Западном фронте и не мог не знать о значительных успехах 8-й армии и реальной оценке Каледина в войсках.

По проторенному коллегам пути пошел писатель Успенский⁸⁶. В отличие от предшественников он не умалил заслуг «отличного офицера» в первые годы войны, но снизил их значимость за счет показа исторических выходов *Каледина* накануне брусиловского наступления. Причиной подобного поведения стал страх командующего 8-й армией перед собственными солдатами: «он панически, с брезгливым ужасом боится своих людей, «солдатни» и «офицеры» одинаково; массы. Не верит ни на йоту армии, презирает её и содрогается при мысли о ней»⁸⁷. Однако автор не называет причину, породившую такую боязнь, но следствием её явился категорический отказ командующего 8-й армией поддержать готовящееся *Брусиловым* наступление⁸⁸.

В целом образ *Каледина*, представленный писателями, всецело удовлетворил партийную критику. Оценка деятельности командующего 8-й армией, данная литераторами, не противоречила уже сформировавшимся в советском обществе представлениям о лидере Белого движения на Юге России. В рецензии на роман Сергеева-Ценского *Заславский* в очередной раз напомнил о его «подвигах» во время Граж-

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 12. Д. 71. Л. 30.

⁸⁶ Правда, по неизвестной причине писатель переименовал *Каледина* в *Александра Михайловича* вместо *Алексея Максимовича*.

⁸⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 98. Оп. 1. Д. 40. Л. 116. На самом деле летом 1916 г. у *Каледина* не было причины бояться своих солдат. Своими героическими подвигами в первые два года войны он снискал всероссийскую славу. В войсках *Каледина* пользовался большим авторитетом. Он был прост и доступен в общении и всегда находился с войсками на передовой. Об этом в своих мемуарах свидетельствует *Деникин*, который в феврале 1915 г. будучи командиром 4-й стрелковой бригады впервые встретился с *Калединым*: «Генерал взобрался на утес и сел рядом со мной, это место было под жестоким обстрелом. *Каледина* спокойно беседовал с офицерами и стрелками, интересуясь нашими действиями и потерями. И это простое появление командира ободрило всех и возбудило наше доверие и уважение к нему» (*Деникин, А.И. Очерки русской смуты*. М., 1991. Т. 2. С. 161). Что же касается событий *Брусиловского* прорыва, то по свидетельству сослуживцев командующий 8-й армией никогда не управлял сражением «из дома».

⁸⁸ В романе *Успенский* довел сюжетную линию до одобрения *брусиловского* плана наступления на апрельском совещании в Ставке. Глава, посвященная показу *Каледина*, окончилась безрезультатными уговорами его *Брусиловым*.

данской войны: «нерешительный Каледин, способный лишь расстреливать непокорных рабочих и крестьян, не воин по профессии, а палач»⁸⁹.

Для осуществления наступательных действий армии нужны скоординированные действия корпусного и дивизионного командования. Отдельные его представители нашли отражение в произведениях Сергеева-Ценского и Слезкина. В романах обоих авторов фигурировал персонаж командующего 30-м армейским корпусом А.М. Зайончковского⁹⁰. «Пробивной и способный» генерал пользовался безграничным доверием у Брусилова. Был дисциплинирован и исполнительен. Благодаря четкому исполнению приказов Брусилова корпус Зайончковского добился во время прорыва значительных успехов. Следует отметить, что писатели в значительной степени идеализировали взаимоотношение двух генералов. Сделавший при большевиках блестящую военную и научную карьеру А.М. Зайончковский был научным оппонентом брусиловской концепции наступления Юго-Западного фронта летом 1916 года. В 1923 г. в своей работе он указал на явные недостатки в разработке Брусиловым военной операции и преумножении последним военных потерь русской армии.

Значительное место в романе Сергеева-Ценского занимает изображение командующего 101-й пехотной дивизией генерала К.Л. Гильчевского⁹¹. На создание его образа писателя вдохновили статьи корреспондента М. Лембича, опубликованные в газете «Русское слово» за 1916 г. Последний с неподдельным интересом следил за боевыми действиями дивизии и восхищался военным талантом её руководителя. О признании заслуг Гильчевского в Брусиловском прорыве свидетельствовало награждение его орденом Св. Георгия 4-й степени.

В произведении *Гильчевский* представлен как храбрый, инициативный боевой генерал, беспрекословно выполняющий приказы Брусилова. Если по замыслу Сергеева-Ценского *Брусилов* являлся блестящим

⁸⁹ Заславский, Д. Указ. соч. С. 63.

⁹⁰ В 1920 г. Клембовский и Зайончковский, будущие «красные генералы», поспособствуют приходу Брусилова в комиссию по исследованию опыта войны 1914–1918 годов.

⁹¹ Сын солдата. В 1878 г. за боевое отличие при штурме Карса был произведен в офицеры. Затем в 1887 г. самоучкой поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Относившись к учебе с большим усердием, Гильчевский по общей успеваемости закончил её шестым (из 60 учеников). По окончании Академии служил в штабе Кавказского военного округа. Во время Брусиловского прорыва командуя 101-й пехотной дивизией, успешно форсировал реку Стырь и Стоход. За полтора месяца боев взял 22.000 пленных и большое количество военных трофеев (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 284. Л. 3 об.)

стратегом, то *Гильчевский* олицетворял тактическое мастерство, выраженное в решительности, смелости, умении быстро ориентироваться в обстановке, наличии живого военно-тактического мышления⁹². Командующий 101-й дивизией каждый день посещал войска, лично следил за обучением новобранцев, беседовал с офицерами. Во время боев, что называется, «*ходил под пулями*»⁹³, чем снискал уважение среди солдат. В результате талантливого и чуткого руководства дивизия под командованием *Гильчевского* добилась значительных успехов в ходе Брусиловского прорыва. Командование Юго-Западного фронта возлагало на неё особо ответственные задачи при прорыве обороны противника.

Образ «интереснейшего русского генерала дореволюционной России»⁹⁴ *Гильчевского* удостоился восхищенных отзывов критики. По мнению рецензентов, данный персонаж был выписан Сергеевым-Ценским с «исключительным литературным мастерством»⁹⁵ и олицетворял лучших представителей русского генералитета. Под командованием таких талантливых и решительных военачальников совершал подвиги русский солдат, ставший главным героем и главной силой Брусиловского прорыва. За исторически правдивый образ *Гильчевского* благодарил Сергеева-Ценского бывший военный корреспондент Н. Каржанский. Летом 1916 г. он находился в штабе Юго-Западного фронта и был прекрасно осведомлен о деятельности командующего 101-й дивизией⁹⁶.

Не совсем понятно появление в пьесе Сельвинского и романе Степанова образа командира 48-й пехотной дивизии Л.Г. Корнилова, как активного участника Брусиловского прорыва. Возможно, по замыслу писателей данный персонаж должен был стать еще одним ярким примером бездарности царского генералитета. Кстати, боевая деятельность генерала на фронтах Первой мировой войны

⁹² По своей природе *Гильчевский* был человек исключительной смелости. В 1927 г. пенсионер – *Гильчевский* написал возмущенное письмо председателю ЦИК СССР М.И. Калинину, где раскритиковал социальную политику советской власти. Так же бывший герой Брусиловского прорыва просил его помочь напечатать недавно законченный военно-исторический труд, посвященный деятельности второочередных частей во время Первой мировой войны. Как ни странно, но смелость автора письма вызвала симпатию со стороны Калинина. Под его контролем в 1928 г. в военном отделе ГИЗ вышла книга *Гильчевского* под названием «Боевые действия второочередных частей в мировую войну», тиражом в 3000 экземпляров (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–7).

⁹³ *Сергеев-Ценский*, С.Н. Указ. соч. С. 79.

⁹⁴ *Заславский*, Д. Указ. соч. С. 61.

⁹⁵ Там же. С. 60.

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 494. Л. 3.

советской историографией во внимание не принималась. Рассматривалась лишь его контрреволюционная деятельность, известная как «корниловщина». Как уже было сказано, Корнилов не участвовал в наступлении армий Юго-Западного фронта, так как 29 апреля 1915 г. во время прорыва армий Макензена на участке Горлица-Тарнов в районе Дуклы он был взят в плен, откуда сбежал в июле 1916 г. На фронт Корнилов вернулся только в сентябре в должности командира 25-го армейского корпуса Особой армии.

Запоминающийся образ «лихого кавалериста русской армии»⁹⁷ Л.Г. Корнилова впервые был адаптирован к событиям брусилковского наступления в драме Сельвинского. Писатель намеренно сделал Корнилова кавалеристом, чтобы лишить профессионала Брусилова возможных конкурентов. Безрассудный генерал с «раскосыми глазами гунна»⁹⁸, опьяненный собственной храбростью, «геройствует», ставя под угрозу уничтожения свою дивизию. Его «героизм» трактовался писателем как непредусмотрительность и отсутствие военных талантов. Встречи Брусилова с Корниловым всегда заканчивались руганью. Брусилов прилюдно возмущался несоблюдением Корниловым его приказов. «Вы ведь “кентавр”, – констатирует Брусилов, – и в ваших суждениях уже не разберешь, где кончаетесь вы и начинается ваша лошадь»⁹⁹. Однако Корнилов в долгу не оставался, отказываясь подчиняться приказам и оговаривался с Брусиловым. Результатом необдуманных действий Корнилова оказался плен, где генерал удостоился допроса самого начальника штаба Восточного фронта германской армии Людendorфа. Последнему без труда удалось разговорить падкого на лесть Корнилова. Предметом разговора стала инициативность Брусилова, которую русский генерал категорически опроверг, назвав командующего Юго-Западным фронтом «домоседом»¹⁰⁰. Непреднамеренная дезинформация противника, вызванная неприятием Брусилова, оказалась единственным «благоразумным» поступком Корнилова.

Довольно комично выглядит персонаж Корнилова в произведении Степанова. Писатель ограничился описанием внешности генерала и черт характера, оставив без внимания его военную деятельность. По неизвестной причине Степанов «разжаловал» Корнилова в полковники. Принимая во внимание азиатскую внешность коман-

⁹⁷ Сельвинский, И. Указ. соч. С. 341.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 358.

¹⁰⁰ Там же.

дующего 48-й пехотной дивизией, следует сказать, что Степанов при изображении внешности художественного образа *Корнилова* был недостоверен¹⁰¹. Худой, изможденный полковник с «нервной вихляющей походкой»¹⁰² смотрел на собеседника «мутными невыразительными глазами на выкате»¹⁰³. Вероятно, писатель таким способом хотел показать глубину страха *Корнилова* перед противником. Важной особенностью громкой речи «шепелявого» *Корнилова* было «через два слова в третье прибавлять – знаете, понимаете, батюшка мой»¹⁰⁴. Причем командир дивизии объяснял боевое задание весьма эмоционально, «ожесточенно тыча в карту и забрызгивая все вокруг своей слюной»¹⁰⁵. Возможно, по сходной причине с образом *Каледина*, писатель собственноручно зачеркнул исторически неверные сцены изображения одного из героев Первой мировой войны.

Таким образом, в художественных произведениях о героическом событии Первой мировой войны – Брусиловском прорыве писатели создали запоминающиеся образы русских генералов, припомнив некоторым персонажам их реальные заслуги и доблестные подвиги.

¹⁰¹ Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на портрет *Лавра Георгиевича*. Детальное описание его внешности дал *Верцинский*, который в начале июня 1917 г. был назначен начальником штаба вверенной *Корнилову* 8-й армии. «*Лавр Георгиевич Корнилов* был ниже среднего роста, очень сухой, с коротко остриженной головой, с несколько выступающими скулами и раскосыми глазами. По рождению он был забайкальский казак и в нем сказывался киргизский тип. Небольшие карие глаза большею частью он скромно опускал, лишь от поры до времени останавливая на собеседнике свой пронизательный взгляд. Лицо всегда сосредоточенно спокойное, почти никогда не улыбавшееся, на котором в минуты сильных переживаний внешне ничего не отражалось. Руки небольшие, пальцы тонкие. На указательном пальце правой руки он носил простое золотое кольцо с золотой печаткой и инициалами, которым, перебирая бумаги или разговаривая, он иногда ударял по столу. В жизненных привычках был крайне неприятелен, в обхождении скромнен. Был очень вынослив, хотя физически скорее слаб и страдал сильными головными болями. Духом непоколебим и твердой воли. В работе крайне добросовестен и настойчив. С подчиненными общителен, но не многоречив» (*Верцинский, Э.А.* Год революции: Воспоминания офицера Генерального Штаба за 1917–1918 гг. Таллин, 1929. С. 18).

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 12. Д. 71. Л. 38.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. Л. 38–39.

¹⁰⁵ Там же.

ЛЕГЕНДА ЮЗЕФА ПИЛСУДСКОГО В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА (1918–1939 ГОДЫ)

П. Цихорацкий

Вроцлавский университет
E-mail: cichoracki@op.pl

Раскрываются объективные и субъективные предпосылки формирования в сознании поляков легенды о маршале Пилсудским, показано как эта легенда в межвоенный период стала в Польше инструментом в политической борьбе. Прослеживается прямая взаимосвязь оживления дискуссии о Пилсудском с обострениями кризисных явлений. В качестве поворотных моментов в эволюции образа Пилсудского рассматриваются 1918 г., весна 1926, 1935 и 1939 годов. Показано как власть использовала память поляков о Пилсудском для мобилизации общества.

Ключевые слова: История Польши, межвоенный период, общественное сознание, образ Пилсудского.

THE JOZEF PILSUDSKI'S LEGEND IN THE POLISH SOCIETY OF THE INTERWAR PERIOD (1918–1939)

P. Tsykhoratsky

In article objective and subjective preconditions of formation in consciousness of Poles of a legend about the marshal Pilsudsky reveal, is shown as this legend during the intermilitary period became in Poland the tool in political strike. The direct interrelation of revival of discussion about Pilsudsky with aggravations of the crisis phenomena is traced. As turning points in evolution of an image Pilsudsky it is considered 1918, spring 1926, 1935 and 1939. It is shown as the power used memory of Poles about Pilsudsky for society mobilization.

Key words: History of Poland, the intermilitary period, public consciousness, Pilsudsky's image.

Размышления о Юзефе Пилсудском, которые много лет ведутся в Польше, часто сопровождаются словом «легенда». Его использование преследует цель подчеркнуть исключительность положения этой лич-

ности в сознании поляков прошлого столетия. Тот факт, что Пилсудский занимает особое место в польской истории XX в., не является дискуссионным. В то же время неоднозначным представляется само определяемое словом «легенда» явление, окружающее Маршала. Кратко её можно определить как мнение и оценки личности Пилсудского, сформулированные с опорой на тенденциозный, часто продиктованный эмоциями подбор информации. В результате дело дошло до параллельного существования позитивной и негативной версии односторонне рисуемого образа Маршала.

До настоящего времени продолжают дискуссии на тему истоков возникновения легенды Пилсудского. Обращается внимание на самые разные проблемы, особенно связанные с историей польской нации в период разделов Польши (после третьего раздела в 1795 г.). В вышеназванном контексте выделяются такие факторы, как сила романтической традиции в польской культуре, присущий полякам в эпоху после разделов «миф вождя» или же сознательное создание собственного образа самим Пилсудским. Указывалось, наконец, на представляющую собой как бы объективный фактор привлекательность самой биографии героя. Ведь её богатство и сложность давали возможность соответствующим образом, эмоционально интерпретировать её как ярким сторонникам Пилсудского, так и его противникам. Ещё задолго до обретения независимости Польшей в 1918 г. специфика биографии будущего Маршала склоняла его сторонников к размышлениям относительно окружающей его легенды¹. Уже тогда этот вопрос не был чужд и противникам этого политика, как правым, так и левым². 1918–1939 гг. выделяются, однако, в истории этой горячей дискуссии о Пилсудском, продолжающейся в значительно меньшей степени до сих пор. Самой важной причиной этой дискуссии было занятие им, с самого начала существования возрождённой Польши, центрального места в политической жизни. Это обстоятельство влияло на форму и особую динамику окружающей его легенды. Она разрасталась вместе с его очередными шагами, которые предопределяли ситуацию во II Республике.

В 1918–1939 гг. было несколько событий первого плана, связанных с проблемой легенды Пилсудского. К ним следует отнести действия властей с целью распространить и закрепить образ Пилсудского, соответствующий позитивному варианту. Широко использовались обе разновидности легенды как орудия в текущей политической борьбе. В связи с этим межвоенный период был временем, когда в польском обществе

¹ *Studnicki, W. Z przeżyć i walk. Warszawa, 1928. S. 44.*

² *Kawalec, K. Roman Dmowski. Warszawa, 1996. S. 87; Mazowiecki, M. [właśc. Kulczycki L.] Historia ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim. Kraków, 1903. S. 371.*

можно было говорить об относительно повсеместном восприятии обеих разновидностей. Здесь стоит привести мнение Каэтана Моравского. Моравский писал о Пилсудском: «Своим ренессансным буйством и литовским упрямством, широтой своих концепций и мелочной мстительностью, своей личностью и легендой он заслони́л и придавил весь период истории Польши и вторгся в жизнь каждого из нас. Все, и те, что хотели, и что не хотели, более чем самими собой мы были его современниками»³. Это мнение, как представляется, отлично иллюстрирует сложность, диапазон и значение «легенды» Пилсудского в жизни польского общества эпохи межвоенного двадцатилетия.

Образ Пилсудского эволюционировал постепенно, вместе с его очередными начинаниями. Однако, охватывая взглядом всё межвоенное двадцатилетие, можно заметить более короткие периоды, когда этот процесс внезапно усиливался. Одновременно в эти моменты споры, объектом которых был Пилсудский, всегда ужесточались. Это обычно было связано с кризисными периодами в истории II Республики. Такие события сами по себе становились со временем постоянной составляющей образа Пилсудского, создаваемого в последующие годы существования государства. Споры об этих эпизодах приобретали черты борьбы за историческую память. Можно при этом отметить, что многие из существующих сюжетов создавались по горячим следам, почти на следующий день после событий.

К таким моментам, несомненно, относились первые дни существования независимой Польши в 1918 г. Несколько дней с момента возвращения Пилсудского из немецкой тюрьмы в Магдебурге (10 ноября) до создания первого кабинета II Республики (17 ноября) были исключительным периодом в истории образа этой личности. Надежды, возлагаемые на прежнего Коменданта легионов I бригады польских легионов (она воевала на стороне центральных держав в 1914–1917 гг.), несмотря на их различную обусловленность, почти не зависели от исповедуемых политических взглядов⁴. И хотя данный период был очень коротким, это не уменьшает его исключительности. Возврат противников Коменданта к традиционным для них методам формирования его образа был, конечно, неизбежен в атмосфере нормальной политической борьбы, характерной для государства, признающего демократические свободы.

Подобное внешнее доминирование позитивных оценок уже не повторилось. Это было так, хотя можно указать на моменты, которые тео-

³ *Morawski, K.* Tamten brzeg. Warszawa, 1996. S. 176.

⁴ *Dąbrowska, M.* Dzienniki 1914–1945. Warszawa, 1998. T. I. S. 209; *Orzechowski, M.* Wojciech Korfanty. Biografia polityczna. Wrocław, 1975. S. 184–185.

ретически могли способствовать позитивным позициям. Этого не происходило даже тогда, когда, казалось бы, имел место эффектный триумф, каким было наступление польских войск на Украине и занятие Киева в мае 1920 г. во время польско-большевистской войны. Несмотря на свидетельства о словах одобрения, которые в этой связи публично произносились недружелюбно настроенным по отношению к Пилсудскому политиками, трудно говорить о подобной ноябрю 1918 г. атмосфере всеобщей, а тем самым отчасти некритической поддержки⁵. Конечно, военные неудачи, которые вскоре наступили (конец июня – середина августа 1920 г.) и с которыми по логике вещей легко было связать Верховного вождя, способствовали радикализации дискурса по этой теме. Крайние оценки давались как его руководству войсками, так и реализации концепции внешней политики. До настоящего времени в польской историографии существует мнение о национальном единстве во время кризиса лета 1920 года⁶. Это, однако, не касалось личности Пилсудского. В состоянии антагонизма была не только политически активная часть общества, но и армия⁷. В связи с этим предпринималось много инспирированных властями действий, целью которых было укрепление у солдат позитивного образа Маршала, среди которых по-прежнему присутствовала неприязнь к нему⁸.

Майский переворот 1926 г. сразу же придал легенде Маршала новое качество, также в сравнении с ранее представленными, предыдущими переломами в истории II Республики. Как в 1918, так и в 1920 г. Пилсудский играл ведущую роль. Однако в обоих случаях его начинания были в значительной степени реакцией на складывающуюся, часто независимо от него, ситуацию. В 1926 г. было уже иначе. Его индивидуальные решения стали двигателем «перелома», что давало возможность отождествлять с ним все последствия. Дополнительной отличительной особенностью периода сразу же после переворота является также стилистика спора о Пилсудском, определяемая как «исключительно грубое столкновение представлений»⁹. Этот конфликт в сфере публичных высказываний (особенно в прессе) представляется исключительным на фоне 1918/1919 гг. и даже ре-

⁵ Sprawozdanie stenograficzne z 144 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego. 4.V.1920. Ł. 6; *Karpiński, S.* Pamiętnik dziesięciolecia. Warszawa, 1931. S. 237.

⁶ *Lisiak, H.* Propaganda obronna w Polsce w rozstrzygającym okresie wojny polsko-sowieckiej 1920 r. // *Dzieje Najnowsze*. 1997. № 4. S. 3.

⁷ *O Niepodległą i granice. Raporty i komunikaty naczelnych władz wojskowych o sytuacji wewnętrznej Polski 1919–1920* / Oprac. M. Jabłonowski, P. Stawecki, T. Wawrzyński. Warszawa-Pułtusk, 2000. T. II. S. 530.

⁸ AAN. Zesp. 1401. Sygn. 296/I-56; CAW. Zesp. 300.8. Sygn. 77.

⁹ *Nałęcz, D., Nałęcz, T.* Józef Piłsudski – legendy i fakty. Warszawa, 1988. S. 60.

шающих месяцев войны с большевиками¹⁰. В истории его легенды весна и лето 1926 г. были важными ещё по одной причине. Уже тогда заметным становится начало диаметрального изменения угла зрения на Маршала среди доброжелательно относящейся к нему до сих пор партий национально-освободительной левицы – Польской социалистической партии (ППС), крестьянского «Вызволене»¹¹. Это привело к очень важным последствиям для варианта образа Пилсудского, который распространялся в кругах этого политического крыла.

Смерть Маршала (12 мая 1935 г.) стала существенным рубежом не только в истории II Республики, но в легенде этой личности. Постепенный отход от политической жизни в свои последние годы, торжественные похороны, эффектно испортившаяся в это время погода – всё это способствовало усилению позитивного ореола, которым был окружён Пилсудский. Самым важным, однако, свидетельством растущей весомости легенды было всеобщее ожидание перемен в жизни страны, какие связывались с его уходом. Хотя это в некоторой степени было парадоксальным. Это изменение для одних означало надежду на либерализацию курса во внутренней политике или даже, как в случае руководящих кругов эндеции, приход к власти. Для других беспокойство выражалось в опасении сохранения «линии Маршала», за судьбу целых социальных групп или даже государства¹². Последний раз к образу Пилсудского обратились весной 1939 г. перед лицом надвигающейся военной угрозы. Это должно было, видимо, способствовать реализации целей политиков правящего лагеря по мобилизации общества¹³.

Оба варианта образа Пилсудского имели многосюжетный характер. Их составляющие можно разделить в соответствии с проблемным ключом. Самой существенной является совокупность представлений о политической деятельности Пилсудского в реалиях независимого государства. Особенно привлекательно для создателей образа личности Пилсудского и тех, кто этот образ воспринимал, были рассуждения на тему «действительных» истоков решений, которые он принимал. Он сам предпочитал принимать эти решения в рамках малых, неформальных групп сотрудников, что вело к суждениям, обычно негативным, о

¹⁰ *Hr. Kl. Igranie z ogniem // Trybuna Ludu. 1926. № 1.*

¹¹ *Krzyszowski, J. Wobec uroczystości kieleckich (refleksje PPS-owca piłsudczyka) // Robotnik. 1926. 7 sierp. № 215.*

¹² *AAN. Zesp. 9. Sygn. 853. K. 68–75.*

¹³ *Szlakiem Józefa Piłsudskiego 1914–1939. Warszawa, 1939. S. 104.*

непрозрачности истоков его начинаний¹⁴. В этом контексте появлялись рассуждения на тему инспирирующей роли евреев или масонства¹⁵.

В течение всего межвоенного двадцатилетия предпринимались попытки по-разному ответить на вопрос об отношении Пилсудского к демократической системе. Эволюция послемайского режима в авторитарном направлении усиливала крайне негативные оценки по этой проблеме. Это также стало вызовом для кругов, которые одновременно не хотели отказываться как от демократической фразеологии, так и от личности Пилсудского как своего покровителя¹⁶. В связи с этим возник вопрос об отношении к Пилсудскому-«диктатору», который специфическим образом понимает право¹⁷. Это с особой силой провилось с 1930 г. Именно тогда некоторые из оппозиционных политиков были на несколько месяцев арестованы, а позднее осуждены.

Сферой, которую до конца жизни оставлял за собой Пилсудский, была внешняя политика. Особое геостратегическое положение, суть которого сводилась к соседству с Германией и Советским Союзом, определяло значение дипломатии. А поэтому не было ничего удивительного в том, что начинания и устремления приписываемые Маршалу, прежде всего, по вопросу об отношении с двумя самыми большими вышеназванными соседями II Республики, становились предметом фантастических утверждений и интерпретаций. Более значимую роль в создании образа Пилсудского играли иногда совершенно фантастические рассуждения на тему его отношений к России, нежели к Германии¹⁸. Левые взгляды Маршала в прошлом, а также перипетии смены им конфессии (формально он ушёл из католицизма в матримониальных целях) делали противоречивым, а посредством этого привлекательным с точки зрения легенды, вопрос его отношения к католической церкви. Контекстом здесь были также размышления на тему отношений государство-церковь¹⁹.

Одновременно с усилением позиций санационного лагеря стала заметна активизация усилий с целью связать личность Пилсудского с

¹⁴ Zakład Narodowy im Ossolińskich. Sygn. 14023 / II; *Zdanowski, J. Dziennik 1915-1935*. T. III. S. 54; T. IV. S. 305.

¹⁵ *Grabowski, J.O. Naga prawda // Myśl Narodowa*. 1922. № 31; Zakład Narodowy im Ossolińskich. Sygn. 14023/II; *Zdanowski, J. Op. cit.* T. II. S. 106.

¹⁶ *Anusz, A. Rola Józefa Piłsudskiego w życiu państwa i narodu*. Warszawa, 1927. S. 38.

¹⁷ *Car, S. Józef Piłsudski a państwo polskie. Odczyt wygłoszony w dniu 8.XI.1930 w Wilnie*. Warszawa, 1930. S. 36-39.

¹⁸ *Kirkor-Kiedroniowa, Z. Wspomnienia*. Kraków, 1988. T. III. S. 166; *Młot, J. [pseud.] Ryzykanci*. Poznań, 1926. S. 14.

¹⁹ Zakład Narodowy im Ossolińskich. Sygn. 14023/II; *Zdanowski, J. Op. cit.* T. VII. S. 9.

отдельными регионами страны. Виленщина, откуда происходил Пилсудский, была с этой точки зрения привилегированной. Подобные действия предпринимались, однако, также в отношении территорий, с которыми Пилсудского объединяло немного (как Силезия) или население которых в своей массе довольно скептически относилось к послемайской системе (как Великая Польша). Эти территории становились одновременно благодарным пространством для пропаганды негативных, часто в региональном контексте, утверждений относительно Маршала²⁰.

Формирующаяся легенда Пилсудского как точка соотнесения для своего героя потребовала не только событий, но и людей. Для этого использовались как общности, так и конкретные личности. Наибольшей из первых была вся нация или же общество, возможно «народ», представителями которого были рабочие и крестьяне. В позитивной версии образ Пилсудского создавался как образ виновника их успехов, учителя или врачевателя. Последнее означало личность, предназначенную для проведения временами болезненной, оздоровительной терапии²¹. Экономический кризис, который охватил страну в первой половине 1930-х гг., привел к тому, что к подобным понятиям, хотя конечно в противоположных целях, обратились антисанационные круги.

Важной составляющей «легенды» были описания таких групп сторонников и противников Маршала. Таким специфическим образом структурировалась политическая сцена, в равной мере облегчая наступление на политических антагонистов и создание собственного позитивного образа²². В группе сторонников специфическую роль играли те, кого можно определить как соратников Пилсудского. Описание этой большой группы, осуществляемое в контексте личности Маршала, играло для её членов легитимизирующую роль после смерти исторического лидера (май 1935 г.). Но этот период привнес новое в виде ликвидации установившейся в конце 1920-х гг. линии раздела в эмоциональном споре о личности Пилсудского. Это было связано с трансформациями внутри правящей группы. Удерживающиеся у власти его соратники были атакованы маргинализирующимися при новом раскладе сил кругами, которые отказывались от наследства умершего²³.

²⁰ *Komunikaty Informacyjne Komisariatu Rządu na m. st. Warszawę. Warszawa, 1992. T. 2. Z. 2. S. 283.*

²¹ *Anusz, A. Z powodu oświadczenia Marszałka Piłsudskiego z dnia 1 VII 1928 r. Przypomnienia i uwagi. Warszawa, 1929. S. 5.*

²² *Skwarczyński, A. O co toczy się walka // Droga. 1930. № 6.*

²³ *Żarnowski, J. Lewica sanacyjna w latach 1935–1939 // Przegląd Historyczny. 1959. № 4. S. 714.*

В роли точки соотнесения, благодаря которой звезда Пилсудского должна была приобрести больший блеск или ещё более тёмные тона, трактовались конкретные личности, олицетворяющие лагерь противников Маршала. Пальму первенства следует отдать личности Романа Дмовского – лидера национальной правицы. Его часто сравнивали с Пилсудским в течение всего межвоенного двадцатилетия, особенно сторонники Маршала²⁴. В меньшей степени сравнение с Пилсудским касалось политиков других европейских стран. Среди них личностью, к которой чаще всего обращались, был Муссолини. Апогей сравнения Пилсудского с дуче пришёлся на период до 1926 г. Однако и в последующие годы правым кругам лидер итальянских фашистов давал возможность дискредитировать Маршала, как неудавшуюся копию знаменитого итальянца²⁵.

Биография и высказывания Пилсудского предопределили связь обоих вариантов его образа с отдалённым или ближайшим прошлым. К истории, не имевшей тогда статуса «новейшей», обращались скорее сторонники Коменданта. Его недруги, возможно, считали, что сам факт сравнения его, независимо от стремлений, с великими героями истории уже само по себе является неподобающей для него формой почитания. Военный аспект биографии Пилсудского, такой важный в межвоенном двадцатилетии, делал очевидным формирование его образа на фоне образов победоносных польских полководцев прошлого – королей Болеслава Храброго, Яна III Собеского или князя Юзефа Понятовского²⁶. Стефан Баторий, польский король второй половины XVI в., представлялся наиболее соответствующим для того, чтобы подчеркнуть на рубеже 1920–1930-х гг. традиции борьбы с анархией общественной жизни. Поскольку в 20-х гг. подобные персональные сравнения служили для возвеличивания Пилсудского посредством наделения его чертами героев прошлого. Это, особенно после мая 1935 г., всё чаще проявлялось в констатации того, что лапидарно формулировалось следующим образом: «Пилсудский в нашей истории стоит в одиночестве»²⁷.

Препарированию, предназначенному для создания обеих версий образа Маршала, подвергались, конечно, отдельные этапы биографии Пилсудского. В межвоенном двадцатилетии, а особен-

²⁴ *Malicki, J.* Marszałek Piłsudski a sejm. Historia rozwoju parlamentaryzmu polskiego. 1919–1936. Warszawa, 1936. S. 8.

²⁵ *Świętochowski, A.* Liberum veto // *Myśl Narodowa*. 1927. № 3.

²⁶ *Hulka-Laskowski, P.* Wódz, środowisko, dzieło // *Wiadomości Literackie*. 1935. № 23.

²⁷ *Śliwiński, A.* Rola dziejowa Józefa Piłsudskiego // *Pion*. 1935. № 25.

но после мая 1926 г., её этап, связанный с деятельностью в ППС в начале XX в., создавал сложности. Это относилось как к сторонникам, формирующимся во всё более разнородный санационный лагерь, так и к тем, кто осмысливал расхождение путей Коменданта и социалистической левицы. В то же время его активная деятельность в ППС создавала благоприятные условия для создания «чёрной» легенды правицей²⁸. Эмоциональные интерпретации начинаний Пилсудского в годы войны играли важную роль для обеих версий его образа. Это касается и первых лет существования II Республики. Тогда опосредованно была продолжена дискуссия периода Первой мировой войны о выборе союзника в борьбе за разрешение польского вопроса²⁹. Период до 1926 г. был также временем самых эмоциональных оценок Пилсудского, связанных с его ролью в польско-большевистской войне, особенно кампании 1920 года³⁰. С течением времени характер конфликта на почве истории приобретали разногласия вокруг вооружённого переворота, совершённого Пилсудским в мае 1926 года. Среди левицы, утвердившейся к концу 20-х гг. на антисанационных позициях, дошло до переоценки взглядов на этот государственный переворот, который был признан трагедией при частичном абстрагировании от участия ППС в событиях на стороне Пилсудского³¹. Описывая аспекты легенды Пилсудского, связанные с историей, можно вспомнить о характерных, особенно для второй половины 1930-х гг., противоречиях вокруг публикации свидетельств, посвящённых Пилсудскому. Иногда воспоминания, написанные яркими сторонниками Маршала, вызывали горячее противодействие. Интересно, что так реагировали именно те, кто чувствовал себя ответственным за сохранение памяти о Пилсудском³².

Явлением, неразрывно связанным с легендой Пилсудского, был культ его личности. Здесь речь идёт о действиях, которые чаще всего были официально инспирированы и целью которых было распространение и упрочение позитивной версии образа Маршала. Начинаниям в этой сфере после майского переворота государ-

²⁸ Ryx, J., Bobrzyński, J. Czy nie złudzenie // Nasza Przyszłość. 1935. № 6.

²⁹ Pannenkowa, I. [pseud. Lipecki J.] Legenda Piłsudskiego. Poznań, 1923. S. 68, 73–74.

³⁰ Pomorski, K. Józef Piłsudski jako wódz i dziejopis. Warszawa, 1926. S. 46.

³¹ Proces 11 więźniów brzeskich przed Sądem Okręgowym w Warszawie. Cieszyn, 1932. S. 22.

³² Jehanne-Wielopolska, M. Pliszka w jaskini Iwa. Rozważania nad książką K. Ślako-wiczówny «Ścieżka obok drogi». Warszawa, 1939.

ственная администрация покровительствовала по очевидным причинам. Ведь Пилсудский был персональным воплощением правящего лагеря. Следует при этом помнить, что подобные действия, хотя и не в таком масштабе, имели место и в период осуществления Пилсудским функций Начальника государства (1918–1922 гг.). Образец же «обрядов» сформировался даже раньше этого, ещё в 1916–1917 годах³³.

Самым подходящим случаем для этого стал день именин Пилсудского, приходящийся на 19 марта. Тогда во всей стране организовывались торжественные заседания, спектакли и факельные шествия с участием представителей властей³⁴. Сам Пилсудский после мая 1926 г. избегал участвовать в этих мероприятиях. Культ, которому покровительствовали власти после 1926 г., развивался с помощью таких общегосударственных институтов, как армия и школа. Личность Пилсудского была одной из самых важных, если не самой важной составляющей прививаемой там санационной концепции «государственного воспитания»³⁵. Кульминацией действий, целью которых было развитие культа уже умершего Маршала, стало создание в июне 1935 г. Главного комитета почитания памяти Маршала Юзефа Пилсудского, занимавшегося координацией памятных мероприятий, а покровительствовать ему стал глава государства – президент Игнацы Мосьцицкий. Такая инициатива казалась организатором обязательной. Ведь они оказались перед лицом множества, часто спорных проектов увековечивания памяти умершего Маршала³⁶.

Начинания в сфере культа возбуждали сильное противодействие оппозиционно настроенной части общества. Иногда, особенно в период кульминации внутреннего напряжения на рубеже 1920–1930-х гг., на этой почве доходило до уличных демонстраций. Предлогом для них становились торжества в честь Пилсудского, организуемые властями. Манифестации провоцировали администрацию на использование силы³⁷. Другой формой противодействия была организация альтернативных мероприятий, героями которых были личности, признаваемые политическими противниками Маршала.

³³ Kult Piłsudskiego. [Warszawa, 1917].

³⁴ Uroczystości w stolicy // Gazeta Polska. 1934. 20 marca. № 79.

³⁵ Czerwiński, S. O nowy ideał wychowawczy. Warszawa, 1934. S. 65.

³⁶ Cele i zadania NKUPMJP. Referat gen. dr. B. Wieniawy Długoszowskiego // Gazeta Polska. 1935. 7 czerwiec. № 156.

³⁷ Manifestacje w Poznaniu i we Lwowie // Gazeta Warszawska. 1932. 22 marca. № 89.

Принимая во внимание сходство имён, а тем самым и день именин, в такой роли использовались генералы Халлер и Довбур-Мусьницкий. Стоит отметить, что кроме оппозиционных политических кругов некоторую инспирирующую роль в случаях противодействия в отношении проявлений культа Пилсудского играл католический клер³⁸.

Реакцией на некоторые проявления резких (в том числе и в прессе) нападок на Пилсудского стали различные формы репрессий, к которым прибегали власти. Ещё при осуществлении Пилсудским функций Начальника государства, опираясь на правовые нормы разделивших Польшу государств, время от времени официально инициировались дела об оскорблении «наивысшей государственной власти». Поскольку, однако, для начала судебных процедур обязательно было заявление «обиженной власти», до судебных процессов не доходило. После майского переворота случилось, что подобные инциденты преследовались при использовании в качестве правового основания привлечения к ответственности за оскорбление Пилсудского как военного министра. Такие возможности давал также новый Уголовный кодекс от 1932 года. Увенчало стремление к правовому обеспечению почитания Пилсудского принятие парламентом весной 1938 г. специального закона³⁹.

Сентябрьская катастрофа Польши 1939 г. и её долговременные последствия принципиально повлияли на восприятие личности Пилсудского. Первоначально обращение к позитивной разновидности его образа было неблагодарным делом. Это вытекало из того, что ответственность за национальную трагедию возлагалась именно на наследников Маршала. Некоторую роль играло также то, что к власти в Республике в изгнании пришли прежние противники санации. Однако ещё в годы войны в стране, как и в эмиграции, несмотря на противодействие и разногласия, наступило возрождение положительных оценок⁴⁰. Послевоенные годы усилили и укрепили эти тенденции. Период нахождения у власти коммунистов в Польше был для позитивной легенды Маршала временем исключительно благоприятным. Личность Пилсудского становилась олицетворением потерянной независимости. Официальное пре-

³⁸ List pasterski Księdza Biskupa Łozińskiego w sprawie czci bałwochwalczej oddawanej p. Piłsudskiemu. [Katowice, 1930].

³⁹ Urbanek, M. Polska jest jak obwarzanek. Wrocław, 1988.

⁴⁰ Wiśniewska, M. Legenda Józefa Piłsudskiego w prasie Armii Krajowej i Szarych Szeregów // Niepodległość i Pamięć. 1997. № 9.

уменьшение его заслуг в условиях несuverенного государства большинство поляков воспринимало болезненно. Это способствовало (особенно в 80-х гг. после возникновения «Солидарности») тому, что так характерное для 1918–1939 гг. раздвоение в восприятии личности Пилсудского стало в значительной мере историческим явлением⁴¹.

(Перевод с польского И.К. Кима)

⁴¹ *Suleja, W.* Mit niepodległości w dobie PRL // *Polskie mity polityczne XIX i XX w. Kontynuacja* / Red. W. Wrzesiński. Wrocław, 1999. S. 81.

**СИМВОЛИКА ГРЮНВАЛЬДСКИХ МЕЧЕЙ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОЛЬСКОГО НАРОДА
(К 600-летию сражения)**

А.А. Касович

Саратовский государственный университет,
Кафедра истории средних веков
E-mail: Kasovitch@gmail.ru

В статье рассматривается возникновение специфической символики Грюнвальдской битвы – Грюнвальдских мечей, и их роль в формировании исторической памяти у польского народа об этом сражении.

Ключевые слова: историческая память, Грюнвальдская битва, Грюнвальдские мечи, Грюнвальдский крест, Польша.

**SYMBOLIC OF GRUNWALD SWORDS
IN HISTORICAL MEMORY OF THE POLISH PEOPLE
(To the battle 600 anniversary)**

A.A. Kasovich

In the article is examined the occurrence of specific symbolic of Grunwald battle – Grunwald swords, and its role in formation of historical memory about this battle at the Polish people.

Key words: historical memory, Grunwald battle, Grunwald swords, Grunwald cross, Poland.

Грюнвальдская битва, кардинально изменившая баланс сил во всей Восточной Европе, оставила довольно серьёзный след в исторической памяти народов этого региона. К сожалению, отдельных работ в отечественной историографии, посвящённых отражению Грюнвальдской битвы, в исторической памяти нет. В зарубежной историографической традиции, напротив, существует достаточно исследований на эту тему¹. Однако немецкие, польские и литовские

¹ См.: Arnold, U. Tannenberg/Grunwald als politisches Symbol im 19./20. Jahrhundert // Tradicje kulturowe i historyczne ziem pruskich. Krajobraz grun-

историки ещё не занимались специально символикой Грюнвальда. Между тем именно специфическая символика на протяжении последних 600 лет закрепляет образ этого сражения в исторической памяти польского народа. Данное исследование направлено на изучение роли символов в развитии образа Грюнвальдского сражения в исторической памяти поляков.

Важнейшим символом Грюнвальда, как величайшей Национальной победы поляков, стали два меча (пол. *Miecze grunwaldzkie*), посланные магистром Тевтонского ордена к Ягайло и Витовту как вызов на сражение. В отрывке хроники Яна Длугоша момент передачи мечей описывается в отдельной главе². Вызов таким образом противника на бой был общепринятым в Средние века. Однако чрезвычайно нахальная речь герольдов, отражавшая ошибочную самоуверенность Тевтонского ордена, сделала этот принципиально незначимый эпизод чрезвычайно важным для формирования национального мифа о Грюнвальдской битве у польского народа. Поэтому после сражения эти мечи были доставлены в королевскую сокровищницу в Кракове для того, чтобы служить «всегда новым и неувядающим напоминанием на будущее время о дерзости и поражении одной стороны и о смирении и торжестве другой»³. В инвентарной описи 1633 г. они значатся как «два прусских меча». В XV–XVIII вв. мечи выступали в качестве атрибута обряда коронации польских королей, являясь символом власти монархов над двумя нациями: поляками и литовцами. Специально для этого мечам заменили исторические рукоятки на сделанные из позолоченного серебра. Дополнительно к лезвию одного из них был присоединён небольшой щит с гербом Польши, Белым Орлом. Подобный щит с литовским гербом «Погоня» был прикреплен к другому.

Во время восстания Костюшко в 1794 г. Краков был захвачен прусской армией, которая разграбила Вавельскую сокровищницу. Однако пруссаки, не увидев ценности в двух средневековых мечах и не оценив высокого символического и исторического значения, оставили их. После потери поляками государственности клинки находились в собрании княжны Изабеллы Чарторыжской в Пулавах, а в 1853 г. были конфискованы российскими властями и бесследно пропали⁴.

waldzki w dziejach polsko-krzyzackich i polsko-niemieckich na przestrzeni wiekow. Wokol mitow i rzeczywistosci. Olsztyn, 2009. S. 7–18 и др.

² Длугош, Ян. Грюнвальдская битва. СПб., 2007. С. 98–100.

³ Там же. С. 101.

⁴ Бискуп, М. Великая война Польши и Литвы с Тевтонским орденом (1409–1411 гг.) в свете новейших исследований // ВИ. 1991. № 12. С. 19.

Однако мечи, исчезнув как исторический артефакт, возродились вновь в начале XX в. уже как символ Грюнвальдской победы. Свободная Польша использовала образ сражения, в частности упомянутых мечей, в идеологическом противостоянии с Германией в послевоенный период. 12 июля 1931 г. в Уждово был открыт памятник Грюнвальду работы Ровмунда Пилсудского. Он представлял собой стилизованного орла с двумя клинками⁵. В 1939 г., всего за несколько месяцев до немецкого вторжения в Польшу, на Всемирной выставке в Нью-Йорке символом польской делегации стал бронзовый конный памятник Ягайло с двумя скрещёнными над головой обнаженными мечами. А выпуск почтовых марок в Польше в 1938 г. с изображением грюнвальдских клинков и вовсе вызвал дипломатический протест Германии. Как и в национальной монументальной скульптуре, в живописи межвоенного периода одним из сюжетов также был момент передачи мечей тевтонскими герольдами польскому королю. Например, полотно Войцеха Коссака «Два меча»⁶.

С началом Второй мировой войны Грюнвальдская символика приобрела новый смысл: историческая победа транслировалась на желаемую новую над фашистами. Важную роль в польском государственном культе Грюнвальдской битвы играл орден «Крест Грюнвальда» (польск. *Order Krzyża Grunwaldu*). Крест был учреждён в 1943 году. Будучи одной из высших наград Польши, он вручался за отличие в командовании воинскими соединениями и личное мужество на поле боя или в рядах Сопротивления. Орден представлял собой крест, в середине которого на щите изображались два меча Юнингена, опущенные вниз лезвиями. В декоративной отделке знаков 3-х степеней ордена применялись золото и серебро. Кавалерами Грюнвальдского креста в разное время стали И.С. Конев, Г.К. Жуков, Ю.А. Гагарин, Д. Эйзенхауэр и др. Награды удостоились также некоторые воинские части, воеводства и города Польши⁷. Именно Грюнвальдский крест изображён на польской медали «За взятие Берлина», символизируя родство двух побед над Германией.

Изображение Грюнвальдского креста прижилось и в символике послевоенной Польши. С 1946 по 1955 г. (а фактически до 1959 г.)

⁵ *Ekdahl, S.* The battle of Tannenberg-Grunwald-Zalgiris (1410) as reflected in Twentieth century monuments // *Military orders. Vol. 3: History and Heritage.* Hampshire, 2008. S. 184.

⁶ *Mick, C.* «Den Vorvätern zum Ruhm - den Brüdern zur Ermutigung». Variationen zum Thema Grunwald/Tannenberg // *Zeitenblicke.* Tübingen, 2004. Vol. 3. № 1. S. 43.

⁷ *Потрашков, С.В.* Ордена и медали стран мира. М., 2007. С. 142.

на флаге польского ВМФ в красно-белом фоне был изображён этот крест. Изображение Грюнвальдского креста так же украшает купюру достоинством в 50 злотых 1975 года. Стилизованные изображения грюнвальдских мечей до сих пор украшают знаки военных соединений польской армии: 15-й механизированной бригады, 14-го полка из Ольштына и польско-литовского миротворческого батальона, принимавшего участие в операциях в Косово, Сирии, Ливане и Ираке.

Грюнвальдская символика служит не только как символ польской военной доблести, но и используется в гражданской геральдике. Так, два клинка можно обнаружить на гербе сельской гмины Грюнвальд⁸ – административной единицы, включающей в себя поле исторической битвы. Те же мечи изображены на эмблеме польского государственного Совета по Памяти Борьбы и Мученичества⁹, и на знаке военных историков Польши. В настоящее время стало возможным использование самого узнаваемого в Польше образа в коммерческих целях: эпизод передачи тевтонцами мечей был комично обыгран в рекламе местной марки пива. Те же самые мечи были вписаны в официальную эмблему празднования 600-летия Грюнвальдской битвы.

Таким образом, можно констатировать, что символика Грюнвальдской битвы, в частности два меча, является важным компонентом визуализации исторической памяти об этой победе у польского народа. Важно отметить, что символика не изменилась за прошедшие 600 лет и базируется на артефактах битвы.

⁸ 600-Lecie Bitwy pod Grunwaldem. URL: <http://www.ug-grunwald.pl/> (дата обращения: 01.09.2010).

⁹ URL:<http://www.radaopwim.gov.pl/> (дата обращения: 01.09.2010).

ОТ ПОЛИТИКИ ЗАБВЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

УДК 94(437)

ПРЕОДОЛЕВАЯ СТОЛЕТИЯ (Воинские традиции гуситов в Чехо-Словацком корпусе)

М.А. Васильченко, А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Средних веков
E-mail: Galyaman@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос о роли воинских традиций гуситского движения XV в. в деле создания чешских национальных воинских частей в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Чехо-Словацкий корпус, гуситские традиции, историческая память.

OVERCOMING CENTURIES (Military Hussite's traditions in the Czecho-Slovak case)

M.A. Vasilchenko, A.N. Galamichev

This article is considered to the role of the military traditions in the Hussite's movement in the XV century for the creation of the Czech national military units during the First World War.

Key words: the Czecho-Slovak case, Hussite's traditions, historical memory.

Поиски повышения боевого потенциала Русской армии в годы Первой мировой войны вызвали к жизни идею создания национальных воинских частей в её составе. Особое место отводилось при этом формированию национальных воинских дружин славянских народов, прежде всего тех, территории проживания которых находились в пределах государств-участников Тройственного союза – Германии, Австро-Венгрии, Турции. В разное время в составе русских вооруженных сил появились польская, сербохорватская и чеш-

ская дружины, ставшие впоследствии основой одноименных национальных корпусов.

Наряду с собственно военной задачей создание этих частей имело и политический подтекст, будучи связанным с давней идеей русской внешней политики о возрождении славянских государств под протекторатом Российской империи. Эта идея находила отклик и в среде зарубежных славян. Так, 7 сентября 1914 г. во время аудиенции у русского царя чешская делегация вручила ему меморандум, в котором подчеркивалось, что «свободная и независимая корона Святого Вацлава скоро будет сиять в лучах короны Романовых»¹. Уже 14 сентября 1914 г. была сформирована Чешская дружина, которая была приведена к присяге 28 сентября, в день небесного покровителя Чехии – святого Вацлава на Софийской площади в Киеве². В начале октября Чешская дружина была направлена в распоряжение командования Юго-Западным фронтом. Здесь состоялось её боевое крещение, на этом важном участке театра военных действий Первой мировой войны довелось принимать участие и её преемникам – Чехословацкой стрелковой бригаде, а затем и Чехо-словацкому корпусу.

На пути формирования национальных чешских воинских частей стояли серьёзные препятствия. С одной стороны, они имели чисто профессиональную природу. На первом этапе формирования Чешская дружина в основном пополнялась представителями интеллигенции: работавшими в России учителями, врачами, журналистами, представителями свободных профессий, которые не имели должной военной и физической подготовки.

С другой стороны, отмеченная слабость первоначального ядра Чешской дружины с течением времени и с пополнением её рядов военнопленными солдатами и офицерами Австро-Венгерской армии оборачивалась силой, поскольку эти люди могли выступать в роли хранителей исторической памяти, являвшейся важным фактором в деле создания чехословацких вооружённых формирований.

В этой связи следует вспомнить о том, что чешский народ в течение трёхсот лет (после поражения войска чешских сословий от армии Габсбургов 8 ноября 1620 г. в битве у Белой Горы в начале

¹ *Веселы, И.* Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. М., 1965. С. 20.

² См.: *Салдугеев, Д.В.* Чехословацкий легион в России // Вестн. ЧелГУ. Сер. 1. История. 2005. № 2. С. 89.

Тридцатилетней войны) был лишён собственной государственности и вооружённых сил, и потому не имел прочных боевых традиций, передававшихся из поколения в поколение.

Но у чехов – и в этом состояло их огромное преимущество перед другими славянскими народами – имелось другое: историческая память, носителем которой была национальная интеллигенция. Именно она хранила воспоминания о далёкой Гуситской эпохе, когда чехи во главе с прославленным полководцем Яном Жижкой стали создателями принципиально нового способа ведения боевых действий, который решительно порывал с традициями рыцарского Средневековья и пролагал дорогу к военному искусству Нового времени. Ведомые Жижкой и его преемником Прокопом Великим «божьи воины» (так называли себя гуситы) не только отразили пять крестовых походов феодально-католической Европы, но и, перейдя в контрнаступление, огнём и мечом прошли практически все сопредельные с Чехией территории соседних стран, а во время похода 1433 г. в земли Тевтонского ордена достигли побережья Балтийского моря³.

Мощным импульсом к возрождению гуситских традиций стала 500-летняя годовщина мученической смерти Яна Гуса, которая пришлась на 6 июля 1915 г. и получила огромный резонанс во всех странах славянского мира, воспринимаясь в качестве символа вековой борьбы славянских народов за свободу против немецкой агрессии. В своём выступлении в Женеве в годовщину гибели Яна Гуса лидер чешского национально-освободительного движения, а впоследствии первый президент независимой Чехословацкой Республики Т.Г. Масарик провозгласил гуситское движение не доведённым до конца делом чешского народа, которое призваны завершить современники⁴.

Гуситские традиции могли послужить прежде всего делу воспитания высокого воинского духа чешских частей. Как писал в своих воспоминаниях чех-офицер, поручик Павлик: «Чешская дружина была войском братским⁵, добровольным, полным воодушевления и решимости умереть за свои идеалы и исполнить свой национальный долг»⁶. Это

³ См.: Рубцов, Б.Т. Гуситские войны. М., 1955; Он же. Подвиги таборитов. М., 1962; Иванова, О.Е., Якубский, В.А. Табор. Л., 1960.

⁴ См.: Machovec, M. Husovo učení a význam v tradíci českého národa. Praha, 1953. S. 330.

⁵ Слово сочетание «братское войско» следует здесь понимать в узком смысле, т.е. как войско, в котором возрождается и живёт дух гуситских традиций: в гуситском Таборе было принято называть друг друга братьями и сёстрами.

⁶ Langer, F. Pamětní kniha 1. střeleckého pluku Jana Husa. Praha, 1920. S. 9.

были далеко не пустые слова, так как дружинники, будучи гражданами воюющего с Россией государства, в случае пленения подлежали смертной казни как нарушившие воинскую присягу. Таким образом, им действительно оставалось или победить или умереть, ведь в случае поражения России их судьба была бы весьма неопределенной! В своих записках дружинник Швец сообщает о своих приготовлениях перед вступлением в Дружину: «...так как я не знал, какие задачи будут поставлены перед Дружиной, и какую службу мы будем исполнять, то я приготовил все [завещание и т. п. – *Авт.*] как к смерти»⁷.

Гуситские традиции были очень важны для формировавшихся в России чешских воинских частей и своими ярко выраженными мотивами социальной справедливости, равенства и демократии. Это становилось особенно важным по мере радикального изменения их социального состава: с осени 1916 г. чешские части стали в основном пополняться из числа военнопленных, и к маю 1918 г. до 90% рядового состава стали составлять чешские и словацкие крестьяне⁸. В связи с этим очень важным фактором сплочения стало то, что отталкиваясь от гуситских традиций, все добровольцы, невзирая на чин, обращались друг к другу словом «брат», между солдатами и офицерами устанавливались более тесные, чем в других армиях, товарищеские взаимоотношения.

Гуситские традиции жили в названиях чешских воинских частей: само слово «дружина», с которой началось их формирование, многими воспринималось как памятник Гуситской эпохи. 6 апреля 1916 г., когда был издан приказ о формировании Чехо-Словацкой стрелковой бригады, 1-й и 2-й батальоны Дружины были развернуты соответственно в 1-й и 2-й Чехо-Словацкие стрелковые полки. Неофициально они назывались полками имени «Святого Вацлава» и имени «Кирилла и Мефодия»⁹. Впоследствии название было из-

⁷ Deník plukovníka Švece. Brno, 1933. S. 36.

⁸ См.: Емельяно, В. Ю. Мифы о Чехословацком мятеже // Наш современник. 2006. № 5. URL: http://nash-sovremennik.ru/archive/2007/n9/220-232_Emelianov.pdf

⁹ По-видимому, этот выбор был обусловлен тем, что святые Кирилл, Мефодий и Вацлав почитаются как в католической, так и в православной церквях.

менено на полки имени Яна Гуса и Юрия из Подебрад¹⁰. 3-й и 4-й полки получили при этом имена Яна Жижки и Прокопа Великого¹¹.

В высшей степени знаменательным представляется тот факт, что за храбрость, проявленную солдатами и офицерами в боях во время июньского наступления Русской армии 1917 г., Чехо-Словацкая бригада получила почетное название «Гуситская».

Наиболее зримо и, при этом постоянно напоминая о себе, как в бою, так и минуты затишья, гуситские традиции проявили себя в униформе.

В период начального формирования Чешской дружины, воодушевление добровольцев было настолько сильным, что они, еще не получив военную форму, ходили на строевые занятия в своей гражданской одежде, прикрепив к груди банты традиционных чешских бело-красных цветов. Кроме того, под кокарду они нередко вставляли веточку липы – один из славянских символов. Этим дружинники подчеркивали свое противопоставление австро-венгерской армии, где на головных уборах во время похода носили дубовую (зимой – еловую) ветку¹².

Когда в июне 1917 г. было принято решение о развертывании бригады в Чехословацкую дивизию с полагающейся артиллерией и инженерными частями, это нашло отражение и в изменении символики частей, входящих в корпус.

Стрелки 1-го батальона стали носить черные погоны, на которых помещалась гуситская чаша из красного сукна и суконная или латунная цифра, обозначающая номер батальона. Стрелки 2-го и 3-го батальонов имели на черных погонах чаши¹³ и тройки из желтого металла.

Полковое знамя, батальонные и ротные значки также были выполнены в гуситских традициях: с использованием красного и черного цветов и изображением гуситской чаши.

Всем военнослужащим Чехо-Словацкой бригады, в виде поощрения за проявленный героизм в ожесточенном бою у Зборова 19

¹⁰ См.: Клеванский, А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 170. Юрий (Иржи) из Подебрад, правивший в Чехии в 1458–1471 гг., вошел в историю под именем «гуситского короля».

¹¹ См.: Machovec, M. Op. cit. S. 337. Прокоп Великий – военный предводитель таборитов, под руководством которого гуситы разгромили 4-й и 5-й Крестовые походы и совершили множество «прекрасных походов» за границу.

¹² См.: Чехословацкие части в России. 1914–1917 гг. // Цейхгауз. 2002. № 9. URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=6291>.

¹³ См.: Чаша, как олицетворение обряда причащения мирян, под обоими видами являлась символом гуситского движения и, как свидетельствуют средневековые миниатюры, изображалась на боевых знаменах гуситов рядом с девизом «Veritas vincit!» («Правда побеждает!»).

июня 1917 г. (2 июля), приказом от 21 июня 1917 г. № 158 было разрешено носить на погонах изображение гуситской чаши, а под ней номер полка. У солдат изображения на защитных погонах делались красные — они либо вышивались, либо наносились краской по трафарету. У офицеров погоны оставались по-прежнему золотыми с малиновой выпушкой и просветами, а изображения — серебряными накладными. Офицеры штаба дивизии носили серебряные погоны, а под чашей (ее русские офицеры иронически называли «рюмка») — римскую цифру I.

Таким образом, гуситские воинские традиции сыграли важную (точнее сказать — незаменимую) роль в процессе формирования чешских воинских частей в России во время Первой мировой войны. Они буквально пронизывали жизнь легионеров сверху донизу — от представлений о смысле и целях их участия в мировой войне до повседневного быта и фронтового юмора.

УДК 94(47)+378.4(09)

**«ВСЁ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТСЯ НАМЕРЕННО МЕДЛЕННО...»:
КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА¹**

Е.А. Вишленкова

Государственный университет – Высшая школа экономики,
Институт гуманитарных историко-теоретических
исследований им. А.В. Полетаева
E-mail: evishlenkova@mail.ru

В статье рассматривается участие культурной и социальной категории времени в структурировании университетской жизни России XIX в., в контроле над корпоративными отношениями и в строительстве университетских иерархий. На основе текстов личного происхождения и делопроизводственной документации выявляются темпоральные особенности университетского сознания.

Ключевые слова: Российский университет, социальное время, корпоративная культура, Российская империя, темпоральность, антропология символики.

**«EVERYTHING GOES VERY SLOWLY HERE...»:
TEMPORAL CATEGORIES OF THE UNIVERSITY CULTURE
IN THE XIXth CENTURY**

E.A. Vishlenkova

The author explores the role that sociocultural times played in framing of the university life in XIXth-century Russia, in rhythmic activity, in building of corporative hierarchy. Analyse of personal and office work documentation allowed to reveal temporal features of university consciousness.

Key words: Russian Universities, social times, corporative culture, Russian empire, temporal theory, symbolic anthropology.

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (проект AZ 02/SR/08). Я выражаю благодарность коллегам из Европейского университета Санкт-Петербурга за рецензирование данного текста и высказанные предложения.

Разные времена

Особые отношения со временем являются одной из характерных черт университетской культуры. Они образуют своего рода внутреннюю границу, отделяющую университетских людей от прочих россиян. В самом общем виде их можно выразить так: за исследуемое время профессора антропологизировали время, то есть сделали его равноправным участником (субъектом) корпоративной коммуникации.

При описании своих наблюдений я использую термин «время» в двух качествах: 1) как измерение всех аспектов опыта и практик данной социальной группы и 2) в качестве культурной универсалии мышления и языка университетского человека. Речь идет о социальном (университетском) времени, с одной стороны, и о темпоральных ощущениях и их категоризации, с – другой. Соответственно, темпоральность рассматривается как сеть форм и элементов мировоззрения, использование которых создает возможность изучения феномена культуры. Она же включает в себя социальные механизмы конструирования времени².

Заранее оговорюсь, что выдвинутый тезис об антропоморфизации времени в университетской культуре работает отнюдь не на всем протяжении XIX века. Созданные в 1804 г. в четырех городах России ученые корпорации поначалу разделяли темп жизни и отношение ко времени городских обывателей. С точки зрения современного человека жизнь в Харькове, Казани, Дерпте, Вильно и даже Москве тогда текла весьма неспешно. Ее темпоральные определения носили локальный характер, размечаясь солнечными или механическими часами. Регулируемое часами культурное пространство города сегментировалось конфессиональными и социальными границами, а физическая локализация университетских людей в нем создавала зоны проживания и место службы.

Несмотря на звонкое определение, подобно всем служащим империи ученое сословие было включено в общую «Табель о рангах». Соответственно, продолжительность их пожизненной службы была задана законодательными документами, исходящими от правительства. В уставных документах были очерчены и границы учебного округа, то есть пространство служебной деятельности университетского

² Савельева, И.М., Полетаев, А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Bourdieu, P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990; Zarubavel, E. Hidden Phythms. Schedules and Calendars in Social Life. Berkeley; Los Angeles; L., 1981; Ibidem. The Standardization of Time: A Sociohistorical Perspective // Amer. J. of Sociology. 1982. Vol. 88, № 1. P. 1-23; Munn, N.D. The cultural anthropology of time: a critical essay // Annual Review Anthropology. 1992. № 21. P. 93.

человека. До 1831 г. учебный округ был реальным участником коммуникаций: университетские преподаватели ездили в гимназии и училища на визитации, получали письма учителей, встречались и беседовали с учениками, обсуждали единые учебные пособия, а также успехи обучения в правлении, профессорском совете, цензурном комитете и научных обществах³. Огромное пространство империи, поделенное всего на шесть округов (Казанский, например, охватывал территорию от Нижнего Новгорода до Дальнего Востока), разброс училищ на карте империи, труднодоступность мест, в которых они нередко находились, делали это общение сверхзатратным и в денежном, и в физическом, и во временном отношениях. Причем в силу нечеткости и непредсказуемости путей сообщений, определить объем затрат не представлялось возможным.

Ситуация стала меняться в ходе латентной реформы университетского образования 1820-х годов. Это было время перекодирования идеи университета. Западная Европа и Россия по-разному прошли через него. Наполеоновская Франция дала миру пример отдельной институционализации науки и обучения (академия и институты). А активность В. Гумбольдта создала новый тип университета в Германии, расколов более-менее гомогенное университетское пространство на «до-классическую» и «классическую» зоны.

Восприятие этих процессов в России проходило в контексте становления национального сознания. Примечательно, что «университетские истории» в Западной Европе (то есть кризис и реформы университетов) породили у значительного сегмента российских элит разочарование в самой идее университета. Это проявилось в служебных «записках» с предложениями отказаться от университетской системы вообще, дебатах в Министерстве народного просвещения и, наконец, привело к ревизиям и последующим «обновлениям» высших школ Казани, Харькова и Петербурга. Их суть состояла в модернизации и национализации университетов. Следствием этого стало появление «русских», «польского» и «немецкого» университетов в империи, а также соединение в них двух процессов: производства и трансляции знания.

В 1830-е гг. занятие научными исследованиями, а также интерактивная работа со студентами вошли в служебные обязанности университетского человека. В связи с этим определить и законодательно установить темпоральные условия службы профессора вновь

³ РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 154 «Проект устава университетов СПб., Московского, Харьковского и Казанского. Четыре экземпляра с различными поправками и изменениями» (1830–1834).

оказалось невозможным (хотя и по другим причинам). Стремящееся упорядочить и дисциплинировать деятельность всех служащих в империи, правительство оказалось бессильным установить четкие временные границы для деятельности преподавателя. В распорядительных текстах удалось отмерить только объем учебных занятий и ввести наказания за их нарушения.

В начале XIX в. преподаватель в среднем читал две или три двухчасовые лекции в неделю, один час посвящал «наставлению кандидатов» (своего рода аспирантов)⁴. В 1830-е гг. нагрузка возросла до восьми часовых лекций⁵. («Содержание и достоинство преподавания немало выиграли и от того, что, по новому Уставу, профессеры обязаны читать лекции почти вдвое более против прежнего (по 8 часов в неделю) и только в случае крайности, могут брать на себя преподавание двух предметов»⁶. В Николаевское царствование порицанию подвергались те университетские преподаватели, кто «самопроизвольно располагает учебным временем»⁷.

Тогда же университетарии перестали объезжать учебные заведения округа. Это, с одной стороны, замкнуло их жизнь в пределах города, получившего на ментальной карте империи статус «университетского», а с другой – способствовало развитию письменных форм просветительской деятельности, обращенных к региональным обществам и локальным культурам. Данное обстоятельство сделало грань между служебной и частной жизнью университетского человека еще менее разграниченной. Удержание границы требовало усилий и часто воспринималось коллегами негативно – как нарушение этоса просветителя.

Реформы середины XIX в. вовлекли российские университеты в иные социальные и политические отношения. Они породили иллюзию того, что «для управления обновленной страной понадобятся новые, настоящие знания о населении, о законах общественного,

⁴ Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов 1804 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1873. Т. 1. Стлб. 301–302.

⁵ Общий устав Императорских Российских Университетов 1835 года // Там же. Т. 2. Ч. 1. Стлб. 982.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 663 «Дело об осмотре министром народного просвещения университета и других учебных заведений Харьковского учебного округа. Историческая записка о Харьковском университете. 1851. Л. 7.

⁷ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1513 «Ведомости о происшествиях в Казанском университете 28 апреля 1822 – 20 мая 1826 года». Л. 48.

экономического и политического развития»⁸. В связи с этим значительная часть времени университетского человека второй половины столетия оказалась занятой не только исследованиями, но и участием в гражданских инициативах, общественных организациях, земских, городских и представительных органах самоуправления.

Вхождение в конце XIX в. в политику социальных слоев, ранее не участвовавших в ней, кардинальным образом повлияло на университетскую жизнь. Ее политизация расколола корпорацию на новые группы, породив явления «либеральной» и «реакционной» профессуры, «радикального» студенчества. Противостояние и конфликт данных групп разорвал цикличность учебного времени студенческими сходками и связанными с этим приостановками учебного процесса. В связи с этим усилилась научная деятельность не вовлеченных в политическую активность профессоров, с одной стороны, а с другой – произошел отток из университетов преподавателей в политические организации⁹. Эти обстоятельства способствовали появлению в университете разных социальных времен.

Темпоральность (в) источниковых текстов (ах)

Описание свойств университетского времени и его восприятие я вывожу из анализа письменных текстов, созданных университетскими людьми и для них в России XIX века. Для нужд исследования их можно разделить на две группы: «дисциплинирующие» (законы, указы, постановления, инструкции, предписания, распоряжения, расписания), то есть позволяющие реконструировать пространственно-временные условия жизни; и «парадигмальные», в которых мы можем выделить структуры мышления и рецепцию, то есть выявить коды университетской культуры (дневники, письма, мемуары, некрологи, протоколы заседаний профессорского совета, материалы публичных защит, корпоративные самоописания в виде «историй университетов»).

Историко-социологический подход к их изучению был применен мною в книге «Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани»¹⁰ и использован при анализе архива Казанского университета в диссертационных исследованиях Т. Костиной¹¹ и

⁸ Могильнер, М. Homo imperii: история физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.) М., 2008. С. 16.

⁹ Иванов, А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 245–252.

¹⁰ Вишленкова, Е.А., Малышева, С.Ю., Сальникова, А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 312–321.

¹¹ Костина, Т.В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2007.

Л. Сазоновой¹². О социальном времени университетского человека в Москве XVIII в. писали И.П. Кулакова, В.В. Хорошилова, Л.Б. Пономарева¹³, а применительно к профессорам конца XIX – начала XX вв. – Т. Мауер¹⁴. Каждый из нас стремился выявить специфические особенности темпорального распределения социальных функций данной группы.

Вторая сторона темы – восприятие времени профессором и себя в нем – еще не была предметом изучения историков российских университетов. Документальной основой для ее анализа могут послужить персональные тексты, большую часть которых составляют дневниковые и мемуарные свидетельства. При работе с ними исследователю приходится постоянно иметь в виду свою зависимость от сохранившегося (являющегося результатом отсева и отбора) источникового комплекса и особенно от использованных в нем текстуальных стратегий нарративного и культурного самопонимания¹⁵, а также от университетских практик запоминания¹⁶.

Так, в случае, когда мы погружаемся в тексты памяти профессоров, важно помнить, что в данном случае читатель имеет дело со специфической рефлексией реальности, которая прошла через фильтры Просветительского проекта. Его ценности, идеалы, основные постулаты отчетливо видны в мемуарных и эпистолярных свидетельствах, а нередко являются их главной целью и структурой. В этом отношении персональные тексты университетских людей могут быть рассмотрены в качестве нарративного средства символического переутверждения или подтверждения ценностей.

Поскольку в идеологии Просвещения университету отводилась роль двигателя социального прогресса, активное участие в монологах его служителей принимает категория «будущее». От его имени и в его интересах действовали просветители первой половины

¹² Сазонова, Л.А. Повседневность казанского профессора. 1863–1918: Дис.... канд. ист. наук. Казань, 2009.

¹³ Университет для России: в 2 т. / ред. В.В. Хорошилова, Л.Б. Пономарева. М., 1997–2001; Кулакова, И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006.

¹⁴ Maurer, T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien (Boehlau), 1998 (Beitraege zur Geschichte Osteuropas 27).

¹⁵ Markowitsch, H., Welzer, H. Das uatobiographische Gedachtnis. Hirnorganische Grundladen und biosoziale Entwicklung. Stuttgart, 2005. S. 215–224.

¹⁶ Zarubavel, E. The Rigid, the Fuzzy, and the Flexible: Notes on the Mental Sculpting of Academic Identity // Social Research. 1995. (62). P. 1093–1106; Zarubavel, E. Language and Memory: 'Pre-Columbian' America and the Social Logic Periodization // Social Research. 1998. Vol. 65, № 2. P. 315–330.

XIX в.; к нему готовились и его приближали вверенные их попечению студенты. «Все соединилось к тому, чтобы предвещать человечеству новую и великолепную будущность», – предсказывали университетские интеллектуалы¹⁷. В этой связи наука, распространением и производством которой занимались профессора, к которой они «приуготавливали» своих воспитанников, намеренно противопоставлялась современной (то есть «текущей» и «изменчивой») политике и даже «сиюминутной» действительности. Этнос науки служил не столько настоящему, сколько готовил наступление лучшего будущего. Поэтому в созданных летописях российских университетов описываются разные «прошлые времена» («тяжелое», «скудное», «былое», «прошлое», «старина», «старое время»), но все они повествуют о едином и неделимом «будущем времени».

В контраст их оптимизму и мажорности, в целом ряде мемуаров второй половины столетия будущее университета с предикатом «скорое» образует противоположную категорию: оно фигурирует в качестве негативного знака угрозы и ухудшения. Оно виделось современникам результатом вытеснения российских интеллигентов из пространства политики и сферы социальной активности¹⁸. Ему надо было противостоять, стараться изменить.

Впрочем, кроме общекорпоративной специфики мемуарного письма, в нем есть особенности изложения, порожденные научной специализацией автора. Представители точных и естественных наук предпочитали вести своего рода хронику университетской жизни, называя в ней имена коллег и учащихся, фиксируя календарные числа, детально описывая места действий. Время в данных текстах буквально тикает датами. В отличие от протокольных свидетельств «естественников», из-под пера гуманитариев выходили сюжетные рассказы об университетской повседневности «вообще». В них время образует своего рода культурную среду повествования. Не претендуя на точность собственной памяти, историки, филологи, философы предупреждали читателя, что их записи – всего лишь продукт воображения на тему университета¹⁹.

В комплексе текстов, созданных от имени студентов, университет определяется не столько как пространство жизни корпорации, сколько как один из возрастов интеллектуала, совпадающий с границами его

¹⁷ Чичерин, Б.Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 375.

¹⁸ Ковалевский, М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). С. 491.

¹⁹ Ковалевский, М.М. Указ. соч. С. 485.

физиологической молодости («таким образом распростился я с университетом и вынес из этого времени много отрадного»)²⁰. Видимо, поэтому многие сборники таких воспоминаний структурированы по «поколениям» («из истории студенческих беспорядков», «студенчество на перепутьи», «дореволюционное русское студенчество»²¹). В мемуарах бывших воспитанников (как правило, в момент письма довольно пожилых людей) студенческая жизнь описывается эмоционально и в категориях детства («время пребывания в университете и теперь живо представляется в моей памяти»²², «на первых шагах в университете», «ему я обязан первым своим философским развитием»; «прошло более сорока лет, я уже старик; но и поныне с удовольствием, даже с увлечением вспоминаю о беззаботном и счастливом времени студенчества»²³ и т. д.). Еще одна особенность студенческих воспоминаний состоит в том, что из доминирующих в русской мемуаристике матриц – описывающих жизнь либо как путь к Спасению («агиография»), либо как рассказ о перенесенных страданиях («исповедь») – бывшие учащиеся выбирали повествование о перерождении в стиле автобиографии Ж.-Ж. Руссо²⁴. Соответственно, для вступающего в него юноши университет оказывался временем и местом духовного крещения («лекции этого профессора оказали на меня громадное влияние и произвели в моей духовной жизни решительный поворот»²⁵).

Темпоральность в целом внутренне присуща университетскому письму: дневники имеют поденные записи, организованные согласно протяженности дневных событий и их распределению внутри академического года; а мемуары выстраиваются как восходящая линия жизни, тянущаяся от биологического рождения через интеллектуальное перерождение в университете к бесконечной славе и вечной памяти корпорации и соотечественников. Замечательно, что это относилось не только к студентам и профессорам, но и к любому служащему университета («инспектором в то время был

²⁰ Бестужев-Рюмин, К.Н. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). С. 371.

²¹ Памяти русского студенчества конца XIX – начала XX веков: сб. воспоминаний. Париж, 1934.

²² Ничпаевский, Л. Воспоминания о Харьковском университете 1823–1829 годы // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 57.

²³ Оже-де-Ранкур, Н. В двух университетах: (Воспоминания 1837–1843 годов) // РС. 1896. Т. 86, № 6. С. 582.

²⁴ Morrissey, S.K. Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. N. Y., 1998. P. 5.

²⁵ Костомаров, Н.И. Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Харківський університет... Т. 1. С. 57, 180.

человек, о котором у всех старых студентов сохранилась благоговейная память»²⁶). Время придавало рассказу направление и смысл.

Управление временем или социальные времена

В антропологии времени университетского человека очевидны следы темпоральных представлений разных социальных групп: бюрократической «линейности», ученической «цикличности» и священнической «бесконечности», связанной с представлениями о «бессмертии».

Для всех служивых людей в Российской империи, в том числе для профессоров, была важна «долговременная беспорочная служба» – категории, в которых достоинство обреталось приращением срока пребывания в должности, профессиональным долгожительством, а не личными заслугами. В начале XIX в., прослужив 25 лет, преподаватель получал право на «полную» пенсию (когда размер выплат равнялся годовому окладу). За каждые последующие 5 лет службы ему добавлялась 1/5 часть пенсии²⁷. У «заслуженного профессора» была привилегия: он мог продолжать службу и получать при этом полную пенсию. Остальным приходилось выбирать: либо пенсия, либо оклад²⁸. С 1835 г. половинный «пенсион» можно было получить за 25-летнюю выслугу, а полный – за 35 лет службы. Вместе с тем, правительство заверило, что будет допускать продолжение службы заслуженных профессоров только в виде исключения.

Все служивые люди в империи стремились обрести как можно большую «выслугу» и при этом не надорвать здоровье на казенной ниве. Однако, если чиновник, как правило, не был защищен корпоративной поддержкой и нес персональную ответственность за выполнение служебных поручений, то в университете ситуация была иная. Отсутствие преподавателя на занятиях (из-за болезни, пьянства, домашних обстоятельств или поездки «по казенной нужде»), как правило, покрывалось перераспределением его обязанностей среди коллег.

С одной стороны, это защищало и при благоприятном раскладе позволяло заниматься научными исследованиями. А с другой – такая практика поощряла иждивенчество. В результате университетская корпорация изобиловала физически слабыми и престарелыми людьми. Ограничения для них вводились только при занятии администра-

²⁶ Чичерин, Б.Н. Указ. соч. С. 376.

²⁷ Научное наследство. Т. 12: Новые материалы к биографии Н.И. Лобачевского / сост. Б.В. Федоренко. Л., 1988. С. 249.

²⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II: Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отд. I. 1825–1839. СПб., 1875. С. 991.

тивных должностей. Архив Министерства народного просвещения изобилует такого рода свидетельствами: «Касательно ж Ординарнаго Профессора Брянцева за нужное почитаю объяснить, – сообщал московский попечитель, – что он при всем его усердии и неутомимом рвении, по старости лет его, по упадающим силам и по ослабевающему зрению, едва может с похвальнейшим успехом преподавать порученную ему лекцию, на которую еще силы его достаточны, но звания Декана, требующаго особливой деятельности, он отправлять не может»²⁹.

Молодые люди с хроническими заболеваниями, считавшие себя непригодными для военного или чиновного поприща, видели в преподавании и науке единственную возможность для себя государственного применения («я боялся вступить в гражданскую службу по слабости здоровья; боялся оставить свои ученые занятия»³⁰). В размышлениях университетских коллег по этим случаям высказывалась надежда, что пропуски занятий, а также перерывы в научных исследованиях будут скомпенсированы после выздоровления преподавателя. Таким образом осуществлялся индивидуальный выход за пределы социального времени. Обладавшие богатым опытом корпоративного маневрирования, пожилые профессора без колебаний добивались удлинения срока собственной службы сверх нормы, воспринимая ее как необременительное получение дополнительных выгод (увеличение суммы пенсии, сохранение оклада, столовых денег или казенного жилья) за счет принудительного согласия молодых коллег взять на себя часть их обязанностей. Право на это аргументировалось ссылками на воспроизводящую себя университетскую традицию и аналогичные тяготы, перенесенные в молодости.

В норме наличие в корпорации людей разных возрастов, представителей нескольких поколений является системным свойством университета. Оно обеспечивает передачу исследовательского и преподавательского опыта в режиме «из рук в руки» или «лицо к лицу». Однако естественное тяготение «ученого сословия» к «старению» и слабость, а то и отсутствие встречных механизмов его «омоложения» приводили ситуации невнимания к университету верховной власти, к застою и кризису. «В то время, – вспоминали выпускники, – между профессорами было еще много монстров, ос-

²⁹ РГИА. Ф.733 Оп.28. Д.71 «По представлению Попечителя Московскаго Университета Графа Разумовскаго об исходатайствовании утверждения на нынешний год Ректором профессора Гейма также и об утверждении Деканами факультетов им представляемых профессоров Брянцева, Прокоповича-Антонскаго, Рихтера и Матеи». 1811. Л. 18.

³⁰ Степанов, Т.Ф. Из «Автобиографии» // Харківський університет... Т. 1. С. 50.

тававшихся от старого времени. Такими допотопными созданиями наполнены были словесный и юридический факультеты; им давали время на выслугу полного пансиона»³¹.

Когда нарушения поколенческого баланса в университете становились уж очень вопиющими, часть корпорации сама просила власти силой закона ввести возрастные ограничения для пребывания профессоров на службе. «Гласное суждение в Совете о достоинстве своего сочлена, – признавались они в собственной неспособности решить проблему, – оказывается на деле весьма неудобным, и поэтому, вопреки глубокому убеждению членов университета, преподаватели остаются на своих местах с явным ущербом для пользы науки, препятствуют даровитым молодым людям поступать на убылые места и с новыми силами действовать ревностно для блага народного просвещения на занятых ими кафедрах»³².

Живущие в условиях иной корпоративной культуры, чиновники скептически, а иногда и резко негативно воспринимали тяготение университета к геронтологическим моделям жизни («если мы судить людей будем только по давности университетского сожития, то и никогда не приведем университета в цветущее состояние»³³) и периодически объявляли акции борьбы с ними. «Прослужившие усердно 25 лет в звании Профессора, – убеждало современников министерское предписание, – требующем непрестанного внимания и напряжения и достигаемом усильными занятиями с самых юных лет, по большей части чувствуют уже изнурение умственных и телесных сил, препятствующее им следовать внимательно за ходом усовершенствования наук и исполнять обязанности с точностью и желаемым успехом»³⁴. Правительство рекомендовало университетским советам не просить министерство об исключениях (являющихся правилом) для заслуженных профессоров и заботиться о подготовке на профессорские звания способной молодежи.

Однако, несмотря на понимание пагубности ситуации, в моменты «зачисток» связанная круговой порукой корпорация оборонялась против них и лишь в случае крайней необходимости жертвовала некоторыми своими членами. Как только буря правитель-

³¹ Михайлов, И.И. Казанская старина. Из воспоминаний // РС. 1899. № 11. С. 109.

³² НАРТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 1244. Л. 1-1 об.

³³ ОРРК НБ КГУ. Ед. хр. 4777 «Письма М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому». Письмо № 7 от 20 января 1822 года. Л. 3.

³⁴ О дополнительных правилах относительно поручения Заслуженным профессорам кафедр в Университетах и других высших учебных заведениях // Сборник постановлений... Т. 2, ч. 1. Стлб. 624.

ственного негодования стихала, все восстанавливалось в прежнем виде. Не имевшее естественных механизмов саморегулирования, российское ученое сословие быстро возвращалось к геронтологическим проблемам и нормам. Со своей стороны, правительству не хотелось вмешиваться во внутрикорпоративные отношения и получать от престарелых профессоров обвинения в удушении российского просвещения. К тому же ради общего правила политической власти пришлось бы отказаться от услуг исключительных ученых, имеющих мировую известность, и коим министерские чиновники второй половины XIX в. нередко были обязаны началом собственной карьеры. Поэтому, как правило, власти предпочитали оставлять этот острый вопрос на саморазрешение.

Особый окрас профессорской темпоральности придавало преподавание. В качестве учителя университетский человек ощущал цикличность собственной жизни. Повторяемость учебных ритуалов рождала ощущение стабильности и неизменности времен («как и сто лет назад в стенах университета звучат...»; «эти лекции Шевырев неизменно повторял каждый год, даже с теми же примерами», – вспоминали студенты³⁵). Все это воспринималось как положительное качество, но лишь до тех пор, пока жизнь города или страны в целом не вступали с ней уж в слишком резкое противоречие. Так, в условиях усилившейся динамичности общества 1860-х гг. университетская неизменность стала ассоциироваться с «безвременьем». Тогда даже бывшие выпускники, склонные добродушно описывать старушку альма-матер, признавались в том, что отвлеченные лекции были мало связаны с реальностью.

Цикличность школьной жизни отразилась в специфических обозначениях временных отрезков и в характерном для университетского человека способе описывать «количественное время». Для сравнения напомним, что население Российской империи отмеряло время «гражданскими» (то есть календарными) годами и 60-минутными часами, а университет говорил, писал и мерил свое существование «учебными» годами и изменчивыми (от 60 до 120 минут) «академическими» часами.

В начале XIX в. учебный год в различных университетах Российской империи начинался в разные сроки. Например, в Казанском он брал начало в середине августа и заканчивался годичными экзаменами 10 июля. Во второй половине столетия академический год по всей империи был унифицирован: начинался 1 сентября и закрывался 21

³⁵ Афанасьев, А.Н. Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). С. 259.

мая. Вакационным был период с 21 декабря по 12 января и с 10 июня по 20 августа (с 1835 г. по 22 июля)³⁶. Год делился на «полугодия», а учебная неделя состояла из шести дней по восемь занятий в каждом. В начале XIX в. они начинались в 7.15 по местному времени, а с 1840-х гг. – в 8 часов утра «по Петербургу» (по «пулковскому времени»).

Полный цикл обучения по уставу 1804 г. составлял три года на всех факультетах, кроме медицинского (будущие врачи учились четыре года). В реальности срок обучения был плавающим. «В те времена, – вспоминал выпускник Харьковского университета, – студенты оставались в университете по десяти и более лет; они посещали все факультеты и курсы, а чаще вовсе не ходили на лекции»³⁷. Устав 1835 г. потребовал от университетов жесткого контроля за временем и качеством изготовления специалистов. В результате его введения студенты всех специальностей стали учиться четыре года, а медицине – пять. Индивидуальное растяжение цикла стало скорее редкостью, чем правилом.

В середине 1880-х гг. была сделана официальная попытка сломать цикличность учебной жизни. Тогда студентам была предоставлена возможность самим определять срок обучения (в том числе получать диплом посредством экстерната), время занятий и экзаменов. Но уже в 1890-е гг. все вернулось на круги своя, а эксперимент был признан неудачным, оставив по себе память о «вечном студенте».

Растущая интенсивность преподавательского труда сопровождалась увеличением времени, отданного в свободное распоряжение. Поначалу безоговорочного права на ежегодный отпуск профессор не имел. Разрешение на него давал Совет «...только по самым необходимым обстоятельствам просителя» и не более чем на 28 дней³⁸. По уставу 1835 г. все профессора получили ежегодный отпуск в 30 дней, который можно было взять во время летних каникул с разрешения ректора. Кроме того, мог быть предоставлен отпуск на срок от одного до четырех месяцев с разрешения попечителя. Если же профессор отлучался из университета на срок более четырех месяцев, то он увольнялся от службы с правом вернуться на нее³⁹.

Поскольку, в отличие от чиновника, служба профессора не была жестко привязанной к присутственному месту, затраченное им время с трудом поддавалось измерению и административному контролю. К тому же после утверждения в России современного типа уни-

³⁶ Общий устав Императорских Российских Университетов 1835 г. // Сборник постановлений... Т. 2, ч. 1. Стлб. 984.

³⁷ Ничпаевский, Л. Указ. соч. С. 59.

³⁸ Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901. Стлб. 64.

³⁹ Свод законов Российской империи. Т. 3. Стлб. 76–78.

верситета, преподаватель уже не мог ограничиться зачитыванием учебного пособия. Он нуждался в длительной подготовке к лекциям, разработке просеминаров и диспутов, ему требовалось время для составления отчетной документации, для проведения научных исследований и описания их результатов. При этом многими видами деятельности профессора занимались не в кабинетах, а дома («я дорожил временем для своих домашних занятий»⁴⁰).

У многих современников (особенно у тех, кто по долгу службы должен был управлять просвещением) это создавало впечатление праздного образа жизни профессоров. Аргументом в пользу этого служило действительное присутствие в университетской среде тех, кто не удержался от соблазна воспользоваться бесконтрольностью служебного времени. Другое дело, что они являли собой контраст той части корпорации, которая в силу взваленных на себя обязанностей и высокой ответственности не имела свободного времени вообще. «Профессору дозволяется отдохнуть в вакационное время, – признавались они. Но может ли он действительно пользоваться этим отдыхом, когда, с одной стороны, ему предстоит годичный курс, требующий подготовки, а с другой – общество и самая привязанность к науке требуют постоянных занятий?»⁴¹ В XIX в. интенсивность работы профессора в провинциальном университете была выше, чем в столичном. Чтобы быть успешным ученым в условиях скудной научной библиотеки и ограниченной экспериментальной базы, харьковчанам и казанцам приходилось тратить больше денег и энергии, чем их московским и петербургским коллегам. «Я прилагал все усилия, чтобы не отставать от своей науки при быстром ходе ее к усовершенствованию, – признавался харьковский хирург... Я мог только через неусыпную деятельность оставаться нечуждым учености Европы, но всего должен был достигать двойными трудами»⁴².

Впрочем, поскольку ни одна профессорская корпорация не была единой в своих этических ценностях и организации жизни, при анализе ее темпоральности уместно воспользоваться предложением Э.Дюркгейма и отличать социальное время от персонального в жизни человека⁴³. На бытовом уровне в XIX в. длительность сегментировалась не часами, а неделями. Обыватели отсчитывали количество семидневок, чтобы сообщить время нахождения в пути, дос-

⁴⁰ Степанов, Т.Ф. Указ. соч. С. 46.

⁴¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 4552. Л. 1-1 об.

⁴² Еллинский, Н.И. Автобиографическая записка // Харківський університет... Т. 1. С. 56.

⁴³ Durkheim, E. The Elementary Forms of the Religious Life. L., 1915. P. 441.

тавку почты, дородовой срок, затраты на выполнение служебного поручения. Это характерно и для персональных текстов университетских людей при описании частной (но не служебной) жизни. Профессиональную сферу преподаватель отмерял «полугодиями», «академическими годами», «занятиями».

Другой пример различия социального и персонального в отношении университетских людей ко времени дает делопроизводственная документация. Судя по содержащимся в ней заявлениям, в корпорации ценилось уважительное обращение с «чужим» временем. Пунктуальность ставилась в заслугу или в упрек и служила серьезным основанием для оценки коллег. Вместе с тем, на факультетских заседаниях постоянно рассматривались вопросы «трудовой дисциплины» и профессиональной этики: профессора и адъюнкты частенько опаздывали на лекции и корпоративные мероприятия, задерживали отчеты и выполнение работ, заставляя студентов и коллег подолгу ждать и тратить время впустую. Такая дезорганизация оправдывалась необходимостью нести одновременно разнородные обязанности – проводить научное исследование, осуществлять учебную практику и выполнять административные поручения.

В реальности университетские люди делились на тех, кто отнюдь не переусердствовал в служебном рвении; кто все время посвящал чему-либо одному; и тех, кто наполнял его множеством дел, становясь заложником собственного ускорения («отец был очень увлекающийся человек. С жаром и любовью он одновременно занимался наукой, газетой, археологией, искусством»⁴⁴).

Восприятие времени

Занимаясь наукой, университетские профессора ощущали себя исторической ценностью и репрезентировали это через выход за пределы исторического времени («его деяния останутся в веках», «благодарные потомки оценят», «современники не поняли значимость его открытия»). При таком самопонимании момент обретения ученой степени образовывал «разрыв» в персональной биографии. Не случайно мемуаристы и прославляющие ушедшего профессора коллеги осмыслили его пребывание на земле, разделенным на два периода: на «подготовительный этап» и «научную жизнь». Период «до» защиты диссертации описывался как мало значимый для истории, а вот протяженность «после» обретения степени включала в себя посмертное бытование имени и нетлен-

⁴⁴ Загоскина, О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. Казань, 2002. С. 7.

ность идей ученого. Вероятно, ощущение разрыва поддерживалось еще и реальными изменениями в характере занятий и частной жизни университетского человека, обретшего профессорский статус.

В контраст прославительным текстам, обращенным «во внешний мир», на закрытых корпоративных заседаниях профессора говорили о тленном: недолговечность академической поддержки оказывалась признаком «лженаучности» или некачественности научной продукции («пустоцвет не продержался и одного года»). Даже сама краткость научной жизни служила аргументом в борьбе с инакомыслящими и иноверцами. Именно поэтому ранний уход из научного сообщества (в качестве протеста или преждевременной смерти) интерпретировался как слабость или несчастье ученого. Считалось, что «подлинный» талант всегда пробьется, а если ученый не реализовался, то у него и не было на то дарований. В этой связи переход (даже конфликтный) профессора в другой университет и последующая успешная карьера рассматривались его конкурентами как умысел, образующий континуитет научной биографии (даже если ученый считал это трагическим разрывом в собственной судьбе).

Университетские люди осмыслили свой корпоративный опыт, формулируя ежедневное взаимодействие в терминах «большой длительности». Тема «раньше и сейчас» – сквозная для созданной ее представителями мемуаристики. «Нынешние студенты заведомо хуже их предшественников, а старое поколение профессоров, конечно же, лучше современных молодых преподавателей» – это один из топов университетского сознания, зафиксированный в протоколах факультетских заседаний. При этом автобиографические рассказы педагогов полны анекдотами о собственных студенческих шалостях, срывах занятий, сопротивлении власти преподавателей. Очевидно, такие универсальные и вневременные тропы поддерживали ощущение протяженности и непрерывности университетской культуры, ее повторяемости и неизменности.

Цикличность университетской жизни усиливала данную иллюзию. В принципе, у студентов была даже возможность вернуться в иллюзорное прошлое: проучиться тем же предметам второй год подряд или вернуться на учебу в университет после исключения. В свою очередь профессор при долговременном пребывании в стенах одного учреждения оказывался лишен эффекта «совместного старения» в корпорации. Молодые коллеги и меняющиеся поколения студентов создавали у него чувство детемпорализации: вечного существования университета и себя в нем. В этом отношении возможность ученых из прошлых времен и потомков из будущего участвовать в настоящем органично вписывалась в сознание универси-

тетского человека. Он осмыслял корпоративную жизнь в терминах «истоков» и «исхода», воздавал должное научным предшественникам, обращался не только к современным слушателям и читателям, но и к будущим интеллектуалам. Постоянно звучавшие в стенах университетов слова «прошлые поколения», «современники», «потомки», «преемники», «ученики» создавали эффект непрерывности и образовывали вневременную перспективу. Такая интерпретационная модель погружала реальное социальное время в процесс, где люди активно создавали интерсубъектность и вызывали чувство совместной жизни времен в «живом настоящем».

Таким образом, детемпорализированная цикличность учебной жизни, соединившаяся с идеей поступательного научного прогресса, растянула линейное время «чиновника на ниве просвещения» и вывела его за пределы человеческой жизни. Это отразилось на складывании особой университетской космологии и возникновении имперсонального времени. Их следы исследователь может обнаружить не только в риторических формулах, но и в ненарративных практиках профессорской жизни (например, в пространственных выступлениях («словесных постановках») на заседаниях ученого совета, в трепетном отношении к личному и корпоративному архивам, в стремлении вести дневники или писать воспоминания о себе как об ученом и просветителе).

Время в языке самоописания

Прочтение «парадигмальных» текстов, рожденных в университетской среде, позволяет заметить наличие характерного для данного сообщества языка самоописания. Категории времени и пространства образуют в нем устойчивую дихотомию.

Время очеловечивалось, что отражается в речевых тропах «время пришло», «время требует», «время смягчает», «настал момент», «время неумолимо сокращает», «время застыло», «наступило время экзаменов», «время помогает избавиться». Если университетскому человеку что-то не удавалось сделать, то он никогда не писал о невозможности или собственной неспособности реализовать это. Виноватым всегда оказывалось время, вернее, его «краткость» или «нехватка». В этой связи для описания университетской активности чаще всего использовались глаголы, имеющие темпоральную константу («не успел», «опоздал», «отстал», «опередил», «созрел», «достиг», «совершил», «создал», «не завершил», «был» и «стал» и др.). Ими изобилуют некрологи и прочие тексты, написанные по случаю юбилея, защиты, избрания и т. д. Прочтение данных текстов в протяженности столетия позволяет отметить нарастание в них темпоральности.

Категории времени участвовали в маркировании явлений и в экспертных заключениях («современное положение дел», «устаревшее мнение», «временный (не качественный) преподаватель», «новейшие исследования», «последние (наиболее верные) данные»). При этом в университете использовались не только тропы из обыденной речи или бюрократические штампы, но и литературные или научные метафоры. Например, косность и архаичность мышления профессорского совета казанский попечитель определял как «старообрядчество университетское»⁴⁵, а харьковский профессор страшился быть «анахронизмом по собственному предмету»⁴⁶.

С точки зрения бюрократической власти в университете все делалось ужасно медленно. В министерство часто поступали сообщения чиновников, возмущенных тем, что все здесь намеренно затягивается и вязнет (дело, которое можно было решить за полтора часа, в профессорском совете заняло «по причине споров и отговорок двоих только членов» целых пять часов (с 12 до 5-ти часов по полудни)»⁴⁷). Сами же университетские люди постоянно испытывали стресс от вырывающегося из-под контроля ритма жизни и хронического недостатка времени.

Имея под собой универсальные основания, тем не менее, раздражительный тон бюрократической переписки нередко есть следствие разницы социальных ценностей чиновников и интеллектуалов. То, на что щедро расходовал свое время вечно занятый профессор (длительные обсуждения, убеждения, многократные выступления, выслушивание чужого мнения, голосование и прочее), военным и чиновным людям казалось непроизводительным времяпрепровождением. В лучшем случае современники завидовали «мирной и тихой жизни профессора»⁴⁸, в худшем – возмущались пустой тратой в университете казенных денег. «Странное дело, – возмущался попечитель, – как у вас вяло исполняются самые решительные предписания»⁴⁹.

В свою очередь, безоговорочное и безотлагательное выполнение министерских инструкций воспринималось в университетской среде как признак безответственности и поспешности. Даже санов-

⁴⁵ ОРРК НБ КГУ. Ед. хр. 4777 «Письма М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому». Письмо № 41 от 5 декабря 1822 года. Л. 25.

⁴⁶ *Еллинский, Н.И.* Указ. соч. С. 56.

⁴⁷ *Нагуевский, Д.И.* Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772–1832 гг.). Историко-литературный очерк. Казань, 1904. С. 143.

⁴⁸ *Ничпаевский, Л.* Указ. соч. С. 89.

⁴⁹ ОРРК НБ КГУ. Ед. хр. 4777 «Письма М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому». Письмо № 32 от 24 октября 1822 года. Л. 12.

никам они советовали не торопиться с решениями, «чтобы после не переделывать». Предлагая власти свои интеллектуальные услуги, университетский человек, подобно М. Ломоносову, добавлял: «Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу»⁵⁰. Подразумевалось, что качество выходящей из-под пера профессора продукции с лихвой восполнит ожидание, компенсирует потерю времени.

За столетие социальное время профессорской корпорации получило множество речевых форм, которые передавали их качественные характеристики: период вступительных экзаменов – «смутное время»; выпускные экзамены – «горячая пора»; «блаженное время, когда с дипломом в руках мы строили воздушные замки о предстоящей нам жизни и службе»; ощущаемое отсутствие позитивных событий – «безвременье». В речевом поведении и в стратегии письма университетские люди использовали приватизированное или групповое время («в мое время», «в наше время», «в его времена», «в бытность мою в Московском университете») чаще, нежели обезличенную форму времени («в то время», «в описываемую эпоху»). В университете с его культом просвещенной и свободной личности качественные характеристики времени зависели от личного опыта его проживания.

Время как корпоративный субъект

В качестве культурной универсалии время принимало участие в переструктурировании университетской корпорации. В силу специфики ее организации и функционирования «чиновное» отношение ко времени здесь корректировалось процедурами избрания и научными успехами.

Все должности («места») в университетской иерархии по определению являлись временными. Их занимали либо до перехода на новую ступень (магистр, адъюнкт), либо до переизбрания по истечении установленного срока полномочий (экстраординарный и ординарный профессор). В первой половине столетия сократить срок между должностями можно было лишь экстренными мерами: либо «безвозмездной» службой (отдавая жалованье в пользу университета, как делал П.А. Дубовицкий в Казани), либо получив ученую степень в зарубежном университете или в Профессорском институте в Дерпте.

Но если должности в университете, как в любом присутственном месте, обретались за выслугу лет и беспорочную службу, то ученое

⁵⁰ Письмо М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову от июля 1754 года / Изд. В.А. Садовничий // Вестн. истории, литературы и искусства. М., 2005. Т. 1. С. 340.

звание присваивалось за личные заслуги. Оно имело к темпоральным категориям более опосредованное отношение. С одной стороны, на личном и коллективном опыте базировалось представление о том, сколько времени нужно для выполнения качественного научного исследования по специальности. Исходя из него, можно было говорить о «потере» или «обретении времени». Сокращение или растягивание усредненного параметра не приветствовалось коллегами («замедление дела» или «ускорение дела»). Скоропостижность рождала подозрения в излишнем тщеславии и недобросовестности, а затягивание – в лени, несостоятельности или профессиональной неуверенности.

Все же официально закрепить темпоральную дистанцию между моментами обретения научных званий разного уровня университетскому сообществу не удавалось, что приводило к коррозии традиционных возрастных или поколенческих отношений в ученом сословии. Корпоративный статус преподавателя определялся не столько его возрастом (биологическим временем), сколько сроком, прошедшим с момента публичной защиты диссертации. Человек, ставший профессором в молодом возрасте, воспринимался как более старший по сравнению с преподавателем, получившим степень в зрелом возрасте. Великовозрастный диссертант мог всю жизнь обращаться со своим молодым научным руководителем или оппонентом как с более старшим коллегой.

Официальное обращение «молодой человек», так же как и определение «новейший ученый», имели в университете негативно-иронический оттенок. Как правило, они служили указателями не столько возраста, сколько низкого уровня профессионализма, поэтому применялись равно как к студентам, так и к заподозренным в незнании, неспособности или халтуре сверстникам.

В ответ на подобную речевую дискриминацию применительно к ученым, надолго утвердившимся в корпоративной среде, неформально использовались термины «мыслители старого типа»⁵¹ и «университетские старцы». У них тоже был двойной адресат: властный профессор и просто старый по возрасту преподаватель. Далеко не всегда эти качества совпадали в одном лице. «В мои студенческие годы Котельников был уже очень стар, – вспоминал студент середины 1860-х гг. о добром лекторе. – Бывало мы почтительно давали ему дорогу в университетском коридоре: старец шел уже по стенке, с неизменным красным платком и табакеркой в руке, извиняясь без всякого пово-

⁵¹ Корсаков, Д.А. Былое в жизни Казанского университета 1856–1860 гг. Из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. СПб., 1904. С. 170.

да»⁵². Но были среди «старцев» и менее безобидные и даже более молодые экземпляры. Рассказы о кознях или немощи «старцев» буквально рассыпаны на страницах студенческих мемуаров.

При открытии Московского университета сановники, набиравшие в него иностранных профессоров, предпочитали обращаться с предложением к молодым людям. «Молодой человек, – объяснял Г.Ф. Миллер позицию правительства, – скорее приспособится к обычаям страны и еще имеет надежду выучить язык, что даст ему большие преимущества»⁵³. Но в XIX в. для преподавательской корпорации стал важен не биологический возраст ее членов, а их психологическое ощущение возраста и соответствующее этому поведение. Идеалом являлись «вечно юные старцы». Таковым мог быть и выслуживший пенсию профессор («он до старости сохранил весь свой юношеский жар»⁵⁴, «был довольно стар, седой, но с живостью, свойственной молодости, следил за ответами студентов»⁵⁵), и вступающий на это поприще молодой человек («г[осподин] профессор Браун еще весьма молод и нет, кажется, еще 25-ти лет... Дай Бог, чтоб душой и сложением был стар!»⁵⁶). Утверждения такого рода служили показателем особого дара вневременной молодости и аргументом в пользу особости университетского человека. Ссылки на «внутреннюю молодость» служили обоснованием права «долгожителей» оставаться в должности, на их власть и особые привилегии. От молодого же профессора ждали старческой мудрости и соответствующих поведенческих моделей: благодарности, осторожности, терпимости («надо уметь терпеть и ждать»). Считалось, что это и есть та самая персональная «скромность», которая помогает сохранять корпоративное единство.

По всей видимости, на восприятие времени и себя во времени влияла гендерная идентификация университетской корпорации. Мужское сообщество мыслило себя во вневременных категориях. Педагогическую и научную деятельность могли прервать лишь болезнь или смерть. Других темпоральных ограничений у университетского мужа не было. Другое дело, что у одних это рождало ощущение краткости собственного века и подстегивало, а у других вызывало ил-

⁵² Смоленский, С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах // Былое из университетской жизни... С. 256.

⁵³ Цит. по: Андреев, А.Ю. Основание Московского университета и русско-немецкие университетские связи в середине XVIII в. // Вестн. истории, литературы и искусства. М., 2005. Т. 1. С. 355.

⁵⁴ Чичерин, Б.Н. Указ. соч. С. 382.

⁵⁵ Ничпаевский, Л. Указ. соч. С. 58.

⁵⁶ Загоскин, Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань, 1902. Т. 1. С. 316.

люзорное чувство бесконечности возможностей и расслабляло. Впрочем, многое в персональных поведенческих моделях зависело от состояния корпоративных отношений в режиме «здесь и сейчас».

Университет в пространстве времени

Другой аспект темы – складывающаяся мифология университета и роль в ней категории времени. Время в университете сегментировано повторяющимися событиями, зафиксированными в календаре и годичном расписании. При этом главным его наполнением были «словесные постановки». Самой формой обращения к собеседникам «лицом к лицу» они форматировали разделяемые эффекты и через это – сознание и эмоции слушателей. Проговариванием корпоративного опыта спектакли, публичные защиты, выступления на заседаниях совета, лекции усиливали ключевые символы, что систематически утверждало связь между широким спектром разнообразных культурных элементов⁵⁷, то есть являлось единым, разворачивающимся во времени и в пространстве рассказом-убеждением. В нем российский университет представлял как *недавно* привитый в России отросток, взятый от *многoveкового* древа европейской культуры.

Такая амбивалентность позволяла менять риторику в зависимости от ситуации. Краткость биографии и периферийное место российских университетов в мировом образовательном пространстве описывались в официальных документах и созданных в начале XX в. метанарративах истории в терминах незрелости и зависимости. Основанные в Казани, Москве, Петербурге, Саратове, Харькове, корпорации заявляли о себе как о «начинающих» и «молодых», требуя особого внимания и опеки власти. Противопоставляя себя «мудрым и зрелым» корпорациям Западной Европы, они подчеркивали фактор «новизны» и «необычности» университета для отечественной истории.

Это порождало разные реакции людей власти. В одних случаях такая тактика поведения приносила желаемые патерналистские плоды в виде наград, дополнительного финансирования, удовлетворения ходатайств, вмешательства в корпоративные конфликты. Однако в других ситуациях можно было получить и «родительский подзатыльник»: «Попробуйте, – писал казанский попечитель рек-

⁵⁷ Gilmore, D.D. The scholar Minstrels of Andalusia: Deep Oratory, or the Carnivalesque upside down // J. Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1955. № 1. P. 561.

тору, – быть на сей раз настоящим университетом, не на помочах»⁵⁸ или «пора нашему университету взять приличную осанку»⁵⁹.

Другая текстуальная стратегия заключалась в описании сверхнасыщенности жизни российского университета («чтобы полностью очертить этот период, потребовалось бы очень много времени и места»⁶⁰). Частое повторение в университетских текстах и речах этих утверждений вело к ощущению спрессованного времени, перенаполненного научным и социальным опытом, что отразилось в появлении определения Московского университета как «старейшего». Сначала оно сопровождалось уточнением места и условий – «России», но вскоре стало использоваться и без него.

«Удлиненная» и «насыщенная» таким образом история была поделена летописцами на периоды. Вехами для их выделения служили либо политические события (война, введение нового университетского устава, проведение министерской проверки⁶¹), или изменения в составе корпорации («новый период в истории Московского университета, как сказано, начинается вместе с появлением к нам молодых профессоров, получивших свое образование за границей, преимущественно в Германии»)⁶².

В основу другого варианта используемой периодизации положен фактор попечительства того или иного сановника, соответственно «гомогенные блоки времени» (по определению Э. Зарубавель) персонафицированы их именами: «при Строгонове», «во времена Мусина-Пушкина». Впрочем, не менее значимой вехой в «длинной» жизни университета мог оказаться и ремонт учебного корпуса или клиники, а особенно – факт обретения нового пространства (переезд или постройка здания).

Иногда разрывы в континуитете университетского развития специально фиксировались и закреплялись коммеморативными мероприятиями и текстами с целью легитимировать изменения в управлении или устройстве университета. Так, устав 1804 г. провозглашался в торжественных речах Московского университета как

⁵⁸ ОРРК НБ КГУ. Ед. хр. 4777 «Письма М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому». Письмо № 7 от 5 июня 1822 года. Л. 26 об.

⁵⁹ Там же. Письмо № 52 от 2 июля 1823 года. Л. 36 об.

⁶⁰ Чичерин, Б.Н. Указ. соч. С. 382.

⁶¹ Например, ревизия Казанского университета 1819 г. стала основанием для новой хронологии его жизни, что отразилось в отчетах: «Историческая записка Императорского Казанского университета за 4-й академический год от возобновления, с 1-го июля 1823-го по 1-е июля 1824 года» (Казань, 1825).

⁶² Буславев, Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). С. 220.

рубеж между «старым» и «новым» российским университетом⁶³. И новый устав ознаменовывал цезуру в развитии: «Новая Эпоха для Харьковского Университета, – уверял местный профессорский совет, – началась с преобразованием его в Августе 1837 года по новому Уставу Российских Университетов, Высочайше утвержденному в 26 день Июля 1835 года»⁶⁴. Иногда разрыв не просто осознавался, но намеренно создавался в сознании современников как противопоставление того, что было и что стало. Так, занявший место казанского попечителя М.Л. Магницкий в каждом письме к ректору напоминал о разнице между «прежним неустройством» и «новым бытием» в подведомственном ему учреждении⁶⁵.

В результате использования разных критериев сегментации в истории российских университетов появились качественно разные отрезки времени: «блестящая эпоха университетской жизни», «время мракобесия». Такие периоды определены специфической социальной деятельностью или «фактами», чьи особенности и различная интенсивность придали «активное качество» категориям деятельности.

Судя по сохранившимся текстам, такой была специфика восприятия и обращения со временем в российских университетах XIX века.

⁶³ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 189 «Годовой отчет, представленный высшему начальству от Императорского Московского университета за 1805 год». Л. 2.

⁶⁴ Там же. Оп. 50. Д. 663 «Дело об осмотре министром народного просвещения университета и других учебных заведений Харьковского учебного округа. Историческая записка о Харьковском университете. 1851. Л. 6 об.

⁶⁵ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1644 «Дело об оброчных для университета статьях» 1823. Л. 1.

САРАТОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВОЕННОПЛЕННЫХ 1812 ГОДА

В.П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

В статье на основе исследовательского анализа воспоминаний военнопленных Великой армии воссоздается облик старого Саратова 1812–1814 гг.

Ключевые слова: мемуары, военнопленные Великой армии, провинциальный быт и повседневность.

SARATOV IN MEMOIRS OF PRISONERS OF WAR OF 1812

V.P. Totfalushin

In article on the basis of the research analysis of memoirs of war prisoners of Great army is recreated the shape of old Saratov 1812–1814.

Key words: Memoirs, war prisoners of Great army, a provincial life and daily occurrence.

В русских источниках личного происхождения история Саратова и Саратовского края в эпоху наполеоновских войн получила крайне слабое освещение в силу общего низкого образовательного уровня местного населения, удаленности Саратовской губернии от театра военных действий, отнесения ее к числу «неополчающихся» и, наконец, бурных событий 1905–1907 гг., приведших к уничтожению многих дворянских усадеб вместе с их архивами.

Между тем в 1812–1814 гг. Саратовская губерния в числе других тыловых регионов России стала местом размещения военнопленных Великой армии Наполеона. Многие из них по возвращению домой оставили подробные воспоминания о своем участии в той кампании и годах русского плена. Сведения, содержащиеся в них,

при сопоставлении с показаниями русских источников, позволяют составить объемную панораму жизни провинциального общества¹.

Однако эти сочинения, изданные в разных странах Европы, как правило, еще в XIX в., до сих пор практически не были известны саратовским краеведам. Их оригинальные тексты хранятся в фондах «Россика» Российской национальной библиотеки и других библиотек, поэтому представляется целесообразным кратко представить авторов, чьи воспоминания были использованы в настоящем исследовании.

Уроженец Ганновера граф К.А.В. фон Ведель (1790–1853) был лейтенантом 9-го польского шеволежерского полка 1-й легкоконной дивизии 1-го кавалерийского корпуса². Будучи пленен в ноябре 1812 г. возле Орши и первоначально направлен в Витебск, он в апреле 1813 г. был выслан вглубь страны. По пути следования Ведель встретил партию пленных, шедших из Саратова в Петербург, в том числе своего однополчанина Шенка фон Винтерштедта. В Саратове Ведель находился вплоть до своего освобождения в феврале 1814 года³.

Уроженец г. Руана Ж.Р.Р. Вьейо (1786–1856), будучи лейтенантом 5-го батальона 24-го полка легкой пехоты, попал в плен 12 ноября 1812 г. у села Княжее, когда его часть пробивалась к Смоленску. С транспортом пленных он проследовал через Саратовскую губернию транзитом⁴.

Д. ван Додеваард (1792–?), солдат 123-го (голландского), затем 9-го (французского) линейного полка, примерно 31 августа 1812 г. во время фуражировки был взят в плен казаками из отряда Ф.Ф. Винцингероде и отправлен в Ярославль, откуда перебрался в

¹ Подр. см.: *Тотфалушин, В.П.* Мемуары военнопленных «12-го года» как источник по истории Саратовского края // *Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность: материалы X межрегион. краевед. чтений.* Саратов, 2003.

² Подр. см.: *Попов, А.И.* Ведель Карл Антон Вильгельм фон // *Отечественная война 1812 года: Энциклопедия.* М., 2004. С. 110.

³ См.: *Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Rußland 1812 in russische Gefangenschaft 1813 bis 1814 im Feldzuge gegen Napoleon 1815. Lebenserinnerungen von Carl Anton Wilhelm grafen von Wedel.* Berlin, 1897; *Ведель, К.А.В. фон.* История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813–1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: Воспоминания: пер. с нем. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // *Поволжский край: сб. статей.* Саратов, 2005. № 12.

⁴ См.: *Vieillot, R.* Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendant les années 1812–1813–1814. Luneray, 1996; *Вьейо, Ж.Р.Р.* Воспоминания одного пленного в России в 1812–1813–1814 гг. Пер. с фр. А.В. Гладышева, коммент. В.П. Тотфалушина // *Саратовский краеведческий сборник: науч. тр. и публ.* Саратов, 2005. Вып. 2.

Саратов. Он отправился на родину 14 июля 1814 г. в составе одной из последних партий репатриантов⁵.

Обер-лейтенант вюртембергского 2-го полка линейной пехоты Кр.Л. фон Йелин (1787–1861) провел плен в Пензенской губернии. Однако в его записках есть сведения о Саратовской губернии, которые он привел со слов офицеров, отбывавших плен в Саратове⁶.

Старший хирург Главной квартиры 1-го армейского корпуса Ф. Мерсье был взят в плен в Вильно 10 декабря 1812 г. В апреле 1813 г. он прибыл в Саратов, где ему покровительствовал гражданский губернатор. Его мемуары были ошибочно опубликованы под именем их французского издателя Ж.Ж.Э. Руа⁷.

Лейтенант 2-го батальона гессен-дармштадтского Лейб-полка Ф. Пепплер (1781–?) был взят в плен в декабре 1812 г. возле Сморгони, а затем через Минск и Тамбов направлен в Саратов. В своих мемуарах он подробно описал свое пребывание в Камышине – уездном городе Саратовской губернии⁸.

С.Б. Пешке (1779–1837) был врачом 1-го класса (штаб-хирургом) 10-го гусарского полка армии Великого герцогства Варшавского.

⁵ См.: *Gedenkschriften van een krijgegevangenen in Rusland, gedurende 1812, 1813 en 1814 door D. van Dodewaard, weleer soldaat bij het groote Leger, thans winkelier te Opheusden. / In orde gebracht en met een aanhangsel over de magt, grootte bevolking, den rijkdom en toestand van het tegenwoordig Rusland voorzien door J. de Vletter. Montfoort, 1855; [Додевард, ван Д.] Воспоминания Д. Ван Додеварда : пер. с голланд. М.Е. Кроль, коммент. В.П. Тотфалушина // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VII: сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2008. (Тр. ГИМ. Вып. 179).*

⁶ См.: [*Yelin, Ch.*] *Merkwürdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegs-Gefangenschaft in Russland. Aus dem Tagebuch eines deutschen Officiers. Stuttgart, 1817; [Йелин, Х.Л.] Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника одного немецкого офицера // Саратовский край глазами чужеземцев: пер. с нем. и пол. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Волга – XXI век. Саратов, 2004. № 7–8. Об авторстве записок см.: Миловидов, Б.П. Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники: материалы Всерос. науч. конф. Малоярославец, 2004. С. 181.*

⁷ См.: *Roy, J.J.E. Les Francais en Russie. Souvenirs de la campagne de 1812 et deux ans de captivité en Russie. Tours, 1856; Руа, И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России: пер. с фр. с предисл. и примеч. А. Ельницкого. СПб., 1912. Об авторстве см.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указ. М., 1977. Т. 2, ч. 1. С. 261.*

⁸ См.: *Schilderung meiner Gefangenschaft in Rußland vom 1812 bis 1814, von Fridrich Pepler. Worms, 1832; 2-е изд.: Darmstadt, 1834; Пенплер Ф. Описание моего плена в России с 1812 по 1814 гг. пер. с нем. Е.В. Ермасова при участии А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // ВИИП. Саратов, 2008. Вып. 8.*

Будучи взят в плен под Москвой, он с партией пленных проследовал через Нижний Новгород и Пензу в Петровск – уездный город Саратовской губернии, о жизни в котором подробно рассказал в своих записках. В мае 1813 г. Пешке, как подданный Саксонии, получил разрешение досрочно вернуться домой⁹.

Ж.-В. Понселе (1788–1867) – инженер-лейтенант в Главном штабе инженерных войск Великой армии был взят в плен в ноябре 1812 г. возле Красного и с марта 1813 по июнь 1814 г. находился в Саратове¹⁰.

С. Э. Рюппель (1792–1863), унтер-лейтенант вестфальского 2-го гусарского полка был пленён 19 августа возле Валутиной горы и плен отбывал в г. Бузулуке Оренбургской губернии. Однако в июле 1813 г. через Самару и Вольск он направился в Саратов, где находился его брат, и там вскоре был освобожден вместе с другими немецкими пленными¹¹.

Сержант вестфальского егерско-карабинерного батальона Л. Флекк (1788–1858) был пленён казаками 27 ноября 1812 г. на Березине. Его партия прибыла на территорию Саратовской губернии, но из-за недостатка квартир была отправлена в Пензу¹².

⁹ См.: *Peszke, S. Mój pobyt w niewoli rosyjskiej w r. 1812.* Warszawa, 1913; *Пешке, С.Б. Мое пребывание в российском плену в 1812 году:* пер. с польск. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // ВИИП. Саратов, 2003. Вып. 5.

¹⁰ См.: [*Понселе, Ж.-В.*] Приложения анализа и геометрии, послужившие в 1822 году главной основой для курса проективных свойств фигур, Ж.-В. Понселе, заключающие материал семи рукописных статей, написанных в Саратове, в русском плену (1813–1814), и сопровождаемые некоторыми другими прежними и новыми работами. С примечаниями автора и дополнениями гг. Мангейма и Мутара, бывших учеников Политехнической школы. Париж, 1862 (мемуарные выдержки из этого труда опубликованы в ст.: К избранию Понселе членом-корреспондентом С.-Петербургской Академии наук / под ред. Т.П. Кравеца; пер. с фр. Т.Н. Кладо // Изв. АН СССР. Отд. техн. наук. 1955. № 4. С. 124–128).

¹¹ См.: *Rüppel, E. Kriegsgefangenen im Herzen Russland 1812–1814. Erinnerungen.* Berlin, 1912; [*Рюппель, С.Э.*] Военнопленный в сердце России. 1812–1814 гг.: Воспоминания гусарского лейтенанта Вестфальской королевской армии Эдуарда Рюппеля, обработанные и изданные Фридрихом Клеменсом Эббардом: пер. с нем. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. V: сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2006. (Тр. ГИМ. Вып. 161).

¹² См.: *Fleck, A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale während Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Russland.* Hildesheim, 1845. Сокр. излож.: *Förster Flecks Kriegsfahrt und Gefangenschaft in Russland 1812–1814 / Nach Fleck Aufzeichnungen neu bearb. und hrsg. von A. Tecklenburg.* Hildesheim, 1907; *Förster Flecks Gefangenschaft in Russland 1812–1814.* Berlin; Leipzig, [1910]; *Флек А. Описание моих страданий и судеб во время наполеоновского похода и моего плена в России / Пер. с нем. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историо-*

Ганноверец барон К.Хр.Л. Шенк фон Винтерштедт (?–1827), подполковник, шеф эскадрона 9-го польского шевалежерского полка, однополчанин Веделя был взят в плен партией Фигнера 2 октября под Москвой. С ноября 1812 г. по май 1813 г. он находился в Саратове, после чего вместе с несколькими офицерами отправился домой через Петровск, Пензу, Нижний Новгород, Кострому, где встречал своего однополчанина К. Веделя¹³.

Воспоминания указанных лиц имеют различное источниковедческое значение, т. к. происхождение и образование, кругозор и манера изложения авторов повлияли на содержание мемуаров, свой отпечаток на них также наложило и время. Тем не менее, в совокупности они содержат богатый материал по истории провинциального быта и повседневности и позволяют реконструировать облик Саратова в 1812–1814 гг. В силу своей неизвестности саратовским историкам эти свидетельства той эпохи не являлись еще предметом исследовательского анализа по заявленному вопросу.

Вести о Саратове разносились с транспортом пленных по всей России, например, Ведель узнал о поволжском городе, еще находясь в Костроме, а Флек – в Тамбове, причем отзывы эти были самыми положительными¹⁴. Однако многие пленники смутно представляли его географическое местоположение. Так, Вьейо полагал, что тот находился «на границах Сибири» и опасался, «что нас отправят именно туда»¹⁵. Другим чужестранцам Волга казалась границей, «которая отделяет здесь Европу от Азии»¹⁶, а Пепплер считал даже, что Саратов располагался уже на территории «азиатской России»¹⁷.

графья. II: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2003. (Тр. ГИМ. Вып. 137).

¹³ См.: *Schenk, C.Ch.L. Mittheilungen aus der Leben des französischen Oberlieutenants. Enthältend die Geschichte seiner Gefangennahme in der Schlacht bey Borodino in Russland am 7-ten September 1812, seines Transports an die Grenze von Asien, so wie seines Aufenthalts und seiner Behandlung als Kriegsgefangener daselbst in den Jahren 1813 und 1814. Celle, 1829; Шенк, К.Хр.Л. Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, о также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах: пер. с нем. Е.В. Ермакова, коммент. В.П. Тотфалушина // ДАВН. Саратов, 2004. № 12.*

¹⁴ См.: *Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 170; Флек, А. Указ. соч. С. 218.*

¹⁵ *Вьейо, Ж.Р.Р. Указ. соч. С. 272.*

¹⁶ См.: *Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 172; Иелин, Х.Л. Указ. соч. С. 205; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 88.*

¹⁷ *Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 252.*

Характеризуя местный климат, мемуаристы отмечают его резко континентальный характер: «лето здесь очень жаркое»¹⁸, а «зима <...> более суровая по сравнению с Западом»¹⁹, при этом «зима и лето граничат друг с другом, а прекрасной весны здесь не знают...»²⁰.

Пленные подробно описали рельеф, а также облик природы, окружающей Саратов, по их данным, город «расположен в пустынной, бесплодной местности. Он окружен песчаными холмами, поросшими кустарником»²¹.

В его окрестностях есть «только один сад, снабженный приятными парфьями (Parphien)²², принадлежащий губернатору²³ и лишь несколько лет тому назад разбитый на английский манер, тем не менее, нуждающийся в некоторых улучшениях»²⁴.

«Правый берег Волги у Саратова довольно высок и постепенно сглаживается вверх по течению реки»²⁵, он называется «горной стороной»²⁶. «Левый берег Волги, простирающийся напротив Саратова, представляет собой неоглядную степь...», и, «благодаря своей богатой всхожести травы называется луговой стороной...»²⁷. Там, напротив Саратова, находился так называемый «Казачий город»²⁸.

Волга, несущая «свои воды в величественном спокойствии у подножья города»²⁹, поражала воображение иноземцев, которые

¹⁸ Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 179. См. также: Додеваард Ван, Д. Указ. соч. С. 387.

¹⁹ Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 179. См. также: Вьейо, Ж.Р.Р. Указ. соч. С. 272, 273; Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 265; Пешке, С.Б. Указ. соч. С. 392, 396; Рюппель, С.Э. Указ. соч. С. 294; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 85, 88.

²⁰ Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 99.

²¹ Пешке, С.Б. Указ. соч. С. 404. См. также: Понселе, Ж.-В. Указ. соч. С. 128; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 89.

²² В немецком языке это слово обозначает ландшафт северной Парфии.

²³ Этот сад просуществовал в качестве усадьбы губернатора до смерти своего хозяина – А.Д. Панчулидзева. После этого его территория была разделена на небольшие участки земли и частично продана, а частично сдана в аренду. Из них наиболее известны жителям Саратова были «Вакуровский парк» и «Парусиновая роща». Ныне на этом месте находится Городской парк культуры.

²⁴ Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 89.

²⁵ Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 173.

²⁶ Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 253.

²⁷ См.: Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 173; Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 253; Руа, И. Указ. соч. С. 99; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 89.

²⁸ Так мемуаристы Ф. Пепплер (Указ. соч. С. 252) и Х.Л. Йелин (Указ. соч. С. 206) называют Покровскую слободу, основанную в 1747 г. украинскими чумаками (с 1914 г. безуездный г. Покровск Самарской губернии, с 1931 г. г. Энгельс, центр АССР Немцев Поволжья, ныне районный центр Саратовской области).

²⁹ Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 173.

называют ее «крупной», «самой большой» из увиденных, «огромной», «великой» и «величайшей из рек Европы»³⁰.

Отмечая ее ширину, Рюппель писал, что «противоположного берега почти не видно»³¹, а Ведель сравнивал ее с шириной Эмса «при впадении его в Долларт»^{32»33}. Другие мемуаристы определяли ширину волжского течения в 5–6 или 7–8 верст, отмечая при этом, что летом вода спадает и Волга сужается до 3 верст³⁴.

Река придавала Саратову особые черты волжского города. Авторы воспоминаний ясно представляли себе, что это не только важная часть городского пейзажа, но и «главная артерия русской торговли», связывающая Север России с Югом, благодаря чему Саратов, наряду с Казанью и Астраханью, стал «важнейшим торговым городом на Волге», «складочным пунктом» товаров из Грузии, Персии, Крыма и т. д.³⁵, а также «центральной складом соли», добываемой на озере Эльтон³⁶.

Во время навигации акваторию Саратова переполняло «бесчисленное», «великое множество судов и плотов», а в порту города толпились одетые в пестрые наряды армяне, турки, грузины и представители других народов Востока, прибывших сюда со своими товарами³⁷.

Волга «во многом определяла и ритм городской жизни, ибо с прекращением навигации деловая жизнь замирала», хотя совсем не прекращалась, т. к. зимой товары доставлялись сюда на санях³⁸. Сама Волга после ледостава превращалась в отличное ледовое шоссе, по глади которого из Камышина в Саратов примчался, например, Пепплер и его товарищ по несчастью³⁹.

³⁰ См.: *Иелин, Х.Л.* Указ. соч. С. 205; *Понселе, Ж.-В.* Указ. соч. С. 126, 128; *Рюппель, С.Э.* Указ. соч. С. 289; *Флек, А.* Указ. соч. С. 218.

³¹ *Рюппель, С.Э.* Указ. соч. С. 291.

³² Бухта при впадении реки Эмс в Северное море.

³³ *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 173.

³⁴ См.: *Иелин, Х.Л.* Указ. соч. С. 205; *Пепплер, Ф.* Указ. соч. С. 252; *Флек, А.* Указ. соч. С. 218; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89.

³⁵ См.: *Иелин, Х.Л.* Указ. соч. С. 206; *Пешке, С.Б.* Указ. соч. С. 403; *Понселе, Ж.-В.* Указ. соч. С. 128; *Руа, И.* Указ. соч. С. 91, 98; *Рюппель, С.Э.* Указ. соч. С. 291; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89.

³⁶ *Руа, И.* Указ. соч. С. 98, 99. См. также: *Пепплер, Ф.* Указ. соч. С. 252.

³⁷ См.: *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 173; *Пешке, С.Б.* Указ. соч. С. 403; *Рюппель, С.Э.* Указ. соч. С. 293; *Флек, А.* Указ. соч. С. 218.

³⁸ *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89.

³⁹ *Пепплер, Ф.* Указ. соч. С. 263.

Сам Саратов в описаниях большинства пленных предстает как «большой» и «многолюдный» город⁴⁰, в сравнении с которым Пенза показалась им маленькой⁴¹. И лишь Мерсье утверждал, что «город Саратов далеко не отвечает ни значению губернии, во главе которой он поставлен, ни своему местоположению на берегу судоходной реки»⁴².

В подсчете же точной численности городского населения сведения мемуаристов существенно расходятся: одни определяют ее в 7–9, другие – в 18–20 тысяч человек⁴³.

Город широко раскинулся на берегу Волги⁴⁴, разделяясь «на верхний, средний и нижний город <...>. Верхняя часть лежит на Волге и плоская; обе другие части гористые»⁴⁵. Въезды в город стерегли «заставы с пестро раскрашенными столбами», очевидно, их же имел в виду Шенк, когда писал, что по прибытию в Саратов они «долгое время вынуждены были прождать перед воротами»⁴⁶.

Саратовские улицы в то время еще не имели четкой классической планировки, но были очень «широкими», «красивыми» и «оживленными»⁴⁷. Хотя они не были мощеными⁴⁸, но, по словам Веделя, «сохраняли твердость и сухость из-за покатости поверхности»⁴⁹.

Этому, правда, противоречит свидетельство Шенка о том, что, «когда весной начинается оттепель, создается глубокая уличная грязь, так что даже пешком нельзя пройти»⁵⁰. К грязи добавлялись еще и уличные запахи, которые не были изысканными, Додеваард свидетельствует: «Сушат рыбу обычно на крышах, вонь от этого необыкновенная»⁵¹.

⁴⁰ См.: Рюппель, С.Э. Указ. соч. С. 291; Флек, А. Указ. соч. С. 218; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 88.

⁴¹ Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 100.

⁴² Руа, И. Указ. соч. С. 98.

⁴³ См.: Руа, И. Указ. соч. С. 98; Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 252; Пешке, С.Б. Указ. соч. С. 403. По данным А.Ф. Леопольдова, в 1810 г. в Саратове проживало 15 тысяч человек (Статистическое описание Саратовской губернии: в 2 ч. СПб., 1839. Ч. 2. С. 13).

⁴⁴ См.: Вьейо, Ж.Р.Р. Указ. соч. С. 274; Рюппель, С.Э. Указ. соч. С. 293; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 88.

⁴⁵ Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 252. Ср.: Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 173.

⁴⁶ Рюппель, С.Э. Указ. соч. С. 302; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 87.

⁴⁷ См.: Пешке, С.Б. Указ. соч. С. 403; Флек, А. Указ. соч. С. 218; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 89.

⁴⁸ См.: Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 173; Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 252; Пешке, С.Б. Указ. соч. С. 403; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 89.

⁴⁹ Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 173.

⁵⁰ Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 89.

⁵¹ Додеваард Ван, Д. Указ. соч. С. 383.

Военнопленные знали, «что два года назад бóльшую часть домов уничтожил пожар»⁵², но Саратов уже успел восстать из пепла. В рассматриваемый период город был «построен на русский манер, большей частью из дерева»⁵³, «тогда дома стояли порознь и были очень рассеяны, лишь в самой старой части города они располагались плотнее, но и здесь застройка была не очень регулярной. Весь будущий план города был начертан на земле посредством длинных прямых канав⁵⁴. Каждая площадка, предназначенная для строительства, была отделена от других и снабжена номером; тот, кто намеревался начать строительство дома, получал место под постройку бесплатно»⁵⁵.

Однако в «этом возрождающемся городе, с длинными рядами деревянных домов», встречались также «большие и импозантные дома», свидетельствовавшие о высоком благосостоянии горожан, и магазины, торгующие предметами роскоши⁵⁶.

Наряду с ними мемуаристы отмечают наличие в городе мастерских и лавок, кабаков и трактиров, гостиниц и публичных бань, в которых «нередко можно увидеть одновременно купающихся персон обоего пола...»⁵⁷.

Особое внимание в мемуарах отведено расположенному «в самой высокой точке местности» дворцу губернатора⁵⁸ – «прекрасному, возведенному из камня зданию», «просторному и красивому», «меблированному в парижском стиле»⁵⁹.

⁵² *Пешке, С.Б.* Указ. соч. С. 403. В Саратове во время пожара 20 июня 1811 г. сгорело 1360 домов, 360 лавок, амбаров и лабазов, погибло в огне до 10 человек (См.: *Духовников, Ф.В., Хованский, Н.Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 58).

⁵³ *Пепплер, Ф.* Указ. соч. С. 252.

⁵⁴ Регулярный план Саратова был составлен после опустошительного пожара 1811 г. и высочайше утвержден 14 сентября 1812 г. (См. об этом: *Терехин, С.О.* Века и камни: (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990. С. 15–16).

⁵⁵ *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 173.

⁵⁶ См.: *Понселе, Ж.-В.* Указ. соч. С. 128; *Пешке, С.Б.* Указ. соч. С. 403.

⁵⁷ См.: *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 175; *Додеваард Ван, Д.* Указ. соч. С. 386; *Руа, И.* Указ. соч. С. 135; *Рюптель, С.Э.* Указ. соч. С. 300; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 91.

⁵⁸ Это был каменный двухэтажный дом с флигелем, множественными службами и садом, с 1820 г. в нем находилась 1-я мужская гимназия (ныне административное здание по ул. им. Н.А. Некрасова, 17).

⁵⁹ См.: *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 173; *Пепплер, Ф.* Указ. соч. С. 252; *Флек, А.* Указ. соч. С. 218; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 87, 89.

«Внушительными размерами отличался» и «дом барона Крюденера⁶⁰ из Лифляндии, который занимался здесь торговыми операциями. Этот дом, с большим двором и садом, был расположен у берега Волги»⁶¹. Отмечены мемуаристами также «дворец господина Иванова»⁶² и красивый дом вдовы коллежского советника фон Мейера, «стоявший на большой площади в центре города»⁶³.

Наряду с частными владениями пленные выделяют «и несколько общественных зданий»⁶⁴, среди которых самым выдающимся «является дом губернского правления⁶⁵»⁶⁶. В мемуарах отмечены также «дирекция, которая занимается исключительно только делами колоний»⁶⁷, государственная аптека⁶⁸ и «расположенный на берегу Волги большой госпиталь⁶⁹», на третьем этаже которого лечился Рюппель⁷⁰.

Особый колорит придавали Саратову многочисленные нарядные храмы различных конфессий⁷¹, среди которых Шенку особенно запомнился, выделяющийся «своей величиной и архитектурным стилем кафедральный собор⁷²» и лютеранская церковь⁷³. Всего же

⁶⁰ Очевидно, имеется ввиду действительный статский советник Готгард-Людвиг фон Крюденер (Криденер), который в Высочайших грамотах, указах и других официальных документах, начиная с 1806 г., именуется бароном.

⁶¹ *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 173.

⁶² Дом Иванова находился на углу улиц Константиновской (ныне Советской) и Никольской (ныне им. А.Н. Радищева), ныне здание Сбербанка РФ. Во время своей поездки по России в нем останавливался цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II.

⁶³ См.: *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89; *Рюппель, С.Э.* Указ. соч. С. 292.

⁶⁴ *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 173.

⁶⁵ Здание Присутственных мест находилось на улице Никольской, ныне в нем Саратовское училище искусств (ул. Радищева, 22).

⁶⁶ *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89.

⁶⁷ Главным административным учреждением волжских колоний была Саратовская контора опекунов иностранных, созданная в 1766 г., которая подчинялась Департаменту государственного хозяйства и публичных зданий МВД.

⁶⁸ В то время в Саратове существовали две казенные аптеки, открытые в 1803 и 1810 гг.

⁶⁹ Речь идет об Александровской больнице, основанной в Саратове в 1804 г., которая была открыта в августе 1806 г. в специально построенном здании, ныне на этом месте 2-я городская больница.

⁷⁰ См.: *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 96; *Пешке, С.Б.* Указ. соч. С. 396; *Рюппель, С.Э.* Указ. соч. С. 296.

⁷¹ См.: *Вейо, Ж.Р.Р.* Указ. соч. С. 274; *Иелин, Х.Л.* Указ. соч. С. 206; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 88.

⁷² Речь идет о самом древнем храме Саратовской губернии – Троицком соборе (1695–1701), который поныне возвышается на Музейной площади.

⁷³ *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89

мемуаристы насчитывают в городе три русские и две немецкие церкви (одну католическую и одну лютеранскую)⁷⁴.

В целом Саратов очень многим военнопленным показался «красивым» городом⁷⁵.

Важным средоточием городской жизни были торговые площади, которые имелись в каждой из трех частей города⁷⁶. Походы на них были для пленных и насущной потребностью и развлечением, поэтому неслучайно они занимают много места в воспоминаниях военнопленных⁷⁷. Вьейо писал: «Жизнь здесь идет полным ходом (*très bon marché*). Зайца (без шкуры) здесь продают за 2 пятака, 10 копеек или полрубля, что в наших деньгах будет около 10 су, иногда меньше. Глухарь, который в России достаточно распространен и весьма желаем, стоит 5 пятаков или 30 копеек. Молоко, рис и другие продукты питания, которые можно добыть себе зимой, не столь дороги как в центре России. Замороженное мясо и рыба также по очень низкой цене за ливр⁷⁸»⁷⁹.

В полном изобилии на рынках Саратова была представлена рыба, «поскольку Волга, как известно, наиболее богата ею из всех рек Европы. Осетр, стерлядь, белуга (прежде всего из-за икры и в то время, когда она созревает) вылавливались в таких количествах, что мясо было даже невозможно полностью съесть, и оно применялось для удобрения полей. Икра превосходна и в спрессованном виде очень дешева»⁸⁰.

«Примечательное зрелище представляет собой рыбный и мясной рынок зимой. Как у нас дрова в штабелях, так там можно наблюдать осетров, стерлядей, белуг, щук необычайной величины,

⁷⁴ См.: Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 173; Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 252. Мемуаристы правильно определяют количество немецких церквей (см.: Лиценбергер, О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове (1770–1935). Саратов, 1995), но не точны в числе русских (ср.: «В городе [Саратове] шесть церквей каменных...» Щекатов, А. Географический словарь Российского государства. М., 1807. Ч. 5. Стлб. 740).

⁷⁵ См.: Вьейо, Ж.Р.Р. Указ. соч. С. 274; Иелин, Х. Л. Указ. соч. С. 205; Рюппель, С.Э. Указ. соч. С. 293; Флек, А. Указ. соч. С. 218.

⁷⁶ См.: Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 252.

⁷⁷ См.: Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 177; Рюппель, С.Э. Указ. соч. С. 293; Флек, А. Указ. соч. С. 219; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 89.

⁷⁸ Здесь – мера массы во Франции до введения метрической системы (1 ливр равен 489,5 г).

⁷⁹ Вьейо, Ж.Р.Р. Указ. соч. С. 272.

⁸⁰ Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 174. Ср.: Руа, И. Указ. соч. С. 104; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 89.

зайцев без шкурок, ободранные овечьи туши, сложенные в штабеля и насквозь промерзшие, из которых вырастают огромные горы»⁸¹.

Но если продукты в Саратове были «очень хороши и дешевы», о чем с поразительным единодушием свидетельствуют мемуаристы⁸², то предметы туалета и ткани показались им дорогими⁸³.

Охраной безопасности населения Саратова занимались полицейские учреждения. «Городская полиция в Саратове была очень строга; – вспоминает Рюппель, – каждый городской квартал имел своего квартального, который нес ответственность за все случившееся на его участке происшествие».

Он отметил далее, что «из военных здесь находились только несколько рот инвалидов, полицейские драгуны и школа для солдатских детей⁸⁴...»⁸⁵. Это были подразделения внутренней стражи, именуемые Шенком «местной гарнизонной службой»⁸⁶, также осуществлявшие функции охраны тишины и порядка.

Наконец, «здесь имелся также род банжо⁸⁷, где содержали заключенных с вырванными ноздрями⁸⁸»⁸⁹.

Достаточно ярко и подробно в рассматриваемых мемуарах предстает культурный облик старого Саратова. Из двух учебных заведений, существовавших тогда в городе⁹⁰, пленными отмечена только «школа для солдатских детей». Понселе вспоминал об отсутствии здесь необходимых ему научных ресурсов (книг, точных приборов, научных библиотек)⁹¹. Однако частные библиотеки, «преимущественно из французских книг», в городе были⁹², здесь

⁸¹ Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 174–175.

⁸² Там же. С. 174; Руа, И. Указ. соч. С. 104; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 89.

⁸³ См.: Руа, И. Указ. соч. С. 104; Петтлер, Ф. Указ. соч. С. 253.

⁸⁴ Речь идет о школе кантонистов, которые возникли в России в начале XIX в. для обучения солдатских детей.

⁸⁵ Рюппель, С.Э. Указ. соч. С. 294.

⁸⁶ Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 88.

⁸⁷ Каторжная тюрьма во французских и итальянских колониях.

⁸⁸ Речь идет о тюремном остроге, который располагался за улицей Ильинской (ныне имени В.И. Чапаева) перед Глебовым оврагом.

⁸⁹ Рюппель, С.Э. Указ. соч. С. 294.

⁹⁰ В Саратове они были представлены Главным народным училищем, которое открылось лишь в 1786 г., и школой кантонистов.

⁹¹ Понселе, Ж.-В. Указ. соч. С. 126. Действительно, первая публичная библиотека была учреждена в Саратове только в 1831 г.

⁹² См.: Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 178; Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 90.

можно было также найти петербургские и рижские газеты, издаваемые на немецком языке⁹³.

Оживляли жизнь элиты саратовского общества представления в городском театре⁹⁴, являвшем «собой хотя и деревянное, но хорошо выстроенное и украшенное здание»⁹⁵, и еженедельные концерты «профессиональных музыкантов и дилетантов со всего города», а также «представителей других искусств» в доме губернатора, которые пленным случалось посещать⁹⁶.

Неотъемлемой частью дворянского быта того времени были званые вечера и балы с непременно угощением, карточной игрой и танцами⁹⁷.

Развлечения остальной части саратовцев по большей части были связаны с религиозными праздниками, особенно с Масленицей⁹⁸, и с Волгой, которая являлась способом проведения досуга и для пленных: они неоднократно приходили сюда, чтобы поглазеть на корабли, проезжих торговцев или купающихся или искупаться самим⁹⁹.

Помимо них провинциальная атмосфера городской жизни в те годы нарушалась лишь велениями военного времени. Так, серьезным потрясением для саратовских жителей были бесконечные рекрутские наборы¹⁰⁰.

Осенью 1813 г. город стал свидетелем переправы с левого берега Волги на правый табуна из 350 диких коней, пригнанного дюжиной казахов из степи в качестве кавалерийского ремонта. Посмотреть на него «отправились за город» немало зевак, которые бурно комментировали происходившее на их глазах¹⁰¹.

⁹³ См.: *Петтлер, Ф.* Указ. соч. С. 265; *Пешке, С. Б.* Указ. соч. С. 404; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 88.

⁹⁴ Это был собственный театр губернатора А. Д. Панчулидзева, сооруженный на Хлебной (ныне Театральной) площади в 1810 г. (см. о нем в кн.: *Дьяконов, В.А.* Лицедеи, певчие, музыканты: Из истории саратовских театров. Саратов, 1991; *Манжора, Б.Г.* Саратовский академический театр оперы и балета: Солидное артистическое дело. Саратов, 1996).

⁹⁵ *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 180.

⁹⁶ Там же. С. 180–181; *Пешке, С.Б.* Указ. соч. С. 400–401, 402; *Руга, И.* Указ. соч. С. 127–130; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89.

⁹⁷ См.: *Руга, И.* Указ. соч. С. 19, 193; *Рюппель, С.Э.* Указ. соч. С. 294; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89.

⁹⁸ См., напр.: *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 90, 91.

⁹⁹ См.: *Петтлер, Ф.* Указ. соч. С. 251; *Рюппель, С.Э.* Указ. соч. С. 293, 294.

¹⁰⁰ См.: *Додеваард Ван, Д.* Указ. соч. С. 385–386; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 92.

¹⁰¹ См.: *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 181–182; *Рюппель, С.Э.* Указ. соч. С. 293–294; *Иелин, Х.Л.* Указ. соч. С. 205.

Не меньше эмоций, вероятно, вызвало у жителей и прохождение через город несколько башкирских полков¹⁰². Шенк вспоминал, что «их особенное пристрастие к чужой собственности и эта их склонность настолько известна в России, что как только через город проходит полк башкир, то местный гарнизон тотчас же образует от одних ворот до других удвоенную шеренгу, чтобы никто из них не смог покинуть своего места»¹⁰³.

Саратов обладал специфическим социальным обликом. На страницах мемуаров проходит целая вереница социальных типов старого волжского города. В воспоминаниях в основном запечатлен город дворянский, чиновничий и купеческий¹⁰⁴. Кроме того, Саратов предстает как город многонациональный и многоконфессиональный, среди жителей которого пленным бросились в глаза в первую очередь немцы-колонисты. И не случайно среди саратовских улиц мемуаристы особо выделяют «Немецкую улицу»¹⁰⁵, на которой «проживает много немцев»¹⁰⁶.

Отношение жителей Саратовской губернии к военнопленным в целом было совершенно иным, нежели в разоренных войною губерниях. Ф. Мерсье вспоминал, что с момента прибытия в Саратовскую губернию пленные почти на каждом шагу встречали со стороны населения выражения симпатии и расположения, причем не только в деревнях, но и в городах¹⁰⁷. Однако отношения пленных с представителями разных слоев саратовского общества складывались по-разному.

Высшее общество Саратова приняло пленных офицеров в свой круг, на балах они знакомились со многими влиятельными саратовцами и окрестными помещиками. «Французские солдаты часто приглашались в качестве камердинеров знатных дворян или поваров. Французские офицеры и немцы, имевшие образование, становились желанными воспитателями и учителями. Среди пленных часто передавались рассказы о выгодных браках, которые здесь и там заключали офицеры»¹⁰⁸.

¹⁰² В ходе войны от Оренбургского казачьего войска к армии были откомандированы 23 башкирских и мещеряжских полка, которые выступали поочередно. В ноябре 1812 г. в поход двинулись 7-20-й Башкирские и 2-й Мещеряжский полки, о которых, очевидно, и идет речь.

¹⁰³ Шенк, К.Хр.Л. Указ. соч. С. 95.

¹⁰⁴ См., напр., главу VII воспоминаний Ф. Мерсье «На балу у губернатора. Характеристика светского общества» (Руа, И. Указ. соч. С. 116-130).

¹⁰⁵ Немецкая слобода, затем Немецкая улица, ныне проспект им. С.М. Кирова.

¹⁰⁶ См.: Пепплер, Ф. Указ. соч. С. 251; Шенк, К.Хр. Л. Указ. соч. С. 89.

¹⁰⁷ См.: Руа, И. Указ. соч. С. 92-93.

¹⁰⁸ Ведель, К.А.В. фон. Указ. соч. С. 173. Ср.: Руа, И. Указ. соч. С. 193.

Радужный прием ждал их и у немецких поселенцев, которые «...были очень рады тому, что получили возможность вновь встретиться со своими соотечественниками». «Те, кто владел ремеслом, находили, особенно у немецких мастеров, работу и хороший заработок, дополнявший довольствие пленного...»¹⁰⁹.

Зато торговая часть Саратова встретила пленных недружелюбно. Шенк вспоминал: «Русские купцы в Саратове... являются теми русскими, которые на меня произвели неприятнейшее впечатление. Всякий раз, когда мы появлялись на базаре, с их стороны нас награждали ругательствами, которые затем распространялись от лавки к лавке. <...> Как правило, нам приходилось оплачивать все на порядок дороже, чем прочим жителям, а иногда их наглость заходила еще дальше»¹¹⁰. Саратовское купечество произвело неприятное впечатление и на Мерсье, который писал, что население Саратова по преимуществу торговое, где каждый занят своими делами, а дух наживы, по его словам, подавлял другие душевные качества¹¹¹.

Саратовское чиновничество запомнилось иностранцам своим взяточничеством, которое «является <...> обычным явлением»¹¹², а «попы, или низший класс русского духовенства» – необразованностью. «О научных знаниях у них не может быть и речи; я, – вспоминал Шенк, – не встретил ни одного, кто понимал бы латинский язык»¹¹³.

Таким образом, со страниц воспоминаний военнопленных Великой армии встает своеобразный облик ушедшего Саратова – раскидистого города среди чахлой и унылой природы, оживляемой лишь величественной Волгой; города, где из моря деревянных домишек островками встают большие каменные здания; города избытка и дешёвизны, грязи и роскоши; города многообразно яркого и запоминающегося.

¹⁰⁹ См.: *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 172, 174; *Додеваард Ван, Д.* Указ. соч. С. 386; *Иелин, Х.Л.* Указ. соч. С. 205; *Пепплер, Ф.* Указ. соч. С. 252; *Шенк, К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 90, 97.

¹¹⁰ *Шенк, К.Хр.Л.* Указ.соч. С. 90.

¹¹¹ См.: *Руа, И.* Указ. соч. С. 100.

¹¹² *Шенк, К.Хр.Л.* Указ.соч. С. 93. См. также: *Ведель, К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 184.

¹¹³ *Шенк, К.Хр.Л.* Указ.соч. С. 92.

**МЕСТА ПАМЯТИ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ,
ПОГИБШИХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ЛОДЗИ И ЕЁ ОКРЕСТНОСТЕЙ**

Б.П. Маркс

Салезианская высшая школа
экономики и управления в Лодзи (Польша)
E-mail: bmarx@op.pl

В статье дается краткая характеристика развития Лодзи и ее окрестностей в довоенный и военный период, указывается, что здесь было развито движение сопротивления, что местное население было подвергнуто фашистами массовому уничтожению. Освобождение Лодзи и ее окрестностей происходило силами советских солдат в ходе Висло-Одерской операции. Указаны захоронения советских солдат 1-го Украинского и 1 Белорусского фронта, освобождавших данный регион, прослеживается история перезахоронений, создания кладбищ для солдат Красной Армии и мемориальных памятников, показана политика современных властей в отношении мест памяти советских солдат.

Ключевые слова: Вторая мировая война, места памяти, советские солдаты в Польше, Лодзь и окрестности, оккупация, захоронения, устранение символов коммунизма, Институт Национальной памяти Польши.

**THE PLACES OF MEMORY OF SOVIET SOLDIERS
KILLED IN WORLD WAR II IN THE LODZ AND ITS VICINITIES**

B.P. Marx

In article the short characteristic of development of Lodz and its vicinities at the pre-war and military period is given, it is accented that the resistance movement has been developed here, and also the local population has been subjected by fascists to mass destruction. Liberation of Lodz and its vicinities occurred by the forces of the Soviet army during Vistula-Oder operation. In the article are marked the burial places of the Soviet soldiers of 1st Ukrainian and 1st Belarus front, liberated this region. Here are shown the history of reinterments, creations of cemeteries for soldiers of Red Army and memorial monuments and also the policy of the modern authorities concerning places of memory of the Soviet soldiers.

Key words: The Second World War, places of memory, the Soviet soldiers in Poland, Lodz and vicinities, occupation, burial places, elimination of symbols of communism, Institute of National memory of Poland.

1. Основные сведения о Лодзи и окрестных городах.

Лодзь – это второй по численности населения после Варшавы город в Польше, расположенный почти в самом ее центре¹.

Наконуне Первой мировой войны Лодзь была одним из повятовых городов в Пётрковской губернии². Исключительно быстрое развитие Лодзи в XIX в. было вызвано главным образом развитием текстильной промышленности. Вместе с индустриализацией города росло и число его жителей. В 1820 г. Лодзь насчитывала 767 жителей, а в 1878 г. их число превысило 100 тыс., а в начале XX в. – более 400 тысяч. За 1820–1870 гг. это был 85-кратный рост³. В некоторые годы (например, в 1909 и 1913) прирост населения Лодзи составлял 40–50 тыс. человек. Перед началом Первой мировой войны численность населения оценивалась в 506 тысяч⁴. Быстро также увеличивалась площадь города: от 1016 га в 1821 г. до 3811 га в 1906–1915 гг. и 5875 га в 1915–1939 годах⁵. После обретения Польшей независимости в 1918 году. Лодзь стала центром созданного в январе 1919 г. Лодзинского воеводства⁶. Численность населения города выросла в 1919–1939 гг. с 433,5 тыс. до 680 тыс. жителей⁷.

После Второй мировой войны за счёт включения в границы Лодзи пригородных местностей её территория увеличилась в 1946 г. на 21,2 тыс. га, т. е. стала 212 кв. км⁸. Число жителей Лодзи в 1945 г. едва достигало 250 тыс., что было меньше на 430 тыс. довоенного уровня. Около 270 тыс. человек (около 40%) погибло, а 160 тыс. не возвратились в город⁹. По другому источнику город потерял по

¹ Примерно в 50 км от Лодзи в местности Пёнтек находится географический центр Польши.

² Подр. см.: *Bandurka, M. Zmiany administracyjne i terytorialne ziem województwa łódzkiego w XIX i XX w.* Warszawa, 1974. S. 45 i n.

³ *Śmiałowski, J. Od narodzin do rozkwitu Łodzi przemysłowej 1820–1870.* Łódź, 1973. S. 24–25.

⁴ *Rosset, E. Przemiany w strukturze demograficznej Łodzi.* Łódź, 1973. S. 5.

⁵ *Ibid.* S. 10.

⁶ DPPP. 1919. № 65. Poz. 395. В состав воеводства вошло тогда 13 повятов. В 1938 г. Из него было исключено 3 повята.

⁷ *Rosset, E. Op. cit.* S. 17.

⁸ *Rocznik Statystyczny Miasta Łodzi 1946–1965.* Miejski Urząd Statystyczny w Łodzi, 1965. S. 15.

⁹ *Ibid.* S. 21.

сравнению с 1939 г. 55% населения, то есть 372 тыс. человек. Почти полностью было уничтожено еврейское население. Потери польского населения составили около 140 тыс. человек¹⁰. В первые месяцы после освобождения начался динамичный рост численности населения главным образом благодаря внешней иммиграции. В 1946 г. Лодзь насчитывала уже 497 тыс. жителей, а в 1950 г. – более 620 тысяч¹¹. Значительными были также материальные потери, в частности, из 735 промышленных и ремесленных предприятий, зарегистрированных в городе в июле 1945 г., 294 были разрушены¹².

Большие потери понесли также окрестные города. Например, Пабянице потерял 17 тыс. жителей (30% довоенного населения)¹³. Из 167 промышленных предприятий, действующих в городе в 1939 г., после 1945 г. удалось запустить лишь 84¹⁴. После окончания войны Пабянице остался самостоятельным городом в Лодзинском воеводстве, занимая площадь 1705 га¹⁵.

По данным на 1 октября 1948 г., Лодзинское воеводство вошли 14 повятов¹⁶. С этого времени вплоть до конца XX в. происходили многочисленные административные изменения¹⁷. В 1999 г. административную структуру воеводства (называемого Лодзинской землёй) составили 21 земский повят и 177 гмин¹⁸. В конце 2006 г. в Лодзинском воеводстве проживало 2566 тыс. человек, а Лодзь

¹⁰ *Badziak, K., Kozłowski, W.* Wyzwolenie Ziemi Łódzkiej. Styczeń 1945. Łódź, 1980. S. 220–221. Жилищный фонд города был разрушен, уничтожено 70 тыс. помещений в районах Старее място и Балуты. В текстильной промышленности 38,1% фабрик было разорено на 25-50%. Ср.: *Cygański, M.* Z dziejów okupacji hitlerowskiej w Łodzi. Łódź, 1965. S. 235–236.

¹¹ *Puś, W.* Dzieje Łodzi przemysłowej (Zarys historii). Łódź, 1987. S. 130–131.

¹² *Łódź. Rozwój miasta w Polsce Ludowej* / red. H. Mortimer-Szymczak. Warszawa, 1970. S. 132 i n.

¹³ Цит. по: *Kołodziejczyk, M.* Pabianice w Polsce Ludowej // *Dzieje Pabianic* / pod red. G. Missalowej. Łódź, 1968. S. [344]. Из промышленных предприятий самый большой ущерб был нанесён предприятиям Акционерного общества Круше и Эндэра (позднее – Пабяницкое предприятие хлопчатобумажной промышленности им. Борцов революции 1905 г.). Оно потеряло 40% прежнего машинного парка, ряд отделений было сожжено и разорено. См.: *Rocznik Przemysłu Odrodzonej Polski 1946–1947*. Bmrv. № 4092.

¹⁴ Цит. по: *Kulesza M.* Rozwój przestrzenny miasta Pabianic // *Pabianiciana*. 3. Pabianice, 1995. S. 19.

¹⁵ *Ibid.* S. 18.

¹⁶ DPPP. 1919. Op. cit. S. [106]. Лодзь ещё до освобождения решением Крайовой Рады Народовой от 11 сентября 1944 г. стал городом с правами воеводства.

¹⁷ См.: *Bandurka, M.* Op. cit. S. [106] i n.

¹⁸ *Regionalny Program Operacyjny Województwa Łódzkiego na lata 2007–2013*. Urząd Marszałkowski w Łodzi. Łódź, 2007. S. 5.

насчитывала 760,3 тыс. жителей¹⁹. Нынешняя территория Лодзинского воеводства включает 9 прежних воеводств. По состоянию на конец 2008 г. в Лодзинское воеводство входят 43 города, в том числе 3 на правах повята (Лодзь, Пётркув Трибунальский и Скерневице)²⁰. Пабянице, по данным на 4 марта 2010 г., насчитывал 69,6 тыс. жителей и занимал площадь 33 кв. км²¹. По состоянию на конец 2008 г. Згеж имеет 58,1 тыс. жителей, располагаясь на площади 42 кв. км, Бжезины – 12,3 тыс. жителей и площадь 21,6 кв. км²².

2. Лодзь и её окрестности в период Второй мировой войны.

Лодзь была захвачена гитлеровской армией 9 сентября 1939 года. Сначала она была подчинена Управлению начальника гражданского правления командования 8-й немецкой армии, с 26 октября включена в Генерал-губурнаторство, а с 9 ноября оказалась в т. н. Вартелианде (Raichsgau Wartheland). В апреле 1940 г. Лодзь стала местопребыванием её властей вместо Калиша. Одновременно 11 апреля оккупанты изменили название города на Литцманштадт в честь генерала, командующего германской армией в битве за Лодзь в рамках Лодзинской операции во время Первой мировой войны²³. В Вартелианд, который в момент создания охватывал 43 тыс. кв. км и 4,7 млн человек населения, вошла большая часть Лодзинского округа²⁴.

В период оккупации жители Лодзи и окрестных повятов, несмотря на развитое движение Сопротивления, были подвергнуты массовому уничтожению. Во многих лагерях и тюрьмах, организованных гитлеровцами на этой территории, погибали также граждане Советского Союза. Казни заключённых имели место, в частности, в лагерях советских пленных в Руде Пабяницкой и в трудовом

¹⁹ Rocznik Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. 2007. Warszawa, 2007. S. 66. В 1900 г. население Пабяниц составило около 75,3 тыс., Згежа – 59 тыс. человек. См.: Rocznik Statystyczny Województwa Łódzkiego. WUS w Łodzi, 1991. S. 48.

²⁰ URL: http://pl.wikipedia.org/wiki/Wojew%C3%B3dztwo_%C5%82%C3%B3dskie#Przypisy (дата обращения: 6.06.2010).

²¹ URL: <http://www.um.pabianice.pl/informator-miejski/informacje-o-miescie> (дата обращения: 6.06.2010).

²² URL: http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbr/gus/PUBL_L_ludnosc_stan_struktura_30_06_2009.pdf (дата обращения: 6.06.2010).

²³ Puś, W. Op. cit. S. 121. См.: Łódzka operacja 1914 // Mała encyklopedia wojskowa. Warszawa, 1970. T. II. S. 235–236; Bortnowski, W. Ziemia Łódzka w ogniu 1.VIII – 6.XII.1914 rok. Łódź, 1969. S. 129 i n.

²⁴ Waszak, S. Bilans walki narodowowyzwoleńczej rządów okupacyjnych w tzw. Kraju Warty. Poznań, 1946. S. 483–484; Pospieszalski, K.M. Hitlerowskie «prawo» okupacyjne w Polsce. Poznań, 1952. S. 29 i n., 79 i n.

лагере на Сикаве²⁵. Лагерь в Руде Пабяницкой существовал до 1945 г., т. е. до бегства немцев с этой территории. Отступая, они не сумели эвакуировать всех пленных, оставив в лагере около тысячи больных и истощённых советских солдат. Пленные находились в состоянии полного истощения. Общее количество жертв в лагере установить не удалось, так как до сих пор не найдено место захоронения останков²⁶. В лагере в Олехове, где пребывали несколько сот человек, к советским пленным и евреям относились хуже всего. Многие из них были убиты во время работ и в многочисленных экзекуциях. Их останки были захоронены в близлежащих ямах или закопаны в насыпях строящейся железной дороги. Этот лагерь ликвидирован в 1944 году²⁷.

В Лодзи и её окрестностях существовало нескольких переселенческих лагерей, в частности лагерь в Константынуве (теперь это Пабяницкий повят). В 1943 г. его превратили в лагерь для советских детей (Ost Jugendverwahrlager der Sicherheitspolizei)²⁸.

Почти в каждом полицейском участке гитлеровцы организовали арестантские. В арестантской лодзинского гестапо на нынешней аллее Анштадта (ранее ул. 19 Января) от увечий во время пыток погибли многие участники движения Сопротивления, советские солдаты и антифашисты. Трагически известна полицейская тюрьма на Радогощи. В период до 17 января 1945 г. там были убиты несколько сот заключённых. В ночь с 17 на 18 января того же года гитлеровцы сожгли живьём около 1500 поляков, русских, немцев и граждан других национальностей²⁹. Через лодзинские тюрьмы и арестантские прошло несколько десятков тысяч поляков, евреев, граждан Советского Союза и других стран³⁰.

²⁵ Łódź 1939–1945. Hitlerowska polityka eksterminacyjna / Aut. S. Abramowicz i in. Łódź, 1986. S. 5.

²⁶ Zagłada jeńców radzieckich w obozach na ziemiach polskich // Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Niemieckich w Polsce. Bmw, 1949. T. V. S. 151.

²⁷ Łódź 1939–1945... S. 6.

²⁸ Ibid. S. 7.

²⁹ Подр. см.: Ibid. S. 5–6; *Puś, W.* Op. cit. S. 122–123 (этот автор приводит данные о 2 тыс. погибших); *Jak spalono Radogoszcz (według opowiadania Franciszka Zarębskiego, więźnia Radogoszcza)* // Łódź od A do Z. Informator uniwersalny. Prasa Łódzka, 1958. S. 163–166; *Cygański, M.* Hitlerowski obóz śmierci w Radogoszczu 1939–1945 // *Walka i praca.* Łódź, 1973. S. 45–69; *Przewodnik po upamiętnionych miejscach walki i męczeństwa lata wojny 1939–1945.* Warszawa, 1988. S. 447. URL: <http://pl.wikipedia.org/wiki/Radogoszcz>.

³⁰ Łódź 1939–1945... S. 5.

3. Освобождение Лодзи и окрестных повятов.

Лодзинская земля была освобождена в течение недели советскими войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в рамках зимнего наступления. (Висло-Одерская операция, ранее называвшаяся Варшавско-Познаньская³¹, началась 12 января 1945 г., а уже 24 января армии обоих фронтов достигли рубежа Познань-Вроцлав. Планировалось непрерывное наступление вплоть до овладения Берлином. Командующим 1-м Белорусским фронтом с 16 ноября 1944 г. был маршал Советского Союза Георгий Жуков, 1-м Украинским фронтом руководил маршал Иван Конев³². Во время боев 1944–1945 гг. на нынешней территории Польши советские войска разбили более 170 немецких дивизий, в том числе около 100 из них полностью. Об ожесточённом сопротивлении немцев свидетельствует, в частности, 600 тыс. могил советских солдат, погибших в Польше в период с июня 1944 до мая 1945 г., главным образом во время вышеупомянутого наступления³³.

В ходе этого наступления только на территории между средним течением Вислы и Варты погибли несколько тысяч советских солдат. Павшие воины 1-го Белорусского фронта покоятся на кладбищах в Раве Мазовецкой, Радоме (2674 погибших), Жирардуве, Опочне, Лышковцах, Кернози (131), Бжезинах, Лодзи (ок. 700), Пабяницах (238), Серадзи (402) и Коле (507). Могилы погибших 1-го Украинского фронта находятся в Скажиско-Каменной и в Радомско³⁴. О боях за Лодзь и её окрестности Г.К. Жуков писал: «Немецкое верховное командование перебросило в район Лодзи бронетанковую дивизию “Великая Германия” из Восточной Пруссии и пять других дивизий с запада для остановки натиска 1-го Белорусского фронта, но эти армии были разбиты до того как успели соответствующим образом раз-

³¹ Województwo łódzkie 1919–1939. Studia i materiały / pod red. R. Rosina. Łódź, 1971. S. 138 i n. На Восточном фронте сражалось около 500 советских стрелковых дивизий (55 армий), 6 танковых армий, 13 воздушных армий и несколько отдельных танковых, механизированных и кавалерийских корпусов. Всего на советско-германском фронте советское Верховное главнокомандование сосредоточило более 7 млн солдат, 115 тыс. орудий и миномётов, более 15 тыс. танков и самоходных орудий и столько же самолётов (См.: *Badziak, K., Kozłowski, W.* Op. cit. S. 5–6).

³² Подр. см.: *Sztemienko, S.* Sztab Generalny w latach wojny. Warszawa, 1969. S. 342 i n. Средний темп продвижения армий составлял тогда 40–50 км в сутки. (См.: *Koniew, I.* Czterdziesty piąty. Warszawa, 1968. S. 46).

³³ *Zbiniewicz, F.* Armia Radziecka w wojnie z hitlerowskimi Niemcami 1941–1945. Warszawa, 1988. S. 195; *Rawski, T., Tarczyński, M.* Polski wkład w zwycięstwo nad hitlerowskimi Niemcami 1939–1945. Warszawa, 1980. S. 102.

³⁴ *Malczewski, J.* Cmentarze bohaterów-żołnierzy Armii Radzieckiej poległych w walkach o wyzwolenie Polski // *Wojskowy Przegląd Historyczny.* Warszawa, 1975. R. XX. № 1–2 (72). S. 411–433.

вернуться. Удар был таким внезапным и ошеломляющим, что немцы потеряли всякую надежду на возможность остановить советские армии где-нибудь на территории Польши»³⁵.

Лодзь была освобождена от немецкой оккупации 19 января 1945 г. соединениями 1-го Белорусского фронта (28-м пехотным корпусом 8-й Гвардейской армии, 1-й Гвардейской танковой армией, 9-м и 11-м танковыми корпусами 69-й армии) и 1-го Украинского фронта (6-м Гвардейским механизированным корпусом 4-й танковой армии). Окрестные города также освобождены армиями 1-го Белорусского фронта в начале 1945 г.: Бжезины – 18 января (8-м Гвардейским механизированным корпусом и 29-м Гвардейским стрелковым корпусом 8-й Гвардейской армии), Згеж – в ночь с 18 на 19 января (8-м механизированным корпусом 1-й Гвардейской танковой армии и 29-м стрелковым корпусом 8-й Гвардейской армии) и Пабянице – в ночь с 19 на 20 января (7-м Гвардейским кавалерийским корпусом 33-й армии)³⁶. Вслед за Красной Армией в Лодзь и прилегающие местности вступили части 2-й армии Войска Польского с задачей организации тут противовоздушной обороны и гарнизонной службы³⁷.

Вскоре после освобождения города уполномоченным Временного правительства Польской Республики в город Лодзь и пригород был назначен полковник Игнацы Лёга-Совиньский. Он приступил к исполнению своих служебных обязанностей 21 января 1945 года³⁸. Военным комендантом Красной Армии города Лодзи был назначен полковник [?] Коржиков. Его Управление находилось на ул. Поморской, 21³⁹.

4. О местах памяти советских воинов в Лодзи и её окрестностях.

В боях за освобождение Лодзи пало более 700 советских солдат. Особенно отличилась 82-я Гвардейская запорожская стрелковая дивизия генерала Григория Хетагурова, которая сражалась в центре города. Командир одного из её батальонов капитан Борис Беляев за эти бои получил звание Героя Советского Союза. Соединения и

³⁵ Żukow, G. Wspomnienia i refleksje. Warszawa, 1970. S. 732.

³⁶ Badziak, K., Kozłowski, W. Op. cit. Indeks. S. 294 i n.; Wojskowy Przegląd Historyczny. 1977. № 4(82). Dodatek: Wyzwolenie miast i gmin przez Armię Radziecką i Ludowe Wojsko Polskie 1944–1945. Informator. Warszawa, 1977. S. 19, 39, 47; Dolata B. Wyzwolenie Polski 1944–1945. Warszawa, 1974. S. 152, 154.

³⁷ Stępniewski, T. Zarys formowania 2 Armii Wojska Polskiego 20.8.1944–25.2.1945 // Wojskowy Przegląd Historyczny. 1958. № 4. S. 80–81.

³⁸ Wybór źródeł dotyczących organizacji władzy ludowej w Łodzi i na terenie województwa łódzkiego / opr. M. Bandurka. Rocznik Łódzki. 1962. T. VI (IX). S. 197. См.: Łódź 1423–1823–1973. Zarys dziejów i wybór dokumentów / opr. R. Rosin i M. Bandurka. Łódź, 1974. S. 170–171.

³⁹ Zarys dziejów... S. 172.

части, которые внесли самый большой вклад в освобождение города, получили название «лодзинских». Вечером 19 января в 23.00 в Москве очередная победа Красной Армии была отмечена традиционными 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий⁴⁰.

В соответствии с пожеланиями советских властей в 1947–1948 гг. на территории Лодзинского воеводства была осуществлена эксгумация останков советских солдат, первоначально похороненных в разных местностях воеводства. В письме от 22 сентября 1947 г. представитель командования Северной группы войск в Лодзинском воеводстве подполковник Корбут просил лодзинского воеводу П. Шиманека о «составлении точных сведений о количестве умерших военнопленных и интернированных граждан союзных с нами государств». Об отсутствии могил пленных и интернированных граждан на своей территории констатировали, в частности, власти Лодзинского, Згерского, Пётркувского и Ласкского повятов⁴¹.

В то же время в письме Лодзинского воеводского управления (ЛВУ) в Министерство общественной администрации в Варшаве от 29 января 1948 г. читаем: «...Советские военные власти в лице представителя Маршала Рокоссовского, полк[овника] Арзамасцева особый упор делают на упорядочивание разбросанных по полям могил и сосредоточения их в одном месте»⁴². До этого времени полная эксгумация была проведена лишь на территории Лодзинского и Ленчицкого повятов. ЛВУ просил власти отдельных повятовых старост предоставить сметы, техническое описание и чертежи создания кладбищ для солдат Красной Армии. Планируемые издержки эксгумации и создания кладбищ для погибших советских солдат на территории Лодзинского воеводства оценивались суммой более 49,1 млн злотых (в Лодзинском повете – около 1,1 млн злотых). Финансовую помощь предоставили также Польский Красный Крест, Общество польско-советской дружбы и другие общественные организации⁴³.

На территории Лодзинского воеводства до реформы 1999 г. находилось 17 военных кладбищ и могил периода Второй мировой войны⁴⁴. Советские офицеры и солдаты, которые погибли в боях за освобождение Лодзи, похоронены на военном кладбище, находящемся на территории парка им. Юзефа Понятовского на ул. Жеромского (район Полесе). Там также был воздвигнут памят-

⁴⁰ Dolata, B. Op. cit. S. 154; Badziak, K., Kozłowski, W. Op. cit. S. 218.

⁴¹ APŁ. UWŁ. Sygn. 191. K. 1, 7, 8, 12, 15.

⁴² Ibid. Sygn. 190. S. 1, 7.

⁴³ APŁ. UWŁ. Sygn. 190. S. 3, 7. В этом фонде, к сожалению, отсутствуют описания и планы упомянутых кладбищ.

⁴⁴ Zabytkowe cmentarze i mogiły w Polsce. Województwo łódzkie / opr. A. Lewkowska i W. Walczak. Warszawa, 1996. S. 72.

ник Благодарности, открытый 7 ноября 1946 г. в 29-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В 603 могилах этого комплекса похоронены офицеры и солдаты. Могила солдата Красной Армии, погибшего в боях за Лодзь, находится на кладбище «на Долах» на ул. Стрыковской (район Балута)⁴⁵. В последнее десятилетие прошлого века памятник Благодарности убрали из парка Понятовского, а останки солдат эксгумировали и захоронили в глупине парка.

В Пабяницах, по данным автора одного из исследований, на кладбище св. Матеуша на ул. Килиньского в братских могилах покоятся 238 советских солдат⁴⁶. Согласно другому исследованию там захоронены 255 солдат Красной Армии, погибших в окрестностях Пабяниц в январе 1945 года⁴⁷. Они похоронены на 40-м участке, недалеко от польских солдат, погибших в сентябре 1939 г. (участок 43). В центральной части кладбища поставлен памятник в честь погибших.

Опубликованный недавно «Список погибших солдат армии бывшего СССР, похороненных на католическом кладбище в братской могиле» содержит 160 известных фамилий с датами рождения и смерти (эти сведения отсутствуют у 20 человек)⁴⁸. Среди отмеченных в списке лишь 7 солдат пали во время освобождения города (20 января). Даты смерти остальных находятся в промежутке от 24 января 1945 г. до 7 февраля 1946 года. К сожалению, нет данных в отношении причин и места смерти большинства солдат, похороненных на пабяницком кладбище. Возможно, что некоторые умерли в более поздний период в результате полученных ран, некоторые погибли в окрестностях Пабяниц или в более отдалённых местностях, а затем их останки были эксгумированы и захоронены на пабяницком кладбище. Сейчас это трудно однозначно установить.

В распоряжении автора находится «Список советских солдат, похороненных на кладбище в Пабяницах» (рукописная копия), включающий 131 фамилию. В нём указывается, что общее число покоящихся

⁴⁵ Miejsca pamięci narodowej w Łodzi: martyrologia i walka 1939–1945 / opr. T. Czapliński i J. Launer. Łódź, bdw. S. 48. На с. 49–53 находятся фотографии кладбища и памятника; Przewodnik po upamiętnionych miejscach... S. 449, 446.

⁴⁶ Malczewski, J. Op. cit. S. 423.

⁴⁷ Zabytkowe cmentarze... S. 53; Adamczyk, A. Pabianice. Przewodnik po historii i współczesności miasta. Pabianice, 2007. S. 115.

⁴⁸ Dopart, A. Stary cmentarz katolicki w Pabianicach 1824–2004. Pabianice, 2008. S. 247–250 (Załącznik nr 8).

на кладбище составляет 255 человек⁴⁹. Стоит также упомянуть, что на кладбищах Пабяниц и окрестностей (военных, католических, евангелических, православном и еврейском) похоронены русские солдаты, павшие в период Первой мировой войны⁵⁰.

На бетонном обелиске, установленном в 1951 г. на собранные общественные средства, имеются надписи на польском (с северной и западной сторон) и русском (с южной и восточной сторон) языках. Надпись на мраморной плите с северной стороны гласит: «Здесь покоится 255 солдат Красной Армии, которые погибли смертью героев в январе 1945 года, освобождая польский народ от фашистской неволи»; а с западной: «Вечная слава героям, погибшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины в 1945 году»⁵¹.

В одном из исследований мы читаем, что могилы советских солдат первоначально находились в центре Пабяниц, вблизи костёла св. Матеуша. 7 августа 1947 г. останки были эксгумированы и перенесены на кладбище при ул. Килиньского, где заботу над ними вместо Городского управления взяло на себя руководство кладбища и некоторые общественные деятели⁵². В пабяницкой прессе 21 февраля 1948 г. сообщалось, что «завтра состоится торжественное перенесение останков польских и советских солдат, погибших в борьбе за освобождение Пабяниц. В связи с этим уже сегодня вскрываются могилы на площади ген. Домбровского и на территории нескольких гмин, расположенных в окрестностях Пабяниц. Завтра в 9 часов утра выступит торжественная похоронная процессия с гробами с площади Домбровского на кладбище, где уже подготовлена большая братская могила»⁵³. Вскоре после этого власти города стали готовиться к приобретению смежных к кладбищу территорий, чтобы расширить его площадь, так как «в последние недели добавилось около 300 могил из-за перенесения на пабяницкое кладбище похороненных на территории всего повята останков польских и советских солдат»⁵⁴.

В Бжежинах погибшие в боях за этот город советские солдаты (около 200) также похоронены на местном кладбище (на ул. Лудз-

⁴⁹ Lista żołnierzy armii b. ZSRR poległych i pochowanych w Pabianicach. Kopie materiałów archiwalnych. 1 sierpnia 1995. Этот список был предоставлен автору Р. Адамеком, работником Музея города Пабянице.

⁵⁰ См.: Adamek, R., Nowak, T. 650 lat Pabianic. Studia i szkice. Łódź, 2005. S. 329–331; Dopart, A. Op. cit. S. 32–33, 38–41.

⁵¹ Karta ewidencyjna obiektu pamięci narodowej (копия имеется в распоряжении автора); Dopart, A. Op. cit. S. 71. Здесь была помещена фотография памятника.

⁵² Dopart, A. Op. cit. S. 45.

⁵³ Głos Pabianic. 1948. 21 lutego.

⁵⁴ Ibid. 1948. 1 kwietnia.

кей)⁵⁵. И здесь был возведён памятник в их честь. В Згеже на основанном в 1945 г. военном кладбище на ул. Паженчевской находятся могилы 1850 советских солдат, погибших при взятии города в январе 1945 г., среди которых были известны имена 906, а имена еще 944 неизвестны⁵⁶. Согласно авторам другого исследования, в братских могилах находятся останки 1249 советских солдат 1-го Белорусского фронта (8-го Гвардейского механизированного корпуса и 29-го Гвардейского стрелкового корпуса). На кладбище находится также памятник в их честь. Это было самое большое захоронение солдат Красной Армии на территории тогдашнего Лодзинского воеводства⁵⁷.

После окончания войны места казней были отмечены также памятниками и памятными досками. В Радогоци на ул. Згерской (район Балуты) в 22-ю годовщину гитлеровского нападения на Польшу был открыт памятник в честь зверски убитых там заключённых. Братская могила, куда были помещены их останки на кладбище св. Роха, находится на этой же улице. На территории бывшего лагеря был создан Музей мученичества и борьбы⁵⁸. Мемориальную доску в память жертв Радогоща вмуровали в стену костёла на площади Свободы.

В районе Полесе перед зданием Военной медицинской академии (ВМА) на площади Халлера (бывшая 9 Мая) находился памятник Братства по оружию – уставленные на постаментах два танка – советский и польский, символизировавшие братство по оружию в боях за освобождение Польши и разгром гитлеровских войск⁵⁹. Этот памятник сейчас не существует, так же как и ВМА, на месте которой теперь находится госпиталь веретанов войны. Об основанном немцами трудовом лагере для строительства железнодорожного узла Лодзь–Олехув (район Видзев) напоминает мемориальная доска, помещённая на газоне перед зданием локомотивного депо⁶⁰.

На здании городского управления Лодзи на ул. Пётркувской, 104 (район Центр) есть доска в память об освобождении Лодзи. Надпись на ней гласит: «В первую годовщину освобождения города Лодзи от гитлеровского рабства частями Красной Армии и Войска Польского Городское управление открывает эту доску как доказательство благо-

⁵⁵ URL: <http://pl.wikipedia.org/wiki/Brzeziny#Historia> (дата обращения: 6.06.2010).

⁵⁶ Zabytkowe cmentarze... S. 68.

⁵⁷ Przewodnik po upamiętnionych miejscach... S. 452; Подр. см.: *Pieruń, M. Zgierz. Cmentarze, pomniki, tablice. Zgierz, 2003.*

⁵⁸ Przewodnik po upamiętnionych miejscach... S. 447.

⁵⁹ Ibid. S. 448; *Miejsca pamięci...* S. 58. На с. 59–61 имеются фотографии памятника.

⁶⁰ Przewodnik po upamiętnionych miejscach... S. 451.

дарности и преклонения граждан города героическим частям, несущим свободу поработенным народам. Президиум Городского правления. Лодзь 19 января 1946 г.»⁶¹ 18 января 1965 г. начальной автошколе на ул. Пшибышевского (район Гурна) присвоено имя Героя Советского Союза, генерала армии Владимира Колпакчи и внутри её здания была открыта доска в его честь. Он был командующим 69-й Советской армии, которая освободила Лодзь⁶².

В Пабяницах ещё в конце 70-х гг. прошлого века перед евангелическим костёлом стоял памятник Братства по оружию⁶³. К сожалению, сейчас там его уже нет. В свою очередь, в Бжезинах были воздвигнуты два памятника: Благодарности Советской армии (на ул. Лодзинский) и Благодарности польским и советским солдатам и партизанам (на площади Рабочего единства)⁶⁴.

5. Заключительные замечания.

События периода освобождения Лодзи и её окрестностей Красной Армией от немецкой оккупации постепенно забываются. Исчезли некоторые памятники и памятные доски о событиях этого времени. Например, фотографии памятника Благодарности в парке им. Понятовского в Лодзи можно увидеть лишь только в старинных книгах и альбомах⁶⁵.

С многих участков военных захоронений были удалены надгробные памятники с именами погибших. Кладбища, таким образом, превратились в «безымянные», на которых находятся захоронения исключительно с надгробными плитами со звездой. Сведения о похороненных можно найти или в канцеляриях кладбищ, или в архивах. Надо, однако, признать, что участки захоронений и могилы советских солдат на лодзинских и окрестных кладбищах содержатся в соответствующем порядке. Из топонимики городов исчезли названия улиц, таких как Красной Армии, Георгия Жукова, 19 Января и многих других, связанных с событиями января 1945 года. Действия такого рода предпринимались властями разного уровня почти с самого начала системной трансформации в Польше, т. е. с рубежа 80–90-х гг. прошлого века. С течением времени они даже усилились.

⁶¹ Miejsca pamięci... S. 96–97.

⁶² Ibid. S. 130. В. Колпакчи погиб в авиационной катастрофе в мае 1961 году. На с. 131 имеется фото мемориальной доски; Przewodnik po upamiętnionych miejscach... S. 448.

⁶³ Województwo miejskie łódzkie. Vademecum turystyczne / pod red. T. Olszewskiego. Łódź, 1980. S. 69.

⁶⁴ Przewodnik po upamiętnionych miejscach... S. 672.

⁶⁵ См. : Łódź / opr. A. Zdziński i inni. Łódź, 1969. Fot. 102.

15 мая 2007 г. группа депутатов Сейма Польской Республики пятого созыва внесла проект закона «Об устранении символов коммунизма из общественной жизни в Польской Республике». В нём, в частности, требовалось устранение таких символов в случаях применительно к названиям:

- 1) местностей и географическим объектам;
- 2) улиц, площадей и внутренних дорог, попадающих под правила об общественных дорогах;
- 3) общественных учреждений и строительных объектов и других учреждений общего пользования, а также выставленных на общее обозрение на постоянном месте материальных предметов в качестве памятников, обелисков, бюстов, памятных досок, знамён, надписей, знаков, орнаментов или в подобном качестве, называемых далее «объектами», за исключением предметов, расположенных в пределах кладбищ и других мест захоронений⁶⁶.

Похожие требования содержались также в подготовленном министерством культуры проекте закона о местах национальной памяти. Положения проекта должны были дать возможность органам самоуправления и государственной администрации беспрепятственно удалять памятники и символы чужого правления Польшей. За перенесение с польских улиц, площадей и учреждений в музеи коммунизма (в т. ч. под открытым небом) памятников, памятных досок, удаление упоминаний и имён в названиях учреждений того, что было символами Советского Союза, выступало Соглашение ветеранских и освободительных организаций в Кракове, а также и другие общественные организации⁶⁷. Институт Национальной памяти направил тогда всем гминам в Польше информацию о находящихся на их территории объектах, символизировавших советские времена. В информации также содержались сведения о том, кем были люди, фамилии которых носят улицы.

Всё меньше о событиях того времени знает польская молодёжь. Это, в частности, является следствием «урезания» количества учебных часов в программах обучения истории во всех типах школ. Об истории тех лет можно узнать главным образом в музеях. В отделе лодзинского Музея традиций независимости в Радогощи имеется постоянная экспозиция «Лодзь и лодзинская земля в годы войны и оккупации 1939–1945».

⁶⁶ URL: <http://www.senat.gov.pl/k6/dok/sejm/kosz/2027.pdf> (дата обращения: 6.06.2010).

⁶⁷ URL: <http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,53600,4099002.html> (дата обращения: 6.06.2010).

В последнее время меняется отношение польских элит к событиям конца Второй мировой войны. На вопрос, зачем заботиться о памяти советских солдат, если они были оккупантами и принесли в Польшу коммунизм, люблинский митрополит архиепископ Ю. Жичиньский ответил: «Потому что большинство из них были обыкновенными ребятами, которые шли на Берлин, мечтая о свободе, не о сталинских идеалах. Это не могилы врагов, а людей, которые принесли нам свободу. Сумеет ли мы понять драму солдат, их крови, боли?»⁶⁸. Одновременно он призвал привести в порядок кладбища советских солдат и зажечь свечи на солдатских могилах. К этому обращению присоединились многие деятели культуры, научные работники, публицисты, политики и молодые поляки, которые в социальной сети «facebook» создали профиль «Примирение и память».

Я думаю, что хорошим завершением этой статьи будут два отдалённых по времени высказывания. Первое принадлежит одному из польских евангелических пастырей, который во время открытия военного кладбища периода Первой мировой войны сказал: «Над всякой ненавистью между народами, над всякими конфликтами и войнами существует некое сообщество, некая святая земля мира и примирения»⁶⁹. Второе – известному польскому кинорежиссёру А. Вайде: «Я пойду на кладбище и зажгу свечу, потому что советские солдаты боролись за правое, также наше дело. Надо сделать всё, чтобы поляков и русских примирить. ... Плохие отношения поляков и русских берутся из того, что несколько десятков лет нами правил Советский Союз, а нам очень трудно отделить русских от СССР и системы. Надо, наконец, закончить с ресентиментами и подозрительностью. Обычные русские также были жертвами коммунизма, как мы, поляки»⁷⁰. Подобных высказываний в средствах массовой информации в последнее время появляется много⁷¹.

(Перевод с польского И.К. Кима)

⁶⁸ URL: http://wyborcza.pl/1,76842,7843408,Polskie_swiatelko_dla_Rosjan.html (дата обращения: 6.06.2010).

⁶⁹ Цит. по: *Werner, P. Miejsce «Operacji Łódzkiej» w I Wojnie Światowej, świadomości oraz w losach mieszkańców naszego miasta // Wielka wojna o Ziemię Obiecana. Operacja Łódzka 1914. [Łódź, 2006]. S. 6.*

⁷⁰ URL: http://wyborcza.pl/1,76842,7843408,Polskie_swiatelko_dla_Rosjan.html (дата обращения: 6.06.2010).

⁷¹ URL: http://wyborcza.pl/1,75478,7855441,O_groby_nieznanych_zolnierzy_radzieckich_nikt_nie.html (дата обращения: 6.06.2010).

**«НЕПРЕОДОЛЁННОЕ ПРОШЛОЕ»:
ВОЙНЫ И КАТАСТРОФЫ КАК «МЕСТА ПАМЯТИ»
БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН¹**

О.Ф. Шаталова

Белорусский государственный университет,
кафедра этнологии
E-mail: volisza@mail.ru

В статье рассматриваются события XX в., ставшие для белорусских крестьян точками отсчета в восприятии времени. Автор акцентирует в этой связи внимание на таких ключевых событиях XX в., как Первая мировая война, распад Российской империи, коллективизация, репрессии, Вторая мировая война, взрыв на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и распад СССР. Основываясь на воспоминаниях крестьян, автор прослеживает эволюцию в их сознании образа «чужого», раскрывает феномен «заимствованной памяти», определяет главную черту восприятия белорусскими крестьянами прошлого, как череды пережитых трагедий.

Ключевые слова: Белоруссия, крестьянство, восприятие времени, Первая мировая война и эвакуация, советская власть в Белоруссии, репрессии, освобождение Западной Белоруссии, «заимствованная память» у восточных белорусов, немецкая оккупация, эволюция понятий «свои» и «чужие», образ партизан, катастрофа под Чернобылем.

**«THE UNRESOLVED PAST»:
WARS AND CATASTROFES AS THE «PLACES OF MEMORY»
OF BELORUSSIAN PEASANTS**

O.F. Shatalova

The article is analyzing the models of perception and treatment of events of the XX-th century in consciousness of the Belarus peasants. The author focuses his attention on the such key events, as the First World War, disintegration of the Russian empire, collectivization, Stalin reprisals, the Second World War, explosion on the Chernobyl NPP in 1986 and disintegration of the USSR. Basing on memoirs of peasants, the author traces evolution in their consciousness

¹ Под «местами памяти» вслед за Пьером Нора понимаются знаковые для самоописания народа символы (памятники, люди, события и т. д.)

of an image of "stranger", opens a phenomenon of "the borrowed memory», defines the main line of perception the Belarus peasants of the past, as turns of the endured tragedies.

Key words: Belarus, peasantry, perception of time, the First World War and evacuation, the Soviet power in Belarus, reprisals, liberation of the Western Belarus, «the borrowed memory» of the East Belorussians, German occupation, evolution of concepts «self» and «another», an image of the guerrilla, Chernobyl's catastrophe.

«[Белорусский народ. – О. Ш.] несколько веков не жил исторической жизнью», – написал в 1895 г. Адам Богданович². Известный этнограф был прав в том, что до конца XIX в. доминирующей рамкой времени восприятия крестьян был цикл: белорусская деревня подчинялась природным ритмам, следовала чередованию сезонов и сельскохозяйственных работ. Подобная «вневременность» отразилась в фольклоре белорусов, поражавшем исследователей XIX в. почти полным «отсутствием исторических [песен. – О. Ш.]»³.

Точкой линейного отсчета времени стала отмена крепостного права в 1861 году⁴. После нее белорусское крестьянство стало реализовывать индивидуальные программы (покупка земли, выход из патриархальной семьи и т. д.), ранее не имевшие шансов воплотиться. Толчком к изменению соотношения циклического (ставшего вторичным) и линейного восприятия времени стали апокалиптические – в понимании человека деревни – события XX в.: «Помню, была я маленькая <...>, и к нам собрались на лучину: света не было, так лучину жгли. Собрались бородатые старики – я их не помню, старые-старые. И разговаривали. Тогда же не было ничего: ни самолета, ни машины никакой, ни автобуса, ничего не было. <...>. Придет еще такое время – говорили – все поле будет замотано в паутине,

² Богданович, А. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнограф. очерк. Гродно, 1895. С. 4.

³ Сборник памятников народного творчества в Северо-западном крае. Вильня, 1866. Вып. 1. С. XXV.

⁴ По мнению Павла Терешковича, белорусы были наиболее зависимым народом Центральной и Восточной Европы, и уровень их закрепощения возрастал: если в начале XIX в. удельный вес крепостных-белорусов составлял 57%, то в 1834 г. он вырос до 64,8%, и эта тенденция сохранялась (См.: Терешкович, П. Украинцы и белорусы: сравнительный анализ формирования наций на фоне историй Центрально-Восточной Европы XIX – начала XX в. // Перекрестки. 2004. № 1-2. С. 21-22).

поле будет такое. И будут летать железные птицы и клевать людей <...>. И вот пришло такое время: паутина – это телефон, это как паутина. А железные птицы мало они клюют людей, мало бомбами бомбят? <...> И говорили: будет большая-большая война. Я и дожила до этой войны»⁵.

Безусловно, потрясения XIX в. (как, например, война 1812 г.) виделись катастрофой, но после них деревня возвращалась к стабильному и знакомому жизненному укладу. В XX в. каждое событие (Первая мировая война, распад империи, коллективизация, репрессии, Вторая мировая война, взрыв на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и распад СССР) в корне меняло жизнь человека, вселяло в него мысль о необратимости скорого конца света: «Нам мама говорила, в конце [света. – О. Ш.] будут пить, и разруха будет, брат брата будет ненавидеть, друг друга ненавидеть. Мама наша рассказывала, что к концу света будет так. И оно уже так и есть»⁶.

Первым событием, пережитым белорусами и кардинально изменившим их жизнь, была мировая война 1914–1918 годов. По глубине воздействия и психологическим последствиям она стала «коллективной травмой» для всего народа⁷. Летом 1915 г. царские войска провели принудительную эвакуацию местных крестьян (около 1340000 православных Гродненской губернии) вглубь империи⁸. Как вспоминал житель деревни Рогочи Антон Аканчук: «Казачи ездили по деревням и пугали людей, что немцы женцин

⁵ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1915 г. рожд., д. Ляды, Могилевская обл.; опрос проведен А. Смоленчуком и О. Шаталовой 03.07.2004.

⁶ Там же: интервью с женщиной 1930 г. рожд., д. Машкова, Могилевская обл.; опрос проведен А. Энгелькинг и И. Олюниной 07.07.2004.

⁷ По мнению Ольги Суховой, для русских крестьян эта война имела иное значение, первоначально став «войной-праздником»: с амвона многочисленных храмов Пензенской губернии «при огромном стечении молящихся» 22 июля 1914 г. приходские священники огласили манифест об объявлении войны. После молебна, когда «народная масса при звоне колоколов запела хором “Спаси, Господи”, многие, под влиянием нахлынувших чувств, навзрыд заплакали». Первые успешно проведенные операции русских войск, взятие городов Львова и Галича «подняли патриотические чувства населения» на небывалую высоту. В ознаменование побед русского оружия во многих городах прошли праздничные манифестации (См.: Сухова, О. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 388).

⁸ Положение восточно-белорусской деревни было не менее сложным. Более половины трудоспособных мужчин были мобилизованы на фронт (только из Минской, Могилевской и Витебской губерний было призвано 634400 человек), многие из них были убиты или покалечены. Частые реквизиции хлеба, фуража, домашней скотины содействовали быстрому разорению хуторских хозяйств.

обижают без разбора, груди им саблями срубают, а мужчин всех вешают и стреляют»⁹. Те, кто выказывал сомнения в необходимости переезда, эвакуировались насильно.

Оставшийся после них инвентарь и дома уничтожались: «Весь край загорелся. Днем и ночью были слышны звуки взорванных мостов и домов. Все было покрыто тучами дыма от пылающих деревень и дворов. Поволока дыма была такой густой, что ночью не было видно луны»¹⁰. Часть западно-белорусских селян (1690 беженцев), оказавшаяся в районе X Российской армии, была опрошена представителями армейского руководства Всероссийского Земского Союза на предмет отношения к «беженству». Оказалось, что на вопрос: кто из вас эвакуировался добровольно, 54,4% ответило отрицательно, а 21,6% – неопределенно¹¹.

Во время эвакуации многие семьи потеряли близких: кто-то умер из-за быстрого распространения инфекций, отсутствия медицинской помощи или обессиливания; кто-то потерялся и потом не нашел родных. Петр Кисель – житель деревни Чорная-Вяликая вспоминал: «В дороге мама заболела дизентерией, и ее забрали в больницу. Видно там, она, бедолага, и умерла, потому что не вернулась к нам. Расстались мы навсегда и с братом Михаилом, которому было тогда 18 лет. Вышел он на вокзале в Барановичах и не успел на поезд. Потом написал нам, что находится в больнице в Белостоке. Старший брат Ян поехал за ним, но оказалось, что его уже не было в живых <...>. Через неделю после возвращения папа заболел лихорадкой и умер. Остались мы только со старшим братом, но весной 1923 года его призвали в армию»¹².

После окончания войны многие вернувшиеся были вынуждены начинать всё сначала¹³. Поэтому общей практикой западно-белорусских крестьян стало проживание в землянках или шалашах, временно заменявших им дома, потерянные при отъезде. Как вспо-

⁹ Бежанства 1915 / рэд. В. Луба. Беласток, 2000. С. 11.

¹⁰ Руцик, Г., Энгелькинг, А. Полесье. Варшава, 1999. С. 32–33.

¹¹ Карнялюк, В. Гістарычная дэмаграфія Першай сусветнай вайны: бежанства з Заходніх губерняў Расійскай імперыі (1914–1917 гг.) // ВЗН. 1999. № 12. С. 29.

¹² Бежанства 1915... С. 122.

¹³ При этом послевоенные последствия для белорусов и русских также значительно отличались. Для первых война стала окончанием прежней стабильной жизни, причиной потери ранее накопленного имущества; для вторых, рассчитывавших на победу Божьего помазанника – царя, проигрыш привел к смене традиционной картины мира. Прежняя схема: начало – «преображение», ход – «стремительный и победоносный», окончание – «пир на весь мир» и ожидание «милостей» царя народу, принесшему себя в жертву, была отвергнута; а в 1917 г. произошел спад патриотических настроений и веры в божью природу царской власти (см.: Сухова, О. Указ. соч. С. 423–424).

минает Рыгор Андранюк: «Вернулись <...>, выкопали землянку, два окна поставили, выше поставили балки, глиной их облепили. Так и жили <...>. Ходили нищенствовать, к панам ходили молотить»¹⁴.

По условиям Рижского мирного договора в марте 1921 г. Западная Беларусь оказалась в составе Второй республики в Польше. Это был переходный этап, вспоминаемый крестьянами как затишье, время относительной стабильности, окончившееся осенью 1939 г.: «Хутора были при Польше, и все были довольны. А когда Сталин богатство принес, так все разбежались из этого рая»¹⁵.

Советский период был этапом, пройденным всеми белорусскими крестьянами. Несмотря на временную разницу в получении опыта (1919 г. для восточно-белорусской деревни и 1939 г. для западных белорусов), каждый из регионов пережил подобные процессы: коллективизацию, репрессии, борьбу с религией и т. д. По глубине принесенных перемен «приход Советов» (определение, взятое из интервью) воспринимался деревней как апокалипсис. Крестьяне лишились права на собственность, жизнь и свободу: «Все перенесли. Мои родители воспитывали нас, своих детей. Они остались, образования не было, куда денешься, так командуют, так правят, так и подчиняйся, и работали так на земле даром»¹⁶.

По подсчетам Игоря Кузнецова, основную массу (67–70%) репрессированных в БССР составили именно жители деревни¹⁷. Репрессии против них распадалась на четыре акции: выселение «раскулаченных» вглубь СССР; выселение жителей 500-метровой приграничной полосы; арест и высылка (расстрел политически неблагонадежных граждан; репрессии против национальных меньшинств. Это было уникальное историческое явление, ранее неизвестное деревне. В советской системе действовала презумпция виновности (человек считался виновным, пока не было доказано обратное). При этом решение о высылке принималось формально – на сходках: «Ну, собирали сходки, сходки соберут. Теперь собрания, а тогда – стали, на улице постояли, а тогда – сходка – руки поднимут, найдутся такие, а против – никто – и пошел. У нас 2 коровы было, нас девок много – 5 девок было, так пустили коров уже на приданное <...>.

¹⁴ Бежанства 1915... С. 22.

¹⁵ АрхЭ-Смоленчук. Интервью с женщиной 1909 г. рожд., д. Заборники, Витебская обл., 2007 г.

¹⁶ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1929 г. рожд., д. Юравичы, Гомельская обл.; опрос проведен О. Ленкевич и И. Олюниной 29.05.2003.

¹⁷ Кузнецов, И. Репрессии 1930-х гг. в БССР // Доклад на междунар. конференции «Голод 1932–1933 гг. на Беларуси и голодомор на Украине», организованной белорусским филиалом «Мемориала» (май 2008 г.).

Так исключили из колхоза, и <...> обрезали усадьбу. Грядки нигде нет, куда деться?»¹⁸; либо по поступившему доносу: «В 1937-м году приезжали ночью как бандиты какие, приезжали в 2 часа ночи. Был там один пес, водил, водил их к домам»¹⁹.

Для большинства крестьян репрессии виделись простым уничтожением невинных людей: «Зажиточных, их же ссылали тогда, раскулачивали <...>. Их ссылали в Сибирь, сколько их погибло от холода и голода. Подругу мою, мы одного года, выслали <...>, мать, отец был в армии, пара детей, свекра со свекровью, выслали <...> все пропали. А дети их шлялись тут, оставили их и стариков оставили. Малец был жив, а потом на mine подорвался после войны, а девочка умерла, и старики умерли, тут закопаны, от них ничего не осталось»²⁰; «Нас раскулачивали, было у нас 4 коровы, пара волов, 2 пары коней. Папу моего раскулачили, так его побили за то, что не шел в колхоз. <...> Его побили, и он умер»²¹.

Наиболее вспоминаемыми в деревне акциями стали репрессии против поляков, масштабно проводившиеся в 1932–1933 и 1937–1938 годах. Вероятно, крестьяне вспоминали о них потому, что поляки были многочисленной группой, исчезновение которой не могло пройти незамеченным: «Тогда на поляков гонение было, всю деревню сослали повально <...>. Два раза забирали, брали в 1933-м, а в 1937-м почистили остальных <...>. – А в чем их обвинили? – А в чем обвинили евреев, когда немцы их расстреливали?»²²; «Раньше НКВД забирало? – Да-да-да. Всю мою родню забрали, всю. Было 5 дядей и дед, всех забрали в 37-м году и расстреляли в один день всех моих дядей. Так что моя мама осталась сиротой, ни мужа не было, ни братьев. А нас называли плохими, ну, что враги народа <...>. Тут поляки воевали, а они подговорили моего родного дядю, и он в Польшу перешел, <...> за это и забрали моих всех дядей, из-за того, что он в Польшу перешел <...>. Он там жил и свою фамилию не изменил, женился там в Давыд-Гарадку, у него жена

¹⁸ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1915 г. рожд., д. Абраимавка, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 08.07.2004.

¹⁹ Там же. Интервью с женщиной 1930 г. рожд., д. Паташня, Гомельская обл.; опрос проведен Ю. Кориковым и П. Кошманом 29.05.2003.

²⁰ Там же. Интервью с женщиной 1907 г. рожд., д. Ленино, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 06.07.2004.

²¹ Там же. Интервью с женщиной 1914 г. рожд., д. Ёсипава Рудня, Гомельская обл.; опрос проведен О. Лобачевской и Т. Ивановой 28.05.2003.

²² Там же. Интервью с мужчиной 1929 г. рожд., д. Паташня, Могилевская обл.; опрос проведен Ю. Кориковым и П. Кошманом 05.2003.

была и двое детей, а как уже освободили тот Давыд-Гарадок, его забрали и расстреляли»²³.

Репрессивная машина развернулась в западно-белорусских деревнях в конце 1939 г.: «В 39-м освободили нас русские, многих в Сибирь вывезли <...>. В 49-м на Беларуси все костелы закрыли, ксендзов как политических тоже отправили в Сибирь»²⁴; «В 1939-м году вывозили всех, у кого своя земля была. Лесник был у пана, так и его вывезли. Многие вывезли, но всех не успели, потому что война началась. Из нашей деревни несколько человек пошли в Пинск, чтобы посмотреть на русских, так их посадили в вагоны и отправили в Россию. А в дороге даже воды попить не давали»²⁵.

После нескольких десятилетий, прошедших после Первой мировой войны, белорусская деревня вновь оказалась в оккупации. И новая война, начавшаяся 1 сентября 1939 г., окончательно изменила республику: 2,2 миллиона человек погибшими и умершими (в том числе, представители еврейского народа); 380000 «остарбайтеров», вывезенных на принудительные работы; 209 разрушенных городов и 9200 деревень, в которых были сожжены или разбомблены около 1,2 миллионов домов; уничтожены предприятия, транспортные пути и культурные учреждения, Государственная библиотека, архивы, театры, музеи и т. д.

Согласно советской историографии, война началась с нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. Этому нападению предшествовала военная акция по «освобождению» Западной Беларуси и Западной Украины от «панского гнета Польши» войсками Красной Армии в сентябре 1939-го года²⁶. При этом втор-

²³ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1938 г. рожд., д. Крушники, Могилевская обл.; опрос проведен Э. Смукловой и М. Янковяком 28.05.2003.

²⁴ АрхЭ-Смоленчук. Интервью с женщиной, д. Зацішша, Витебская обл., 2007 г.

²⁵ Там же. Интервью с женщиной 1925 г. рожд., д. Церабень, Витебская обл., 2007 г.

²⁶ Валентин Акудович полагает, что белорус редко радовался в истории: «Пожалуй, со всего XX века я бы выделил только воссоединение Восточной и Западной Беларуси в 1939 году. Рассеченная ножом Брестского мира, Беларусь и с той, и с другой стороны стремилась вновь стать одним целым <...>. Это у белорусов действительно вызывало общенациональную радость, которая с того времени больше не повторилась. Потому что, хотя радость от окончания Второй мировой войны была намного острее, это была просто всеобщая радость, которая не касалась белорусов как нации (хотя бы непосредственно). Люди радовались не победе над фашизмом, а тому, что с фронта вернутся мужчины, что днем с неба не летят бомбы, а ночью в окно не стучит партизан или бандит. Словом, радость была только от того, что наступил мир» (Народ чужых радасцяў (размова з Валянцінам

жение советских войск на территорию Второй республики в Польше было представлено как вполне обоснованный акт²⁷. Появившиеся на эту тему научные статьи и пропагандистские брошюры свидетельствовали: «Наша героическая Красная Армия, 17 сентября 1939 года вступившая на территорию Западной Беларуси и Западной Украины, принесла рабочим освобождение от насильственного господства панов»²⁸.

Эта версия полностью формировала «заимствованную память» (термин Мориса Хальбвакса) восточных белорусов, т. е. тот слой воспоминаний, который отражал не пережитые, а взятые из внешних источников данные: «В каком году война началась? В 1941-м»²⁹; «22 июня, ровно в 4-е часа...»³⁰. Отчасти готовность крестьян принять именно этот вариант событий основывалась на их равнодушии к тому, что происходило вне родного колхоза: «Ой, как будто нам было интересно, что там было. Да, и что Я знаю?»³¹; «Не было надобности в связи с Западной Беларусью. И стремления. Мне кажется, что там жили нормально тоже, только люди там разные. Некоторые принимали это как оккупацию, некоторые – как своих, белорусов. Это потому, что некоторых выгнали, выслали»³².

Напротив, для жителей западно-белорусских деревень началом войны стал сентябрь 1939 г.: «Война началась с прихода русских»³³; «Война началась: там – немец напал, оттуда – русские»³⁴. При этом сам

Акудовічам) // Ракіцкі, В. Беларуская Агліянтыда (Бібліятэка Свабоды. XXI стагодзьдзе). Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2006. С. 473–474).

²⁷ Развернутый анализ историографии по проблеме см.: *Смалянчук, А.* Верасень 1939 г. у савецкай і беларускай гістарыяграфіі // ГА. 2001. Т. 3. С. 77–89.

²⁸ *Грыбоўскі, Ю.* Верасень 1939 года у беларускай гісторыі // Радыё Свабода. URL: <http://www.svaboda.org/content/transcript/792853.html> (дата обращения: 10.06.2010).

²⁹ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1907 г. рожд., д. Ленино, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 06.07.2004.

³⁰ АрхЭ-Смоленчук. Интервью с женщиной 1910 г. рожд., д. Кухчици, Минская обл., 2003 г.

³¹ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1907 г. рожд., д. Ленино, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 06.07.2004.

³² Там же. Интервью с женщиной 1907 г. рожд., д. Ленино, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 06.07.2004. (Семёнов, д. Гривец).

³³ АрхЭ-Смоленчук. Интервью с мужчиной 1916 г. рожд., д. Шинковцы, Гродненская обл., 2002 г.

³⁴ Там же. Интервью с мужчиной 1929 г. рожд., д. Церабень, Брестская обл., 2003 г.

приход советских войск вызвал неоднозначную реакцию у местных жителей: «Русских встречали не хорошо и не плохо: ждали что будет»³⁵.

Последующие действия советских властей, в первую очередь проведение коллективизации и репрессии, привели к возрождению архаического белорусского обряда – изготовления «обудённика» («обыденной ткани») ³⁶ в деревнях Западной Беларуси. Как вспоминала Мария Занько (д. Люсино Ганцевичского р-на Брестской обл.) обыденное полотенце ткали, «когда еще не было войны, но уже пришли к нам немцы и русские»³⁷.

Дальнейшая (уже немецкая) оккупация белорусских земель стала ситуацией перманентной угрозы человеку деревни. В отличие от периода репрессий, когда выполнение определенных правил (например, сотрудничество с большевиками) могло обезопасить колхозника, война ликвидировала правила как таковые: «Всех боялись: и тех боялись, и тех. Потому что партизаны придут, а потом немцы. Кому служить – холера его знает»³⁸. Для жителей западно-белорусской деревни она представлялась не конкретным, а обобщенным событием, которое вобрало в себя хаос смен власти, политических режимов: «Ну, эти войны, когда все были. Вот во время этих войн. Были ж то поляки, то немцы, немцев прогнали – снова пришли эти немцы»³⁹. Однако война длилась несколько лет, а поэтому часто выступала фоном, на котором разворачивались другие сюжеты.

³⁵ АрхЭ-Смоленчук. Интервью с женщиной 1914 г. рожд., д. Василевичы, Гродненская обл., 2002 г.

³⁶ Одной из стратегий выживания в повседневности войны был обыденный ритуал. Он предусматривал изготовление от начала до конца (т. е. от прядения нити до тканья на станке) обыденного полотенца – *абыдзённіка*, магические действия с ним (обход вокруг деревни, опоясывание храма, проход под ним людей, переход по нему скота, сжигание и др.), помещение его в сакральном локусе (в церкви, на специально поставленных обыденных крестах). Обязательное условие – все операции должны быть выполнены в течение ритуального времени – одного дня (от восхода до захода солнца) или одной ночи (от захода до восхода солнца) всеми жителями деревни (См.: *Лобачевская, О.* Ритуал в повседневности войны (об архаической ритуальной практике в годы Второй мировой войны в Беларуси // *Homo Historicus* 2009. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад. рэд. А.Ф. Смалянчука. Вільня, 2010. С. 42).

³⁷ Например, «обудзённікі» изготавливали в д. Оброво Брестской области в сентябре 1942 года. Этому предшествовали два события: 6 августа, в день Св. Бориса и Глеба немцы убили четырех евреев и двух местных жителей, а 15 сентября были сожжены близлежащие деревни. И когда над деревней нависла угроза полного уничтожения, ее жители выполнили обряд (См.: *Лобачевская, О.* Указ. соч. С. 45).

³⁸ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1931 г. рожд., д. Маслаки, Могилевская обл.; опрос проведен А. Смоленчуком 06.07.2004.

³⁹ *Лобачевская, О.* Указ. соч. С. 44.

Важным эффектом, оказанным событиями Второй мировой войны на белорусов, стало вынужденное осознание ими других в категориях «свои» – «чужие». В воспоминаниях западно-белорусских крестьян об осени 1939 г. категория «свои» появлялась при оценке всех «представителей власти». Эдвард Русин, ставший свидетелем ареста бригадного генерала Юзефа Ольшин-Вильчинского, рассказывал, что «с появлением русских “наши” [польские солдаты. – О. Ш.] начали убегать»; а Юзефа Салецкая вспоминала об отступлении польских войск: «Наши поляки не имели чем воевать <...>. Наши не стреляли, а только отступали». Иные в качестве «своих» говорили о русских: «В 1939-м тут немец забрал, а тут – наши, русские. Люди радовались, потому что пришли свои люди. Думаешь, при Польше хорошо было? Я уже в 14 коров пас. Не было во что обуться. У моего отца нас 5 было, а земли – 1 га. И живи!.. Поляки имели право голоса, а мы же голоса не имели. Никаких выборов. Только поляки ходили – ни у кого паспорта не было»⁴⁰. Второй группой, прошедшей категоризацию «свои» – «чужие», стали деревенские жители, с оружием сражавшиеся на стороне немцев / СССР полицейские, старосты, бургомистры / партизаны.

Первый период советско-германской войны (июль 1941 – начало 1942 г.) стал временем относительно бесконфликтного сосуществования крестьян и оккупационных властей. При этом низкие налоги немцев («Материально крестьяне лучше жили при немцах. Тяжело было найти хозяйственные товары, зато было больше еды. Немцы собирали меньше зерна, чем это делали Советы»); и высокий урожай («в 1942 году урожай был такой, какого Беларусь еще не имела») снимали возможные противоречия⁴¹. Это содействовало массовому вступлению белорусов в полицейские отряды, первоначально выполнявшие наблюдательно-регуляционные функции.

К полицейским относились как к власти: «Полицаи у нас не брали ничего, это же руководство было»⁴²; хотя считали, что основным мотивом вступления людей в полицию был материальный интерес: «И вы-

⁴⁰ АрхЭ-Смоленчук. Интервью с мужчиной 1924 г. рожд., д. Ахова, Брестская обл., 2003 г.

⁴¹ Hoover Institution Archives. Alexander Dallin Collection. Box 4-8. Subject file: Russia – Nazi Policy and Conduct in USSR. Agriculture. General Interviews – Russian Republic. Harvard University Refugee Interview Project. Interview B6: 542.

⁴² АрхЭ-Смоленчук. Интервью с женщиной 1925 г. рожд., д. Иказнь, Витебская обл., 2007 г.

пьют вкусно, и поедят вкусно. Вот потому и пошли»⁴³; либо желание подстраховаться на случай победы немцев в войне: «После войны осуждали тех, кто был полицаем. Люди не знали, кто победит. Если бы победили немцы, тогда была бы полиция»⁴⁴. Поэтому в каждом конкретном случае оценка полицейских зависела от их отношения к местному населению: «Как они относились к народу, так и народ относился к ним. – А больше каких было? – Больше справедливых – это ясно. Да. И были человечные в общем»⁴⁵. Однако после битвы под Сталинградом (в 1943 г.) произошли важные перемены в жизни деревни. Немцы, почувствовав опасность на фронте, стали насильно включать крестьян в состав полицейских отрядов, чтобы таким образом закрыть им дорогу в лес: «А кто шел в полицаи? – Они забирали молодых, специально, чтобы в лес не спрятались. Они их силой забрали»⁴⁶; «А почему шли в полицаи? – А черт их знает, заставляли. Иван же две недели побыл да и убежал»⁴⁷. Кроме того, оккупационные власти перешли к более радикальному «усмирению» деревни, вызвавшему негативную контрреакцию крестьян: «Почему немец не продержался? – Потому что не то делал, что нужно: детей убивал, людей. А если бы хорошо относился, так бы немцы и были»⁴⁸.

Старосты выбирались из местных, «своих» (иногда ими оказывались бывшие председатели колхозов (как, например, в д. Маслаки Могилевской области) либо мужчины, оставшиеся в деревне. Староста воспринимался как представитель власти, выбранный немецкой администрацией: «Староста немцам служил, он служил как председатель сельсовета <...>. Приказы исполнял, какие немцы давали»⁴⁹. Его оценка определялась из характера взаимодействия с деревней. Встречался как позитивный образ спасителя: «Только благодаря старосте мы и выжили»⁵⁰; так и негативный образ злодея:

⁴³ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1928 г. рожд., д. Машкова, Могилевская обл.; опрос проведен О. Гуцовой и К. Саморай 07.07.2004.

⁴⁴ Там же. Интервью с мужчиной 1929 г. рожд., д. Паташня, Могилевская обл.; опрос проведен Ю. Кориковым и П. Кошманом 05.2003.

⁴⁵ Там же. Интервью с мужчиной 1923 г. рожд., д. Грывец, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 06.07.2004.

⁴⁶ Там же. Интервью с женщиной 1915 г. рожд., д. Абраймаука, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 08.07.2004.

⁴⁷ Там же. Интервью с женщиной 1931 г. рожд., д. Ленино, Могилевская обл.; опрос проведен П. Кошманом и Н. Поляк 07.07.2004.

⁴⁸ АрхЭ-Смоленчук. Интервью с мужчиной, д. Булавишки, Витебская обл., 2003 г.

⁴⁹ Архив ОБТА. Интервью с мужчиной 1923 г. рожд., д. Ленино, Могилевская обл.; опрос проведен М. Луцевич и И. Олюниной 05.07.2004.

⁵⁰ Там же. Интервью с женщиной 1915 г. рожд., д. Ленино, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 06.07.2004.

«Боялись слово сказать, чтобы не убил»⁵¹. Старост, в отличие от полицейских, не всегда отождествляли с немцами: «Был под все бочки гвоздь: и партизанам, и полицаям»⁵².

Помимо того, деревня контактировала с так называемыми «своими» и «чужими» партизанами. Под «своими» чаще понимались местные мужчины, добровольно или принудительно пошедшие в лес. В деревне Машкова (Могилёвская область) рассказывали про 18 молодых людей, «забранных в партизаны» без их согласия: «18 человек наших “русские” забрали в партизаны. Один сбежал, а других расстреляли»⁵³. Обычно «своих» вспоминали достаточно критично, как «дураков, которые по лесу бегали»⁵⁴.

«Чужими» (синонимы «за власть», «справедливые», «настоящие») называли членов диверсионных отрядов и окруженцев, оставшихся в немецком тылу. Их узнаваемыми чертами назывались хорошее вооружение, военная форма и присущие им слова: «Мы за Родину»⁵⁵. В Западной Беларуси эта градация усложнялась наличием особых, национальных отрядов (например, польских бригад Армии Краёвой).

Параллельно с этим существовал образ партизана-«бандита», «хулигана». Основопологающим критерием отличий между двумя вышеперечисленными группами партизан служило их отношение к местным жителям: одни – «справедливые» – просили помочь продуктами, а другие – «бобики» – забирали все силой: «Партизаны, если справедливые, то тихо постучатся, хлеба, молока попросят, а хулиганы обманом живут, все забирают и застрелить могут»⁵⁶.

Чрезвычайно важным событием войны, ставшим «непреодоленной» коллективной травмой белорусов, стало увиденное ими массовое убийство еврейского населения: «Ляды большой деревней были? – Было около 300 домов только евреев <...>. – А к евреям хорошо относились? – Знаете что, у нас люди разные есть, и евреи всякие были. Мы работали, мы ходили к ним, делали участки, огурцы сеяли, мы полоть их

⁵¹ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1915 г. рожд., д. Абраймаука, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 08.07.2004.

⁵² Там же. Интервью с женщиной 1926 г. рожд., д. Машкова, Могилевская обл.; опрос проведен О. Лобочевской 07.2004.

⁵³ Там же. Интервью с женщиной 1926 г. рожд., д. Машкова, Могилевская обл.; опрос проведен О. Лобочевской 07.2004.

⁵⁴ Там же. Интервью с женщиной 1924 г. рожд., д. Машкова, Могилевская обл.; опрос проведен К. Саморай и О. Гуцовой 06.07.2004.

⁵⁵ Там же. Интервью с женщиной 1915 г. рожд., д. Абраймаука, Могилевская обл.; опрос проведен Н. Сычуговой и О. Шаталовой 06.07.2004.

⁵⁶ Там же. Интервью с женщиной 1926 г. рожд., д. Машкова, Могилевская обл.; опрос проведен О. Лобочевской 07.2004.

ходили, работали. Ну, и хорошо относились. И пойдешь, и в долг возьмешь, и они одолжат. И очень хорошо относились, хорошие, добрые евреи были <...>. Жалко было, когда их постреляли, я плакала»⁵⁷. «Непреодоленным» полученный опыт стал потому, что тема Холокоста табуировалась в публичном дискурсе СССР, поскольку основным врагом эпохи Сталина был нацизм (т. е. высшая стадия капитализма). Это игнорирование приравнивало два явления, а нацизм лишился основной характерной черты – радикального расизма, кульминацией которой стал Холокост, уничтожение европейских евреев⁵⁸.

Помимо того, война стала синонимом страдания, перенесенного человеком и не проработанного до сих пор: «Мне дали книгу “Память” <...>. – Про Дубровенский район? – Да. Они приписали, но это не правильно. Нашу фотографию поместили и написали: “Пережили войну”, а если бы они написали там в той книжке – книжка толстая – как мы пережили, и что мы видели в войну. Этого нет, а только написали, что они пережили войну»⁵⁹.

Следующим событием, значительно повлиявшим на жизнь белорусской деревни, стал взрыв на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года. С него началось новое деление белорусов на «своих» (местных, тех, кто родился и жил в своей деревне) и «чужих» (так называемых «навалокаў», т. е. тех, кто был переселен в деревню из зон выселения): «Когда Чернобыль случился, все люди разъехались и все забрали»⁶⁰. При этом осознание произошедшего отождествлялось исключительно с экономическими выгодами либо потерями: «Мой муж ликвидатор <...>. Когда Чернобыль взорвался, ездил, возил председателя. Ездили, скот забирали там, угоняли оттуда <...>. Так тем, кто был ликвидатором, были льготы. А теперь ничего нет, все сняли <...>. – А почему сняли? – Бог его знает. Уже нет тут радиации, и Чернобыль запустят. По телевизору передавали, что двадцать выбросов уже было, а мы сидим и сидим, а ликвидаторам никаких льгот!»⁶¹. И крайне редко (поскольку эта тема не озвучивалась в средствах массовой информа-

⁵⁷ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1928 г. рожд., д. Ляды, Витебская обл.; опрос проведен А. Смоленчуком и О. Шаталовой 03.07.2004.

⁵⁸ *Ферретти, М.* Непримиримая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Неприкасаемый запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: magazines.russ.ru/nz/2005/2/ferre8.html (дата обращения: 10.06.2010).

⁵⁹ Архив ОБТА. Интервью с женщиной 1928 г. рожд., д. Ляды, Витебская обл.; опрос проведен А. Смоленчуком и О. Шаталовой 03.07.2004.

⁶⁰ Там же. Интервью с женщиной, д. Глинищи, Гомельская обл.; опрос проведен Ю. Кориковым и П. Кошманом 06.07.2004.

⁶¹ Там же. Интервью с женщиной, д. Алексичи, Гомельская обл.; опрос проведен А. Энгелькинг и Р. Кобачим 24.05.2003.

ции) трагедия на реакторе ассоциировалась с угрозой здоровью: «А сейчас у вас тут большая радиация? – Я не знаю, какая теперь. Раньше все мерили, мерили. А теперь никто ничего не меряет, никто ничего не смотрит. Лукашенко тут прилетел или приехал, сказал, что уже чистая зона, признал уже тут. А что дальше будет – кто его знает. А я так думаю примерно, не скоро оно улетучится, она дает, вот я и сам от этой радиации болею»⁶².

Последним этапом, начавшимся с распада СССР и продолжающимся до сих пор, стал период так называемой «демократии». Его характерной чертой стал регресс экономической и социальной жизни колхозов: «Была ферма, было хорошо, много было людей, коней было много. Всего хватало, хорошо было жить. Ну, тогда все, ферма разошлась <...>. Люди умерли»⁶³. Основная причина происходящего объясняется Божьим наказанием: «Теперь дни меньше, чем раньше. Бог сократил нам дни, потому что люди согрешили. Теперь друг друга не любят»⁶⁴; и изменением временного ритма: «Люди меняются, история меняется, история быстро убегает. Как у нас говорят: время плачет, время скачет, время песенки поет»⁶⁵.

В XIX в. Адам Богданович посчитал белорусов людьми без истории. Однако белорусское крестьянство имеет память о минувшем. В отличие от соседних народов (например, от русских и украинцев, имеющих многочисленные былины, рассказывающие о народных героях) оно описывает прошлое как череду пережитых трагедий (Первая мировая война, распад империи, Вторая мировая война, взрыв на АЭС в 1986 г. и распад СССР), вынуждавших его менять адаптационные практики и жизненный ритм. Использование войн и катастроф как «мест памяти» позволяет крестьянству объяснять накапливающиеся проблемы соответствующим развитием исторических событий, а также подсознательно готовиться к возможно худшим жизненным перспективам.

⁶² Архив ОБГА. Интервью с женщиной 1927 г. рожд., д. Вить, Гомельская обл.; опрос проведен А. Энгелькинг и М. Гаврылюком 25.05.2003.

⁶³ Там же. Интервью с женщиной 1934 г. рожд., д. Несцерава, Могилевская обл.; опрос проведен А. Энгелькинг и О. Коноваловой 06.07.2004.

⁶⁴ Там же. Интервью с женщиной 1942 г. рожд., д. Нетупы, Воевуд. Подляске; опрос проведен А. Смоленчуком, Н. Сычуговой и О. Шаталовой 30.06.2005.

⁶⁵ Там же. Интервью с мужчиной, д. Мастауляны, Воевуд. Подляске; опрос проведен С. Чувак 29.06.2005.

ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ: ИЗМЕНЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ «СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО» В БЛИЖАЙШЕМ ПОКОЛЕНИИ

А.С. Майорова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: Majorova-as@mail.ru

В статье рассматриваются причины проявления механизмов запоминания и забвения в коллективной памяти на уровне индивидуального человеческого восприятия. Описания выдающихся личностей, сделанные современниками, отличаются большей яркостью, чем образы, созданные мемуаристами «третьего поколения». Тенденция к идеализации не является общим правилом. Проявляется социальная обусловленность памяти, которая фиксирует и удерживает образы личностей, обладавших возможностями влиять на судьбы людей.

Ключевые слова: Память, забвение, Куракин, Панчулидзе, Вигель, Саратов, общественное сознание.

THE MEMORY AND THE OBLIVION: CHANGING THE PERCEPTION OF THE «POWERS» IN THE MEMORY OF THE NEXT GENERATION

A.S. Maiorova

The study of the causes of memory and oblivion mechanism manifestation in the collective memory on the level of individual human perception. The description of outstanding personalities made by their contemporaries differ greater brightness, than images created by the memoirists of the 'third generation'. The tendency to idealization is not a common rule. This is the manifestation of social conditionality of memory that fixes and retains the images of the personalities that used to influence peoples' fortunes.

Key words: Memory, oblivion, Kurakin, Panchulidzev, Vigel, Saratov, social consciousness.

В дихотомии «память – забвение» историков обычно интересует память. Если же она рассматривается в рамках философских подходов, то возникает интерес и ко второй ее стороне. Г.В. Пушкарева

называет забвение в качестве одного из механизмов функционирования памяти, выделяя «утверждение, забвение, забывание, переакцентирование, контаминацию, вытеснение»¹. Саратовский философ Д.А. Попов не соглашается с тем, что забвение и вытеснение могут быть признаны вполне правомерными механизмами исторической памяти. Он пытается решить проблему – возможна ли исследовательская программа для историописания, основанная на неких «вечных ценностях»². Рассматривая коллективную память (которую он отождествляет с историей), Д.А. Попов исходит из того, что и в индивидуальной, и в коллективной памяти действуют одни и те же механизмы. Его вывод имеет, так сказать, рекомендательный характер – поскольку «индивидуальная психология не рекомендует забывать и вытеснять», а «требуется помнить и осмысливать с точки зрения некоего непреходящего каркаса личностных установок, ориентированных на благо и внутреннюю гармонию», то на этот идеал «должна ориентироваться и историческая память как социальный феномен»³.

Данный вывод представляется далеко не бесспорным. Во-первых, индивидуальная человеческая память действует избирательно, о чем неоднократно говорит сам Д.А. Попов. Во-вторых, механизмы, действующие в индивидуальной и в коллективной памяти нельзя признать тождественными. В настоящее время, как утверждает П.Х. Хаттон, большинство историков признают в качестве основополагающего принципа положение М. Хальбвакса о социальном контексте коллективной памяти⁴. Названный французский социолог подчеркивал различие двух сторон сознательной жизни человека: «Одна из них обращена к органическим условиям, другая – к социальным. Сторона, отражающая органическую жизнь, зависит от психологии индивида <...> Что касается другой стороны ментальной жизни, которая зависит от общества, его институтов и обычаев, то она может быть только коллективной»⁵. Признавая различия, существующие между индивидуальной и коллективной

¹ Цит. по: Гуткина, И.М. Память в культурном пространстве // Социальная память российской цивилизации. Саратов, 2001. С. 61.

² Попов, Д.А. Историописание как механизм «забвения» и «воспоминания» // Историческая память, власть и дисциплинарная история: материалы междунар. науч. конф. Пятигорск, 23–25 апреля 2010 г. Пятигорск; Ставрополь; М., 2010. С. 19–25.

³ Там же. С. 25.

⁴ Хаттон, П.Х. История как искусство памяти [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/04.php.

⁵ Хальбвакс, М. Индивидуальное сознание и коллективный разум // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.; СПб., 2000. С. 168.

памятью, вопрос о причинах проявления механизмов запоминания и забвения следует решать отдельно для каждой из этих областей человеческой памяти. Но поиск причин, почему одни события запоминаются на века, а другие исчезают из памяти, возможен именно на уровне индивидуального человеческого восприятия. Ведь фиксация событий осуществляется в памяти индивидуумов, а также в письменных (и в других типах) источниках, которые создаются отдельными людьми. На уровне индивидуального сознания проявляются и особенности общественного сознания, исторической памяти и – шире – социальной памяти.

Выяснение причин действия механизмов запоминания и забвения целесообразно начинать с изучения источников, в которых встречаются характеристики отдельных личностей. Личность как объект внимания со стороны современников и потомков позволяет предельно конкретизировать процесс рассмотрения причин запоминания и вытеснения из памяти того или иного явления. Люди всегда испытывают интерес к другим людям, к их облику, характеру, образу жизни и т. д. Особенно это относится к выдающимся личностям – главам государств, политикам, деятелям науки и культуры. Интерес к ним находит отражение в письменных памятниках, прежде всего – эпистолярных и мемуарных. В том случае, когда имеются источники для изучения изменения отношения к личности на протяжении длительного срока, мы можем сделать некоторые выводы о причинах утверждения памяти или забвения. С другой стороны, изучение подобных процессов на более коротком отрезке времени, например, на протяжении полувека, позволяет увидеть истоки формирования образа данного деятеля и определить обстоятельства, которые либо способствовали удержанию его в памяти следующих поколений, либо препятствовали этому.

В истории Саратовской губернии можно назвать значительное количество выдающихся личностей, которые прославились на всю Россию, и их известность была велика не только при жизни, но и после смерти. Пожалуй, еще большее число местных знаменитостей не смогли претендовать на посмертную славу. Что касается саратовцев, чьи имена остались в истории России, то деятельность большинства из них относится ко времени начиная с середины XIX века. Тем интереснее обратиться к личностям, которые были в центре внимания саратовского общества в более раннее время. Таких деятелей можно найти не слишком много. Наиболее известными среди них являются саратовский губернатор А.Д. Панчулидзе (занимал этот пост в 1808–1826 гг.) и знаменитый вельможа князь А.Б. Куракин, проживавший в своем имении в Сердобском уезде в

последние два десятилетия XVIII в. (с перерывами). О каждом из них встречаются высказывания, порой весьма пространные, у нескольких мемуаристов.

Панчулидзе, в отличие от Куракина, не принадлежал к высшим слоям аристократии, и по лестнице чинов он поднялся только до действительного статского советника, в то время как Куракин имел чин действительного тайного советника 1-го класса. Для Панчулидзева должность губернатора была венцом карьеры, а князь Куракин занимал правительственные должности, был членом Государственного Совета. Но для саратовского дворянского общества, пожалуй, Панчулидзе в период его губернаторства был более влиятельной фигурой – ведь он обладал властью в масштабах губернии. А.Б. Куракин проживал в своем саратовском имении в те периоды своей жизни, когда оказывался удаленным от императорского двора – сначала при Екатерине II (в 1782–1796 гг.), а потом – при Павле I (в 1798–1801 годах).

Несмотря на отмеченные различия, оба они были выдающимися фигурами в местном дворянском обществе. Панчулидзе был на виду как энергичный и небескорыстный администратор, а Куракин – как богатый и чрезвычайно тщеславный землевладелец. Образ жизни каждого из них, поведение, вкусы и пристрастия были объектами обсуждения. Оба деятеля не были обойдены вниманием при жизни и не были забыты после смерти. Интересно то, как «преобразовалось» мнение о них вскоре после того времени, как они сошли с исторической сцены. Поэтому следует различать суждения современников, знавших Панчулидзева и Куракина лично или понаслышке, с одной стороны, и высказывания людей следующего поколения, которые не являлись их современниками, – с другой. Сначала мы ознакомимся с тем, как изменился образ А.Д. Панчулидзева в течение примерно полувека, а затем рассмотрим суждения мемуаристов о А.Б. Куракине.

Протоиерей Н.Г. Скопин (1767–1836), автор «Записок дневных о делах и вещах достопамятных», был современником обоих названных лиц. Будучи уроженцем Саратова, он служил в городе с 1806 г.⁶ и был хорошо знаком со многими представителями различных слоев местного общества. Саратовцы высоко ценили его не только как церковного деятеля, но и как человека, обладавшего обширными познаниями. Саратовский историк В.П. Соколов, который составил его биографию, писал о Н.Г. Скопине, что он был «положительно

⁶ Соколов, В.П. Протоиерей Николай Герасимович Скопин // Саратов. ист. сборник. Саратов, б. г. С. X–XI.

головой выше не только городского духовенства, но и всей жившей тогда в Саратове интеллигенции». Биограф отмечал особо его наблюдательность и проницательность⁷. Н.Г. Скопин вел ежедневные записки – дневник, в котором отмечал события местного и общероссийского масштаба (о последних он обычно узнавал из газет). Протоиерей не только излагал факты, но обычно высказывал свое мнение о них и об участниках событий. Будучи церковным проповедником, Н.Г. Скопин и в своих записках не упускал случая сделать выводы о моральной стороне поступков известных людей.

Он лично знал А.Д. Панчулидзева, поскольку был не только протоиереем, но также и ректором саратовских духовных училищ и директором местного отделения Библейского общества⁸. Имя саратовского губернатора несколько раз встречается в его записках. Излагая события 1808 г., Скопин описывает факты, которые касались приезда в Саратов сенатора О.П. Козодавлева. По официальной версии, тот прибыл в город для борьбы с распространением чумы⁹. Приезд сенатора, видимо, был инспирирован А.Д. Панчулидзевым, который после успешного завершения «борьбы с чумой» получил повышение по службе – был назначен губернатором Саратовской губернии (до этого он занимал пост вице-губернатора). Н.Г. Скопин, как и многие саратовцы, знал подоплеку приезда сенатора в город. Он не высказывает свое мнение по данному поводу, но излагает факты таким образом, что его ироническое отношение к мнимой эпидемии и мерам по ее «прекращению» совершенно очевидно: «Сенатор содействовал весьма много к прекращению чумы... Сенатор жил, да пировал»¹⁰.

Пребывание Козодавлева в Саратове продолжалось с конца февраля до конца мая 1808 года. Благодаря запискам Скопина нам известно о том, что в городе ходил по рукам какой-то «пасквиль, который сочинен на чуму, сенатора Козодавлева и губернатора Панчулидзева». Вероятно, это было сатирическое изложение истории с чумой. После отъезда сенатора, в июле, пишет Скопин, в Саратове «пасквиль» был сожжен – Панчулидзев расправился таким образом с документом, который в какой-то степени отражал общественное мнение и в то же время мог его скомпрометировать. Скопин сообщает, что не видел «пасквиля» – в то время он уезжал из города по

⁷ Соколов, В.П. Указ. соч. С. XXI.

⁸ Там же. С. XIX.

⁹ [Скопин, Н.Г.] Записки дневные о делах и вещах достопамятных // Саратов. ист. сборник. С. 376–382.

¹⁰ Там же. С. 377–378.

своим пастырским делам. Комментарий по поводу этого события отсутствует, но после сообщения о нем следует красноречивое дополнение, в котором сквозит осуждение действий высокопоставленных лиц. Автор записок отмечает, что в Саратове, Царицыне и Камышине чиновники, «человек до сорока», получили «ордена, чины, земли и подарки»¹¹.

Можно думать, что у Н.Г. Скопина были и другие поводы, чтобы усомниться в справедливости и добросовестности губернатора. Однако в записках нет откровенных высказываний на этот счет. Только один раз протоиерей не выдержал и прибег к открытому осуждению поступков Панчулидзева. В записи от 25 декабря 1816 г. он горестно констатирует: «Время очень невесело по причине разномыслицы в гражданах. Особливо г[осподин] губернатор очень худо поступает, заведши любовные связи с одною казачьею женою, которая, бросив своего мужа, с ним таскается». И далее автор рассуждает о дурных последствиях прелюбодеяния¹². Н.Г. Скопин, будучи духовным пастырем и проповедником, не мог пройти мимо фактов, которые противоречили моральным нормам. Для исследователя данный фрагмент его записок интересен тем, что другие мемуаристы – современники не отмечали склонности Панчулидзева к отступлению от христианской морали.

Знаменитый мемуарист Ф.Ф. Вигель тоже оставил свои заметки о двух выдающихся личностях Саратовской губернии, которые и для него были современниками. Вопрос о том, был ли он лично знаком с А.Д. Панчулидзевым, остается открытым. С одной стороны, он указывает, что никогда не был в Саратове¹³. Но во второй части его воспоминаний встречается описание внешности знаменитого саратовского губернатора. Одно другому не противоречит – мемуарист мог его видеть где-то в другом месте. Например, в одной из столиц. Особенность фрагмента воспоминаний Вигеля, в котором дана характеристика Панчулидзева, состоит в том, что автор не называет имени героя этого повествования и не уточняет, какую губернию он возглавлял. Причина, по которой он проявил такую скромность, одновременно указывает и на обстоятельства, позволяющие идентифицировать описанную личность. События, происходившие в Саратовской губернии в 1808 г., о которых речь шла выше, затронули и губернатора Пензенской губернии, а им был тогда отец Ф.Ф. Вигеля Ф.Л. Вигель. Сенатору Козодавлеву, команди-

¹¹ Скопин, Н.Г. Указ. соч. С. 383–384.

¹² Там же. С. 526.

¹³ [Вигель, Ф.Ф.] Воспоминания Ф.Ф. Вигеля: в 7 ч. М., 1864. Ч. 1. С. 24.

рованному в Саратов по поводу «открывшейся чумы», было дано поручение на обратном пути «обозреть» Пензенскую губернию¹⁴. Это поручение было следствием интриг, направленных против ее губернатора, как поясняет мемуарист. Поэтому Ф.Ф. Вигель не называет ни фамилию сенатора (он обозначает его по первой букве фамилии), ни Саратовскую губернию, ни имя ее губернатора. Но для современников мемуариста, вероятно, сделанные им прозрачные намеки служили четким указанием на то, о ком идет речь.

Портрет Панчулидзева, представленный в воспоминаниях Вигеля, несомненно, заслуживает внимания: «Он сам своею особой был вовсе не любезен; мал ростом, бледен, долгонос, угрюм и молчалив...»¹⁵. (Выражение «не любезен» употреблено автором в том смысле, что человек был внешне непривлекателен). Личные качества саратовского губернатора Вигель характеризует двумя выразительными чертами, и на первом месте ставит тщеславие: «Единственной, или, по крайней мере, главною его страстию было расчетливое тщеславие»¹⁶. И далее, без всякого перехода следует еще одно существенное наблюдение: «Никогда, ничего и никого не позволял он себе осуждать; <...> ко всем порокам он был более чем снисходителен, смотрел на них одобрительно, всех запятнанных людей утешал своим участием...»¹⁷. Мало того, по мнению ироничного мемуариста, Панчулидзев «не восставал даже против честности, никогда не преследовал ее, почитая ее весьма извинительным заблуждением ума...»¹⁸. Вероятно, Вигель довольно удачно охарактеризовал жизненную философию этого саратовского губернатора. Во всяком случае, стиль общения Панчулидзева с окружавшими его людьми, который вытекал из этой философии, отмечен и другими мемуаристами. (В частности, сходные замечания встречаются в записках саратовского чиновника К.И. Попова, о которых будет сказано ниже).

Особое внимание Вигель обращает на то, каким образом Панчулидзев умел снискать благожелательное отношение к себе со стороны высокопоставленных чиновников, приезжавших в губернию. В его обширном загородном доме всегда находилось место «для всех приезжих из обеих столиц и других провинций». Мемуарист называет дом губернатора «очарованным замком», который «служил гостиницей и ловушкой» для них: «...Во время пребывания их в го-

¹⁴ Вигель, Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 3. С. 32–33.

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

роде каждый из них пользовался помещением, освещением, столом и прислугой» в доме Панчулидзева. К услугам гостей были и развлечения – библиотека, оркестр, конюшня и «псовая охота»¹⁹. Перечисляя все удобства и услуги, которыми пользовались гости, Вигель задает риторический вопрос: «Возможно ли было устоять против обольщений столь милого хозяина?..»²⁰. И далее мемуарист обнаруживает осведомленность в довольно деликатной сфере – во взаимоотношениях Панчулидзева с нижестоящими чиновниками. Для них он был «еще более дорог и полезен», чем для приезжих, поскольку через его карман, как образно поясняет Вигель, деньги растекались по «тощим нивам» его подчиненных²¹.

Вполне естественно, что мемуарист не преминул указать и на источники, из которых Панчулидзев черпал «средства к сотворению таких чудес», «между коими откупная часть, продажа горячего вина может почитаться не последним», и, наконец – «соляное озеро», т. е. присвоение средств от добычи соли, которые должны были идти в казну²². Нет ничего удивительного в том, что Вигель мог знать очень многие подробности о деятельности саратовского губернатора и об источниках его благополучия. Ведь он принадлежал фактически к тому кругу чиновничества, в котором вращался Панчулидзев. Способ обогащения, которым пользовался саратовский губернатор, тоже не вызывает удивления. В довольно обширном фрагменте воспоминаний Вигеля, который посвящен его особе, наибольший интерес вызывают живые черты личности Панчулидзева. Следует отметить, что некоторые из них отмечены и в описании, составленном младшим современником губернатора – чиновником К.И. Поповым.

К.И. Попов (род. в 1810 г.) начал свою службу уже после отставки Панчулидзева с поста губернатора²³. Но весьма возможно, что он видел его издали неоднократно. В своих мемуарах он воспроизводит рассказы о Панчулидзеве, которые слышал от своих коллег – чиновников, служивших в канцелярии губернатора. Попов ничего не пишет о его наружности, зато довольно подробно повествует о его отношении к подчиненным и к представителям различных слоев саратовского общества. При этом мемуарист старается подчеркнуть, что губернатор пользовался всеобщей любовью: «Все саратовцы уважали и любили до высшей степени Алексея Давыдовича

¹⁹ Вигель, Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 3. С. 31.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 32.

²³ [Попов, К.И.] Записки о Саратове К.И. Попова // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1983. Вып. 1. С. 154.

Панчулидзева и его супругу Екатерину Петровну. Он имел характер тихий, кроткий, всех принимал благосклонно, от поселянина до приказного; высших лиц с деликатностью и утонченностью; выслушивал просьбы кротко, с каким-то особенным радушием без всякого строгого и презрительного взгляда. На него каждый смотрел с любовью, как на отца»²⁴.

Подробности о том, в чем выражалась деликатность и утонченность общения губернатора с высшими лицами, можно встретить у Ф.Ф. Вигеля. Отношение Панчулидзева к просителям – очень интересная деталь, которая характеризует стиль поведения чиновников. Если губернатор выслушивал просьбы без «строгого и презрительного взгляда», то это воспринималось как проявление радушия и кротости. По характеристике Панчулидзева, которую ему дает Попов, сразу видно, в какой социальной среде сложилось это представление о губернаторе. «Родным отцом» он был для чиновников своей канцелярии. По словам Попова, Панчулидзев внимательно разбирал всевозможные жалобы и стремился к тому, чтобы уладить конфликты миром. В заслугу губернатору следовало поставить и то, что он «жил с большим комфортом», в его доме была сотня крепостных слуг, в том числе, и музыканты, – ведь так и следовало жить чиновнику такого ранга²⁵.

В его доме был открытый стол – ежедневно у него обедали 15–20 «посторонних лиц». Это были уездные чиновники, приезжие помещики, купцы, а, кроме того, чиновники губернаторской канцелярии. Причем некоторые из чиновников канцелярии имели право всегда обедать у Панчулидзева – те, «кто пользовался хорошим общественным мнением, были прилично образованы и по-тогдашнему щеголевато одевались»²⁶. Благодеяния губернатора распространялись и на менее удачливых чиновников его канцелярии. Оказывается, даже те из них, кто не имели приличного образования, не могли позволить себе хорошо одеваться, поддерживать беседу в обществе, не имели семей – такие одинокие и застенчивые чиновники просто жили в доме губернатора и получали бесплатное питание²⁷. Всех служивших у него в канцелярии Панчулидзев приглашал на балы, которые «очень часто» бывали в его доме. Те из них, кто был хорошо одет и умел танцевать, принимали участие в

²⁴ Попов, К.И. Указ. соч. С. 165.

²⁵ Там же. С. 166.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

общем веселье, остальные сидели на хорах среди музыкантов, чтобы видеть это зрелище.

Однако благоволение Панчулидзева имело пределы. Проштрафившихся чиновников губернатор изгонял из своей канцелярии в канцелярию губернского правления, где жалованье было намного ниже, а сами условия службы гораздо хуже – начальники обращались с подчиненными, «как помещики со своими крепостными»²⁸. Попов писал это со слов чиновников, которые либо сами служили при Панчулидзеве, либо знали некоторые подробности от старших сослуживцев. По прошествии более полутора десятилетий после отставки Панчулидзева (он был уволен со своего поста в 1826 г., а Попов писал свои мемуары в 50-е гг.) в памяти чиновников его канцелярии в образе бывшего губернатора преобладающими стали черты отца-благодетеля. Весьма возможно, что в период его службы многие чиновники обсуждали и другие стороны характера и деятельности своего начальника.

В записках Попова встречается также интересное предание о Панчулидзеве, которое он слышал от «саратовских старожилов», которые были «близки с домом А[лексея] Д[авыдовича] ». В данном случае мы имеем дело уже не с изложением реальных фактов – пусть даже опосредованным, – а со сказочным сюжетом. «Старожилы» рассказывали, что Панчулидзев «из бедного состояния достиг степени губернатора за добрые свои дела и душу. Мать у него была простая женщина. Когда он был еще вице-губернатором, то выписал ее к себе, и по приезде ее, сделал бал, пригласил все почетное дворянство, купечество и чиновничество с семействами и представил ее посетителям». Такая глубокая сыновняя преданность, как пишет Попов, произвела глубокое впечатление на всех саратовцев, которые получили «высокое понятие о доброте души» Панчулидзева и прониклись к нему «беспредельным уважением»²⁹.

Этот рассказ не имеет реальной основы, поскольку современники (Н.Г. Скопин и Ф.Ф. Вигель) нигде даже не намекают на какие-либо «изъяны» в родословной саратовского губернатора, который был потомком имеретинских дворян³⁰. Близость этого сюжета к произведениям фольклора указывает на то, как преобразуются устные рассказы о деятелях, популярных в определенной общественной среде. Панчулидзев был популярен в среде чиновников. Они и

²⁸ Попов, К.И. Указ. соч. С. 167.

²⁹ Там же. С. 178.

³⁰ Гусакова, З.Е. Саратовские губернаторы // ЭСК. Саратов, 2002. С. 352.

создали образ губернатора-благодетеля, который в ближайшем поколении приобрел черты сказочного персонажа.

Другой вариант трансформации образа губернатора – в среде саратовцев, которые лично не были с ним знакомы и знали о нем только по рассказам старших. Его мы встречаем в автобиографических заметках Н.Г. Чернышевского. Знаменитый уроженец Саратова писал их, находясь в заключении в Петропавловской крепости в 1863 году³¹. Если сравнивать по времени составления эти заметки с записками К.И. Попова, то они составлены более, чем на десятилетие позже. Н.Г. Чернышевский был намного моложе Попова – он родился в 1828 г., следовательно, если ему и приходилось видеть А.Д. Панчулидзева, то только в раннем детстве – бывший губернатор умер в 1834 году³². Тем не менее, для этой знаменитой личности нашлось место в заметках Чернышевского. При рассмотрении сюжета, посвященного Панчулидзеву, необходимо иметь в виду высокий интеллектуальный и образовательный уровень автора повествования. Можно сказать наверняка, что характеристика Панчулидзева, данная Чернышевским, отличается от образа губернатора, который оставался в памяти того поколения саратовцев, к которому принадлежал знаменитый публицист. И все же, некоторые черты его должны быть общими – и в рассказе Чернышевского, и в восприятии «среднего» саратовца.

Автобиографические отрывки знаменитого уроженца Саратова посвящены в основном различным эпизодам из жизни семьи автора и их родственников, причем все они тесно связаны с повседневной жизнью города. В этом повествовании виден талант и опыт искусственного в тонкостях своей профессии журналиста. Заметки остались незавершенными и необработанными, потому принцип их композиции не выявлен. В середине текста неожиданно выясняется, что автор создает историю Саратова. И здесь возникает форма пародии, в которую она облекается. Чернышевский использует существовавший тогда подход к изложению всемирной истории и ее периодизацию: «После времен доисторических всякая история должна начинать говорить о временах исторических, – за мифами следуют факты народной жизни. Стало быть, так должно быть и в моей истории. Всякая история, обещаясь рассказывать жизнь наро-

³¹ Чернышевский, Н.Г. Из автобиографии // Чернышевский, Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 566–713.

³² Гусакова, З.Е. Указ. соч. С. 352.

да, вместо того рассказывает жизнь правителей, чего обещается не делать. Стало быть, и моя история поступит так же»³³.

Далее следует переход к личностям «правителей», т. е. саратовских губернаторов. Первым в их ряду оказывается А.Д. Панчулидзе, поскольку все то, что было до него в Саратовской губернии, автору, иронизирующему по поводу собственного незнания, представляется «седой древностью». Для усиления эффекта несоизмеримости героев своего повествования с историческими личностями мирового масштаба Чернышевский обращается здесь к метафоре Н.М. Карамзина: «За временами и элементами мифическими во всякой истории следуют времена эпические, в которые действуют и восхищают сердца своим величием “герои сумрака”, по счастливому выражению <...> Н.М. Карамзина»³⁴. Но «седая древность» Саратова и ее «эпические времена», замечает автор, «выходят не далее неизвестных мне с точностью годов первой четверти XIX столетия». Затем следует насмешливое и – надо признать – довольно точное определение роли Панчулидзева в местной истории: «Мой “герой сумрака” – один из пряников, отпечатанных по образу и подобию Людовика XIV»³⁵.

И тут Чернышевский прямо указывает, из каких источников он почерпнул сведения о «великолепии и благодати Алексея Давыдовича» (т. е. Панчулидзева) – это были рассказы бабушки автора и «бабушкиной компании»³⁶. Таким образом, автор является представителем третьего поколения, идущего вслед за «героем сумрака». Образ Панчулидзева в изложении Н.Г. Чернышевского, можно сказать, складывается из двух различных и даже противостоящих друг другу образов. При этом, если сравнивать их с воспоминаниями о губернаторе, написанными К.И. Поповым и Ф.Ф. Вигелем, то становится ясно, что в основе «двуликого» портрета Панчулидзева – вполне реальные сведения о нем, запечатленные названными современниками. А Н.Г. Чернышевский интерпретировал услышанные в детстве рассказы о губернаторе в соответствии с присущим ему обостренным восприятием социальной несправедливости и талантом публициста.

Облик Панчулидзева в его заметках возникает не сразу, вначале следует описание пышности и великолепия, которое окружало губернатора. Автор обращается к воспоминаниям «саратовок и саратовцев» о балах и банкетах в доме Панчулидзева, который находил-

³³ Чернышевский, Н.Г. Указ. соч. С. 648.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

ся за пределами города. По словам рассказчика, губернатор, подобно своему прототипу, не мог обитать в городе, он жил, «как и следует Людовику XIV <...> тоже по соседству, вроде Версаля, на даче»³⁷. Воображение саратовцев рисовало «эпоху Алексея Давыдовича» как «один непрерывный праздник, двадцатилетнее всенародное ликование без одного не то что хоть месяца, а хоть дня для передышки»³⁸. Образ самого губернатора, возникший на основе этих рассказов, поражает своими достоинствами: «Алексей Давыдович был и великодушен, благодетелен и благотворителен, как Людовик XIV <...> помогал бедным, хотя бедных не могло существовать в правление Алексея Давыдовича, но все-таки он помогал им щедро; отирал слезы страдающих, защищал угнетенную невинность – хотя, конечно, в его правление не могло быть страдающих, и не могла угнетаться невинность. Но все-таки он защищал и утешал их»³⁹.

Этот образ, созданный на основании «рассказов бабушки», автор заметок называет «дифирамбично-эпическим»⁴⁰, хотя в изложении Чернышевского он имеет, пожалуй, сказочные черты. Но тут же автор переходит к изложению сведений о материальной основе «великолепия» Панчулидзева, почерпнутым им из других источников. Один из этих источников назван неопределенно – «молва». Из этого можно сделать вывод, что среди саратовцев, помимо «дифирамбических» рассказов о Панчулидзеве, циркулировали и другие воспоминания: «Елтонская соляная операция была в его руках очень фамильярным образом, дававшим, по молве, чуть ли не сотни тысяч». Кроме того, он брал займы большие суммы денег у жителей Саратова и в окрестностях города, и находилось немало «простяков», которые соглашались на это. «Про обыкновенные источники дохода нечего говорить», – добавляет Чернышевский⁴¹. Под этими «обыкновенными источниками», вероятно, подразумевались взятки.

В повествовании мемуариста приведен яркий пример того, как Панчулидзев умел использовать чужие деньги. Он рассказывает о судьбе «доброй знакомой» своей матери, которую он видел в детстве, и которая по вине губернатора лишилась всех средств, завещанных ей родителями⁴². Как видим, Чернышевский, обладавший еще в детстве стремлением к формированию собственного мнения о людях и событиях окружающей жизни, сумел сопоставить извест-

³⁷ Чернышевский, Н.Г. Указ. соч. С. 648–649.

³⁸ Там же. С. 649.

³⁹ Там же. С. 650.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 650–651.

ные ему сведения о бывшем губернаторе, которые привели к «корректировке» образа, преподнесенного бабушкой. Из его повествования мы узнаем также о том, что не все саратовцы рассказывали только о «великолепии и благодати Алексея Давыдовича». Можно сделать вывод – в памяти горожан существовало два образа бывшего губернатора – «положительный» и «отрицательный».

Об А.Б. Куракине в период пребывания его в своем имении в Саратовской губернии писали не только саратовцы (это же касается и Панчулидзева – о нем вспоминал Ф.Ф. Вигель). Обращает на себя внимание тот факт, что после отъезда князя из Надеждина местные мемуаристы практически не вспоминали его имени. И только сердобский житель Д. Карташев (судя по всему, он принадлежал к местному дворянству), побывавший в этом имении в 1848 г., написал о нем интересную статью⁴³. Однако пока Куракин обитал в Сердобском уезде, он был объектом всеобщего внимания. Даже на основании сведений из статьи Д. Карташева можно сделать вывод, что гостеприимством князя широко пользовались местные помещики. Именно в их среде, прежде всего, распространялись рассказы о характере и привычках этого вельможи, которые становились предметом обсуждения и в других слоях общества. Этим можно объяснить появление имени князя и описания его особы в записках Н.Г. Скопина.

О Куракине он знал понаслышке, но писал о нем более откровенно, чем о саратовском губернаторе. Он рассказывает о князе в своих «Записках дневных» в связи с тем, что в Саратов в 1809 г. приезжал сына министра внутренних дел Алексея Борисовича Куракина, родного брата владельца Надеждино. Н.Г. Скопин высказался и об этом молодом человеке, а заодно – и о его дядюшке Александре Борисовиче⁴⁴. Поведение племянника знаменитого князя вызвало отрицательный отзыв о нем со стороны саратовского протоиерея. Но еще более резко он отзывается об Александре Борисовиче. Скопин, прекрасно владевший приемами церковной риторики, не пожалел красок для характеристики князя, заимствуя образы из Библии и древней истории. Он называет Александра Борисовича «Сарданапалом и Епикуром» и выражает сомнения в том, что князь может верить в бессмертие души – ведь знаменитый вельможа попирает все нравственные законы: «...всех почти крестьянских детей-девочек растлил; подержавши, отдавал замуж», а своих незаконнорожденных детей «поделал баронами». Мало того, Куракин

⁴³ *Карташев, Д.* Село Надеждино (в Сердобском уезде) // Иллюстрация. 1848. № 30. С. 86–88.

⁴⁴ *Скопин, Н.Г.* Указ. соч. С. 399.

еще и гомосексуалист: «В силе у него Содом и Гомор»⁴⁵. (На языке церковных проповедей содомским грехом именовали отклонение от нормальной сексуальной ориентации).

Это обвинение со стороны Скопина можно было бы посчитать следствием его неприязни к падшему грешнику. Но в мемуарах другого современника, И.М. Долгорукова, также встречаются сведения подобного рода, хотя автор не настаивает на их достоверности⁴⁶. Будучи церковным моралистом, Скопин осудил пристрастие А.Б. Куракина к роскоши и попутно высказался о несправедливости наград, которые были им получены: «Жил только в пышности строения, столов, распутства и – больше ничего. За что чины, ленты и проч. Это знает только судьба»⁴⁷.

Отзыв о Куракине, данный саратовским протоиереем, отчасти совпадает с описанием его личности, которое оставил человек, лично знавший его и принадлежавший к аристократии, – князь И.М. Долгоруков. Он рассказал о владельце Надеждино в обширных мемуарах «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...»⁴⁸. Сжатая и довольно едкая характеристика достоинств Куракина представлена и в сокращенном варианте его воспоминаний⁴⁹. Автор их в молодости служил в Семеновском полку, был близок к придворным кругам, позднее занимал видные посты в губерниях Центральной России. Он имел довольно широкую известность как писатель и поэт, был ценителем театра и актером-любителем⁵⁰. В 1791–1796 гг. И.М. Долгоруков служил вице-губернатором в Пензе. Его знакомство с А.Б. Куракиным, который приходился мемуаристу родственником, произошло еще в начале 80-х гг., когда они встречались при дворе наследника престола Павла Петровича⁵¹. В начале 90-х гг. он вел переписку с Куракиным и бывал у него в гостях в его пензенском и саратовском имениях.

И.М. Долгоруков называет князя «сластолюбивым и роскошным баловнем фортуны» и подчеркивает, что своим «скорым и счастливым в чины происхождением» он был обязан только родству с графом Паниным. Мемуарист неоднократно подчеркивал его высоко-

⁴⁵ Скопин, Н.Г. Указ. соч. С. 399.

⁴⁶ Долгоруков, И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... СПб., 2001. Т. 1. С. 289.

⁴⁷ Скопин, Н.Г. Указ. соч. С. 399.

⁴⁸ См.: Долгоруков, И.М. Указ. соч.

⁴⁹ Он же. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997.

⁵⁰ Он же. Повесть о рождении моем... С. 6.

⁵¹ Он же. Капище моего сердца... С. 252.

мерие, двуличие и страсть к обогащению, которая толкала князя на неискренние поступки, упрекал его в неспособности на истинную дружбу. Тщеславие князя казалось ему чрезмерным, несмотря на то, что Долгоруков был своим человеком в высших кругах и видел там немало персон, склонных к этому пороку. Как и другие современники, он отметил, что хозяин Надеждина вел жизнь, которая копировала придворную. Куракин, по его словам, был «всегда украшен знаками почестей» и «не принимал даже и живущих с ним иначе, как знатный господин своих доможилов»⁵². Одна интересная подробность – в некоторых случаях Куракин выезжал встречать гостей на границу своего имения в сопровождении целой свиты слуг, в числе которых были и казаки⁵³. Долгоруков постарался донести до потомков самые непривлекательные стороны натуры князя, в том числе, его склонность к разврату и пьянству⁵⁴.

Сравнивая оценки, данные А.Б. Куракину Н.Г. Скопиным и И.М. Долгоруковым, можно видеть, что оба мемуариста относились отрицательно к личным качествам князя. Несколько иное мнение о нем высказывает и Ф.Ф. Вигель, который был с ним знаком. Судя по его воспоминаниям, Куракин бывал в гостях в семье Ф.Л. Вигеля в тот период, когда проживал в Надеждине⁵⁵. Позднее Вигель был подчиненным Куракина, т. к. служил при Московском архиве Коллегии иностранных дел с 1800 г.⁵⁶, а в следующем году Куракин был возвращен из ссылки и назначен вице-канцлером⁵⁷, в подчинении которого и находилась Коллегия. Названный мемуарист, в отличие от цитированных выше, считал, что достоинства князя «заменяли» его недостатки. Он писал, что Куракин обладал «искусною представительностью», благородством, «постоянством и нежностью в дружбе». Однако Ф.Ф. Вигель критически отзывался о «политической мудрости» князя, о том, что в действительности она составлялась из «бесчисленных фраз, затверженных им некогда во Франции, где на них такое изобилие, и отчасти переведенных им даже по-русски»⁵⁸.

Ф.Ф. Вигель – единственный из названных мемуаристов, кто оставил описание внешности князя: «Смолоду князь Куракин был очень красив и получил от природы крепкое, даже атлетическое сложение. Но роскошь, которую он так любил <...>, и сладостра-

⁵² Долгоруков, И.М. Повесть о рождении моем... С. 288–289.

⁵³ Там же. С. 397.

⁵⁴ Там же. С. 289.

⁵⁵ Вигель, Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 204.

⁵⁶ Там же. С. 168.

⁵⁷ Там же. С. 205.

⁵⁸ Там же.

стие, к которому имел всегдашнюю склонность, размягчили телесную и душевную его энергию, и эпикуреизм был виден во всех его движениях»⁵⁹. Ф.Ф. Вигель не преминул отметить тщеславие и пристрастие князя к роскоши. Его воспоминание о внешнем облике А.Б. Куракина подтверждают высказывания Долгорукова. Но Ф.Ф. Вигель тут же описывает и манеру поведения князя, и то, как она воспринималась в обществе: «...всегда в бархате или парче, всегда с алмазными пряжками и пуговицами, перстнями и табакерками, лучезарное тихонравие его долго пленяло и уважалось, но в новое царствование, с новыми идеями... оно дало повод сравнивать его с павлином»⁶⁰.

Как видим, все названные мемуаристы отмечают пристрастие А.Б. Куракина к роскоши и «эпикуреизму». Следует подчеркнуть, что Н.Г. Скопин осуждает князя и за отсутствие патриотизма – «ибо окружают его французы»⁶¹. Долгоруков в своих мемуарах писал о французах, которые служили у князя, но никаких отрицательных эмоций эти иностранцы у него не вызывали. Здесь мы имеем дело с разными установками на культурную ориентацию. Для представителя высшего слоя дворянства нанятые в услужение французы – привычное бытовое явление. Вигель вообще не высказывается на эту тему, поскольку и для него французское окружение не было явлением знаковым. А для образованного священнослужителя оно казалось признаком антипатриотических настроений князя.

Равенство в социальном положении мемуариста Долгорукова и описываемого им князя Куракина дает ему основание «не замечать» некоторые поступки этого человека, которые казались предосудительными с точки зрения христианской морали. Он не упоминает о том, о чем с негодованием сообщает Скопин – о незаконнорожденных детях Куракина, которых он «поделал баронами». Для той среды, к которой принадлежали Долгоруков и Куракин, подобные случаи в XVIII в., да и позднее, не были слишком большой редкостью. В основе таких фактов пренебрежения общепринятыми моральными нормами – демонстрация собственной сословной исключительности, что было одной из характерных особенностей дворянской среды.

Спустя почти полвека после того, как князь Куракин покинул Надеждино, в его имении побывал Д. Карташев, который, видимо, принадлежал к числу сердобских землевладельцев. Он был в Надеждино в конце июня 1847 или 1848 года. В оставленном им описании княжеского дома и парка, которое было опубликовано в жур-

⁵⁹ Вигель, Ф.Ф. Указ. соч. С. 204.

⁶⁰ Там же. С. 204–295.

⁶¹ Скопин, Н.Г. Указ. соч. С. 399.

нале «Иллюстрация»⁶², чувствуется стремление автора создать образ его владельца. В рассказе о живописных окрестностях имения встречаем заметку о том, что местные крестьяне «и теперь еще часто вспоминают» те времена, когда в барском доме «живал их отец и благодетель»⁶³. В доме Куракина автора поражает не только роскошь, но и «изящная простота» во всем⁶⁴ и это, несомненно, – знак отличного вкуса хозяина. Далее Карташев приводит текст любопытной «печатной афиши», в которой изложены «обряд и правила» жизни владельца Надеждино, которые должны были принимать к сведению его гости. Эти правила вызвали безусловное одобрение Карташева и чувство сожаления по поводу того, что «время этих прекрасных привычек отжито»⁶⁵.

Рассказ старого дворецкого о шумной жизни, «полной всякого довольства», которая кипела в имении, когда в нем жил хозяин, позволяет представить, что именно так нравилось окрестным помещикам. У князя было много гостей, и некоторые бедные дворяне «жили здесь по нескольку месяцев» и «пользовались всеми удобствами широкой боярской жизни». Многочисленная дворня в имении «по уши занята была услугами» – ведь нужно было исполнять все приказания приезжих⁶⁶. Это было предусмотрено «обрядом и правилами» жизни в Надеждино, которые Карташев узнал из «афишки». Понятно, что, с точки зрения соседних помещиков, Куракин был идеальным хозяином. К этим добродетельным чертам, на взгляд автора статьи, можно было добавить еще и свойства души князя. Он описывает прелести парка, романтическое настроение, возникающее в его аллеях и на полянках, где когда-то стояли «храмики и беседки». Эти не сохранившиеся строения были сооружены «во имя истины, дружбы, любви, терпения». Значение их названий «было особенно приятно и вполне понятно князю»⁶⁷ – следовательно, он принимал близко к сердцу ценности и чувства, которые они символизировали. Таким образом, внук одного из соседей князя Куракина истолковал проявления моды на декларацию сентиментальных чувств, которые были характерны для ушедшей эпохи, как отражение личных свойств князя.

Мы видим, что описания выдающихся личностей, сделанные современниками, во многом отличаются от тех, которые были со-

⁶² *Карташев, Д.* Указ. соч. С. 86–88.

⁶³ Там же. С. 86.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

ставлены представителями, условно говоря, третьего поколения – поколения внуков. Тенденция к угасанию памяти в данном случае проявляется вполне определенно. На страницах записок современников встречаем образы более полнокровные, чем созданные их потомками. Конечно, портреты, созданные современниками, различаются в зависимости от того, являются ли они результатом личных наблюдений или выражают чье-то мнение. Кроме того, выявление тех или иных черт образа, оценочные суждения зависят от социальной среды, в которой вращался мемуарист. Представители того социального слоя, к которому принадлежал герой повествования, склонны «прощать ему грехи» – если не затронута личная заинтересованность автора воспоминаний. Чиновник «не обращает внимания» на источники благосостояния Панчулидзева, но другой современник – Вигель, интересы семьи которого оказались ущемленными в ходе карьерного продвижения саратовского губернатора, раскрывает глаза своим читателям на этот вопрос. Аристократ И.М. Долгоруков и Вигель, служивший под руководством А.Б. Куракина, ни словом не осуждают его приверженности французской культуре, а саратовский священник Н.Г. Скопин обвиняет князя в отсутствии патриотизма.

В описаниях «поколения внуков» образы «сильных мира сего» существуют не сами по себе, а возникают как будто из той среды, которая окружала знаменитостей и сохранилась – в тех или иных проявлениях – до времени последующих поколений. У Чернышевского – это описание загородной «дачи» Панчулидзева, у Карташева – дома и парка Куракина в Надеждино. Значительное место в их описаниях уделено рассказам «старожилов» о праздничной и счастливой жизни, которая окружала героев их повествования. Образы знаменитостей, по сравнению с мемуарами современников, отличаются значительно меньшей степенью конкретности. Сравнение отношения двух названных авторов к описанным персонажам указывает на две особенности их восприятия «третьим поколением». Первая особенность – тенденция к идеализации, которая существовала, как можно понять, в тех слоях общества, которые имели основания воспринимать данных деятелей с положительной стороны. Вторая особенность – значение личности самого мемуариста, его социального происхождения и общественной позиции в создании того или иного образа.

Так, Карташев создает идеализированный образ вельможи Куракина – богатого барина, гостеприимного хозяина имения, отца и благодетеля крестьян, романтического и мечтательного любителя природы и ценителя искусства. О том, как вспоминали владельца имения крестьяне, Карташев пишет со своей позиции, мнение не-

грамотных крестьян на эту тему никто не зафиксировал. Чернышевский иначе подходит к созданию портрета Панчулидзева. В его заметках нашел отражение, с одной стороны, образ великолепного, великодушного, благодетельного и благотворительного губернатора, созданный явно в чиновничьей среде. С другой стороны, знаменитый демократ не преминул обнародовать собственные выводы относительно личности Панчулидзева, которые тоже имели основание в рассказах современников. Поэтому образ губернатора у него имеет и второе лицо – лицо казнокрада, взяточника, пользующегося своим положением нечистого на руку человека.

Как видим, идеализация «сильных мира сего» не является общим принципом, которому следует логика коллективной памяти. Но в случае создания «объемного» образа очень заметна тенденция упрощения, выражающаяся в том, что портрет строится по принципу: свет и тень, черное и белое. Оттенки и полутона исчезают. В то же время очевидна и социальная обусловленность памяти, которая фиксирует и удерживает образы личностей, обладавших возможностями влиять на судьбы людей. Панчулидзева пользовался властными полномочиями, потому его помнили многие, и память оказалась длительной. Князь Куракин, в отличие от Панчулидзева, остался в памяти более узкого круга людей, и реальные черты его образа изгладились быстрее. Причина в том, что князь, хотя и прожил в Саратовской губернии практически двадцать лет, но рассматривал свое пребывание в ней как временное и не стремился оказывать какое-либо влияние на общественную жизнь губернии.

**ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ,
КИНЕМАТОГРАФЕ**

УДК 94(47) | 1917–1991 |

**КИНОСИМВОЛЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
МОРЕ ЛЮБВИ И ПЕСКИ НЕНАВИСТИ**

О.А. Ожегова, А.В. Посадский

Поволжская академия государственной службы
кафедра истории и этноконфессиональных отношений
E-mail: posador@yandex.ru

Статья посвящена анализу взаимодействия исторической памяти и художественных образов; тема раскрывается на примере советского киноискусства и истории Гражданской войны.

Ключевые слова: Историческая память, кинематограф, Гражданская война.

**CINEMATOGRAPHIC SYMBOLS OF THE CIVIL WAR:
THE SEA OF LOVE AND THE SANDS OF HATRED**

O. Ozhegova, A. Posadskiy

The article covers the analysis of the interaction of the historical memory and the art images; the theme is revealed on example of the soviet cinematograph and the history of the civil war.

Key words: Historical memory, cinematograph, civil war.

Изучение исторической памяти сегодня является академической темой, уважаемой и востребованной. Это порождает опасность: изучение может подменяться конструированием. Историческая память, несмотря на свою определенную неполноту и противоречивость, обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании членов общества оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей. Не вдаваясь в аналитические размышления о

трансляции исторической памяти представителями одного поколения другому, отметим, что механизмы памяти «побуждают», кроме всего прочего, и воображение. Древние греки олицетворением двух ликов памяти видели богиню Мнемозину, воспроизводящую прошлое и дающую прошлому новые оттенки.

Историческая память «хранит» факты, имена, даты, воскрешает события, создающие социокультурную проблему «что помнить – что забыть; чем гордиться и чем терзаться» – проблему трансляции ценностей и антиценностей. Э. Кассирер отмечал, что исторический смысл не меняет облика вещей, не привносит в них новые качества, но придает вещам и событиям новую глубину¹. Какова связь между прошлым и настоящим, что на уровне обыденного сознания, повседневной мифологии может укрепить интерес к прошлому, но и посеять сомнения относительно достоверности и ценности исторической памяти? Почему, невзирая на любые исторические перипетии, сохраняется содержательное ядро общественных социокультурных предпочтений?

Междисциплинарные исследования специфической формы общественного сознания, охватывающей само «знание», понимание и отношение людей к историческому прошлому, ее взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и возможного отражения в будущем, позволили сформировать представления об исторической памяти, которые оказались весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей и которые во многом определяют намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы решения обыденных и общественных проблем².

При отсутствии методологического единства по поводу того, что же такое историческая память и повседневная мифология, склоняемся к убеждению, что историческая память – это определенным образом сфокусированная система представлений о прошлом, которая отражает особую значимость и актуальность исторической информации «здесь и сейчас». Повседневная мифология – особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни. Миф насыщен интуитивным содержанием; «рассуждающая мысль» – это сфера логоса³.

¹ Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 649.

² См.: Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // НиНИ. 2000. № 4.

³ Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991. С. 14.

Авторская презумпция заключается в том, что в исторической памяти мы видим источник эмоциональных и психологических переживаний, создающих повседневную мифологию. Повседневная мифология – особый эмоциональный канал сопричастности с прошлым. Повседневная мифология начинается с факта, в нашем случае – исторического.

Изучение исторической памяти требует предельной бережности обращения, ибо она аккумулирует и живую память, и последствия жесточайших идеологических воздействий, и работу внутренних ограничений (невербализуемое, «невспоминяемое» не передается следующим поколениям), и результат общих представлений о должном и нормальном у того или иного поколения и индивида. Понятно, что человек в любой момент социализации находится в биографически детерминированной ситуации, т. е. в определенной им самим физической и социокультурной среде. В этой же среде он занимает свою позицию. Это не только позиция в физическом пространстве и внешнем времени, не только статус и роль в рамках социальной системы, это также моральная и идеологическая позиция.

Мы не ставим перед собой задачу воспроизвести целостную историческую картину войны за Россию (1917–1922 гг.), не стремимся оценить весь багаж, накопленный современной наукой в области изучения исторической памяти, исторической мифологии, визуальной антропологии и политического пиара. Наша задача скромнее: проиллюстрировать на «кинопримере» механизмы восприятия художественных интерпретаций Гражданской войны современным российским зрителем в контексте «пробуждения» исторической памяти.

Известны примеры киноработ, которые стали формирующим опытом для целого поколения. Во второй половине 30-х гг. прошлого века «мальчишеским» фильмом стал «Чапаев». Его героико-романтический пафос во многом оформил первое советское поколение, которому предстояло вынести войну 1941–1945 годов.

Лозунг «из всех искусств для нас важнейшим является кино» имеет зловещий оттенок. В ленинской фразе читается раннее угадывание громадных пропагандистских возможностей нового тогда вида искусства, хотя существует «версия», ограничивающая власть кино – «пока в стране господствует безграмотность»⁴.

Впоследствии Голливуд откровенно будет именоваться «фабрикой грез». И «фабрикантами» выступят недавние русскоподдан-

⁴ Ленин произнес близкую по смыслу фразу в беседе с Луначарским в феврале 1922 года. Впервые она опубликована в книге Болтянского. См.: *Болтянский, Г.Б. Ленин и кино*. М., 1925. С. 19.

ные. Мощный центр искусства-пропаганды изначально будет иметь определенную идеологическую настройку. Советский «коллективный Голливуд» также продемонстрирует в тесной и сложной связке традиции русской культуры в новом формате, новаторское мастерство режиссеров первых кинопоколений и мощный идеологический заказ.

Характерная черта советского восприятия Гражданской войны – многодесятилетний взгляд с одной стороны и в науке, и в искусстве. Он корректировался, видоизменялся, но в целом оставался взглядом победителей-красных. В таких условиях много сделал внутренний цензор: «неправильные» эпизоды жизни искажались, скрывались, оставались неизвестными потомкам. Сознательным хранителем памяти воспринимало себя русское зарубежье. Но если советской мемуаристике отвечала эмигрантская, советской литературе – сильная литература зарубежья, и даже в живописи такой ответ был дан (картины Митрофана Грекова и Афанасия Шелоумова сейчас соседствуют в залах Музея Вооруженных сил), то киноискусство оказалось неподвластно ушедшим в изгнание. Но чтобы образы работали, они не должны быть плакатно-фальшивы. Поэтому возникает интересный феномен: жестко пропагандно «заточенное» и профессионально высокое советское киноискусство оказалось способно создавать для массового сознания нешаржированные образы врагов-белых.

Кино и, позднее, телевидение будут многократно обращаться к темам, знаковым для советской системы историко-идеологических координат. Среди них – тема Гражданской войны. При обилии картин, снятых на протяжении 1930–1980-х гг., «засчитать» в качестве серьезных попыток осмысления кровавой трагедии междоусобия можно всего несколько работ. Оставляя в стороне яркие экранизации сильных литературных произведений («Бег», «Дни Турбиных», «Тихий Дон»), получим весьма скромный, как нам представляется, список: «Служили два товарища», «Гори-гори, моя звезда», «В огне брода нет»...

С 1942 г. тема Гражданской войны была приглушена, полтора десятка лет фильмы на эту тему не выходили. Революционный романтизм «возродил» Н.С. Хрущев. К этому времени вырос новый зритель. Гражданская война отодвинулась в прошлое, наиболее яростных противников коммунистической власти подняла и уничтожила Великая Отечественная война. Революционный пафос возродился в тесном переплетении с жаждой свободы и общей либерализацией, которая создала «поколение XX съезда». В то же время либерально-коммунистическая «свобода», как известно, шла рука об руку с жесточайшим ударом по церкви и верующим, историческому быту и укладу жизни.

Человеческое (нечуждое) на фоне больших событий, ломающих человеческие жизни – неизменный сюжет в искусстве. В последние десятилетия и историческая наука, овладевая инструментарием обществоведения, прочно встала на рельсы изучения малых форм. История повседневности – наиболее распространенное сегодня клише, обозначающее новый дискурс, порожденный школой «Анналов».

Повседневность рассматривается в различных интерпретациях, но особое внимание уделяется моменту понимания того, что «повседневность» сложно поддается рефлексии. Повседневные социальные феномены – данность, предстающая как видимая, но не замечаемая на уровне обыденного сознания. Повседневное – это нечто привычное, близкое, упорядоченное. Однако обобщение – ответственная и коварная вещь, как в художественном, так и в исследовательском исполнении. Рискнем противопоставить мудрую трезвую точность А.С. Пушкина (неслучайно его интерес к истории в последние годы жизни стал профессиональным) горделивым заблуждениям Л.Н. Толстого. В научной и тем более учебной литературе игра масштабами, как справедливо заметил А. Горянин, давно является способом исказить картину в «нужную» сторону, не прибегая к прямой фальсификации. Подвиг одного воина, подробно описанный, позволяет скрасить впечатление от истории проигранного сражения или целой войны. В этом смысле сила кинообобщений способна и показать в капле океан, и изобразить море в виде лужи⁵.

Темой кинообразов белых в советском искусстве специально занимался Е.В. Волков⁶. Он справедливо отмечает, что с конца 1950-х гг. вышел целый ряд фильмов о Гражданской войне, в которых белая сторона не была обрисована исключительно черными красками. В этом ряду «Сорок первый» (1956) Г. Чухрая, «Тихий Дон» (1957–1958) С. Герасимова, «Хождение по мукам» (1957–1959) Г. Рошаля, «Две жизни» (1961) Л. Лукова, «В огне брода нет» Г. Панфилова, «Служили два товарища» (1968) Е. Карелова, «Гори, гори, моя звезда» (1969) А. Митты, «Бег» (1970) А. Алова и В. Наумова, «Адъютант его превосходительства» (1970) Е. Ташкова. «Хорошие» белые вызвали вполне объяснимое неприятие части критики.

⁵ Горянин, А. Мифы о России и дух нации. СПб., 2001.

⁶ См.: Волков, Е.В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага» в игровом кино [Электронный ресурс]. URL: <http://orenbkazak.narod.ru/kino.doc>; Он же. «Гидра контрреволюции»: Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008; Он же. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2009.

Оценка восприятия зрителем произведения должна даваться в контексте общественного сознания и общественных настроений. Не забудем, что именно «разная» историческая память и разный уровень информированности вызвали разительные отличия восприятия такого знакового художественно-документального произведения, как «Архипелаг ГУЛАГ». В СССР это была «бомба», и шестые машинописные копии для тех, кому привелось их держать в руках, составили, возможно, самое сильное впечатление в жизни. Перестроечная публикация (1989 г.) стала потрясением, открылись многие прежде запретные темы (скажем, интерес к проблеме и мотивам коллаборационизма в 1941–1945 гг.), в публицистике едва ли не рефреном звучала мысль о том, что после «Архипелага» возврат коммунизма невозможен.

На Западе же в среде русской эмиграции сочувственный интерес был окрашен в более спокойные тона, и нередко проявлялся скепсис. Писали о том, что буквально ни одного не известного прежде факта книга не содержит. Кто-то отдавал пальму первенства в выразительности описания советской лагерной системы И.Л. Солоневичу («Россия в концлагере»), а Н. Ульянов, вдумчивый историк и исторический романист, вообще отказал А.И. Солженицыну в самостоятельности, считая его труд изощренной провокацией КГБ⁷.

Как уже было отмечено, среди сильных кинопроизведений о Гражданской войне есть ряд экранизаций. В их числе – фильм «Срок первый» Г. Чухрая по повести 1924 г. Б. Лавренева. Повесть экранизировалась и ранее, Я. Протазановым в 1927 г., однако общественным событием стал именно фильм Г. Чухрая, вызвавший и международный резонанс (приз Каннского кинофестиваля, широкий показ на Западе). Для советского искусства фильм Г. Чухрая был смелым, он стоит в ряду картин, которые были новы именно изображением врагов носителями «своей» правды.

В советском искусстве неоднократно возникали сюжеты, когда в междоусобном противостоянии сталкивались братья или отцы с сыновьями. Заскорузлый старик-казак и его сын-буденновец и т.п. картины бывали вполне позволительны (например, в фильме «Первая Конная»). В то же время поединок любви и революционной страсти мало кто рисковал поставить в центр своего повествования.

Поиски прототипов героев – обязательная задача художественной критики. Мы не беремся рассуждать о прототипах повести Б. Лавренева. В нашем случае ситуация более интересна и экзотична. Недавно в печати появилась хорошая повесть. Она называется

⁷ См.: Ульянов, Н.И. Загадка Солженицына // НРС. 1971. 1 авг.

«Каспий, море любви»⁸. Автор сообщил нам, что история написана, «как услышана», и в этом смысле – документальна. Автор услышал ее из уст великолепной пожилой Русской дамы в 1996 г., в штате Нью-Джерси, в окрестностях Лэйквуда. В свои почти 100 лет она сохраняла ясность ума и непоколебимую память о своей первой и единственной в жизни настоящей любви.

Событийно история похожа на лаврениевскую: красный отряд и белые, бои, гибель красного отряда. Остаются двое: красная и белый, женщина и мужчина. Героиня ранена, недавний враг умело и молчаливо выхаживает, став для нее «молодым, ясноликим принцем, князюшкой, солнышком красным». О нём когда-то рассказывала старенькая бабушка, о нём мечталось и грезилось когда-то давным-давно, когда не было ни красных, ни белых, когда не было войны, когда священники радостно возглашали: «Христос воскрес!». У них была хижина, солнце, море, Бог и Любовь... Но, пришли люди. Это красные. Белый офицер крепко связывает свою возлюбленную, составляя ей алиби перед красными, отходит подальше от ее укрытия и ведет последний, безнадежный бой. Женщина, затем – местная красная героиня с недолгой газетной шумихой, погружается в трудную советскую жизнь без радости и надежды. С отступавшими из России немцами в 1944 г. уходит на Запад. Фильм Г. Чухрая в американском кинотеатре для нее – не более чем очередная «художественная» агитка и приманка большевиков, грубая и циничная.

В то же время есть свидетельства о восторженной встрече фильма русскими эмигрантами. Мотивы этого воодушевления могли быть весьма разными и не сопрягаться напрямую с восторгами по поводу успехов СССР или советского искусства.

Скучный для людей искусства и неизбежный для историка вопрос: «Как было на самом деле?» приходится оставить за кадром. Он требует специального исследования и вполне может быть вознагражден содержательным ответом. Возможно, Б. Лаврениев писал свою повесть по мотивам реального события. Однако в контексте нашего исследования более значимо другое: какое развитие сюжета психологически достовернее? Один из героев Г. Честертона примерно так объясняет разницу между невозможным и невероятным: если сообщат, что английский премьер-министр влетел в королев-

⁸ Смоленцев-Соболь, Н.Н. Каспий, море любви // Верность – Fidelity. Издание общества ревнителей памяти блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). 2009. № 133. См.: URL: <http://www.metanthonymemorial.org/VernostNo133.html>. (дата обращения: 01.09.2010).

ский дворец по воздуху, это следует признать невозможным; если же скажут, что он похлопал королеву по спине и предложил ей сигару, это надо признать возможным, но совершенно невероятным.

Характерна смена знака в повестях Б. Лавренева и Н. Смоленцева-Соболя: в общих рамочных обстоятельствах вторжение разных «своих» и разное поведение героев. Это оборотничество выплывает даже в мелочах: в фильме видим расправу белых над киргизами за сочувствие красным, в повести героиня коротко сообщает, что пришли красные, «киргизы нас предали». Речь об одном и том же настроении-поведении киргизов, но различны интерпретации и их художественная нагрузка.

В поиске ответа на вопрос: какое развитие сюжета кажется более логичным, естественным? – оказывается интересен современный российский зритель. Сегодня возможен взгляд с чистого листа на ситуацию, ярко представленную в фильме. Белое движение нравственно реабилитировано, его история пережила своеобразный бум, советские идеологические декорации отошли в прошлое и для молодого поколения просто не знакомы.

Сам О. Стриженов в своих уже неподцензурных мемуарах писал как раз о таком восприятии фильма, которое разрушало воспитанную ненависть: «Вдруг зритель понял, что все мы – и белые, и красные – русские люди и, воюя друг с другом, занимаемся ненормальным делом, уничтожаем свою любовь, а значит и душу»⁹. Хотя идейный посыл фильма, как и повести – в другом. В жестоком сюжете тогда виделась душевность и любовь. Интересно, что в Каннах фильм получил приз «за поэтичность и оригинальный сценарий», хотя оригинальность вряд ли присуща экранизации, и поэтичность не согласуется с посылом: «Убей любимого, ибо он враг нашей идеи». Европейцы тоже увидели не это, увидели фильм о чувствах, о любви, живую и страстно сыгранную историю.

Современный зритель, посмотревший фильм впервые или ожививший в памяти давнее (и сильное, как правило) впечатление, склонен говорить о неестественности развязки, о противоестественности рокового выстрела. Практически всегда звучит мотив жалости к белому офицеру. Это, заметим, было камнем преткновения и в момент создания картины, – враг вызывал симпатию, это рождало опасение советских инстанций. Нам кажется уместным задаться следующим гипотетическим вопросом: если бы ленту остановили незадолго до финала (а может быть, и задолго) перед зрителем 56-го года (не читавшим повести, сюжет – с чистого листа) и спросили о

⁹ Стриженов, О.А. Исповедь. М., 2001. С. 90.

дальнейшем развитии, каковы были бы ответы? Представляется, что большинство людей советского воспитания, более или менее осознанно чувствовавших законы советского искусства и пропаганды, не ошиблись бы в ответе.

В столкновении долга и чувства нужно подавить чувство и помнить о долге, общественное выше личного, ради революции можно и должно принести любую жертву, – эти императивы формировали восприятие, форматировали под себя и историческую память. Сейчас этих императивов нет, информационное поле гораздо шире, и во впечатлениях выходит на первый план печальное удивление: «как же так, почему так»? Заметим, что выстрел Марютки самоубийственный, ее дальнейшая судьба очевидна, но об этом она не думает и, похоже, это остается за пределами эмоциональной реакции зрителя. Сюжет завершен выстрелом и криком, это высшая точка, дальнейшее «неинтересно», как пятьдесят лет назад, так и сейчас.

Вспоминают ли современные зрители фильма картины семейных, соседских, слышанных когда-либо историй? Как прабабка «за комиссара пошла под револьвером», как «он сильно бабушку любил, крестился, хоть коммунист был», как «жена мужа кулаком ругала и в ячейку на него жаловалась» и многое подобное. Или это фантазии досужих исследователей, а историческая память не ходит столь прямыми путями?

Логика понимания фильма современным зрителем, в условиях наличия «альтернативного» видения сюжета, позволяет оценить, как соотносятся и соперничают историческая память, историческая мифология, напористая официальная идеология и личный жизненный опыт, наконец.

Во время «целинных» волнений 1959 г. в Темир-Тау, по мнению современного исследователя, вожаки, осознанно или нет, руководствовались кинообразами (опрокинута бочка с негодной водой – «смотрите, чем поят!») – прямая реминисценция из «Броненосца Потемкина»¹⁰. В то же время и, безусловно, героические образы могли вызывать неожиданную реакцию. Записан случай, когда на сибирском поселении зрители-казаки из недавних «власовцев» в темном заде бурно реагировали на сцены разгрома штаба Чапаева, явно смотря на сюжет с казачьей стороны. Сам «Чапаев» неслучайно был через два поколения фольклорно отыгран, со злым снижением пафоса превращения революционной буйной головушки в сознательного красного командира. В этих примерах кинообраз

¹⁰ См.: Козлов, В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. С. 49, 55.

может и вести за собой в реальных обстоятельствах, и смотреться вызывающе по-разному зрителем с разным опытом за плечами, и, наконец, самое интересное для нас – другие поколения могут видеть фальшь, не воспринимавшуюся зрителем-современником, но могут и терять ощущение правды, страсти, жизни, очевидное для современников.

Зрители, юность и молодость которых выпала на годы перестройки и последнее десятилетие XX в., разделяют точку зрения Трофима, считая, что «...зря жалел Деникин хамов, их надо было б розгой да плетьюми...». Очевидна своеобразная художественная белогвардейская романтика, которая ярко проявилась в 90-е гг. XX в. в трагическом белогвардейском романсе, повествующем о тех, что «...на земле лежат побатальонно: кавалергарды, юнкера и казаки, за Веру русскую поднявшие знамена, за честь Отечества, шагнувшие в штыки».

Очевидно вполне, что образы и красного и белого складываются из представлений «смотрящих» в прошлое и из реальных, сохранных общей исторической памятью, черт «объектов». В основной массе своей, не имея сколько-нибудь точных знаний о происходивших событиях, современные зрители все-таки «узнают» персонажей отечественной истории. Это могут быть образы исторической эпохи на индивидуальном уровне, точки зрения, версии, взгляды, порой даже просто мнения. Здесь историческая память не выходит за рамки жизненного пространства личности, личности, создающей и одновременно существующей в повседневной мифологии.

БИОГРАФИКА

УДК 94(479.25)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЯЗЫЧЕСКИЕ БОЖЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ МОВСЕСА ХОРЕНАЦИ

А.Ж. Арутюнян

Ереванский государственный университет,
кафедра всемирной истории.
E-mail: hakobinna@rambler.ru

В аспекте рассмотрения проблемы исторической памяти в творчестве древнеармянского историографа Мовсеса Хоренаци мы попытались ответить на вопросы: почему Хоренаци в своем повествовании, изобилующем образами языческих кумиров, перечисляет не всех богов? по какому принципу автор выбирает богов для упоминания и, по какому принципу «убирает» их из списка? почему древнеармянский историк в своем повествовании пропускает урартских богов?

Ключевые слова: М. Хоренаци, историческая память, языческие боги, мифологические герои, государство Урарту, духовная и материальная культура.

HISTORICAL MEMORY AND PAGAN DEITIES IN WORK OF MOVSES KHORENATSI

Hakob G. Harutyunyan

In the aspect of considering the problem of historical memory in the works of M. Khorenatsi we tried to answer the questions: Why Khorenatsi in his narration, abound in images of pagan idols, didn't enumerate not all gods? Why the author choses some gods to be mentioned, and why he removes anothere from the list? Why ancient Armenian historian, in his narration omitted Urartian gods?

Key words: M. Khorenatsi, historical memory, the pagan gods, mythological heroes, the state of Urartu, spiritual and material culture.

Армянская письменность берет начало в V в. н. э. В 401 г. Месропом Маштоцем был создан армянский алфавит¹. Это знаменательное историческое событие послужило отправительной точкой для распространения грамотности среди отличившихся детей, одним из которых был Мовсес Хоренаци. Создание письменности естественным образом способствовало распространению грамотности, что, в свою очередь, послужило толчком для занятия творческой деятельностью. Уже в V в. появляется целая плеяда армянских ученых знаменитостей, из сомна которых следует особо выделить Агатангелоса, Фавстоса Бузанда (Византийца), Егише, Лазаря Парбеци, Мовсеса Хоренаци. Все эти авторы написали свои «Истории Армении», в которых наряду с изложением исторических событий важное место занимают фрагменты житийской литературы и агиографии.

Среди упомянутых авторов древности особо следует выделить Мовсеса Хоренаци, главным детищем которого является знаменитая «История Армении», охватывающая период с незапамятных времен до 428 г. н. э. Общепринято мнение, что его перу принадлежат еще два важнейших труда: «Книга Хрий» и «Армянская география» («Ашхарһацуйц»), которая впоследствии была отредактирована великим армянским естествознателем и космографом VII в. Ананием Ширакаци.

Хоренаци в своей «Истории Армении», особенно в первой книге (труд состоит из 3-х книг), большое место наряду с реальными историческими личностями уделяет богам и мифическим героям. Это не удивительно, ибо древнеармянский историк начинает свое изложение с сотворения Вселенной, после чего плавно переходит к истории Адама, затем Ноя и его потомков *Сима*, *Хама* и *Явфета*. Далее Хоренаци повествует о Моисее и истории, связанной с *Белом* (автор называет его также *Небровтом*), который в Вавилоне был известен как *Мардук* и представлял поколение титанов. Против *Беламардука* восстал *Айк* (или *Хайк*, на арм. – *һайк*), и 11 августа 2492 г. до н.э., согласно свидетельствам М. Хоренаци, между ними произошло сражение². В результате серьезных и кропотливых исследований указанную дату, не вызывающую у нас сомнений, предложил Г. Алишан. Можно предположить, что в этом году имело место во-

¹ О деятельности Маштоца см.: *Корюн. Житие Маштоца*: пер. с древнеарм. К.А. Мелик-Оганджяна, Ш.В. Смбатяна. Ереван, 2005. Известно, что Корюн (арм. *корюн* – *тигренок*) был одним из учеников Маштоца.

² См.: *Хоренаци, М. История Армении*: пер. с древнеарм. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990. Кн. I, гл. 10, 11.

енное столкновение армян с жителями Месопотамии, которая в ту эпоху находилась в третьем раннединастическом периоде (около 2500–2315 гг.). В то время Месопотамией правили следующие династии: II династия Киша, I династия Ура (2500–2445 гг. до н. э.), династия Акшака и династия Лагаша³.

Затем в изложении Хоренаци появляются потомки армянского праотца Айка, после чего свидетельства древнеармянского историка можно считать соответствующими реальной действительности. Остается невыясненным спорный вопрос: кем был Аик – богом, мифическим существом или героем-человеком? Мы считаем, что поскольку Бел (или Мардук) был верховным богом вавилонян, постольку можно с определенной долей вероятности предположить, что Аик был, если не верховным, то хотя бы одним из главнейших богов древнеармянской мифологии. Существование Айка, современника и антипода Бела-Мардука, на наш взгляд, говорит о многом: образ Айка – это свидетельство автохтонности армянского народа, его стремления к независимой, самостоятельной жизни и, наконец, свидетельство связей армянского государства с соседними странами. Ведь не случайно образ Айка представлен автором утрированно положительным, а Бела – утрированно отрицательным. С нашей точки зрения, в данном случае свидетельства Хоренаци реально отражают далекую народную память, память прошлого, то есть являются результатом исторического явления, именуемого общением поколений.

Как получилось, что армянский бог Аик в конечном итоге в изложении Хоренаци стал героем-человеком? О *памяти прошлого* французский исследователь М. Блок метко пишет: «Если бы общество полностью детерминировалось лишь ближайшим предшествующим периодом, оно, даже обладая самой гибкой структурой, при таком резком изменении лишилось бы своего костяка; при этом надо еще допустить, что общение между поколениями происходит, я бы сказал, как в шествии, гуськом, то есть, что дети вступают в контакт со своими предками только через посредство родителей. Но

³ Подр. об этом см.: Бикерман, Э. Хронология древнего мира. Ближний восток и античность. М., 1975. С. 180; а также труды на армянском языке: Алишан, Г. Отечественные предания. Венеция, 1868. Т. 1; 1870, Т. 2; Он же. Древние верования или языческая религия армян. Венеция, 1895; Тирацян, Г.А. Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя // История армянского народа / под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1971. Т. 1. С. 479; Абемян, М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. Т. 1; Арутюнян, С.Б. Мифы и легенды древней Армении. Ереван, 2007. С. 59.

ведь так не бывает, даже если говорить о чисто устных контактах»⁴. Далее автор рассматривает процесс воспитания детей в деревне: в то время как оба родителя новорожденного ребенка работают на поле, его воспитанием занимаются дедушки и бабушки⁵, которые рассказывают разные истории, в основном из прошлого. При этом мифические герои постоянно детерминируются как настоящие, реальные. Хотя превратить окружающих нас вечных богов-героев (Солнце, Луну, Звезды) из божественных образов в героев невозможно, ибо последние существуют реально; они визуальны, а значит и материально ощутимы.

Таким образом, материальные и постоянно существующие вокруг нас «боги» остаются неизменными, в отличие от богов невидимых или духовных. Поэтому не случайно исследователь древнеармянской мифологии С.Б. Арутюнян в книге «Мифы и легенды древней Армении» ставит богатыря Айка в конце всех перечисляемых им богов (Небо, Земля, Свет-Тьма, Солнце-Луна, Звезды, Арамзд, Анаит, Ваагн, Астхик, Нане, Михр, Тир), считая его водоразделом между пантеоном богов и пантеоном героев⁶. За Айком следуют его потомки: Арамаяк, Арамаис, Амасия, Гегам, Гарма, Арам, Ара Прекрасный, Торк Ангех и т. д. Нам представляется весьма странным факт отсутствия у Хоренаци в списке богов имени языческой богини Анаит, почитаемой в Армении, о которой мы узнаем из других источников⁷.

Кроме армянских богов и героев Хоренаци упоминает также некоторых богов греко-римского пантеона, среди которых следует отметить Ареса, Артемиду, Афину, Афродиту, Гефеста, Геракла, Зевса, Кроноса, Пегаса, Посейдона и др. В разных местах его повествования мы встречаем также имена библейских богов и героев, равно как и богов и героев других религий. Среди них Адам, Авраам,

⁴ Блок, М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986. С. 25–26; См. также: Голосовкер, Я.Э. Логика мифа. М., 1987.

⁵ См.: Блок, М. Указ. соч. С. 26.

⁶ См.: Арутюнян, С.Б. Указ. соч.; Он же. Армянская мифология // Мифы народов мира / под ред. С.А. Токарева. М., 1980. Т. 1. С. 104–106; *Ishkov-Kerovpian, K. Mythologie der vorchristlichen Armenier // Wörtherbuch der mythologie. Stuttgart, 1973. Bd. 4; Gelzer, H. Zur Armenischen Götterlehre. Leipzig, 1896.*

⁷ См.: Dion. Cass. XXXVI, 48,1, 53,5; Strabo. XI,14,16; Plut. *Luc.* XXIV; Иосиф Флавий свидетельствует, что после ареста армянского царя Артавазда II, Лукулл ограбил множество языческих храмов, в том числе и храм богини Анаит в местечке Ериза. Об этом более подробно (См.: Flav. Ioseph. *Bell. Iud.* I.363). О богине Анаит упоминают последующие за Хоренаци армянские историки. Подр. см.: Мелик-Пашаян, К.В. Культ богини Анаит. Ереван, 1963 (на арм. яз.); Крюков, В.Ю. Зороастризм. СПб., 2005. С. 85.

Авель, Андрей, Ахилл, Голиаф, Еремия, Иисус Христос, Иисус Навин, Иуда, Моисией, Михр, Нин, Шамирам, Пифия, Приам и т. д.

При сопоставительном анализе списка армянских богов и героев Мовсеса Хоренаци с греко-римским списком, а также перечнем богов и героев других народностей отчетливо прослеживается одна важнейшая специфическая особенность: у отца армянской историографии боги и герои представлены не раздельно, а преподносятся автором слитно; у древнеармянского историографа нет четкой границы между богами и людьми: боги очеловечиваются, а люди обожествляются. В результате этого до настоящего времени затруднительно однозначно ответить на спорный вопрос: кем является Айк: героем-человеком или он – эпоним армянского народа, воплощение стремления к свободной и независимой жизни?

Известный исследователь творчества Мовсеса Хоренаци академик Г.Х. Саркисян в монографии «Хронологическая система “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци» совершенно справедливо и обоснованно пропускает эпоху, предшествующую эллинизму, и начинает изучение хронологии с 334 г. до н. э., т. е. начиная с восточного похода Александра Македонского⁸. Такой подход к поставленной Г.Х. Саркисяном проблеме оправдан фактом пока еще невыясненной сущности некоторых упомянутых Хоренаци богов-героев, как, например, Арама.

Древнеармянский историк не касается изложения истории первого общеармянского государства Урарту, однако неоднократно называет имя основателя вышеназванного царства – Арама⁹. Любопытно, что автор вовсе не упоминает о довольно богатом урартском пантеоне (Халди, Тейшеба, Шивини, Хатуини, Турани, Уа, Налаини, Шериту, Арсимела и еще, как минимум, 26 богов)¹⁰, ставшем «преддверьем» образования древнеармянского пантеона. На наш взгляд, это отчетливо свидетельствует об одном: историческая память или мнемон у нашего первоисточника в данном вопросе явно отсутствует, на что есть, на наш взгляд, объективные и субъективные причины. С большой долей вероятности можно предположить, что после установления Ервандом I (на греч. Оронтас или Арбанд) династии Оронтидов или Ервандуни (около 570 г. до н. э.), первич-

⁸ См.: Саркисян, Г.Х. Хронологическая система “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци. Ереван, 1965.

⁹ См.: Хоренаци, М. Указ. соч. Кн. I, гл. 5, 6, 12–14.

¹⁰ Подр. см.: Амаякян, С.Г. Государственная религия Ванского царства. Ереван, 1990 (на арм. яз.); Пиотровский, Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 220–231; Арутюнян, Н.В. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001; Lehmann-Haupt, C.F. Armenien einst und jetzt. Leipzig, 1931. S. 935.

ных урартских богов из политических соображений на начальном этапе становления новой государственности стали переименовывать. Так, доказано, что урартский бог Иваша был переименован в Ара или Ара Прекрасного,¹¹ Арабани – в Арамазда, Халди – в героя Мгера (на арм. Мгера – одного из главных героев древнеармянского эпоса «Давид Сасунский»), Артибидини стал символом орла¹². Целью Оронтидов было предать забвению среди населения страны существующих и почитаемых урартских богов, поскольку царство Урарту было низвержено в 590–580 гг. до н. э., то есть за 20 лет до восшествия на престол династии Оронтидов, и память о «сверженных» богах была еще жива. Трудно предположить, почему у Хоренаци отсутствует явление «*воскрешения в памяти*», о котором французский исследователь Поль Рикёр пишет: «Под воскрешением в памяти мы берем понимать непроизвольно пришедшие воспоминания. Именно для него Аристотель приберег термин *mnēmē*, обозначая словом *anamnēsis*. То, что мы в дальнейшем будем называть разысканием, или вызыванием в памяти. Аристотель характеризовал *mnēmē*, *phatos* как чувство: бывает, что мы вспоминаем о чем-то в тех или иных обстоятельствах; в таком случае мы имеем воспоминание»¹³.

В творчестве Мовсеса Хоренаци духовное оказывается ярко выраженным и занимает большое место. Примеров, подтверждающих эту особенность его трудов, неисчислимо множество. Самой эмоционально насыщенной в духовном аспекте является последняя глава «Истории Армении» Хоренаци, названная автором «Плачем». Здесь историк буквально оплакивает падение в Армении в 428 г. династии Аршакидов. Можно предположить, что по политическим соображениям Оронтиды осознанно и целенаправленно предали забвению почитаемых и популярных урартских богов-героев, некоторых из них на начальном этапе переименовали, а позже создали совершенно новые образы богов-героев. Последним этапом этого процесса стало создание *эпических циклов*, о которых довольно подробно свидетельствует не только Хоренаци, но и его современник Фавстос Бузанд в своей «Истории Армении»¹⁴.

¹¹ Об Ара Прекрасном подр. см.: *Капанцян, Г.* Ара Прекрасный. Мифотворческий образ у армян. Ереван, 2008; *Ananikian, M.* Ara-on Mythology // *Mythology of All Races*. N.Y., 1964. Vol. 7. P. 118–142.

¹² См.: *Амаякян, С.Г.* Указ. соч. С. 15.

¹³ *Рикёр, П.* Память, история, забвение. М., 2004. С. 51; см. также: *Фролов, Э.Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 82–102 (гл. «В царстве “Мнемосины”»).

¹⁴ *Фавстос Бузанд.* История Армении: пер. с древнеарм. М.А. Геворкяна. Ереван, 1953.

Возникают правомерные вопросы: почему Хоренаци в своем повествовании, изобилующем образами языческих кумиров, перечисляет не всех богов? по какому принципу автор выбирает богов для упоминания и по какому принципу «убирает» их из списка? почему древнеармянский историк в своем повествовании пропускает урартских богов. В труде Хоренаци не упомянуты такие популярные языческие боги, как Анаит, Нане, Аманор, Ванатур и т. д.

Автор мог бы упомянуть о Тире, который «...был у древних армян богом мудрости, просвещения и наук, писцом или секретарем верховного божества Арамазда»¹⁵. Фактически этот бог в период язычества покровительствовал тому, чем занимался в эпоху христианства Хоренаци, то есть историк «находился под покровительством Тира», образ которого не нашел место в его повествовании. Можно предположить, что на упоминание определенных богов по каким-либо причинам был «запрет» со стороны правящей династии. Тогда почему современник Хореници, ученый Агатангелос (автор «Истории Армении», посвященной принятию в Великой Армении христианства как государственной религии в 301 г. н. э.) в своем труде уделил особое место верованиям эпохи язычества, а также всем известным языческим богам?¹⁶

Почему Хоренаци так часто упоминает языческих богов? Этот факт можно объяснить тем обстоятельством, что древнеармянский историк, по его собственному свидетельству, получил образование в египетской Александрии¹⁷, а у древних египтян, равно как у греков и римлян, в буквальном смысле было изобилие богов¹⁸. Можно заключить, что Хоренаци находился под влиянием египетского и греко-римского мировоззрения. Вопрос забвения урартских богов в творчестве историка можно объяснить следующим образом. От упадка урартского государства до начала творческой деятельности Хоренаци прошло как минимум 900 лет. Это достаточный период для окончательного стирания в народной памяти образов бывших богов. Урартский язык в период жизнедеятельности Хоренаци был мертвым, а население Армении говорило на новом языке, который сейчас именуется грабар (или древнеармянский). После «упраздне-

¹⁵ Арутюнян, С.Б. Мифы и легенды древней Армении... С. 58.

¹⁶ См.: Агатангелос. История Армении: пер. с древнеарм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыана. Ереван, 2004; Анания Ширакаци. Космографические труды // Анания Ширакаци. Избр. тр. Ереван, 1979. С. 64–126 (на арм. яз.)

¹⁷ Хоренаци, М. Указ. соч. Кн. III. Гл. 62.

¹⁸ См.: Коростовцев, М.А. Религия древнего Египта. М., 1976; Дэвид, Р. Древний Египет: Энциклопед. справочник. М., 2008. С. 184–224; Мюллер, М. Египетская мифология. М., 2005; Кокс, С., Дэвис, С. Древний Египет от А до Я. М., 2008.

ния» Оронтидами урартских богов население страны стало поклоняться переименованным и вновь созданным богам. Преподобные боги были окончательно преданы забвению. Хоренаци, вероятно, по причине незнания к тому времени уже мертвого урартского языка не смог прибегнуть к соответствующим урартским упоминаниям и использовать в своем творчестве имена «отживших» богов.

Богов или героев можно забыть в силу определенных обстоятельств, однако памятники материальной культуры забыть невозможно, как, например, невозможно забыть имена фараонов, построивших свои пирамиды. Хоренаци также не забыл те великие деяния, которые совершили армянские цари. Он свидетельствует о строительстве многих городов (Арташат, Тигранакерт, Багаван, Мцурк, Ван, Зарехаван, Зарешат, Аршакаван и т. д.), о строительстве языческого храма Гарни (единственный сохранившийся языческий храм на территории СНГ)¹⁹, упоминает о межевых камнях Арташеса I, как предмета материальной культуры. Творчество Хоренаци изобилует сведениями о развитии как духовной (изобретение письменности, подробное описание жизнедеятельности Маштоца и т. д.), так и материальной культуры в Армении. Однако одной из существенных особенностей повествования древнеармянского историка, отличающей его труд от аналогичных произведений своих современников и последующих авторов, является многократное упоминание большого количества богов-героев.

Богатством персонажей языческий пантеон древней Армении уступает египетскому и греко-римскому, но, вероятно, превосходит месопотамский (шумеро-аккадский и ассирово-вавилонский). Шумеро-аккадцы на заре своей истории создали свой героический эпос; в тот же исторический период армяне создавали пока еще *эпические циклы*, которые лишь спустя некоторое время, уже в эпоху Средневековья, когда Армения стала бороться против арабского владычества, превратились в *народный эпос*.

¹⁹ О Гарни (*Gorneas*) упоминает в «Анналах» Тацит (Тас. Ann. XI.45).

УДК 796.075(47+57)+929Беляев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БЕЛЯЕВСКОГО КРУЖКА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-х годов XIX ВЕКА
(по воспоминаниям участников)**

Д.Е. Луконин

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: Lukonin@info.sgu.ru

Характеризуя русскую художественную интеллигенцию начала 90-х гг. XIX в. В.В. Стасов безжалостно заклеил это время как «эпоху всеобщего ретроградства, измены, поворачивания оглобель назад и все более и более распространяющегося ничтожества, мелкоголовия, вина и карт». На примере Беляевского кружка автор статьи подробно рассматривает кризисные процессы, их причины, проявления и последствия, выделяет положительные и отрицательные черты «застольной составляющей» беляевского кружка.

Ключевые слова: М.П. Беляев, беляевский кружок, русское искусство, предпринимательство и меценатство, кризис русской художественной интеллигенции, повседневная жизнь.

**ORDINARY LIFE OF BELAIEV CIRCLE
IN FIRST HALF OF THE 90-th YEARS OF XIX CENTURY
(based on the memories)**

D.E. Lukonin

«The epoch of general obscurantism, treasons, turned shafts and diffusive more and more nonentities, meatheads, wine and cards», – so Vladimir Stasov, outstanding representative of Russian art criticism said about Russian art intelligentsia in first half of the 90-th years of XIX century. The author of this article considers in detail the crisis of Belaiev circle, his motives, manifestations and consequences, takes notice of positive and negative features of feasts in Belaiev house.

Key words: Mitrophan Belaiev, Belaiev circle, Russian art, free enterprise and patronage of arts, crisis of Russian art intelligentsia, ordinary life.

Беляевский кружок был видным объединением петербургской творческой интеллигенции, сложившимся в середине 80-х гг. XIX

века¹. Наиболее яркой публичной акцией, предпринятой с целью репрезентации художественных устремлений его участников, стали русские концерты на Всемирной выставке в Париже 1889 г., организованные М.П. Беляевым в зале Трокадеро. «Париж и мир», однако, оказались не готовы к восприятию «новой русской музыки»². Это привело к критическим тенденциям, распространившимся среди беляевцев с начала 90-х гг. XIX века. Кажется, только А.К. Глазунов был вполне удовлетворен результатами парижских концертов и теми обстоятельствами, в которых они были проведены³. Напротив, А.К. Лядов, по словам В.В. Стасова, казалось, весь переродился: «Нынче он только руками махает на Россию, и только и помышляет, что об загранице...»⁴. «...Он все лето⁵ проповедовал..., что после Европы ничего нет и ни о чем не стоит говорить, а соседним [по даче. – Д. Л.] юношам... проповедовал... засунуть куда-нибудь подальше «Князя Игоря»...»⁶ Не менее сильное впечатление опыт «покорения Европы» произвел и на Н.А. Римского-Корсакова. «...Я замечаю в себе громадную перемену после поездки за границу, – писал он жене. – Я отдохнул и отвык от музыки, и все, что я ни слышу теперь, мне не нравится. <...> Полагаю, что большая часть русской школы –

¹ См.: Курбанов, М.М. Воспоминания о беляевском кружке и о «Беляевских пятницах» // Памяти Митрофана Петровича Беляева: Сб. очерков, статей и воспоминаний. Париж, 1929. С. 101–163; Трайнин, В.Я. М.П. Беляев и его кружок. Л., 1975; Луконин, Д.Е. Кружки как форма организации досуга русской художественной интеллигенции (на примере «беляевского кружка») // Городская повседневность в России и на Западе. Саратов, 2006. С. 79–109; Он же. Беляевский кружок в художественной жизни России (80-е гг. XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009; Он же. Беляевский кружок сквозь призму исторической памяти // Историческая память, власть и дисциплинарная история. Пятигорск, 2010. С. 373–383.

² См.: Луконин, Д.Е. Русское представительство на всемирной выставке 1889 г. // Туризм и культурное наследие. Саратов, 2009. Вып. 6. С. 102–133; Он же. Проблема саморепрезентации русской национальной экспозиции на всемирных выставках XIX в. // Туризм и культурное наследие: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 5. С. 94–117.

³ «Поездка оставила во мне самое чудное воспоминание, – писал А.К. Глазунов С.Н. Кругликову. – В особенности французский оркестр произвел самое отрадное впечатление. <...> В Париже у нас образовался целый кружок знакомых, преимущественно музыкантов и композиторов, которые обещали хлопотать о том, чтобы <...> исполняли бы русские сочинения» (Глазунов, А.К. Письма, статьи, воспоминания. М., 1958. С. 125–126).

⁴ Стасов, В.В. Письма к родным: в 3 т. М., 1958. Т. 2. С. 254.

⁵ Речь идет о лете 1889 г., – времени сразу после возвращения русских музыкантов из Парижа.

⁶ Стасов, В.В. Письма к родным... Т. 2. С. 262–263.

не музыка, а холодное и головное сочинительство»⁷. Далее Римский-Корсаков недвусмысленно подчеркивал «отрезвляющее» воздействие европейских поездок на его взгляды и даже находил в этом положительный, хотя и горький эффект. «Слушал “Кремль” в 4 руки – скучно; просматриваю “Восточную рапсодию” Глазунова – мелко и ничтожно; романсы и квартет Соколова – сухо и безжизненно. <...> Вот Бетховенский квартет или симфония – другое дело. Техника и разработка там только форма, а все проникнуто жизнью и душою; конечно, тоже и Шопен и Глинка и (представь себе) – итальянцы с секстетом из “Лучии”, квартетом из “Риголетто” и со всеми их мелодиями»⁸. «Знаете, чего нет в русской музыке, – писал он осенью 1891 г. С.Н. Кругликову. – Души нет. А у Бетховена есть великая душа...»⁹.

Несколько ранее, чем у Н.А. Римского-Корсакова, критические настроения отмечались у А.К. Глазунова. Еще летом 1888 г. он писал Сигизмунду Blumenfeldу: «Я завидую тебе, что ты полон музыкальных мыслей, а я иссяк – ничего путного не лезет в голову»¹⁰. Это признание не приходится относить только к периоду летнего отдыха. Через полтора года В.В. Стасов подчеркивал в письме к С.Н. Кругликову, что Глазунов «иссяк в лучших своих силах, либо приостановился. Все новейшее у него – сухо или скучно, или подражания (всего чаще нынче – Вагнеру)»¹¹. Еще через год Стасов подтвердил свое впечатление тому же адресату: «Глазунов ничего нового не делал – и, слава Богу! Ему надобен большой антракт, а то он иссяк, утомился и нехорош стал»¹². Таким образом, творческое «иссякновение» Глазунова растянулось как минимум на три-четыре года. Концом кризиса обычно считают период, в который композитором практически подряд были написаны три его крупнейшие симфонии, – Четвертая (1893), Пятая (1895) и Шестая (1896).

В отличие от Римского-Корсакова, у которого кризис проявился в необычном для него стремлении освоить сокровищницу мировой философско-эстетической мысли, кризис Глазунова нашел свое воплощение в более традиционном для русского стиля поведении, –

⁷ Избранные письма Н. А. Римского-Корсакова к Н. Н. Римской-Корсаковой // Римский-Корсаков: Исследования, материалы, письма: в 2 т. М., 1953. Т. 2. С. 61.

⁸ Там же.

⁹ *Римский-Корсаков, Н. А.* Полн. собр. соч.: Литературные произведения и переписка. Т. 1–8. М., 1955–1982. М., 1982. Т. 8а. С. 194.

¹⁰ *Глазунов, А.К.* Письма, статьи, воспоминания... С. 101.

¹¹ Письма В.В. Стасова С.Н. Кругликову // СМ. 1949. № 10. С. 74.

¹² Там же. С. 75.

чрезмерном поклонении «зеленому змию». Так, летом 1888 г. Глазунов сообщал С.М. Блуменфельду: «Приехал Беляев, и мы уже успели с ним дважды покутить: один раз в ресторане Контана, другой раз у него на даче»¹³. Тем же летом в письме к Н.А. Римскому-Корсакову он так рассказывал учителю о своей жизни: «Время я провожу по-цыгански: сегодня, например, у Беляева ночью, завтра – у Антипова, был 2 раза на даче у Стасова»¹⁴.

В 1890 г. «цыганская жизнь» Глазунова, очевидно, продолжилась. «С Вержбиловичем и Кузнецовым кутил сегодня...», – писал он Римскому-Корсакову¹⁵. Общество А.В. Вержбиловича (1849–1911) часто становилось роковым для Глазунова. Этот замечательный исполнитель-виолончелист помимо своей творческой популярности прославился в петербургской среде как человек, одержимый «пагубной страстью» безудержного, запойного пьянства¹⁶. Другими партнерами по «ресторанному делу» становятся для Глазунова, начиная с 1890 г., П.И. Чайковский и Г.А. Ларош. «Чайковский мог много пить вина, сохраняя при этом полную крепость силы и ума, – вспоминал Римский-Корсаков, – не многие могли за ним угоняться в этом отношении. Глазунов, напротив, был слаб, быстро хмелел, становился неинтересен»¹⁷. Что же касается личности Лароша, то, по мнению «беляевца» Н.А. Соколова, который близко знал его, Ларош представлял из себя что-то вроде «римлянина эпохи упадка, тонкого эпикурейца и эстета, способного на самые печальные антиморальные эксцессы, если бы от них его не удерживал именно утонченный эстетизм»¹⁸.

¹³ Беляев, В.М. Александр Константинович Глазунов: Материалы к биографии. Пг., 1922. С. 130.

¹⁴ Римский-Корсаков, Н.А. Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 6. С. 84.

¹⁵ Там же. С. 86.

¹⁶ Ходили слухи, что для того чтобы Вержбилович мог дать концерт, «к последнему в день концерта необходимо приставить кого-нибудь, кто бы мог удержать его от излишества» (ОР РНБ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 335. Л. 8). Римский-Корсаков писал, как потрясла его сцена во время похорон Чайковского, когда «совершенно охмелевший после какой-то попойки» Вержбилович «целовал покойника в голову и лицо» (всем было известно, что Чайковский умер от холеры) (Римский-Корсаков, Н.А. Летопись моей музыкальной жизни... С. 193). Неслучайно Римский-Корсаков связывал с его именем вполне определенные тенденции, проявившиеся в беляевском кружке в начале 90-х гг. XIX века. «С течением времени...», – писал он, – «пятницы» становились все многолюднее. Усилились и возлияния за ужином. Появился и Вержбилович» (Там же. С. 154).

¹⁷ Там же. С. 175.

¹⁸ Каратыгин В.Г. Памяти Н.А. Соколова // Орфей. Пг., 1922. Кн. 1. С. 121–122.

«Жирный изовравшийся свинтус», – так охарактеризовал его однажды, отбросив всякие экивоки, Н.А. Римский-Корсаков¹⁹. Пользуясь радушием и гостеприимством М.П. Беляева, Ларош все глубже проникал в кружок. По свидетельству Стасова, «пользуясь отсутствием нашего любезного адмирала» [Н.А. Римского-Корсакова. – Д. Л.], «он теперь в том доме, № 50 на Николаевской, глубокие корни пустил. <...> Он там усердно в карточки поигрывает; как все, и, чтоб завладеть достоконально сердцами, ведь какую “штучку” выкинул! “Что это, – говорит он недавно, – видно, все здесь меня и не любят, и не уважают, и далеко от своего сердца держат, особливо сам хозяин, когда он (да и другие тоже) на меня за картами не кричат и мне никаких сердитых выговоров и упреков не вопиют, как всем прочим, особливо сам Митрофан Петрович, от которого всегда так крепко на орехи достается почти каждому из играющих?!” – Ну и дождался. Нынче его желанья исполнены. На него кричат, вопиют, упрекают и выговаривают за картами, и он считает себя повышенным в чине, счастлив и ликует, видит себя и чувствует – своим там...»²⁰ Однажды А.К. Глазунов, запечатлев себя в дружеском сообществе Г.А. Лароша, сделал дарственную надпись Чайковскому следующего содержания: «Дорогому Петру Ильичу на память от горячего поклонника и искренне любящего его». Дружба Глазунова с Чайковским и Ларошем вряд ли была по вкусу его учителю и главе беляевского кружка.

Ухудшающаяся ситуация с попойками привела к тому, что в начале 1891 г. М.П. Беляев, на правах старшего товарища и патрона, вынужден был сделать своему «любимцу» серьезное замечание. Возможно, оно было не первым, но т. к. для большей весомости Беляев придал ему письменную форму, мы имеем сегодня редкий документ, наглядно демонстрирующий неформальную сторону жизни беляевского кружка и проверку на прочность дружеских отношений в среде его членов. «Дорогой Саша! – писал Беляев. – Ты меня пугаешь своей слабостью к вину. На всех последних попойках я замечал, что ты не прежний, т. е. что ты пьянеешь гораздо быстрее против прежнего, а это, мне кажется, доказывает, что ты ввел в свой организм излишнее количество алкоголя и тебе надо на время совершенно остановиться от питья, а затем допускать его только с известными промежутками. Ты знаешь, что я не ригорист, и сам не прочь выпить, если мое здоровье это позволяет, – но и тогда я при-

¹⁹ *Римский-Корсаков? Н.А.* Полн. собр. соч. Т. 8а. С. 236.

²⁰ Письмо В.В. Стасова Н.Н. Римской-Корсаковой от 3 июля 1896 г. // *Римский-Корсаков? Н.А.* Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 5. С. 517–518.

знаю опьянение только до степени веселого расположения, а не до отупения, что равняется с чем-то скотским. Такое опьянение не только не возбуждает фантазии, а скорее разрушает весь организм. Это замечаю не один я, а все твои знакомые, – но Бог знает, когда они соберутся сказать тебе это, – мне же горько, что ты такой слабостью погубишь свой талант. Ты до того в последнее время предался попойкам, что запустил и запускаешь музыкальное дело...»²¹

Любопытно, что Глазунов фактически принял замечания Беляева. В ответном письме он писал: «Дорогой Митрофан Петрович! Перво-наперво мне хочется высказать тебе, что я тебя так уважаю и люблю, что мне, во всяком случае, хотелось бы теперь навсегда сохранить с тобою дружеские отношения. <...> Но что же будешь делать, если я при всем желании не обижаться, не мог быть спокоен, прочитав твое первое письмо. Я даже не отвечал так скоро на него, ибо не желал написать излишних глупостей...»²² Следует заметить, что выговор мецената не уничтожил дружбы между Беляевым и Глазуновым, хотя последний так и не справился со своей пагубной приверженностью.

В чем же была причина ухода Глазунова в кутежи и пьянство на рубеже 80–90-х гг. XIX века? Исследователь его творчества Ю.В. Келдыш полагал, что, «испытывая неудовлетворенность кругом более или менее устоявшихся эстетических представлений и норм балакиревско-корсаковской школы, в рамках которого протекало его раннее творчество, молодой композитор в то же время еще не может с достаточной четкостью определить цель своих стремлений. Демонстративное отталкивание от ученически усвоенных на первых порах стилевых принципов “кучкизма” соединяется у Глазунова с идейно-художественной незрелостью и известной неустойчивостью взглядов»²³. Если несколько усилить формулировку Ю.В. Келдыша, то можно сказать, что речь шла о некоем «бунте» против принципов «кучкизма», «новой русской школы».

Потребность в подобном «бунте» усиливалась неудачей последних произведений Глазунова даже в среде товарищей по беляевскому кружку. Выше уже цитировалось уничтожающее мнение Римского-Корсакова по поводу его «Восточной рапсодии»²⁴. Другое

²¹ ОР РНБ. Ф. 187. Д. 785. Л. 9–10 об.

²² Глазунов: Исследования. Материалы. Публикации. Письма: в 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 338.

²³ Там же. М., 1959. Т. 1. С. 156.

²⁴ В другом письме того же времени Н.А. Римский-Корсаков высказался так: «Восточная рапсодия»... мне окончательно не нравится. Где мои были уши, когда я ее до некоторой степени защищал от нападений других?» (Из-

произведение Глазунова, – симфоническая картина «Кремль» (именно желая подстегнуть молодого композитора к ее завершению, Беляев написал процитированное выше письмо «о вреде пьянства»), – также не вызвала в среде поклонников «новой русской школы» ничего, кроме разочарования. “Кремль” никому, кажется, не понравился и успеха не имел, – писал В.В. Стасов. – Да и мудро не понравиться: тут только есть «сочинение», но нет творчества. Автор явно устал, и ему бы хорошо было несколько времени не сочинять. Вдохновения нынче вовсе не слышно у него...»²⁵

Неудивительно, что в таких обстоятельствах у Глазунова проявляется тяготение прочь от «новой русской школы», – к Чайковскому. В отличие от товарищей по беляевскому кружку Чайковский стремился понять чувства младшего коллеги и поддержать его в трудный момент. «Глубоко сочувствую нравственным страданиям Вашим, – писал он Глазунову, – по поводу того, что вы называете неудачей “Восточной рапсодии”. Злее этих страданий ничего нет. Однако ж нет худа без добра. Вы говорите, что друзья не одобрили эту вещь, выразили свое неодобрение не вовремя и что Вы в ту минуту были с друзьями несогласны. Нехорошо то, что они не пощадили еще не охладившегося чувства творца к новому его созданию. Но что они имели мужество высказать свое мнение искренне, это все-таки лучше, чем те неопределенные и обязательные восхваления, которые иные “друзья” считают долгом расточать...»²⁶

Чайковский глубоко верно почувствовал и понял сущность критического состояния, которое испытывал в те годы Глазунов. По его мнению, молодому композитору следовало при сочинении музыки более думать не о «направлении», которое этой музыкой должно утверждаться, а о собственном творческом «я», – отойти от пропаганды кружковых интересов и обратиться к познанию своей индивидуальности. А.А. Гозенпуд обратил внимание на то, что, читая книгу М. дю Кана «Souvenirs littéraires», Чайковский отчеркнул следующие слова: «Я полагаю, что для всякого художника, каков бы ни был его талант, каково бы ни было его направление, вредно всегда находиться в кругу его единомышленников. Таким образом бессознательно создается атмосфера взаимного поклонения и похвал,

бранные письма Н.А. Римского-Корсакова к Н.Н. Римской-Корсаковой... С. 60). Из этой фразы можно сделать вывод, что «другим» слушателям (вероятнее всего, тем же посетителям «беляевских пятниц») «Восточная рапсодия» нравилась еще менее.

²⁵ Письма В.В. Стасова С.Н. Кругликову... С. 75.

²⁶ Гозенпуд, А.А. А.К. Глазунов и П.И. Чайковский // Глазунов: Исследования. Материалы. Публикации. Письма... Т. 1. С. 363.

мешающая плодотворному росту и обновлению. Это то же, что посадить птицу в клетку и заставить ее петь одну и ту же песню»²⁷. На титульном листе книги Чайковский сделал надпись: «Для Глазунова очень подходящие слова», – и выписку: «Полезно менять интеллектуальную среду. <...> При этом знакомстве с идеями других людей дополняешь себя, обновляешь и возвышаешь»²⁸.

В одну из «беляевских пятниц», проводившуюся торжественно в связи с именинами хозяина, в дом М.П. Беляева был приглашен П.И. Чайковский. Как почетному гостю ему было выделено особенно престижное место «по левую руку хозяина». В силу этого, по словам Стасова, «вся его компания нынешняя (Глазун, Лядов, Блуменфельд и т. д.) явно ждала, что первый тост будет за него. Мне ужасно этого не хотелось, и так как меня посадили для обеда по правую руку Беляева [Римский-Корсаков по причине болезни малолетнего сына отсутствовал. – Д. Л.], то я ему шепотом и сказал: “Митрофан Петрович, Вы знаете, я в Ваши дела никогда не мешаюсь, да и Вы тоже это терпеть не можете, а все-таки скажу Вам, что не надо будет пить первым тост Чайковского...” – “Конечно, конечно, – перебил Митрофан, – я и собирался Вас...” – “Нет, нет, этого никак не следует, – возразил я, – а Вы вот что сделайте: прежде всего, провозглашайте здоровье Римлянина, как отсутствующего, и притом, как настоящего нынче главы школы...”

“Правда, правда, – сказал Беляев, – чудесно, именно так надо...”, – и через секунду так и сделал. Потом был тост за меня, потом за “молодых композиторов” <...> и тогда только Беляйкин произнес тост за Чайковского (в таком, дескать, смысле это было сделано – но не сказано – что те все свои, а теперь, мол, здоровье чужого, хотя и дружественного). Но тут компания Чайковского сделала такой гвалт, хлопанье в ладоши, топотню ногами, которая далеко была громче и шумнее аплодированья и “ура” в честь Римского-Корсакова, нашего настоящего национального. Мне и Беляеву это было точно 1000 булавок в бок»²⁹.

Позднее, около 9 часов вечера у Беляева появился и сам Римский-Корсаков, т. к. «его маленькому сыну стало вдруг лучше». «Его уже никто не ждал, и это было так приятно всем, что разом все сделали громадную демонстрацию, хлопали и шумели добрых ¼ часа

²⁷ Гозенпуд, А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 363.

²⁸ Там же.

²⁹ Этот инцидент, произошедший 23 ноября 1890 г., совершенно случайно был зафиксирован письменно, потому что, по собственному признанию В.В. Стасова, он «не успел» устно рассказать о нем брату. Следует считать весьма вероятным, что подобные столкновения и «дипломатические маневры» не были единичным явлением (Стасов, В.В. Письма к родным... Т. 2. С. 294).

<...> Чайковский играл в то время в карты и даже не вышел. <...> Все это не мелочи и не пустяки, а проявление разных нынешних течений и страстей»³⁰.

Основные опасения М.П. Беляева в данный период были связаны с тем, что Римский-Корсаков в силу сложившихся обстоятельств отойдет от дел беляевского кружка. «Пуганая ворона и куста боится», – так меценат выразил свои ощущения³¹. Эта фраза была озвучена им в письмах Римскому-Корсакову в самом начале 1891 года. 19 декабря 1890 г. петербургская художественная общественность торжественно поздравила Римского-Корсакова с 25-летием творческой деятельности, а 22 декабря состоялся организованный Беляевым юбилейный концерт из произведений композитора под управлением А.К. Глазунова и Г.О. Дютша. 6 января следующего года Римский-Корсаков устроил у себя дома ответный обед «для более близких людей»³². Какие-то обстоятельства или слухи позволили Беляеву думать, что во время этого обеда Римский-Корсаков хочет произнести публичное отречение от концертов. На этот раз композитор успокоил мецената. Удалось уговорить Римского-Корсакова и в следующем концертном сезоне. Однако в сезоне 1892–1893 гг. бразды правления были переданы А.К. Лядову и А.К. Глазунову в связи с усиливающимся охлаждением Римского-Корсакова к делу концертов³³. После смерти П.И. Чайковского он вновь «изъявил желание» взять на себя управление этим делом, что «было принято Беляевым с радостью»³⁴.

Неподдельно искренними кажутся также строки беляевского письма от 12 июля 1894 г., в котором он приветствует возвращение Римского-Корсакова к активной творческой деятельности. «Вчера я вдруг узнаю, что Вы пишете не только одну, а целых две оперы!! Это меня так обрадовало, что я готов был сразу (если бы это только было возможно) прыгнуть к Вам в Плюссу. <...> Я боюсь быть нескромным, и в то же время мне бы хотелось повидать Вас именно в том жизнерадостном настроении, в котором Вы всегда бываете, когда

³⁰ Стасов, В.В. Письма к родным... Т. 2. С. 294–295.

³¹ «Облегчить бескорыстное служение искусству»: Переписка Римского-Корсакова с М.П. Беляевым / публ. и коммент. О. Федоровой // МА. 1994. № 2. С. 123.

³² См.: Римский-Корсаков, Н.А. Летопись моей музыкальной жизни... С. 175.

³³ В письме к С.Н. Кругликову от 16 ноября 1890 г. Римский-Корсаков так объяснял свое настроение: «Дело с концертами идет худо: публики мало. <...> С этого года я сильно охлаждаю к Р[усским] симф[оническим] концертам. Не клеится что-то. Усталость чувствую большую: должно быть, стар стал» (Римский-Корсаков, Н.А. Полн. собр. соч. Т. 8а. С. 192).

³⁴ Римский-Корсаков, Н.А. Летопись моей музыкальной жизни... С. 193.

что-либо сочиняете. Не церемоньтесь со мною и напишите мне прямо: могу ли я приехать теперь же или отложить на неделю или на две? Я бы провел не более одной ночи, и, вероятно, для меня найдется какой-либо диван, а нет – так я могу спать и на полу»³⁵. Кажется вполне очевидным, что Беляев не видел иной альтернативы на месте лидера кружка, кроме Н.А. Римского-Корсакова.

Крупнейшим произведением этого периода была для беляевцев опера «Млада», написанная их учителем и лидером. Решение написать оперу на сюжет, который уже разрабатывался совместно Бородиным, Римским-Корсаковым, Мусоргским и Кюи много лет назад, было принято 15 февраля 1889 г., в день двухлетней годовщины смерти Бородина. «Вечером в квартире его, – вспоминал Римский-Корсаков, – <...> собрались В.В. Стасов, Глазунов, Лядов, Беляев и я с женою, чтобы провести время вместе в память дорогого человека...»³⁶ У А.К. Лядова возникла идея, что Римский-Корсаков может написать новую оперу на старый сюжет. Эта идея была воспринята композитором с воодушевлением. В.В. Стасов позднее неоднократно вспоминал, «как у него вдруг загорелись щеки и засверкали глаза»³⁷. Опера была написана очень быстро – в 3½ месяца, дальнейшая работа над ее инструментровкой и подготовкой партитуры пришлась на годы кризиса.

Сообщая С.Н. Кругликову в Москву о последних достижениях «новой русской школы» В.В. Стасов неоднократно подчеркивал этот факт. 3 ноября 1890 г. он писал: «Римлянин все время был занят только «Младой» и ее инструментровкой. Прочие – ни гугу!»³⁸ 16 сентября 1891 г.: «По музыке – ничего нет нового. Из нового поколения никто ничего не делает и, кажется, не хочет и не может делать. <...> Итак, вся действующая армия – один Римский-Корсаков»³⁹. 17 октября 1891 г.: «Никто ничего не сочиняет нового. Ждем первого представления “Млады”...»⁴⁰ В силу указанных обстоятельств от успеха «Млады» зависело очень многое. Свои надежды и тревоги Стасов выразил в письме к Глазунову: «...Меня все время глодала жестокая жажда узнать, что же из всего этого смяте-

³⁵ «Облегчить бескорыстное служение искусству»... С. 127. Известно, что М.П. Беляев с молодости был очень неприхотлив в быту. Тем не менее, предложение «спать на полу» свидетельствовало о высочайшей степени уважения, с которой Беляев обращался к Римскому-Корсакову.

³⁶ *Римский-Корсаков, Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни... С. 170.

³⁷ *Стасов В.В.* Письма к родным... Т. 2. С. 255.

³⁸ Письма В.В. Стасова С.Н. Кругликову... С. 74.

³⁹ Там же. С. 75.

⁴⁰ Там же. С. 76.

нья душевного и талантливого трепета вышло? А что как ничего или мало, как это уже раз случилось. <...>Так вот-с и мучился я вчера-с изрядно <...>: “А что, брат, как, невзирая ни на что, ничего великого у тебя не вышло?” ...»⁴¹.

Сценическая судьба «Млады» была печальной. На последних репетициях и первых представлениях «успеха было мало», количество спектаклей оказалось, по словам Римского-Корсакова, «беспримерно» небольшим. «...Ожидавшийся приезд Государя на последнее представление “Млады” не состоялся, была только Государыня и дети. Равным образом Государь не был и на репетиции, несмотря на свое обыкновение бывать на генеральных репетициях со всем двором. Министру Высочайшего двора опера моя, как я слышал, не понравилась, – а это для дирекции имеет большое значение. Газетные статьи унизили насколько возможно “Младу” в глазах публики. <...> По всему этому, очевидно, сложилось мнение, что “Млада” – слабое произведение, и это мнение большинства, вероятно, надолго установилось...»⁴².

Главными причинами неуспеха «Млады» Римский-Корсаков считал «рутину» в Мариинском театре и недостаточное рвение к постановке дирижера Э.Ф. Направника⁴³. Искреннее недоумение Римского-Корсакова вызвала тогда же популярность «Иоланты», оперы П.И. Чайковского, поставленной одновременно с «Младой»⁴⁴. Все в этом произведении было противоположно его идейным устремлениям, – и одноактное камерное действие (против монументально-масштабной «Млады»), и сюжет неопределенной национальной принадлежности (сказка о дочери провансальского короля), и оркестровка, сделанная, по словам вождя «беляевцев», «шиворот-навыворот» и пр. На репетициях этого «слабейшего произведения» Чайковского, как с горечью констатировал Римский-Корсаков, «была и царская фамилия... и все было прекрасно»⁴⁵.

Начало 90-х гг. XIX в. В.В. Стасов безжалостно заклеил в одном из писем к Л.Н. Толстому как «эпоху всеобщего ретроградства, измены, поворачивания оглобель назад и все более и более распро-

⁴¹ Переписка А.К. Глазунова и В.В. Стасова... С. 291.

⁴² Римский-Корсаков, Н.А. Летопись моей музыкальной жизни... С. 183–184.

⁴³ Там же. С. 180–186.

⁴⁴ По отзывам одного из современников успех «Иоланты» был «полный», все сольные номера бисировались «вся опера произвела самое выгодное впечатление и по окончании ее много раз вызывали Чайковского, Направника и всех исполнителей» (Прибегина, Г.А. П.И. Чайковский. М., 1990. С. 182).

⁴⁵ Римский-Корсаков, Н.А. Летопись моей музыкальной жизни... С. 184.

страняющегося ничтожества, мелкоголовия, вина и карт»⁴⁶. Карты действительно были одним из бичей того общества, которое сформировалось вокруг М.П. Беляева и вторым по силе увлечением самого мецената⁴⁷. Уже в конце 80-х гг. «беляевцы» много говорили об этом. Так, например, А.К. Глазунов писал в Москву С.Н. Кругликову: «...У нас в музыкальном мире совсем нет жизни, музыкой точно перестали интересоваться, завелся страшный картеж и сплетня из-за натянутых отношений между представителями музыки»⁴⁸. Через несколько месяцев он еще раз повторил эту же мысль: «Между нами будь сказано, у нас между музыкантами страшно свирепствует картеж, который, кажется, больше их интересуется, чем что-либо другое, и, к сожалению, должен сознаться, что Беляев косвенно служит рассадником этого»⁴⁹. Еще несколькими годами позднее находим в переписке упрек картам, произнесенный устами В.В. Стасова. По поводу празднования у Беляева одного из дней рождения Лядова он так писал Н.Н. Римской-Корсаковой: «...Ни о какой музыке тут во весь день и помина малейшего не будет, но зато – картеж на ½ дюжине столов»⁵⁰.

Что же касается «натянутых отношений между представителями музыки», то бесконечные более или менее крупные ссоры распространились подобно эпидемии. Она поразила, в числе прочих, также и «ядро» беляевского кружка. Так, Римский-Корсаков неоднократно указывал на «охлаждение» прежде особенно добрых и доверительных отношений к нему со стороны Глазунова⁵¹. В свою очередь, и сам он не столь открыто, как прежде, делился с Глазуновым своими творческими замыслами, «боясь увидеть» на лице его «какую-либо тень неодобрения», и в результате этого – «раскиснуть»⁵². В тяжелые для Римского-Корсакова дни, когда его домашние были больны, а сам он был привязан к их постели, Глазунов и

⁴⁶ Переписка Л.Н. Толстого и В.В. Стасова. Л., 1929. С. 129.

⁴⁷ И.И. Витол писал: «В “пятницы” карты не имели права появляться, им отведен понедельник – специально для игры в винт и бостон. Увлечение картами и музицированием Беляев привез с собой из Архангельска» (Витол, Я. Воспоминания, статьи, письма. Л., 1969. С. 58).

⁴⁸ Глазунов, А.К. Письма, статьи, воспоминания... С. 90.

⁴⁹ Там же. С. 113.

⁵⁰ Римский-Корсаков, Н.А. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 517.

⁵¹ «...Он [Глазунов] ко мне видимо холодеет, – писал Римский-Корсаков С.Н. Кругликову, – разбрасывается между ухаживанием за консерваторскими барышнями, собутыльничаньем с Вержбиловичем и всяким проведением самого себя посредством сближения со всеми» (Там же. Т. 8а. С. 183).

⁵² Там же. Т. 6. С. 94.

Беляев, по его мнению, «выказали необыкновенную сухость» к нему, отказавшись посетить его. Свиньи!⁵³

Многочисленные претензии имел Римский-Корсаков в эти годы и к А.К. Лядову. Помимо дружественных отношений последнего с Ларошем и всяческой хулы на «новую русскую школу», о чем уже говорилось выше, главную озабоченность вождя «беляевцев» вызывало то, что этот замечательный композитор «ничего не пишет»⁵⁴. Более прямолинейный в этом отношении М.П. Беляев, по-видимому, пытался оказать на Лядова моральное давление, подобно тому, как он проделал это с А.К. Глазуновым, и обратить его от застолий и ресторанов к творчеству. Этот номер, однако, не прошел. В одном из писем за 1891 г. Лядов так ответил многолетнему другу и благодетелю: «Мне очень жаль, что Вы во мне видели только одну сторону моего характера – “доброе малое”, но во мне есть и другая сторона, которая никогда не выносила над собой ни “исправительных мер”, ни насилия, ни власти, хотя бы все это делалось во имя любви, дружбы или родства. Я моментально разрывал всякую связь, если она становилась для меня неудобна»⁵⁵. Очевидно, Лядов полагал, что слишком грубое вторжение патрона в его жизнь недопустимо. Справедливости ради следует отметить, что отношения Беляева и Лядова все-таки не были разорваны после этого инцидента, а, напротив, с течением времени стали еще более теплыми и дружескими.

Критическая ситуация сложилась в эти годы и в доме самого М.П. Беляева. Как рассказывал И.И. Витол, «банальным образом любовь Митрофана к своей жене шла прямо “через желудок”: он женился на своей кухарке. И Марии Андреевны было жаль тех больших денег, которые Беляев тратил на никому, по ее мнению, не нужную музыку»⁵⁶. Именно в начале 90-х гг. XIX в. она, по-видимому, решила заявить об этом мужу. Однако в отношениях с женой Беляев был непреклонен: будучи поставлен перед выбором

⁵³ «Я убежден, что, если б я по какому-либо случаю ослеп или каким-нибудь другим образом выбыл бы из действующей армии, половина бы моих музыкальных друзей забыли бы меня как старую подошву» (*Римский-Корсаков, Н.А.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 406). Еще более резко Римский-Корсаков писал об этом случае С.Н. Кругликову: «Вы один из немногих соболезнующих о здоровье Н[адежды] Ник[олаевны], другим до нее дела нет. У большей части девизом может быть: “Я человек, но при этом музыкант, а потому все человечество мне чуждо”. – Свиньи!» (Там же. Т. 8а. С. 179).

⁵⁴ См., напр.: Там же. С. 236.

⁵⁵ РО РИИИ. Ф. 8. Оп. 12. Д. 45. Л. 19.

⁵⁶ *Витол, Я.* Указ. соч. С. 65.

между сохранением семьи или дружеского сообщества, он выбрал последнее: «...Лучше нам жить порознь. Если при совместной жизни ты беспрестанно будешь попрекать меня моими друзьями..., то при жизни порознь этого не может быть, так как ни меня, ни моих друзей ты не будешь видеть»⁵⁷. Осенью 1894 г. Беляев отправил жену и приемную дочь на лечение в Железноводск, а затем в Ялту, искренне желая, чтобы помимо «поправления здоровья» произошло бы и излечение ее «характера»⁵⁸. После поездки состоялось примирение.

Нестабильная ситуация в «ядре» беляевского кружка сказывалась и на младших «беляевцах». К этому периоду принадлежат наиболее уничижительные отзывы «мэтров» об их творчестве. «А молодое поколение музыкантов – вот уж, правда, малую цену имеет», – заявил в одном из писем 1891 г. Н.А. Римский-Корсаков⁵⁹. С ним был согласен и А.К. Глазунов: «Все то, что было ново, талантливо в 60-х и 70-х гг., – писал он С.Н. Кругликову 29 сентября 1891 г., – теперь, выражаясь резко (даже слишком), пародируется, и тем последователи бывшей талантливой школы русских композиторов оказывают последним очень плохую услугу. Это подобно тому, если бы хорошее вино стали разбавлять водою»⁶⁰. Иногда «вожди» не стеснялись прямо высказывать ученикам свое отношение к их творчеству. Н.А. Соколов, например, вспоминал о такой «бесцеремонности» со стороны Римского-Корсакова: «...Однажды... после исполнения в концерте моей оркестровой пьесы [Римский-Корсаков. – Д. Л.] с добродушной улыбкой сказал: “Звучит очень хорошо, – но ведь, Вы сами знаете, – музыка, как говорит Стасов, – “дрянь-с”»⁶¹. Такая прямота, разумеется, не улучшала и без того не слишком дружественную в те годы атмосферу беляевского кружка.

А.А. Копылов, преподаватель Придворной певческой капеллы, по-видимому, оказался одним из тех композиторов, музыка которых, как водой, разбавляла «вино» талантливых сочинений «новой русской школы». Отношения его с Беляевым были, вероятно, достаточно близкими⁶². 19 апреля 1895 г. Беляев отправил Копылову письмо, в котором без обиняков высказал неудовлетворение его сочинениями и отказ издавать их, в частности, третий квартет⁶³. В от-

⁵⁷ ОР СПбГК. Архив М. П. Беляева. Д. 384. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Д. 386. Л. 1.

⁵⁹ Римский-Корсаков, Н.А. Полн. собр. соч. Т. 8а. С. 194.

⁶⁰ Глазунов, А.К. Письма, статьи, воспоминания... С. 169.

⁶¹ Соколов, Н.А. Воспоминания о Римском-Корсакове. СПб., 1908. С. 28.

⁶² В одном из писем Беляев упомянул, что Копылов называл его «отцом» (РО РИИИ. Ф. 8. Разд. XII. № 6. Л. 2).

⁶³ ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Д. 2505. Л. б/н.

вет Копылов в письме от 21 апреля упрекнул «отца и благодетеля» в предвзятости и высказал такую точку зрения: «Мне кажется, раз Вы пропагандируете “русскую музыку”, то следует не издавать только уж очень плохие сочинения, т. е. вполне бездарные <...>, но мой квартет, я слышал от других, не так уж плох. Вот немцы так правильно ведут дело и твердо держатся нашей “русской пословицы”, именно “взявшись за гуж, не говори, что не дюж” ...» В заключение обиженный композитор «давал слово больше не надоедать своими посещениями, а также и сочинениями»⁶⁴.

Письмо Копылова, как видно, задело Беляева. Глазунов не случайно отмечал, что «у Беляева есть страсть учить людей и наказывать их»⁶⁵. «На такие дерзкие письма, как Ваше вчерашнее, обыкновенно не стоит отвечать. <...> Тон Вашего ответа мог принять болезненно самолюбивый человек немедленно по получении моего письма, но написать ответ в таком тоне через несколько дней может только человек не получивший воспитания. <...> Я никогда не считал себя и не считаю за знатока музыки, но всегда был человеком независимым, а потому считал и считаю себя вправе... высказывать мое мнение (может быть ошибочное) о том, что мне не нравится»⁶⁶. Далее Беляев ссылаясь на то, что его решения всегда принимаются по согласованию с авторитетными композиторами: «...Те, которые смыслят еще более Вас, находят, что Вам не мешало бы еще поучиться... Может быть, немцы ведут дело более правильно, только ко мне в данном случае неприменима пословица: “Взявшись за гуж, не говори, что не дюж”. Издание таких сочинений [как Ваши] не могло обременить мой бюджет, но обременило бы мой каталог. <...> ...Все это пишу..., чтобы все русские композиторы относились к себе поосторожнее и постепенно совершенствовались, если не в смысле таланта, который дается от Бога, то, по крайней мере, в технике, которая зависит от них самих. <...> Вы сами пожелали закрыть мой порог, несмотря на высказанную мной надежду, что мои предостережения не повлияют на наши отношения, и поэтому считаю их порванными навсегда»⁶⁷.

Если свидетели первого периода развития беляевского кружка (второй половины 80-х гг. XIX в.) в описании «пятниц» в основном останавливались на квартетной музыке, звучавшей у хозяина, то во второй период (первой половине 90-х гг.) усиливаются свидетельства о застольях у Беляева, торжественных обедах и ужинах, алкоголе,

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Д. 2505. Л. 3-3 об.

⁶⁵ Глазунов, А.К. Письма, статьи, воспоминания... С. 155.

⁶⁶ РО РИИИ. Ф. 8. Разд. XII. № 6. Л. 2-2 об.

⁶⁷ Там же.

закуске, тостах. Можно было бы сказать, что для этого периода характерно ослабление «творческой» составляющей и усиление «застольной» составляющей «беляевских пятниц». В такой трансформации сообщества В.В. Стасов видел один из важнейших симптомов кризиса. В письме Римскому-Корсакову он писал: «...наши молодцы многого и сами стоят. Ведь они нынче ни о чем не помышляют, как пойти в пятницу вечером в № 52⁶⁸ на Николаевской, жрать, хлебать, винтить, болтать и праздничать как только можно, только бы от музыки и дела подальше!! Противно смотреть и даже вспоминать. Ну вот и дождались! Прежде новых русских музыкантов – боялись, теперь только что презирают всякие гады и гадины. А кто виноват? Скверно, скверно, скверно»⁶⁹.

Даже в обычные «пятницы» стол Беляева бывал обильным и очень сытным⁷⁰. В.В. Стасов вспоминал об «осетрине и рябчиках», о поразивших его огромных осетрах, «не виданных ранее нигде, ни на каком обеде» и спарже «толщиною в палец»⁷¹. В записных книжках Беляева содержится меню, помеченное 1893 г., которое предназначалось, возможно, для торжественного случая. В качестве «закуски на 40 персон» в нем перечислены: уха из стерляди с расстегаем, вареная баранья жига с соусом, спаржа, фаршированные томаты, жаркое Думма, пулярды и перепела, салат из свежей икры и огурцов, парфе «Мокко», сыры Рокфор, Честер и швейцарский с сельдереем, – итого на 9 рублей за порцию⁷².

Торжественные ужины у Беляева также устраивались регулярно в связи с определенными поводами. Торжественным, например, считался последний вечер сезона, который обычно выпадал на пятницу в последних числах апреля (редко – в начале мая). Эта «торжественная пятница» отличалась от «рядовой» тем, что «по окончании музыкальной части М.П. Беляев давал сведения о состоянии и ходе его издательского предприятия, а потом устраивал лотерею, выигрышами которой являлись ноты его издания, причем каждый из присутствующих имел

⁶⁸ Ошибка Стасова, адрес дома Беляева, в котором проводились «пятницы» – Николаевская, 50. Николаевская, 52 – это адрес его соседа, Лядова. Лядов, как известно, никаких собраний у себя не проводил.

⁶⁹ *Римский-Корсаков, Н.А.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 408.

⁷⁰ «Обильный, разнообразный и вкусный», по словам Н.Н. Черепнина (*Черепнин, Н.Н.* Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 64); «пышный», по характеристике В.А. Золотарева (*Золотарев, В.А.* Воспоминания о моих великих учителях, друзьях и товарищах. М., 1957. С. 201); «сытный и с обильными возлияниями» (*Римский-Корсаков, Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни... С. 154).

⁷¹ *Стасов, В.В.* Письма к родным... М., 1962. Т. 3, ч. 1. С. 203, 335.

⁷² ОР СПбГК. Архив М.П. Беляева. № 2709. Л. 4 об.

шансы выигрыша; некоторые номера были очень ценные...»⁷³ Как видно, на одну из таких «пятниц» А.К. Лядов зазывал В.В. Стасова: «Многоуважаемый Владимир Васильевич! В эту пятницу [9 мая] у Беляева будет последняя “пятница” и, как всегда, с лотереей. Приходите; будем за ужином сидеть вместе»⁷⁴. Другим вариантом «торжественного ужина» был вечер после окончания сезона Русских симфонических концертов. В 90-е гг. XIX в. это торжество выпадало на одно из чисел в промежутке с конца января до середины февраля. На него приглашались самые уважаемые участники «пятниц», авторы произведений, прозвучавших в концертном сезоне, солисты-исполнители и прочие «причастные как-либо к делу лица». Ужин проходил в ресторане, преимущественно у Донона, и сопровождался речами, чествованиями и тостами⁷⁵. Наконец, самым торжественным образом в жизни кружка справлялся день святого Митрофана, именины хозяина – 23 ноября. «В этот день в столовой [у Беляева] накрывалось покоем несколько столов. Обед [начинавшийся с 7 часов вечера] устраивался обыкновенно уже по заказу ресторатором, прислуживал ряд лакеев во фраках. Приглашенных собиралось обыкновенно много. Оживление и веселость были всегда чрезвычайные. Гости шли бесконечной вереницей...»⁷⁶ Вместе с «беляевцами» в этот день за одним столом оказывались ближайшие родственники и друзья именинника, для дам отдельно давался «завтрак», к обеду они, кроме супруги хозяина, не приглашались. В большом ходу были адреса, подарки, музыкальные чествования, прославления и специально написанные к этому празднику произведения.

Посетители пятниц единодушны в том, что за стол у Беляева садилось человек 30–40. Эту информацию подтверждает собственноручный список, содержащийся в «Тетради меню» М.П. Беляева. Скорее всего, он отражает состав гостей, званых на именины хозяина. В нем перечислены 27 приглашенных, в числе которых музыканты, любители-квартетисты, критики Стасов и Трифонов⁷⁷, художники Репин и Головин. Еще 14 человек помечены как «свои», это родственники Беляева и его друзья, включая его самого и его жену. Исходя из такого подсчета, был заказан обед на 40 персон⁷⁸. Если составить приблизительный список участников «беляевских пят-

⁷³ Курбанов, М.М. Указ. соч. С. 152.

⁷⁴ 38 писем Ан. К. Лядова и В.В. Стасова. Пг., 1916. С. 4.

⁷⁵ Курбанов, М.М. Указ. соч. С. 152.

⁷⁶ Там же. С. 154–155.

⁷⁷ П.А. Трифонов, музыкальный критик, умер в 1896 г. Указанный список, поэтому, относится, скорее всего, к середине 90-х гг. XIX в.

⁷⁸ ОР СПбГК. Архив М.П. Беляева. № 2709. Л. 5.

ниц», так или иначе упоминаемых в источниках, то он будет насчитывать 50–60 человек. Однако очевидно, что не каждую пятницу сходилась вся упоминаемая компания. Возможно списком «маленькой пятницы» является другой перечень гостей в книжке Беляева, помеченный «11 декабря» (б. г.)⁷⁹, который включает следующие фамилии: Альбрехт, Гельбке, Гильдебрандт, Вержбилович, Н.А. [Римский-Корсаков], Глазунов, Соколов, Лядов, Копылов, Гезехус, Эвальд, Гречанинов, – итого 12 человек⁸⁰.

Центрами притяжения застольной компании становились Н.А. Соколов и В.В. Эвальд. Первый из них – «неопустошимый сосуд остроумия» – единодушно вспоминался всеми как великолепный рассказчик с ярким природным дарованием. Рассказы его, не нашедшие письменного воплощения, надолго врезались в память и кочевали из уст в уста. «И все это оттого, что они были обильно пересыпаны краткими, но меткими сравнениями, неожиданными поворотами мыслей и событий, сочными, выпуклыми характеристиками действующих лиц и, наконец, зачастую сдобрены букетом махрового юмора»⁸¹. Второй – «большой балагур и остролов» – считался специалистом по «соленым» анекдотам.

Разумеется, гости во главе с любезным хозяином не чурались и алкогольных напитков. Случайно брошенное Римским-Корсаковым в «Летописи» упоминание о «богатырской попойке» на 50-летие Беляева⁸² было впоследствии с удовольствием растиражировано журналистами, не имеющими никакого отношения к «беляевскому кружку»⁸³. Это создавало впечатление о каких-то постоянных злоупотреблениях алкоголем во время ужинов. Источники не подтверждают такую картину. Во-первых, за столом компания находилась под наблюдением «старших беляевцев», которые сами себе не позволяли лишнего, и присутствие их сдерживало творческую молодежь. В качестве примера можно указать на свидетельство В.В. Стасова, который вспоминал, как на именинах Беляева (1901 г.) он, после долгих отказов «должен был все-таки выпить 4 бокала шампаньона», что, на его вкус, было уже перебором⁸⁴. Н.А. Римский-Корсаков «был, если и не полным трезвенни-

⁷⁹ Учитывая упоминание в списке А.А. Копылова, он составлен не позднее 1894 г.

⁸⁰ ОР СПбГК. Архив М.П. Беляева. № 2709. Л. 5 об.

⁸¹ Каратыгин, В.Г. Памяти Н.А. Соколова... С. 122.

⁸² Римский-Корсаков, Н.А. Летопись моей музыкальной жизни... С. 161.

⁸³ См., напр.: Фальковский, Э. Издатель-артист // Памяти Митрофана Петровича Беляева: сб. очерков, статей и воспоминаний. Париж, 1929. С. 66–67.

⁸⁴ Стасов, В.В. Письма к родным... Т. 3, ч. 2. С. 104–105.

ком, то, во всяком случае, не дружественно настроен к алкоголю»⁸⁵. Но самое главное, что сам хозяин не только имел вполне сложившиеся взгляды на употребление спиртного («только до степени веселого расположения, а не до скотского отупения»), но и в обязательном порядке блюл их за своим столом. Наконец, в мемуарах неоднократно упоминается о том, что желающие «продолжить» уходили по окончании ужина в третьем часу, «не говоря дурного слова, в ресторан»⁸⁶.

Итак, повальное пьянство вряд ли было частым явлением в беляевском кружке. Хотя по особым случаям могла наблюдаться картина, в ярких красках нарисованная В. В. Стасовым. «День рождения нашего милого и любезного моржа⁸⁷ Анатолия Константиновича [Лядова]... Вот его-то нынче и празднуют у Митрофана Петровича! Ну, разумеется, заседание продолжится до третьих петухов завтра утром, и при этом выпито будет боочки две шампанского да бесчисленно – ликеров, пива, чая и всего остального, и, разделавшись со всем этим добром, гости, разумеется, поразягутся по диванам и креслам всего дома и поднимутся, как в прошлом году, в день празднования издательства, около обеда!! Знай наших! Лихо!»⁸⁸ Нельзя не обратить внимание, что это «лихое» застолье Стасов упоминает как исключительное, сравнимое с исключительным же подобным явлением «в прошлом году».

Особой традицией были на «беляевских пятницах» застольные речи: тосты, спичи, здравицы, виваты. В.В. Стасов вспоминал даже о «виватах, петых целым хором на разные тоны и в разных размерах», при этом как о явлении обыденном за беляевским столом⁸⁹. Специалистами по тостам и речам считались сам М.П. Беляев, а также Н.А. Соколов, А.К. Глазунов и В.Я. Полтавцев. «Выступали иногда и посетители квартетных собраний – их слушатели, среди которых были лица высокой культуры, как профессор К.А. Поссе и др. Сами квартетисты, помимо Беляева, были также не без дара слова, как доктор Гельбке, профессор Гезехус, В.Г. Вальтер, концертмейстер Мариинского театра...»⁹⁰ Но особенно выделялся среди всех этим даром сам В.В. Стасов, само присутствие которого за столом было залогом высокоталантливых речей и тостов. «Стасов говорил... своим самобытным и оригинальным языком», – вспоминал М.М. Курбанов⁹¹. На 10-летие русских симфониче-

⁸⁵ Витол, Я. Указ. соч. С. 62.

⁸⁶ См., напр.: Римский-Корсаков, Н.А. Летопись моей музыкальной жизни... С. 154.

⁸⁷ Прозвище, данное Стасовым Лядову по внешнему, на его взгляд, сходству.

⁸⁸ Письмо В.В. Стасова Н.Н. Римской-Корсаковой от 3 июля 1896 г. // Римский-Корсаков, Н.А. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 517.

⁸⁹ Стасов, В.В. Письма к родным... Т. 3, ч. 1. С. 203.

⁹⁰ Черепнин, Н.Н. Указ. соч. С. 66.

⁹¹ Курбанов, М.М. Указ. соч. С. 152.

ских концертов Стасов изобрел тост, надолго запомнившийся всем «беляевцам». «Слава! Русских талантов почитателю! Русской музыки помогателю! Русского музыкального станка расширителью! Русских чудных концертов подателю! <...> На дурацких врагов наплевателю! Своего знатного дела неугомонному продолжателю! Джентльменского сердца обладателю! Нашему Митрофану свет Петровичу – слава!!!!!!!!!!!!!»⁹²

В обычном порядке вначале провозглашался «основной набор» тостов, который подчеркивал и закреплял иерархию, сложившуюся в кружке. Первый тост «за дорогого хозяина» произносил обычно Римский-Корсаков, в ответ М.П. Беляев предлагал поднять бокалы за «главу новой русской школы, дорогого Николая Андреевича». Затем следовали тосты за Глазунова, иногда за Лядова, за хозяйку (позднее – и за хозяйскую дочку), за всех присутствующих композиторов, за квартетистов и т. д. После Русских симфонических концертов поднимались также тосты за авторов произведений, прозвучавших в концерте. Присутствующие вставали со своих мест, подходили к тостуемому, чокались с ним в индивидуальном порядке, поздравляли, обнимали, иногда целовали. После персональных тостов и следовавших за ним объятий тостуемый произносил ответную речь⁹³. В случае присутствия на «пятнице» В.В. Стасова тост за него следовал после тоста за Римского-Корсакова, в случае присутствия других гостей их чествовали после всех присутствующих композиторов.

В случае, когда по каким-либо причинам важные участники собраний не могли присутствовать у Беляева лично, они пересылали свои застольные речи и здравицы по почте Беляеву для торжественного оглашения за столом. 18 марта 1890 г. тяжело болевший Стасов отправил пожелание Римскому-Корсакову, по случаю проводов которого за границу проводилось застолье у Беляева, «чтоб его и на моем веку еще много раз позвали и в Париж, и Лондон, и Берлин, и Вену, и Мадрид, и Рим – прославлять нашу матку и втемяшивать в европейские головы нашу знатную музыку»⁹⁴. Это пожелание вызвало бурю восторга и «горячего сочувствия» у присутствовавших и тут же за столом был сочинен коллективный ответ Стасову, под которым

⁹² Письма В.В. Стасова к М.П. Беляеву // Из архивов русских музыкантов. М., 1962. С. 17.

⁹³ В.А. Золотарев вспоминал о конфузе, произошедшем с ним, после того как Римский-Корсаков поднял тост в его честь, а он в ответ обошел присутствующих «кругом стола, начиная с Николая Андреевича и Митрофана Петровича», но так и не смог произнести в ответ ни слова, попросив сделать это за него товарища по консерватории И.И. Крыжановского (Золотарев, В.А. Указ. соч. С. 201–202).

⁹⁴ Письма В.В. Стасова к М.П. Беляеву... С. 12.

подписались Н.А. Римский-Корсаков, А.К. Глазунов. М.П. Беляев, А.К. Лядов, Г.О. Дютш, А.А. Копылов, А.Н. Алфераки и др.⁹⁵ Значительно позже А.К. Глазунов, по причине болезни пропустивший именины Беляева 23 ноября⁹⁶ и чествование 35-летия творческой деятельности Римского-Корсакова, переслал Беляеву для оглашения за столом следующие строки: «Милостивые Государи и Государыни! Год первого дебюта перед публикой в качестве композитора нашего глубокоуважаемого Николая Андреевича совпадает с годом моего рождения. Стрелка моего, так сказать, жизненного циферблата всегда точно укажет на число лет творческой публичной деятельности Николая Андреевича, так что не надо ни рыться, в очерках Русской Музыки, а только спросить меня, сколько мне лет. <...> Пусть блистательная деятельность Николая Андреевича, насчитывающая 35-ю годовщину, будет служить примером, которому должен каждый музыкант стремиться подражать...»⁹⁷

Итак, повседневная жизнь беляевского кружка и его представителей в первой половине 90-х гг. XIX в. свидетельствует о наличии критических тенденций. Они выражались в состоянии неопределенности целей и идеалов, противопоставлении русской музыки европейским образцам с предпочтением последних, в различного рода подражательных явлениях, а также в депрессии, пьянстве и др. Внутри кружка усилились ссоры, распри и недоверчивое отношение друг к другу. Вместе с тем необходимо обратить внимание на достаточно высокую прочность кружковых связей, позволивших сохранить его в трудные кризисные годы. Особенно важной в этом отношении представляется деятельность самого М.П. Беляева. Неизменная традиция хлебосольных «беляевских пятниц» скрепляла кружок, перенеся основной акцент на «застольную» составляющую сообщества. Ритуальные элементы пятниц: тосты, речи, здравицы, виваты, – также способствовали сплочению кружка. Несмотря на бытование негативных отзывов о «беляевских пятницах» первой половины 90-х гг. XIX в., в которых «застольная» составляющая противопоставлялась «творческой», нельзя не отметить большой объединяющей силы «осетрины и рябчиков», а также нескольких «бокалов шампольона», которая приобретала особую ценность в период кризиса.

⁹⁵ Глазунов, А.К. Письма, статьи, воспоминания... С. 147.

⁹⁶ И также приславший в письменной форме к празднику свои поздравления Беляеву: «Живи и здравствуй на радость твоим родным, друзьям и знакомым, а также во славу Русской музыки...» (Там же. С. 212).

⁹⁷ Там же. С. 213–214.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(470.44) | 1908–1927 | 929[Пиксанов+Платонов]

ПИСЬМА Н.К. ПИКСАНОВА С.Ф. ПЛАТОНОВУ 1908–1927 годов

В.А. Соломонов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: solomonovva@mail.ru

Впервые публикуемые письма Н.К. Пиксанова к С.Ф. Платонову, а также к И.А. Шляпкину и П.А. Горчинскому, представленные в виде отдельных приложений, отображают насыщенный событиями, весьма напряженный начальный этап становления гуманитарной науки и образования в Саратовском университете, формирования его библиотечных фондов в первые годы Советской власти. Приводятся уникальные данные о саратовском периоде научно-педагогической и общественной деятельности выдающегося ученого-филолога, его коллегах и учениках.

Ключевые слова: Пиксанов, Платонов, Шляпкин, Саратов, Петроград – Ленинград, Саратовский университет, библиотека, «Горе от ума», Грибоедов.

PIKSANOV'S LETTERS TO PLATONOV 1908–1927

V.A. Solomonov

For the first time N.K. Pksanov's letters to S.F. Platonov, and also to I.A. Shljapkin and P.A. Gorchinsky are presented in the form of separate appendices, display eventful, rather intense initial stage of developing of the humanity and formation at the Saratov university, creation of its library funds in the first years of the Soviet power. The unique materials about the Saratov period scientific, pedagogical and public work of the outstanding scientist-philologist, its colleagues and pupils are cited.

Key words: Pksanov, Platonov, Shljapkin, Saratov, Petrograd – Leningrad, Saratov university, library, «the Grief from mind», Griboedov.

Жизнь выдающегося русского историка, академика Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) была связана тесным образом с саратовским научным сообществом как до, так и после Октябрьского переворота 1917 г. Однако этот интереснейший факт из биографии ученого в специальной литературе отражен далеко неисчерпывающе¹.

Восполнить имеющийся пробел в данном вопросе, опираясь на материалы богатого и разнообразного по содержанию научного архива С.Ф. Платонова², и призвана настоящая публикация.

Из множества документальных свидетельств минувшей эпохи, имеющих большую историческую ценность, особую значимость для исследователей представляет эпистолярный архив ученого. По меткому определению А.И. Герцена: «...письма – больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное»³. Это яркое афористическое высказывание с полной уверенностью можно отнести как к эпистолярному наследию самого С.Ф. Платонова, так и его многочисленных корреспондентов.

Сохранившиеся в личном фонде ученого письма не только характеризуют личность выдающегося историка, но и иллюстрируют события общероссийского масштаба, в том числе историю развития отечественной гуманитарной науки и университетского образования. Читая их, невольно ощущаешь моральное и нравственное удовлетворение от прикосновения к исчезающему в наши дни удивительно прекрасному литературному жанру. Что ни письмо, то непременно драгоценная жемчужина, мастерски преображенная в лаконичный и вместе с тем предельно насыщенный информацией рассказ о многочисленных жизненных испытаниях, об интересных людях, о ближайших и рассчитанных на перспективу издательских

¹ См., напр.: Куреньшев, А.А. Дело академика Платонова в Саратове // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Тр. ГИМ. Вып. 87. М., 1995; Панеях, В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; Соломонов, В.А. «Отношение П.Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным» (С.Н. Чернов о саратовском периоде жизни П.Г. Любомирова) // Саратовский краеведческий сборник: Науч. тр. и публ. Саратов, 2002; Андреева, Т.В., Смирнова, Т.Г. П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003; Соломонов, В.А. Историк – страдающий: П.Г. Любомиров // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. (Сер. «Монографии», вып. 11); Андреева, Т.В., Соломонов, В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006; Соломонов, В.А., Шишкина, Т.А. С.Ф. Платонов и саратовское научное сообщество: (Из эпистолярного наследия ученого) // Историографический сборник. Саратов, 2008. Вып. 23 и др.

² ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов).

³ Герцен, А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 290.

и научно-исследовательских замыслах, – рассказ завораживающий, покоряющий своей неподдельной искренностью и чистотой.

После Февральской революции, когда Временное правительство постановило открыть «с 1 июля 1917 года в составе Саратовского университета физико-математический и историко-филологический факультеты»⁴, а чуть позже и четвертый факультет – юридический⁵, во взаимосвязях С.Ф. Платонова с саратовским научным сообществом появился новый живительный импульс. Об этом свидетельствует, в частности, его интенсивная переписка с университетскими гуманитариями. Часть ее, к сожалению, весьма незначительная, некоторое время назад была опубликована и стала достоянием ученого сообщества⁶, но многое еще предстоит исследовать и ввести в научный оборот.

В настоящем издании вниманию читателей предлагается новый пласт эпистолярного архива ученого. Впервые публикуемые письма Николая Кириаковича Пиксанова (1878–1969) к С.Ф. Платонову, а также И.А. Шляпкину и П.А. Горчинскому⁷, представленные в виде отдельных приложений, отображают насыщенный событиями начального этап становления гуманитарной науки и образования в Саратовском университете, формирования его библиотечных фондов в первые годы Советской власти. В них приводятся уникальные данные о саратовском периоде научно-педагогической и общественной деятельности выдающегося ученого-филолога, его коллегам и ученикам.

Автор публикуемых писем в Саратове, благодаря многочисленным биобиблиографическим эссе⁸, личность достаточно известная.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 518. Л. 115.

⁵ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 34.

⁶ См.: Письма С.Н. Чернова академику С.Ф. Платонову. 1923–1929 гг. // Чернов С.Н. Павел Пестель: Избр. статьи по истории декабризма / Сост., вступ. статья и коммен. Т.В. Андреевой, В.С. Парсамова. Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2004; Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову. 1915–1922 гг. / Вст. статья, публ. и коммент. Т.В. Андреевой и В.А. Соломонова // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2008. Вып. 4.

⁷ ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 1–19; Там же. Ф. 865 (И.А. Шляпкин). Д. 233. Л. 1–3; Там же. Ф. 213 (П.А. Горчинский). Д. 63. Л. 7–13.

⁸ См.: *Городецкий Б.П.* Николай Кирьякович Пиксанов // Вопросы изучения русской литературы XI–XX вв. М.; Л., 1958; *Бушмин А.* Николай Кирьякович Пиксанов (к восьмидесятилетию со дня рождения) // Нева. 1963. № 4; *Григорьян К.Н.* Путь ученого (к 90-летию Н.К. Пиксанова) // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. ст. к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л., 1969; *Тишкин Г.А.* Пиксанов – преподаватель Бестужевских курсов // РЛ. 1978. № 4; *Соколов Н.И.* Н.К. Пиксанов как историк русской литературы // От Грибоедова до Горького: Из истории русской литературы: Межвуз. сб. Л., 1979; *Борисов Ю.Н.* Николай Кирьякович Пиксанов // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора: Ученые-педагоги саратовской филологической школы. Саратов, 1984; *Аврус А.И., Саунин И.В., Соломонов В.А.* Саратовцы – академики и члены-корреспонденты Российской академии наук: Биобиблиогр. очерки /

С 1 сентября 1917 по 31 декабря 1921 г. Н.К. Пиксанов состоял на службе в Саратовском университете, занимая должность исполняющего должность экстраординарного профессора по кафедре русского языка и русской литературы историко-филологического факультета.

В Саратове им впервые был разработан и введен в практику вузовского преподавания новый тип научно-методического пособия – печатный семинарий. Два из них – «Пушкинская студия» (1921) и «Театральный семинарий» (1922) – увидели свет именно в саратовский период деятельности ученого.

Продолжая заведовать университетской кафедрой, Н.К. Пиксанов одновременно преподавал на Саратовских высших женских курсах, а с 22 апреля 1918 г. возглавил Саратовский учительский институт, преобразованный вскоре в Педагогический институт, а с 1919 г. – в Институт народного образования (ИНО).

Много времени и сил отдавал ученый и работе в Саратовском Обществе педагогов, участвуя в обсуждении учебных программ и планов, лекций, в организации курсов для учителей и многом другом. В не меньшей степени его заботили вопросы, связанные с работой театров и музеев, с охраной памятников старины и искусства. Вместе с другими видными саратовскими учеными Н.К. Пиксанов входил в число членов-учредителей философско-исторического общества, открытого в 1918 г. при Саратовском университете, являлся учредителем и председателем Общества русской филологии и этнографии при ИНО, участвовал в работе СУАК, Общества народных университетов Саратовской губернии.

Много внимания и личной заботы уделял Николай Кириакович вопросу пополнения библиотечного фонда Саратовского университета. В 1918 г. он принял на себя тяжелую ношу ответственности по переводу в Саратов остатков завещанного университету библиотечного собрания профессора И.А. Шляпкина. И только благодаря тому, что к решению этого сложного вопроса ему вовремя удалось подключить как саратовских коллег (С.Н. Чернова, В.М. Жирмунского, Б.М. Соколова), так и известных петербургских ученых (С.Ф. Платонова и др.), бесценная шляпкинская коллекция раритетных книжных изданий и рукописей была доставлена в университетскую библиотеку.

Заметным явлением в культурной жизни Саратова явилась деятельность Н.К. Пиксанова и на литературно-просветительном поприще. Яркие впечатления от выступлений ученого с популярными лекциями в помещении бывшей гимназии Куфельд, в лекционном

Авт.-сост. А.И. Аврус, И.В. Саунин, В.А. Соломонов; Прил., указ. имен Т.А. Шишкина. Саратов, 2005; Борисов Ю.Н., Тарасова Ю.Г. Пиксанов Николай Кириякович // Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009: Материалы к биограф. словарю / Сост. В.В. Прозоров, А.А. Гапоненков; Под ред. В.В. Прозорова. Саратов, 2010 и др.

зале музея, в Большой физической аудитории университета и после его отъезда из Саратова еще долго передавались из уст в уста, становясь достоянием самых широких городских слоев населения.

Н.К. Пиксанову принадлежит около 800 научных работ по истории древнерусской, фольклору, истории русской общественной мысли и освободительного движения, критики и журналистики, литературному краеведению, русской драматургии и театра. В обширном наследии ученого важное место занимают разносторонние исследования творчества Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чернышевского, Короленко, Горького и многих других классиков русской литературы⁹.

В 1921 г. Николай Кириакович, расставшись с Саратовом, переехал в Москву, где до 1925 г. работал в должности профессора I-го МГУ и одновременно преподавал в Литературном институте имени В. Брюсова. Вскоре он был избран членом Государственной академии художественных наук, где занял должность вице-президента и заведующего двух отделов – литературы и библиографии. С 1923 г. он заместитель председателя Музея имени А.П. Чехова, в 1925–1929 гг. – профессор, заведующий литературно-лингвистическим отделением II-го МГУ, совмещая эту должность с редакторской работой в литературных отделах Государственного издательства и «Большой советской энциклопедии» (1925–1932).

С 1932 г. Н.К. Пиксанов – профессор Ленинградского государственного университета. В период эвакуации (1942–1944) он был профессором Среднеазиатского (Ташкентского) госуниверситета; в 1944–1948 гг. – профессором МГУ, а затем вновь Ленинградского университета. В 1932–1955 гг. Николай Кириакович являлся сотрудником ИРЛИ, звездующим его Рукописным отделом и Отделом новой русской литературы.

Выдающиеся заслуги Н. К. Пиксанова в развитие отечественной филологической мысли нашли свою высокую оценку в избрании его в 1931 г. членом-корреспондентом АН СССР и в присвоении ему в 1957 г. почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

Вступительная статья, публикация и комментарии
В.А. Соломонова

⁹ См.: Николай Кириякович Пиксанов: [Биобиблиогр.] / АН СССР; Гл. ред. А.Н. Несмеянов; Сост. Р.И. Кузьменко. М., 1968. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 8); Колесникова-Пиксанова М.И. Дополнительный список печатных работ Н.К. Пиксанова, не вошедших в библиографию, изданную в 1968 г. // От Грибоедова до Горького: Из истории рус. лит.: Межвуз. сб. [к 100-летию со дня рожд. Н.К. Пиксанова] / Отв. ред. Н.И. Соколов. Л., 1979.

Письма Н.К. Пиксанова к С.Ф. Платонову
(Юрьев, Саратов, Москва, 1908–1927 гг.)

1.

03.IV.[190]8 [г., Юрьев]

Милостивый государь, Сергей Федорович!

Вы, вероятно, уже забыли того студента Юрьевского университета, который года два тому назад являлся к Вам с письмом от Михаила Александровича Дьяконова¹ и которому Вы оказали любезное содействие при получении им Записок филол[огического] факультета С[анкт-]П[етер]б[ургского] Университета.

Теперь, посылая Вам оттиск своей статьи о Боярской Думе², он пользуется этим поводом, чтобы выразить Вам свою благодарность и уважение к вашим научным трудам.

Готовый к услугам студент-филолог Юрьев[ского] университета Николай Кириакович Пиксанов.

Юрьев, Ивановская ул[ица], д[ом] № 15.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 1-1 об.

¹ Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919), историк русского права, академик Петербургской АН (1912).

² Возможно, речь идет об отдельном оттиске предпоследней, одиннадцатой главы («Боярская дума») из монографии М.А. Дьяконова «Очерки общественного и государственного строя Древней Руси» (СПб., 1908).

2.

[14 июня 1918 г., Саратов]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Я пользуюсь случаем и с Серг[еем] Ник[олаевичем] Черновым¹ пишу Вам свой привет из далекого Саратова. Мы с женой² очень сожалеем, что перед отъездом из Петрограда, в суете быстрых сборов, не смогли побывать в Вашей семье³ и проститься. Позднее я надеялся побывать в Петрограде на Рождестве, но и это не устроилось. А теперь трудно и представить, когда это удастся. А хотелось бы, хоть на короткое время, вернуться в ту среду, где прожил десять лет. Не могу пожаловаться на Саратов, мы устроились в нём не худо, но своими и после года жизни здесь себя не чувствуем. Говорю, впрочем, только за себя и жену; семья Бутенко⁴ чувствует себя иначе. Сергей Николаевич расскажет Вам подробности здешней городской, университетской и факультетской жизни; он теперь у нас штатным доцентом и во втором полугодии начал бывать в заседаниях Совета и факультета и кое-что

успел наблюдать. Я же скажу только с огорчением, что в нашем молодом факультете не все идет так гладко и дружно, как мечталось. Правда, голосуем мы при выборе новых членов единогласно и даже щеголяем этим в Совете, но прения есть, есть и разделение на большинство и меньшинство – с принудительным подчинением меньшинства⁵ не всегда справедливым решениям большинства. Странное впечатление, при этом, производит В.И. Веретенников⁶: такого неустойчивого, не твердого в своих мнениях и решениях человека я еще не наблюдал в академической среде. Он напоминает мне дряхлого балетомана, который уже плохо видел и слышал и на вопрос: какого он мнения о новой балерине – осторожно спрашивал: а другие какого мнения? И когда ему отвечали, что другие разного мнения, то он неспешно заявлял: ну и я того же мнения.

С будущего академического года сильно пополнится наш факультет новыми силами. Зовём сюда и А.И. Малеина⁷, да он всё отказывается.

По отрывочным доходящим до меня слухам знаю, что Вы по-прежнему бодро работаете, несмотря на все тяготы этого ужасного времени.

Сердечно желаю Вам – как и всем нам, и несчастной России – благополучно пережить беду. Это новое Смутное время.

Я и жена просим передать наш привет и лучшие пожелания Надежде Николаевне⁸ и всей Вашей семье.

Преданный Вам

Н. Пиксанов.

14. VI. 1918.

Саратов, Вольская, 58, д[ом] Красулиной.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 2–3 об.

¹ Чернов Сергей Николаевич (1887–1941), историк, источниковед, краевед, профессор Саратовского университета (1917–1928).

² Колесникова-Пиксанова Мария Ивановна, жена Н.К. Пиксанова.

³ С.Ф. Платонов был женат на Надежде Николаевне Шамониной (1861/62–1928), от которой имел четырех дочерей: Нину (1886–1942), Надежду (в замужестве Краевич; 1890–1965), Наталью (в замужестве Измайлова; 1894–1942), Марию (1896–1942) и сына Михаила (1899–1942).

⁴ Речь идет о семье Вадима Аполлоновича Бутенко (1877–1931), профессора Саратовского университета (1917–1928), женатом на Вере Павловне (урожд. Запороженко, 1876–1931) и имевшем приемную дочь Киру (1912–1930).

⁵ Далее зачеркнуто: «большинству».

⁶ Веретенников Василий Иванович (1880–1942), историк и архивист, профессор и заведующий кафедрой русской истории Саратовского (1917–1920) и Харьковского (1920–1934) университетов, сотрудник Русского музея (1934–1941).

⁷ Малеин Александр Иустинович (1869–1938), филолог-классик, книговед, библиограф, член-корреспондент Петербургской АН (1916).

⁸ См.: Комментарий. 3.

3.

[29 ноября 1918 г., Саратов]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Я замедлил ответом на Ваше любезное письмо, т[а]к к[а]к, получив его, хотел устроить здесь, что можно, к упорядочению дела о библиотеке покойного И.А. Шляпкина¹ прежде, чем написать Вам. А потом я заболел и только теперь смогу отозваться на Ваше сообщение. По получении его я пересмотрел в Правлении У[ниверсите]та всё делопроизводство о даре Шляпкина² и увидел, что в нём много пробелов и промахов. В правлении, при множестве дел совсем иного порядка (здесь до сих пор идут острые недоразумения с местной властью) – это дело велось невнимательно, а нас факультетских, почему-то к нему не привлекали. Так, о командировке Лучинкина³ я, к своему огорчению, узнал только, когда он уехал. О назначении душеприказчиков⁴ И.А. Шляпкина мы здесь узнали только стороной, а в делах Правления никакого извещения об этом не оказалось, и запроса Правления не делало. Через С.Н. Чернова и потом В.М. Жирмунского⁵ я узнал, что возникал в Петрограде большой вопрос о правах Петр[оградских] В[ысших] Ж[енских] Курсов на библиотеку Шляпкина⁶ и что в качестве специалиста к обсуждению его привлекался проф[ессор] М.Я. Пергамент⁷, но опять в делопроизводстве Правления не имеется об этом никаких документов. Командировка Лучинкина, человека явно невежественного и бестолкового, была большой и вредной ошибкой. Было нелепостью, что он не установил прямых отношений со всей коллегией душеприказчиков, предпочел бесплодно и длинно препираться с Горчинским⁸, а потом, поссорившись с ним, просил наше Правление передать свои полномочия... Горчинскому же. Однако и П.А. Горчинский вел себя странно. Приглашенный хлопотать по книжному делу для нашего факультета мною⁹, он ни разу не удосужился после смерти Шляпкина¹⁰ черкнуть мне двух строк, как обстоят дела с библиотекой. Получив от Правления предложение принять от Лучинкина полномочия, он не ответил прямо о своем согласии и летом, в течение долгого времени, никакого – не только отчета, но просто известия не давал о ходе своих работ. Добиться от него ответа на прямые деловые вопросы чрезвычайно трудно¹¹. Лично я, например, так и не знаю, включено ли в транспорт, который Горчинский везёт в Саратов, собрание автографов и рукописей, которое было в составе биб-

лиотеки Шляпкина которое, по всему смыслу и условиям дарения, должно быть собственностью Саратовского Университета.

По получении Вашего письма, я сообщил его содержание в Правление; оно поручило представительство в деле В.М. Жирмунскому и передоверило 4000 р[ублей] Горчинскому. На Ваше имя была отправлена особая бумага¹², которую Вы, надеюсь, получили. Теперь остается ждать сюда П.А. Горчинского с книгами и по приезде его заслушать лично от него ту отчетность, которой нет в делах Правления.

Из расспросов С.Н. Чернова и В.М. Жирмунского и по некоторым другим сообщениям я узнал, что Вы по-прежнему бодро, энергично работаете и встали во главе огромного нового архивного объединения. Радуюсь этому и прошу Вас принять мои лучшие пожелания.

Жена и я шлём сердечный привет Надежде Николаевне и всей Вашей почтенной семье.

Преданный Вам

Н. Пиксанов.

29. IX. [1]918.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 4–5 об.

¹ Шляпкин Илья Александрович (1858–1918), литературовед, археограф, палеограф, член-корреспондент Петербургской АН (1907).

² Речь идет об уникальном библиотечном собрании, завещанном И.А. Шляпкиным Саратовскому университету (Подр. об этом см.: Бурьян, Л.К. И.А. Шляпкин и библиотека Саратовского университета // Тр. НБ СГУ. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 130–131; Перетц, В.Н. Описание собрания рукописей профессора И.А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 363–466; Соломонов, В.А. К истории возникновения Научной библиотеки Саратовского государственного университета // Историк и историография: Материалы науч. конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999. С. 207–212; Попкова, Н.А. Илья Александрович Шляпкин // Библиотека вуза: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр., посвященный памяти В.А. Артисевич. Саратов, 2002. Вып. 2. С. 6–17).

³ Лучинкин Михаил Стратоникович (1882–?), помощник библиотекаря Саратовского университета (с 21 марта 1910 г.)

О командировании М.С. Лучинкина в Петроград для получения и отправки в Саратов указанной библиотеки засвидетельствовано в официальном письменном обращении к И.А. Шляпкину ректора Саратовского университета профессора П.П. Заболотнова от 23 октября 1917 г.:

«Правление Университета, согласно Вашему заявлению, имеет честь покорнейше просить Вас, милостивый сударь, передать пожертвованную Вами для Саратовского университета библиотеку предьявителю сего, помощнику библиотекаря Университета Михаилу Стратониковичу Лучинкину, специально командированному в Петроград для приема от Вас означенной библиотеки и отправления ее в гор[од] Саратов» (ОР РНБ. Ф. 865 (И.А. Шляпкин). Д. 225. Л. 1).

⁴ «После смерти ученого его душеприказчиком стал друг И.А. Шляпкина с юношеских лет В.Г. Дружинин, сотрудник Археографической комиссии Академии наук. Благодаря его хлопотам, воля завещателя о передаче библиотеки Саратовскому университету была выполнена» (Дубин, А.С. Профессор И.А. Шляпкин – историк, библиофил // История Петербурга. 2009. № 2 (48). С. 13). Тогда же роль душеприказчика взял на себя П.А. Горчинский. Заметное влияние на решение затянувшегося вопроса с передачей завещанной Саратовскому университету библиотеки оказал также С.Ф. Платонов (см.: Соломонов, В.А., Шишкина, Т.А. С.Ф. Платонов и саратовское научное сообщество: (Из эпистолярного наследия ученого) // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 54–71).

⁵ Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971), языковед, литературовед, фольклорист, академик АН СССР (1966), профессор Саратовского (1917–1921) и Ленинградского (1921–1949, 1956–1970) университетов.

⁶ Подр. об этом см: *Востриков, А.В., Лейбова, А.В., Лейбов, К.Г.* Библиотека Бестужевских курсов: Книжное собрание И.А. Шляпкина // Невский Архив: Ист.-краевед. сб. СПб., 1995. Вып. 2. С. 398–413; Дубин А.С. Указ. соч. С. 9–14.

⁷ Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932), юрист-цивилист, профессор Юрьевского (1900–1906) и Петербургского (1906–1911, 1917–1922) университетов. В 1907–1918 гг. состоял профессором гражданского права, а с 1910 г. – деканом юридического факультета на Высших (Бестужевских) женских курсах.

⁸ Горчинский Петр Антонович (1889–1937), литературовед, профессор Ленинградского университета (1925–1936).

⁹ Мысль «о необходимости приглашения помощника библиотекаря Министерства народного просвещения П.А. Горчинского для организации покупки в Петрограде книг в будущую факультетскую библиотеку» Н.К. Пиксанов впервые озвучил 4 октября 1917 г. на заседании историко-филологического факультета (*Грозевская, А.Н.* Книжная коллекция А.П. и Н.П. Барсуковых в научной библиотеке СГУ // Тр. НБ СГУ. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 68).

¹⁰ И.А. Шляпкин умер 29 апреля (12 мая) 1918 г.

¹¹ См.: Прил. 2.

¹² Имеется в виду благодарственное письмо, отправленное С.Ф. Платонову 10 октября 1918 г. исполняющим обязанности ректора Саратовского университета В.А. Арнольдовым: «Правление Университета, осведомившись из доклада профессора В.М. Жирмунского об оказанном вами содействии и понесенных хлопотах в деле перевозки в Саратов библиотеки покойного И.А. Шляпкина, приносит Вам, Сергей Федорович, за означенный труд глубокую свою благодарность» (ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 2155. Л. 5; опубл: Соломонов, В.А., Шишкина, Т.А. Указ. соч. С. 57).

4.

1. VI. 1920 [г., Саратов]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Пользуемся верной оказией, чтобы послать Вам наше сердечное поздравление с избранием Вас в действительные члены Академии Наук¹. Высоко ценя Вас как ученого, мы давно мыслим Вас академиком, и нам дорого, что теперь в Академию Наук полномочным членом вступает такой выдающийся деятель русской исторической науки, как Вы.

По доходящим до Саратова сведениям мы с радостью убеждаемся, что Вы не теряете Вашей неисчерпаемой энергии.

Позвольте горячо пожелать, чтобы Вы сохраняли её ещё на долгие и долгие годы – для служения науке в новом высоком звании.

1. VI. 1920.

Н. Пиксанов, С. Чернов, В. Бутенко,
А. Гераклитов², Е. Петров³, Г. Ильинский⁴.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 6–6 об.

¹ Действительным членом Российской академии наук С.Ф. Платонов был избран 3 апреля 1920 г.

² Гераклитов Александр Александрович (1867–1933), историк, палеограф, архивовед, профессор Саратовского университета (1928–1930).

³ Петров Евгений Николаевич (1888–1942), историк, историограф, профессор Саратовского (1920–1921), доцент Ленинградского (с 1933) университетов.

⁴ Ильинский Григорий Андреевич (1876–1937), языковед-славист, член-корреспондент Российской АН (1921), профессор Саратовского университета (1918–1927).

5

[18 июня 1920 г.]

Саратов, Приютская 45,

Институт Народ[ного] образования¹.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Только что получил Ваше любезное письмо от 2. VI. Оно дошло до меня с запозданием: задержалось в Университете.

С готовностью отвечаю на запрос Е.В. Некрасовой² (имени-отчества не знаю) – через Ваше посредство, т[а]к к[а]к она своего адреса не сообщила. Известие [о] найденных письмах Грибоедова³ меня и обрадовало, и огорчило. Некогда я – и лично, и через Академию Наук, и последняя через в[еликого] к[нязя] Константина Константиновича⁴ – добивался от княгини Паскевич⁵ разрешения воспользоваться архивом И.Ф. Паскевича⁶, – но тщетно: она даже ответом не удостоила. Так третий том академического Грибоедова⁷ и вышел без неизданных писем к Паскевичу. Хорошо,

что они теперь найдены⁸. И я очень просил бы Вас убедить Е.В. Некрасову прислать мне копии найденной переписки. Не успокоюсь, пока их не получу. Сам я приготовил к печати «Грибоедовский сборник»⁹ – неизданные документы, где на первом месте стоит переписка Грибоедова с кавказскими властями, в том числе и с Паскевичем. Найденные письма были бы здесь как нельзя более кстати. Если бы Е.В. Некрасова предоставила мне напечатать их в «Гриб[оедовском] сбор[нике]», я подробно и точно оговорился бы о её приоритете в отыскании писем. Если она предпочла бы напечатать их где-нибудь ещё¹⁰, я всё-таки просил бы её через Вас (и непосредственно) не отказать прислать мне копии; – с речательством, что я не опубликую ни строчки без её согласия.

Хотя и с постоянными перерывами, но продолжаю заниматься Грибоедовым, и так неприятно, что нельзя всё ещё печатать накопившиеся работы, по крайней мере здесь, в Саратове. Известия о новых письмах Грибоедова взволновало меня, и я одновременно пишу в Академию, нельзя ли начать печатать «Грибоед[овский] сборник» в её изданиях (как это давно уже мне обещано). Не могу до сих пор напечатать и второго «Тургеневского сборника»¹¹, давно готового; в состав его входит и работа Марии Сергеевны¹² о пьесе «Где тонко, там и рвется»¹³ (по экземпляру Пушкин[ского] Дома¹⁴). Уехав в Саратов, я как-то потерял связи с литературными кругами Петрограда и не знаю, найдется ли там издательство, которое взялось бы напечатать «Турген[евский] сборник». Давно бы пора ему появиться.

Из пересказов С.Н. Чернова (к[ото]рого чем больше узнаю, тем больше ценю) знаю, что Вы бодры и деятельны по-прежнему. Остается пожелать этого Вам надолго вперед.

О себе скажу, что работать в Саратове пришлось больше, чем в Петрограде. Особенно много времени и забот берет Институт Народ[одного] Образования, во главе коего стою третий год. Мало остается времени для научной работы, но не оставляю и её. Этот год был для нас траурным: у меня умер отец¹⁵, у жены – мать¹⁶.

Оба мы кланяемся всей Вашей семье.

Преданный Вам

Н. Пиксанов.

18. VI. 1920.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 7–8 об.

¹ 9 декабря 1918 г. на базе существовавшего в Саратове с 1913 г. двухгодичного учительского института был создан педагогический институт, в следующем году переименованный в ИНО – Институт народного образования

(см.: Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Документы и материалы. Ч. 1. 1917–1928 гг. / сост. Г.А. Малинин, З.Е. Гусакова. Саратов, 1985. С. 265).

² Некрасова Евгения Васильевна (1898–1942), публикатор исторических источников, первая представившая научному сообществу 7 неизданных писем А.С. Грибоедова к И.Ф. Паскевичу за 1827–1828 гг. В 1934 г. – сотрудница Сектора западноевропейского искусства Эрмитажа.

³ Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), драматург.

⁴ Константин Константинович, вел. кн. (1858–1915), член Российского Императорского дома, почетный член (1887) и президент (1889) Санкт-Петербургской АН, поэт, переводчик и драматург.

⁵ Паскевич [урожд. Грибоедова] Елизавета Алексеевна, кн. (1795–1856), двоюродная сестра А.С. Грибоедова, жена И.Ф. Паскевича.

⁶ Паскевич Иван Федорович (1782–1856), граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), генерал-фельдмаршал (1829).

⁷ См.: Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова / под ред. и с примеч. Н.К. Пиксанова: в 3 т. Пг., 1917. Т. 3.

⁸ Письма А.С. Грибоедова к И.Ф. Паскевичу были обнаружены среди бумаг семейного архива последнего, находившемся после 1917 г. на хранении в 1-м Отделении 1-й Секции Единого государственного архивного фонда (См.: Некрасова, Е. Неизданные письма А.С. Грибоедова // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 58).

⁹ «В течение <...> двадцати пяти лет, – вспоминал позже Н.К. Пиксанов, – мною производились систематические поиски архивных документов по Грибоедову – всюду, где только их можно было предполагать. <...> Только небольшая доля таких документов была мною опубликована в журналах и отдельно. Таковы, напр.: “Столкновение Булгарина с матерью Грибоедова” (“Русская старина”, 1905, XII), “Грибоедов и старое барство” (М., 1926). Другая доля вошла в академическое издание Грибоедова. <...> В полном же составе архивные документы приготовлены к печати в виде особого “Грибоедовского сборника”, содержащего дипломатическую и частную переписку Грибоедова, биографические документы и многое другое. Сборник был принят к печати в изданиях Академии наук СССР, но не мог осуществиться по издательским затруднениям» (Пиксанов, Н.К. Творческая история «Горя от ума». М., 1971. С. 4).

¹⁰ См.: Некрасова, Е. Указ. соч. С. 58–77.

¹¹ Данный издательский замысел так же, как и предыдущий не был осуществлен.

¹² Платонова Мария Сергеевна (1896–1942), дочь С.Ф. Платонова.

¹³ «Где тонко, там и рвется» (1848) – пьеса И.С. Тургенева.

¹⁴ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН) – крупнейший академический центр изучения, издания, архивирования и музеефикации памятников русской литературы. Основан в 1905 г. как центр собирания, хранения и изучения рукописей и реликвий, относящихся к жизни и творчеству А.С. Пушкина и писателей пушкинской эпохи.

¹⁵ Пиксанов Кириак Герасимович (?–1920), священнослужитель, диакон, в конце 1870-х гг. являлся псаломщиком в селе Дергачи Новоузенского уезда Самарской губернии (ныне Саратовской области). Отец Н.К. Пиксанова.

¹⁶ Установить личность не удалось.

6.

[10 сентября 1920 г., Саратов]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Ваше письмо я прочитал только теперь, вернувшись в Саратов после долгой отлучки (читал лекции на учительских курсах в Балашов[ском] уезде), почему и отвечаю с таким огромным запозданием.

Благодарю Вас за содействие в переговорах с Е.В. Некрасовой. Она уже ответила мне и обещала прислать копии найденных документов. Впрочем, до сих пор я их не получил. Между тем, Тео (Театральный отдел Комиссариата просвещения)¹ поручил мне издать «Грибоедов[ский] сборник», для коего важно иметь эти копии. Пишу Е[вгении] Васильевне слезницу, чтобы не мучила моего любопытства.

Вероятно, С.Н. Чернов много рассказывал Вам о Саратове. Я же с нетерпением жду его сюда с рассказами о Петрограде и о Вас.

За его отсутствием в нашем кляузном факультете изготовлена новая гадость: историки лишены права посещать его заседания – под предлогом отсутствия якобы «поручения». После этого эпизода я подсчитал, в скольких высших учебных заведениях я преподавал, оказалось – в 9-ти. И вот, нигде я так тяжело не чувствовал себя, как в филологич[еском] ф[акультете] Саратов[ского] Унив[ерсите]та. Чем дальше, тем это невыносимее. Хочется бежать куда угодно, в Томск, в Пермь, в Кострому. Как о чем-то виденном во сне вспоминаю о прежней работе в Петрограде, хотя там был не больше как «преподавателем» или приват-доцентом. Постоянно ищу мыслью, куда бы деться, и, право, петроградское или московское недоедание ничто перед тяготами факультетских интриг в Саратове.

После завтра еду в Москву по делам И[нститута] Н[ародного] О[бразования] и рад, что на 2–3 недели оторвусь от этих дрызг. Если найдется несколько свободных дней, – мечтаю побывать в Петрограде, где не был ровно три года. Тогда надеюсь повидаться с Вами.

В Москву повезу пристраивать в печать свою работу «Творческая история Горя от ума»². Этим летом мне как-то хорошо поработалось, написал до 8-ми печатных листов и закончил давнее исследование.

Прошу передать мой и жены привет Надежде Николаевне и всей Вашей семье.

Что подсказывает мне ученица Мария Сергеевна³?

Преданный Вам

Н. Пиксанов.

10. IX. 1920.

Саратов, Приютская, 45, И[нститут] Н[ародного] О[бразования].

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 9–10.

¹ Театральный отдел Народного Комиссариата просвещения РСФСР (ТЕО) – центральный административный орган, созданный в январе 1918 г. для руководства театральным делом. В 1920 г. был реорганизован с передачей его функций Управлению академическими театрами (Актео) и Главполитпросвету.

² См.: Пиксанов, Н.К. Творческая история «Горя от ума». М.; Л., 1928 (изд. 2-е. М., 1971). Здесь и далее подчеркнуто автором.

«Идея творческой истории, – вспоминал Н.К. Пиксанов, – пропагандировалась мною в печати, начиная с книжки “Три эпохи” (1913) и продолжая книжками: “Пушкинская студия” (1922), “Островский” (1923) и “Два века русской литературы” (два издания: 1923 и 1924). Монография же о творческой истории “Горя от ума” была закончена в рукописи в 1920 г. Отрывки из нее читались разновременно в научных собраниях Саратова, Москвы и Ленинграда. Пять отрывков появилось и в печати: 1) “Ремарки «Горя от ума»” (“Культура театра”, 1921, № 5 и 6); 2) “Рецидив редакторской безграмотности” (“Научные известия” Наркомпроса, кн. I, 1922); 3) “Новый путь литературной науки” (“Искусство”, 1923, I); 4) “С.П. Фамусова. Творческая история образа” (“Атеней”, 1924, I-II); 5) “Идеология Горя от ума” (в сборнике “Творческая история”, М., 1927).

Но в целом исследование долго не могло появиться в свет в силу своего объема и восемь лет пролежало в рукописи» (Пиксанов, Н.К. Творческая история «Горя от ума»... С. 9).

³ См.: Письмо № 5, коммент. 11.

7.

[1 октября 1920 г., Москва]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Пользуюсь экстренной оказией, чтобы написать Вам по экстренному же делу.

Говорят, в Петроград[ском] Университете поднимается вопрос о приглашении профессора по новой русской литературе. Вы меня очень обязали бы, если бы известили, как в действительности обстоит дело. В саратов[ском] факультете мне так тяжело, что я постоянно думаю об эмиграции. Знаю, что на профессуру в Петрогр[адском] Унив[ерситете]те найдется немало конкурентов, но и у меня возникают какие-то смутные надежды.

Сейчас я в Москве, дела меня удерживают до конца следующей недели. Потом я собирался по делам Института народ[ного] образования, приехать на несколько дней в Петроград. Но это – не наверно, и теперь я поставлю поездку в связь с тем ответом, который надеюсь получить от Вас.

Из русских словесников в Петр[оградском] У[ниверситете]те у меня никого не осталось (не знаю, С.А. Адрианов в Петрограде ли). Я написал Д.К. Петрову, но ответа пока не получил.

Не откажите написать мне по адресу: Москва, Смоленский бульвар, Глазовский переул[ок], 5, кв[артира] 16 (кв[арти]ра П.Н. Сакулина¹).

Прошу передать мой привет Вашей семье.

Преданный Вам

Н. Пиксанов.

1.X.1920.

Извиняюсь за торопливость письма; пишу в чужих людях.

Н. П[иксанов].

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 11–12 об.

¹ Сакулин Павел Никитич (1868–1930), литературовед, академик АН СССР (1929), профессор Московского университета (1902–1911, 1917–1930).

8.

[9 октября 1920, Москва]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Только что получил Ваше открытое письмо. Сердечно благодарю за скорый ответ. Ваше известие, что в Унив[ерсите]те поставлена моя кандидатура, было для меня неожиданностью, т[а]к к[а]к на днях, я получил ответное письмо Д.К. Петрова, где он сообщает, что выдвинуты кандидатуры Н.А. Котляревского¹ и В.М. Истрина², что в факультете существует тенденция никаких новых кандидатур не представлять на утверждение и что моя кандидатура почти безнадежна.

Дмитрию Константиновичу я писал, что не мыслю своего возвращения в Петр[оградский] У[ниверсите]т иначе, как при совершенно благожелательном отношении ко мне со стороны факультета (теперь, кажется, очень многолюдного) и особенно – филологического отделения. Вступить в коллегии в результате больших споров и борьбы я бы отказался.

Мне уже 42 года, и я дорожу тем, чтобы мою кандидатуру оценили только по моей действительной научно-педагогической стоимости. Прекрасно понимаю, что внешних доказательств моей научной работы меньше, чем хотелось бы – и чем – то знают в Петрограде. Но все же, при всей своей медлительности, я кое-что сделал в Саратове за эти тяжелые годы: 1) «Тургенев и его время»³ – 5 печ[атных] листов (принято к печати изд[ательство]м «Мир» в М[оскве] и лежит там два года); 2) «Два века»⁴ – 7 лл. (принято изд[ательство]м Думнова-Кушнерева в М[оскве] – с той же судьбой) – обе книжки типа моей кн[иги] «Три эпохи»⁵; 3) «Грибоедовский сборник» – 30 лл. (принято к печати Театрал[ьным] Отд[елом] Наркомпро-са); 4) «Горе от ума для деятелей театра»⁶ – 20 лл. (принято Тео); 5) «Турге-

невский сборник» – 25–30 лл. (веду переговоры с Государст[венным] издательством). Под моей редакцией подготовлены моими саратов[скими] ученицами два сборника: по Гончарову и по Гл[ебу] Успенскому⁷ (веду в М[оскве] переговоры о принятии в печать Литерат[ературным] Отд[елом] Н[ародного] К[омиссариата] Пр[освещения]). Но главное – этим летом я закончил свою диссертацию «Творческая история Горя от ума» – 22–24 печат[ных] листа; хлопочу в М[оскве] о её напечатании.

Мне очень хотелось бы приехать в Петроград – по многим причинам, и, конечно, я понимаю всю полновесность Вашего совета о приезде. Но лично хлопотать и добиваться чего-либо для себя в У[ниверсите]те просто не могу душевно. К тому же нелегко вырваться из Москвы в самые ближайшие дни: на мне лежат обязательства хлопотать по саратов[ским] делам, да и пропуск получу не раньше нескольких дней. Поэтому спешу написать Вам.

Раньше среды или четверга выехать не удастся.

Но что бы ни было впереди, я сердечно благодарен Вам за отзывчивость и известие.

Мой привет Надежде Николаевне и всей семье.

Преданный Вам

Н. Пиксанов.

Суббота

9. X. 1920.

Москва, Смоленский бульвар,
Глазовский пер[еулок], 5, кв[ртира] 16.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 13 – 14 об.

¹ Котляревский Нестор Александрович (1863–1925), литературовед, литературный критик, публицист, академик Петербургской АН (1909).

² Истрин Василий Михайлович (1865–1937), литературовед, академик Петербургской АН (1907), профессор Новороссийского (Одесского) университета (1897–1907).

³ Возможно, имеется в виду публикация: Пиксанов Н.К. История «Призраков» // Тургенев и его время / под ред. Н.Л. Бродского. М.; Пг., 1923. С. 164–193.

⁴ См.: Пиксанов, Н.К. Два века русской литературы, М.; Пг., 1923 (изд. 2-е, М., 1924).

⁵ См.: Пиксанов, Н.К. Семинарий по новой русской литературе. Три эпохи: екатерининская, александровская, николаевская. СПб., 1912 (изд. 2-е, перераб. СПб., 1913).

⁶ Дальнейшую судьбу указанной работы выяснить не удалось.

⁷ Имеются в виду творческие работы, выполненные под руководством Н.К. Пиксанова его ученицами по Саратовскому университету: Н.М. Чернышевской «Хронология и библиография писем И.А. Гончарова» и Р.П. Маториной «Хронология произведений и писем Г.И. Успенского» (см.: Саратовский университет. 1909–1959. С. 125).

[8 ноября 1920 г., Москва]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Я уже не смогу перед отъездом лично встретиться с Вами. Поэтому письменно ещё раз благодарю Надежду Николаевну за радужное гостеприимство, а Вас – за живое участие в моих делах.

Я дважды был в Ком[иссариате] нар[одного] прос[в]е[щения], но не застал ни Сильвина¹, ни Рьдника². Однако, декрет об отнятии у высш[их] учеб[ных] заведений права непосредственного избрания профессоров, действительно существует и уже известен университетской администрации и многим профессорам. В пятницу собиралась предметная комиссия университетских словесников (были Адрианов³, Ильинский, Истрина⁴, но отсутствовали Никольский⁵ и Абрамович⁶), и там уже ссылались на этот декрет и сочли невозможным настаивать на приглашении меня, раз в силу нового декрета тормозится утверждение академ[ика] Карского⁷. В субботу состоялось заседание филологич[еского] отделения; и здесь ссылались на декрет как на тормоз к приглашению новых профессоров. Для меня очевидно, что он усиливает общее тугое настроение факультета, и моя кандидатура выдвигается в неблагоприятное время. Впрочем, считаю, что с декретом «образуется» довольно скоро, и Наркомпрос будет охотно утверждать рекомендуемых факультетом кандидатов (право предоставлять ГУС⁸ таковых предусмотрено декретом). Но для этого необходимо более активное настроение отделения и факультета, – чего не чувствуется...

Петроград очень привлекателен, – с этим впечатлением я уезжаю и не хочу скрывать, что неблагоприятное переплетение обстоятельств меня огорчило. Но нисколько не раскаиваюсь, что внял Вашему зову и приезжал сюда. Встретился с крупными людьми, испытал большую благожелательность, хорошо поработал, – этого довольно.

Никоим образом не стремился форсировать свою кандидатуру, хотя и были к тому поощрения и способы. Готов во всем эпизоде усматривать вызов к усилению своей научной и педагогической деятельности, что и для меня самое желанное, и для университетских кругов самое убедительное. Хочу надеяться, что многое неблагоприятное саратовское, все-таки не помешает такой деятельности.

Привет всей Вашей дружной и крепкой семье.

Преданный Вам

Н. Пиксанов.

8. XI. 1920.

Адрес: Саратов, Приютская, 45, И[нститут] Н[ародного] О[бразования].

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 15–16 об.

¹ Сильвин Михаил Александрович (1874–1955), участник революционного движения в России. После 1917 г. работал в различных советских учреждениях, с 1931 г. на преподавательской работе.

² Установить личность не удалось.

³ Адрианов Сергей Александрович (1871–1942), литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик.

⁴ Истрина Евгения Самсоновна (1883–1957), языковед, член-корреспондент АН СССР (1943).

⁵ Никольский Николай Васильевич (1878–1961), историк, профессор Казанского университета (1918–1922).

⁶ Абрамович Дмитрий Иванович (1873–1955), филолог-славист, палеограф, источниковед, член-корреспондент АН СССР (1921).

⁷ Карский Евфимий (Ефим) Федорович (1860–1931), филолог-славист, палеограф, этнограф, академик АН СССР (1925; Петербургской – с 1916 и Российской – с 1917).

⁸ *Государственный учёный совет* (ГУС, 1919–1932) – руководящий научно-методический центр НКП РСФСР, утверждавший учебные планы, программы и учебные пособия для начальной, средней и высшей школ, а также профессорско-преподавательский состав вузов.

10.

[21 декабря 1920 г., Саратов]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Люция Ивановна Буткевич¹, едущая в Петроград, помимо устройства своих собственных дел, надеется еще выручить книги покойного своего мужа² от его брата Евгения Феодосьевича³. Это столько же в интересах Саратов[ского] Инст[иту]та Народ[ного] Образования, куда книги должны быть переданы, сколько и в интересах Люции Ивановны, к[ото]рой И[нститу]т, в случае получения книг, выплатит и их стоимость современную, и командировочные деньги.

Но мы с Сергеем Н[иколаевичем] Черновым как-то плохо надеемся, что Люция Ивановна сама и одна сумеет отобрать книги у Буткевича. Поэтому решаюсь просить Вашего содействия. Если только для Вас возможно и незатруднительно, окажите, глубокоуважаемый Сергей Федорович, свое властное давление на Евгения Феодосьевича Б[уткеви]ча⁴. Дело надо ставить так, что книги покойного Константина Феодосьевича, безвозмездно переходят в Саратов[ский] ИНО, – в признательность, что ИНО оказал поддержку покойному, и что вдова не имеет от этого никакой корысти.

Если книги удастся получить, то в помощь Люции Ивановне я рассчитываю привлечь, для упаковки и транспортирования в Саратов, слугителя Вашего Архива на Миллионной⁵, А.В. Здзиницкого⁶, который является моим и институтским экспедитором. Его мне указал Я.Л. Барсков⁷.

Он может взять на себя перевозку книг от Е.Ф. Буткевича и посылку их в Саратов или почтой, или по желез[ной] дороге.

Не доверяя почте, посылаю с Люцией Ивановной письмо для П.А. Горчинского – в надежде, что он зайдет как-нибудь к Вам и получит письмо, – или Ваш сын при случае не откажет передать письмо Горчинским. Оно не имеет срочности.

Простите, что беспокою Вас своими просьбами.

Надеюсь, что Вы и вся Ваша семья здоровы и благополучны.

Сам я только десять дней назад начал свое академич[еское] преподавание: после двухнедельного пребывания в Москве приехал в Саратов крайне утомленный, простудился и пролежал целую неделю. Тем с большим увлечением читаю лекции о к[ото]рых наскучался в поездке. Зато без малейшего увлечения возвращаюсь к административной деятельности по Институту и к заседаниям факультета, где по-прежнему мелкие дразги.

С нетерпением жду и ищу возможности печатать свою диссертацию о «Горе от ума»⁸.

В Саратове только что получено известие, что М.Н. Покровский⁹ ушел из Наркомпроса. Надеемся, что от этого будет легче университетам и что, в частности, потеряет остроту выдуманный им декрет о назначении новых профессоров через ГУС.

Прошу передать мой привет Надежде Николаевне и всей семье.
Преданный Вам

Н. Пиксанов.

21.XII.1920.

Приютская, 45.

Институт Народ[ного] Образования.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 17–18 об.

¹ Буткевич Люция Ивановна, жена К.Ф. Буткевича.

² Буткевич Константин Феодосиевич (?–1920), сотрудник Саратовского института народного образования.

³ Буткевич Евгений Феодосиевич, брат К.Ф. Буткевича.

⁴ Аналогичная просьба была озвучена также и С.Н. Черновым в его письме к С.Ф. Платонову от 21 декабря 1920 г.: «Обращаюсь к Вам с просьбою: помогите, пожалуйста, своим воздействием на Е.Ф. Буткевича Люции Ивановне получить книги К[онстантина] Ф[еодосиевича] для Саратовского Института Народного Образования. Дело было мною в сентябре налажено и оставлено для исполнения Когану и поступившему на службу в Институт по книжной части Ив[ану] Сп[иридоновичу] Абрамову. Первый приехал сюда, не сделав ничего, второй прислал отказ от работы. <...> Собираюсь сам ехать на рождество в Москву и Петроград, чтобы к чему-нибудь привести дела, да боюсь, что не выберусь отсюда. Если мне удастся приехать, конечно, я разделю мьгтарства Л[юции] Ив[ановны], но я едва ли приеду, – а потому и прошу Вас выручить своим словом Л[юцию] Ив[ановну] в эту трудную минуту, которая у нее почти наверное

будет». И далее, не будучи абсолютно уверенным в порядочности и чистоплотности Е.Ф. Буткевича, предостерегал: «...Имея дело со мною Е[вгений] Ф[еодосиевич] очень свободно причислял к своим и общесемейным книги К[онстантина] Ф[еодосиевича]. Вероятно, при Л[юции] Ив[ановне] это – по крайней мере в некоторых отношениях – не будет ему так легко делать. Может быть, Вы сочтете возможным поддержать Л[юцию] Ив[ановну] и здесь?» (Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову. 1915–1922 гг. / вст. статья, публ. и коммент. Т.В. Андреевой и В.А. Соломонова // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2008. Вып. 4. С. 562–563).

⁵ Имеется в виду Петроградское отделение Главархива, заведующим которого в 1918–1923 гг. был С.Ф. Платонов.

⁶ Установить личность не удалось.

⁷ Барсков Яков Лазаревич (1863–1937), историк русской литературы XVIII в., педагог.

⁸ См.: Письмо № 6, коммент. 2.

⁹ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк-марксист, академик АН СССР (1929). С мая 1918 г. до конца жизни – заместитель наркома просвещения РСФСР. Один из инициаторов создания и руководитель Социалистической академии (1918), Государственного ученого совета (1919), Института красной профессуры (1921).

11.

[22 января 1927 г., Москва]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Я осведомился, что в Толстовском Музее¹ расширяется штат научных работников. Ходатайствую перед Вами о поддержке кандидатуры моей ученицы по Бестуж[евским] В[ысшим] Ж[енским] Курсам² и по Москве, Екатерины Васильевны Базилевской³. Она получила отличное общее образование, владеет языками, прекрасно знает русскую литературу 50–80 годов, много изучала Некрасова и его время, опытна в чтении и транскрипции литерат[урных] автографов. Я ручаюсь за её добросовестность в работе и полезность на службе в научно-литерат[урных] учреждениях.

Помощь ей я почел бы личным мне одолжением.

Прошу передать привет Надежде Николаевне и всей Вашей семье.

С приветом

Н. Пиксанов.

22/1 1927.

М[осква], Кропоткинский переул[ок], 25, кв[ртира] 31.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 19.

¹ Государственный музей Л.Н. Толстого (Толстовский Музей, 1911–1939) – один из старейших литературных музеев России.

² Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918) – одно из первых женских высших учебных заведений в России.

³ Базилевская Екатерина Васильевна (1892-1942), литературовед. Специалист в области изучения творчества Н.А. Некрасова. С 1934 г. работала в Архиве АН СССР сначала в должности научного сотрудника первого разряда, а с 1935 г. – ученого архивиста.

Приложение 1

Письмо Н.К. Пиксанова И.А. Шляпкину¹⁰

[20 ноября 1917 г., Саратов]

Глубокоуважаемый Илья Александрович,

Хотя и с большим запозданием, но я получил Ваше письмо от 24.X. Сердечно благодарю Вас за добрые, теплые слова обо мне и моем новом назначении. Приложу старания оправдать их на деле.

Что касается Вашего намерения воспользоваться своей библиотекой для научных трудов, то могу только горячо Вам в этом сочувствовать. Помните, и на Вашем последнем юбилее я высказал пожелание и уверенность, что Вы еще многое должны бы дать нам в обработке собранных Вами богатых материалов. Не семь, а трижды семь лет желаю Вам здравствовать и трудиться над изучением родной литературы. Само собою разумеется, что все книги и рукописи, нужные Вам для работы, должны быть у Вас в руках, как только явится возможность спокойно работать, – это Ваше законное, можно сказать – священное право. Но в Вашем письме я не совсем понял один пункт. Вы пишете, что «упоаете вывезти после эпохи смуты и лихолетья обратно» из Саратова то, что Вам нужнее, т. е. материалы по русской литературе. Но затем говорите, что по русской литературе посылаете в Саратов «лишь отдельные мелочи, а не все». Стало быть, многое – и самое ценное – остается в Белоострове? Если да, я решаюсь отговаривать Вас от этого. «Лихолетье», по общему убеждению, затянется надолго. С Финляндией предстоят всякие осложнения, и в Белоострове Вашему собранию, чего не дай Бог, может угрожать большая опасность. Здесь же, в Саратов[овском] У[ниверсите]те, прекрасные, безопасные помещения для библиотеки (ведь сюда перевезено и Рукописное Отдел[ение] Акад[емии] Н[аук]), и Ваши коллекции сохранились бы наилучшим образом. Мы приняли бы здесь всю Вашу библиотеку, зарегистрировали бы все ее содержимое (у нас есть особый, опытный библиотекарь по нашему

¹⁰ Письмо отправлено из Саратова с оказией. На конверте, не имеющем почтовых отметок, написано: «Профессору Илье Александровичу Шляпкину».

факультету), расставили бы по полкам, а потом, когда понадобилось бы Вам, выслали бы все, что укажете. С другой стороны, за время, пока продолжается смута в Петрограде, мы могли бы пользоваться для преподавания книгами по русской литературе из Вашей библиотеки, т[а]к к[а]к здесь в них острая нужда и отсутствие книжного фонда тормозит работу. Разумеется, все, что из Вашего рукописного собрания Вы нашли бы не подлежащим оглашению, даже изучению, – осталось бы недоступным никому.

Впрочем, Вам на месте виднее, насколько велика опасность в Белоострове. Мои же слова продиктованы исключительно горячим желанием, чтобы Ваше прекрасное собрание сохранилось в наибольшей неприкосновенности и наилучше послужило делу просвещения.

Примите мой сердечный привет и лучшие пожелания.
Преданный Вам

Н. Пиксанов.

20. XI. [1]917.

Саратов, Вольская, 58, д[ом] Красулиной.

ОР РНБ. Ф. 865 (И.А. Шляпкин). Д. 233. Л. 1–3.

Приложение 2

Письма Н.К. Пиксанова к П.А. Горчинскому (1917–1918 г., Саратов–Петроград)

1

[25 февраля (10 марта) 1918 г., Саратов]¹¹

Многоуважаемый Петр Антонович,

Уведомляю Вас, что до сих пор я не получил от Вас ответа на мои письма, хотя и писал Вам несколько раз. <...> Очень прошу Вас: по адресу на Университет, секретарю ист[орико]-фил[ологического] ф[акультета], проф[ессору] Н.К. Пиксанову – выслать официальный отчет о всех Ваших хлопотах по собиранию книг для нашей библиотеки и по сбору библиотеки Шляпкина и еще доверенность на мое имя для получения из Прав-

¹¹ Письмо отправлено из Саратова с оказией без конверта. На обороте последней страницы имеется надпись: «Петру Антоновичу Горчинскому. В[асильевский] О[стров], 9 линия, д[ом], 48, кв[ртира] 23».

ления Саратов[ского] Университета двухсот рублей, помеченную концом декабря (я деньги получил на свою ответственность).

Готов к услугам

Н. Пиксанов.

25. II (10. III). 1918.

Вольская, 58, д[ом] Красулиной.

ОР РНБ. Ф. 213 (П.А. Горчинский). Д. 63. Л. 7-7 об.

2

[2 мая 1918 г., Саратов]

Многоуважаемый Петр Антонович,

Месяца два, даже три тому назад я посылал Вам письмо в заказном пакете на имя моих родственников, чтобы они лично передали письмо Вам. Но пакет, очевидно, не дошел по назначению. Между тем нам здесь очень важно получить от Вас ответ. Во-первых, факультет так и не имеет от Вас официальных сведений, что именно Вами сделано по собиранию книг и сношениями с разными учреждениями относительно пожертвования книг, периодич[еских] изданий и дублетов. Очень прошу Вас по получении сего письма прислать на имя декана ист[орико]-фил[ологического] фак[ульте]та Саратов[овского] Унив[ерситета]¹² такие сведения, с указанием приобретенных книг, со списком учреждений, к к[ото]рым Вы послали циркуляры и проч[ее]. Затем: с прив[ат]-доц[ентом] Г.П. Федотовым¹³ я послал Вам двести рублей, как гонорар за два месяца. До сих пор я не имею от Вас известия, получили ли Вы эти деньги. Между тем мне выдали их из Университета под мою ответственность, и я очень прошу Вас прислать на мое имя доверенность на получение двухсот рублей из Правления Саратов[овского] Унив[ерсите]та, помеченную концом декабря*.

Наконец: с открытием навигации является возможность переслать в Саратов библиотеки Шляпкина и бр[атьев] Барсуковых¹⁴ и

¹² Франк Семен Людвигович (1877–1950), философ, религиозный мыслитель, профессор (1917–1921) и декан историко-филологического факультета (1917–1918) Саратовского университета.

¹³ Федотов Георгий Петрович (1886–1951), историк, историософ, философ, профессор Саратовского университета (1920–1922).

* Само Правление посылало Вам сверх того еще гонорар по 1-ое января, если не ошибаюсь. Получили ли Вы его? – *Примеч. Н.К. Пиксанова.*

¹⁴ Речь идет о доставке в Саратов приобретенного в Петрограде у С.Т. Филиппова за 10 тысяч рублей книжного собрания братьев-историков Н.П. и А.П. Барсуковых (Подр. см.: *Грозевская, А.Н. Указ. соч. С. 68–81.*)

другие коллекции. Естественно, Вы самый близкий к этому делу человек. Поэтому дайте нам знать о себе и о том, как, по петроградским обстоятельствам, всего удобнее было бы организовать транспорт книг.

Как здоровье Ильи Александровича? Давно как-то я писал ему, – что всего лучше было бы переслать в Саратов всю его библиотеку и весь архив; на границе Финляндии держать их просто неблагоприятно^{**}. Но ответа я не получил: может быть, и мое письмо не дошло до него.

Итак, жду от Вас скорого и подробного ответа.

Готовый к услугам

Н. Пиксанов.

2 мая 1918.

Саратов, Вольская ул[ица], 58 (д[ом] Красулиной).

P. S. Одновременно я телеграфирую Вам, т[а]к к[а]к дела спешны.

ОР РНБ. Ф. 213 (П.А. Горчинский). Д. 63. Л. 8–9.

3

[3 мая 1918 г., Саратов]

Многоуважаемый Петр Антонович,

Наша с Вами переписка сложилась так неудачно, что я боюсь, как бы письмо не пропало на почте так же, как предыдущие мои (и, кажется, Ваши ко мне?). Поэтому пишу еще раз. С меня в Университете требуют Вашу доверенность, на покрытие выданных мне и мною Вам пересланных с г[осподином] Федотовым 200 рублей^{***}. Прошу Вас написать Доверенность приблизительно такого содержания: Сим доверяю профессору Ник[олаю] Кири[аковичу] Пиксанову получить из Правления Саратовского У[ниверсите]та мой гонорар за труды по собиранию книг и укладке библиотеки проф[ессора] Шляпкина в размере двухсот рублей. 20 декабря 1917 г. Горчинский. NB¹⁵: подпись

Барсуковы, братья: Николай Платонович (1838–1906), археограф, библиограф, историк, член Археографической комиссии (с 1863), заведующий архивом Министерства народного просвещения (с 1883); Александр Платонович (1839–1914), археограф, историк, член Археографической комиссии (1883–1909).

^{**} А мы отсюда переслали бы ему все, что он только потребует. – *Примеч. Н.К. Пиксанова.*

^{***} Я взял деньги, чтобы через г<осподина> Федотова поскорее Вам их переслать; почта тогда плохо действовала. – *Примеч. Н.К. Пиксанова.*

¹⁵ *Nota bene*, NB (лат.) – возьми на заметку, обрати внимание.

следует засвидетельствовать (или ее засвидетельствует здесь декан С.Л. Франк¹⁶, если Вас это затруднит в Петрограде).

Еще раз прошу возобновить Ваши хлопоты по собиранию книг и подготовки их транспортирования в Саратов, о чем буду ждать Вашего письма.

С приветом

Н. Пиксанов.

3. V. 1[918].

Саратов, Вольская, 58.

ОР РНБ. Ф. 213 (П.А. Горчинский). Д. 63. Л. 10–10 об.

4

[25 мая 1918 г., Саратов]¹⁷

Пришлите доверенность на двести рублей Пиксанов.

ОР РНБ. Ф. 213 (П.А. Горчинский). Д. 63. Л. 11.

5

[8 сентября 1918 г., Саратов]

Многоуважаемый Петр Антонович,

Как нам пишет сюда проф[ессор] В.М. Жирмунский, библиотека и собрание рукописей покойного И.А. Шляпкина почти готовы к отправлению в Саратов. С ними, конечно, поедут и другие книги, собранные Вами, М.И. Кудряшовым¹⁸ и др[угими] для нашего факультета. <...>

Готовый к услугам,

Н. Пиксанов.

8. IX. [1]918.

Саратов, Приютская, Учительский Институт.

ОР РНБ. Ф. 213 (П.А. Горчинский). Д. 63. Л. 12–13.

¹⁶ См.: Письмо Н.К. Пиксанова П.А. Горчинскому от 2 мая 1918 г. Комментар. 6.

¹⁷ Телеграфный текст на почтовом бланке.

¹⁸ Кудряшов Михаил Иванович (1868–1938), филолог, литератор, переводчик, директор библиотеки Петербургского (Петроградского) университета (1909–1918).

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)072.5+929Наполеон

«ОН ПЁР КАК ТАНК» (о книге Алексея Щербакова «Наполеон»)¹

Н.А. Троицкий

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: nikolaytroitskiy@gmail.com

Рецензируется книга А. Щербакова «Наполеон. Как стать великим», написанная в историко-беллетристическом жанре с акцентом на психологию. Она имеет очевидные достоинства (ряд исторически верных оценок личности, жизни и деятельности Наполеона, уместно мотивированные параллели с современностью), но портят ее оплошности в изложении и трактовке фактов и нарочито простонародный, до грубости, слог.

Ключевые слова: Наполеон, Эмиль Людвиг, Кутузов, Россия, Бородино, 1812 год.

«HE PUSHED FORWARD LIKE A TANK» (about the book of Aleksey Sherbakov «Napoleon»)

N.A. Troitskiy

The book under review, «Napoleon. How to become great» by A. Sherbakov, is written in a historical – fictional style with an emphasis on psychology. It has obvious virtues (a number of historically accurate evaluations of Napoleon as a person, of his life and deeds, well – founded connections to modern times), but it is marred by negligence in the presentation and interpretation of facts and deliberately primitive, to the point of vulgarity, manner.

Key words: Napoleon, Emil Ludwig, Kutuzov, Russia, Borodino, 1812.

В несметном числе книг о Наполеоне появилась еще одна, которая не может остаться незамеченной по своей необычности. Собст-

¹ Щербаков, А. Наполеон. Как стать великим. СПб.; М., 2005. – 318 с.

венно, жанр ее не блещет оригинальностью. Вольно или невольно Алексей Щербаков копирует Эмиля Людвига – автора одной из лучших биографий Наполеона: и тот, и другой не вдаются в подробности деяний (военных ли, дипломатических и прочих) своего героя; для них он интересен как *человек*². Под стать Людвигу Щербаков излагает своего «Наполеона» без научного аппарата и если полемизирует (очень редко), то не с конкретными историками, ни один из которых не назван, а с абстрактными «мнениями». Необычны, во-первых, структура книги Щербакова (13 глав и 52 параграфа!) и, главное, чуждый историко-беллетристическому жанру, нарочито простонародный, местами почти блатной, шокирующий образованного читателя стиль изложения.

Книга не лишена очевидных достоинств. Отдельные наблюдения и выводы автора, молодого петербургского журналиста, сделали бы честь иным специалистам-историкам. Вопреки измышлениям советской официозной историографии (бытующим даже в учебниках) о том, что Наполеон стремился к мировому господству, а в 1812 г. ставил целью завоевать Россию³, Щербаков понимает: «Наполеон никогда не стремился к такой глупости, как “завоевание мира”, он ставил целью «завладеть в Европе “контрольным пакетом”» (С. 171), а в 1812 г. «намеревался дать России хорошую острастку» за несоблюдение условий Тильзитского договора 1807 г., «заставить Россию делать, что велют» (точнее было бы: *заставить ее выполнить* принятое на себя в Тильзите обязательство присоединиться к континентальной блокаде Англии); «но, конечно, вглубь России он лезть не собирался» (С. 237).

Именно континентальная блокада, наносившая вред экономике стран Европы, в значительной степени, по справедливому заключению Щербакова, обусловила «европейское восстание против Наполеона, которое разразилось после его поражения в России» (С. 231). Правомерно, в согласии с выводами самых авторитетных наполеоноведов (таких, как А. Вандаль и Ж. Тюлар, Е.В. Тарле и А.З. Маннфред), Щербаков выделяет образцовый не только для своего времени, но и вообще для всех времен подход Наполеона к военной службе («для него солдаты никогда не являлись безликой серой массой»; с. 112) и

² Ср.: *Людвиг, Э.* Наполеон. М., 1998. С. 574, 575; *Щербаков, А.* Указ. соч. С. 5 (далее страницы этого издания см. в тексте).

³ Ср.: *Бескровный, Л.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 116, 152; *Жилин, П.А.* Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 67, 72, 89; *Левандовский, А.А.* История России. XIX век. М., 2004. С. 49 и др.

к государственной («единственный критерий был – способность выполнить порученное дело»; с. 151).

К достоинствам книги можно отнести и частные (иногда парадоксальные) параллели с современностью. Так, говоря о враждебном отношении монархов Европы к Великой Французской революции XVIII в. («А вдруг этот кошмар и у нас начнется?»), он резонно заключает: «Такое же отношение у “великих держав” было и к большевикам в 20-е годы XX века» (С. 74). Парламентариев французской Директории Щербаков не без оснований сравнивает с нашими, нынешними: «во все времена у народных избранников за время сидения в парламентских креслах происходит какой-то перекокс в мозгах. Им в самом деле начинает казаться, что протирая штаны и почесывая языки, они занимаются большим и нужным делом» (С. 137). Тот факт, что Наполеон почему-то щадил в своем окружении пусть способных, но продажных сановников, не казнив даже явных иуд Ш.М. Тайлера и Ж. Фуше, наводит Щербакова на мысль: «Добрый был слишком. А зря. <...> Вот Сталин таких товарищей давил без пощады. Потому-то его никто победить не сумел» (С. 227). Вполне оправданы и две параллели с Б.Н. Ельциным. Первая: Наполеон никогда «не разрешал серьезные дела в пьяном виде и вообще, не был замечен в злоупотреблении спиртным, отличаясь тем от первого российского президента» (С. 101). Вторая параллель: «“Свобода слова” при Бурбонах – примерно такая же, как была у нас при Ельцине. То есть, можно писать все, что угодно, если это “все” – за президента» (С. 297).

Но, к сожалению, недостатков в книге Щербакова едва ли не больше, чем достоинств. Странно, что автор, признавая Наполеона «гениальным полководцем», все время подчеркивает, что Наполеон – «никудышный стратег», что он был напрочь лишен «стратегического мышления» (С. 16, 119, 166, 244). Это ведь все равно, что сказать о В.-А. Моцарте или П.И. Чайковском: он был великий композитор, но никудышный музыкант, вконец лишенный слуха.

Целый ряд оплошностей, унаследованных от официозно-советских историков (П.А. Жилина и К^о), коробит читателя – специалиста в тексте о Бородинском сражении. По Щербакову, французов при Бородине было 135 тыс. против 130 тыс. русских (С. 245). Давно доказано (по ведомостям сторон), что Наполеон имел к началу битвы 133,8 тыс. человек, а Кутузов – 154,8 (либо даже 157 тыс.)⁴.

⁴ См., напр.: Шведов, С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 134; Троицкий, Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 142.

По-жилински рассуждает Щербаков о том, что Наполеон при Бородине «основную свою задачу так и не решил» (С. 248), а гвардию не задействовал потому, что «уже не рассчитывал на победу» (С. 246, 247). В действительности Наполеон считал своей основной задачей выиграть сражение, взять Москву и там продиктовать Александру I условия мира. Поскольку он с боем *взял* все русские позиции (Бородино, Курганную высоту с батареей Раевского, Багратионовы флеши, д. Утица), заставил противника отступить и занял Москву, то был вправе считать, что «основную свою задачу» решил, хотя и не разгромил, не обратил в бегство (как при Аустерлице и Фридланде) русскую армию. Гвардию же он не пустил в ход, видя, что все позиции неприятеля в его руках и, стало быть, сражение выиграно и без гвардии⁵.

Наконец, ошибается Щербаков, утверждая, что «батарея Раевского переходила из рук в руки более десяти раз» (С. 246). На самом деле французы взяли ее со второй (или, по другим данным, с третьей) атаки.

Архаична à la Жилин и наивна версия Щербакова о московском пожаре 1812 г. как о «случайности» (С. 249). Поразительно, что он не знает специальных исследований, в которых доказано, что Москва была сожжена (2/3) по приказам М.И. Кутузова и Ф.В. Ростопчина, следовавших русскому правилу «не доставайся злодею!»⁶

А вот «миф про русские морозы» 1812 г. сочинен Щербаковым (в том смысле, что морозов тогда в России просто не было) вопреки неопровержимо доказанным фактам, включая подлинные записи очевидцев: первый по-настоящему зимний мороз сразу в 18^о ударил под Вязьмой еще в ночь на 3 ноября и далее, на пути отступления французов, как правило, зашкаливал за 20^о: 6 ноября – 22^о, 13-го – 23^о, с 5 по 10 декабря от Сморгони до Вильно – 25–28^{о7}. Вообще, зима 1812 г., как доказал академик М.А. Рыкачев, выдалась самой холодной за много десятилетий метеорологических наблюдений в России⁸. Можно ли после этого принять всерьез такую максиму Щербакова: «Пока Великая армия драпала из России, температура, в основном, была ВЫШЕ нуля» (С. 255. Слово «выше» выделено автором книги).

⁵ См.: Жомини, А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Т. 5. С. 348, 354.

⁶ См.: Холодковский, В.М. Наполеон ли поджег Москву? // ВИ. 1966. № 4; Троицкий, Н.А. Указ. соч. С. 189–195; Он же. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 211; Он же. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 217–223.

⁷ См.: Троицкий, Н.А. 1812. Великий год России... С. 271, 297.

⁸ Тр. МО ИРВИО. М., 1913. Т. 4, ч. 1. С. 50–51.

Столь же неосновательны суждения Щербакова об острове Святой Елены, где умер Наполеон, как о «милом зеленом островке с хорошим, здоровым климатом» (С. 313), а также следующий пассаж: «В последние 20 лет появились сообщения, что останки Наполеона исследовали и в костях нашли мышьяк. Только вот материалов этих исследований никто не видел» (С. 315). Во-первых, сообщения о таких исследования появляются не 20, а уже больше 40 лет, со времени выхода в свет книги С. Форсхувуда⁹. Во-вторых, исследовались не кости, а волосы Наполеона, три пряди которых сохранились у потомков тех, кто получил их, отъезжая с острова Святой Елены, в дар от императора. Эти исследования проведены токсикологами Шотландии и США с применением новейших методов и опубликованы в книгах Форсхувуда и Б. Вейдера, переведенные на все основные языки мира, включая русский¹⁰.

Кроме самого Наполеона, много в книге Щербакова домыслов и ошибок, относящихся к другим историческим личностям. По его словам, над М.И. Кутузовым (как и над Суворовым) «в русской армии смеялись как над чудаками» (С. 46). Многие считали Кутузова льстецом, интриганом, «хитрой лисой», «одноглазым сатиром», но чудачком – никто (до Алексея Щербакова) и никогда. Другое суждение Щербакова о Кутузове: «Кутузов при Шенграбене нанес одному из французских корпусов серьезное поражение» (С. 167), иллюстрирует поговорку «слышат звон, да не знают, где он». Под Шенграбеном 16 ноября 1805 г. отбивался от наступающих французов отряд П.И. Багратиона. Кутузов же нанес поражение корпусу Э.А. Мортье пятью днями ранее под Кремсом.

Если утверждение Щербакова о том, что Жозефина Бонапарт (первая жена Наполеона) «была весьма пустой особой» (С. 163), всего лишь спорно, то масса другой его информации о людях из окружения Наполеона оплошна. По Щербакову, Жозеф Бонапарт был «бельгийским королем» (С. 142), а в действительности неаполитанским и затем еще испанским. Щербаков пишет, что Наполеон никогда не пытался продвинуть Бертье в маршалы (С. 86). На деле Л.А. Бертье был *первым* удостоен звания маршала 19 мая 1804 года. Маршал Ж. Ланн представлен у Щербакова таким образом: «не прожил до 30 лет» (С. 84), «и даже не успел жениться» (С. 225). Все наоборот: Ланн прожил 40 лет, женился и вырастил сына, который, кстати, в 1858–1864 гг. был посланником Франции в Петербурге. О знаменитом генерале Ж.Б. Клебере Щербаков сообщает нам сле-

⁹ *Fotshufoud, S. Napoleon, a-t-il été empoisonné. P., 1961.*

¹⁰ Подр. об этом см.: *Вейдер, Б. Тайна смерти Наполеона. М., 2002.*

дующее: «Клебер кое-как держался (в Египте. – Н. Т.) до 1801 года. А потом все-таки вынужден был сдаться англичанам» (С. 127). В действительности Клебер был убит исламским фанатиком 14 июня 1800 г., так что ему не довелось ни «держаться» до 1801 г., ни сдаваться англичанам. Ряд имен в книге искажен или перепутан: сватался Наполеон не к Марии Павловне (С. 221, 222), а к двум другим сестрам Александра I – Екатерине и Анне; имя князя Талейрана – не Антуан (С. 132), а Шарль-Морис; советником Александра I на Венском конгрессе был корсиканец Ш.А. Поццо ди Борго, а не Поццо дель Порто (С. 282).

Но все-таки больше всего портит книгу А. Щербакова игриво-упрощенный язык. Вот как он пишет о Наполеоне: «Не такой он был человек, чтобы задницу кому-то лизать» (С. 34); «он пёр, как танк» (С. 69, 218); «кампанию по втюхиванию “дезы” Наполеон провел блестяще» (С. 167); «дальше дела пошли хреново» (С. 118); «он пустил псу под хвост свою военную карьеру – взамен получил шиш с маслом» (С. 39). Сен-Жан д’Акр у Щербакова – «вшивенькая крепость» (С. 122); П.Ф. Баррас – «сволочь» (С. 56). Даже иные параграфы озаглавлены столь же вульгарно: «Пожар в бардаке» (С. 24), «Фортуна показала фигу» (С. 307). Вероятно, для форсу названия некоторых параграфов заимствованы из советских и даже красноармейских песен: «Этих дней не смолкнет слава» (С. 79), «И с победой возвращались...» (С. 102).

В общем, «Наполеон» Алексея Щербакова получился, конечно же, несоизмеримо слабее «Наполеона» Эмиля Людвиг, но явно лучше другого из новейших «Наполеонов», автор которого – Сергей Нечаев. Последний издал в том же 2005 г. свой опус, переполненный домыслами и побасенками, под амбициозной шапкой «Подлинная история Наполеона» с еще более амбициозным подшапником «Развенчание героя». «Развенчивает» же он героя, опираясь в основном на мемуары маршала О.-Ф. Мармона (герцога Рагузского), изменившего Наполеону и Франции и тем самым запятнавшего себя так, что от его титула родилось в языке парижан словцо «raguser» как «синоним подлого предательства»¹¹.

Читателю невзыскательному и малосведущему книга А. Щербакова вполне может понравиться. Но даже если она рассчитана на такого читателя (не говоря уже о специалистах), все равно автор не был вправе допускать такой массы ошибок – и оценочных, и, главное, фактических.

¹¹ Черкасов, П.П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 318.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арутюнян Акоп Жораевич, доцент кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета.

Васильченко Максим Анатольевич, студент 5-го курса ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева ГУ-ВШЭ.

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Касович Александр Андреевич, студент 5-го курса ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Ким Игорь Константинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и права Волгоградского государственного педагогического университета.

Луконин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Маркс Богуслав Пётр, Салезианская высшая школа экономики и управления в Лодзи (Польша).

Ожегова Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории и этноконфессиональных отношений Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина.

Посадский Антон Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и этноконфессиональных отношений Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина.

Соломонов Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Стародубова Олеся Юрьевна, старший преподаватель кафедры истории России исторического факультета Магнитогорского государственного университета.

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Троицкий Николай Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Цихорацкий Пётр, доктор Вроцлавского университета (Польша).

Шаталова Ольга Фёдоровна, аспирант кафедры этнологии Белорусского государственного университета.

Шистеров Максим Валерьевич, старший преподаватель кафедры всеобщей истории исторического факультета Уральского государственного педагогического университета.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ* – Археографический ежегодник (Москва).
- Архив ОБТА* – Архив Международной гуманитарной школы Центра исследований античной традиции при Варшавском университете (Польша).
- АрхЭ-Смоленчук* – Архив экспедиций профессора академического департамента истории Европейского гуманитарного университета А.Ф. Смоленчука (Вильнюс, Литва).
- АЭС* – атомная электростанция.
- БССР* – Белорусская Советская Социалистическая Республика.
- Вестн. ЧелГУ* – Вестник Челябинского государственного университета.
- ВИ* – Вопросы истории (Москва).
- ВИИП* – Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов.
- ВМА* – Военно-медицинская академия.
- ВМФ* – Военно-морской флот.
- ГАСО* – Государственный архив Саратовской области.
- ГИЗ* – Государственное издательство.
- ГУ-ВШЭ* – Государственный университет – Высшая школа экономики (Москва).
- ГУЛАГ* – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения.
- ДАВН* – Доклады Академии военных наук.
- ИЖ* – Исторический журнал (Москва).
- Изв. АН СССР. Отд. техн. наук* – Известия Академии наук СССР. Отделение технических наук (Москва).
- ИИиМО* – Институт истории и международных отношений СГУ.
- ИНО* – Институт народного образования (Саратов).
- ИРЛИ* – Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
- КГБ* – Комитет Государственной Безопасности.
- КГУ* – Казанский государственный университет.
- ЛВУ* – Подзинское воеводское управление.
- МА* – Музыкальная академия (Москва).
- МВД* – Министерство внутренних дел.
- МГУ* – Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова.
- НАРТ* – Национальный архив Республики Татарстан.
- НГ* – Независимая газета (Москва).

НиНИ – Новая и новейшая история (Москва).
НКВД – Народный Комиссариат Внутренних Дел.
НЛО – Новое литературное обозрение (Москва).
НРС – Новое русское слово (Нью-Йорк, США).
ОЗ – Отечественные записки (Москва).
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
ОР СПбГК – Отдел рукописей Санкт-Петербургской государственной консерватории.
ОРРК НБ КГУ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского КГУ.
ППС – Польская социалистическая партия.
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГАСПИ – Российский государственный архив современной политической истории (Москва).
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РЛ – Русская литература (Москва).
РО РИИИ – Рукописный отдел Российского института истории искусств (Санкт-Петербург).
РС – Русская старина (Санкт-Петербург).
РФ – Российская Федерация.
СГУ – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
СМ – Советская музыка (Москва).
СНГ – Содружество Независимых Государств.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия.
США – Соединенные Штаты Америки.
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея (Москва).
Тр. МО ИРВИО – Труды Московского отдела Императорского Русского военно-исторического общества.
Тр. НБ СГУ – Труды Научной библиотеки СГУ.
Учен. зап. ЛГУ – Ученые записки Ленинградского государственного университета.
ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства в Санкт-Петербурге.

ЦИК СССР – Центральный Исполнительный Комитет СССР.
ЭСК – Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах).

AAN – Archiwum Akt Nowych / Архив Новых Актов (Варшава, Польша).

APŁ – Archiwum Państwowe w Łodzi / Государственный архив в Лодзи (Польша).

Bmw – bez miejsca wydania / без места издания.

BZH – Białoruskie Zeszyty Historyczne / Белорусский исторический сборник (Белосток, Польша).

CAW – Centralne Archiwum Wojskowe / Центральный Военный Архив (Варшава, Польша).

DPPP – Dziennik Praw Państwa Polskiego / Газета законов Польского государства (Варшава, Польша).

PPS – Polska Partia Socjalistyczna / Польская социалистическая партия.

PRL – Polska Rzeczpospolita Ludowa / Польская Народная Республика.

UWŁ – Urząd Wojewódzki Łódzki / Лодзинское воеводское управление (Польша).

WUS – Wojewódzki Urząd Statystyczny w Łodzi / Воеводское статистическое управление в Лодзи (Польша).

ZSRR – Związek Socjalistycznych Republik Radzieckich / Союз Советских Социалистических Республик.

ГА – Гістарычны альманах / Исторический альманах (Гродно, Беларусь).

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 2

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *Д.Е. Луконин*

Редактор *Е.А. Митенёва*

Технический редактор *Л.В. Агальцова*

Корректор *А.Л. Шибанова*

Оригинал-макет подготовила *А.А. Мавлютова*

Обложку подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 16.12.2010. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Бук Антиква. Печать RISO.

Усл. печ. л. 15,81(17) Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 300 экз. Заказ 35.

Издательство Саратовского университета.

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Лаборатория инновационных образовательных ресурсов

ИИиМО СГУ

410012, Саратов, Астраханская, 83, 11 к.